

А.И. Кругов ♦ М.В. Нечитайлов

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ ИМАМАТА ГОРЦЕВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА 1829-1859

РАТНОЕ ДЕЛО

*Имам Шамиль.
Портрет кисти Э.А. Дмитриева-Мамонова. 1860 г. (ГТГ)*

РАТНОЕ ДЕЛО

---

*А.И. Кругов
М.В. Нечитайлов*

**ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ
ИМАМАТА
ГОРЦЕВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
(1829–1859 гг.)**

*О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут,
Пока не предстанет Небо с Землей на Страшный Господень суд.*

Р. Кишлинг

Москва • 2016

УДК 355(470.66/.67)(091)"1829/1859"

ББК 63.3(531)5-35+68.41(531)

К84

Кругов, А. И.

Вооруженные силы имамата горцев Северного Кавказа (1829–1859 гг.) / А. И. Кругов, М. В. Нечитайлов. – М. : Фонд «Русские Витязи», 2016. – 176 с. – (Ратное дело). – ISBN 978-5-9906037-3-8.

И. Нечитайлов, М. В.

Научный редактор серии: А.В. Малов.

Рецензент: доктор исторических наук, профессор
Марина Евгеньевна Колесникова (СКФУ).

В книге дается характеристика вооруженных сил имамата горцев Северного Кавказа (1829–1859 гг.). Опираясь на значительный массив источников, авторы рассматривают и традиционные, и подвергшиеся преобразованиям военные институты имамата, показывают, как осуществлялось руководство войсками, что представляла собой гвардия имама, наемные отряды, достигли ли успехов имамы в военных реформах, роль дезертиров и пленных российской армии, какие имелись награды и символы в армиях имамата. Книга обращена к широкой читательской аудитории: к преподавателям и студентам вузов, а также ко всем интересующимся военной историей Кавказа.

На обложке:

Десятник чеченского ополчения, имамат Шамиля, 1850-е гг. Рисунок Ю. Юрова.

ISBN 978-5-9906037-3-8

9 785990 603738 >

© Кругов А.И., Нечитайлов М.В., текст, примечания, схемы, подбор илл., 2016
© Юров Ю.М., рисунок на обложке, 2016
© Фонд «Русские Витязи», издание, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
1. Мюридизм	6
2. Армии первых двух имамов	9
3. Гвардия Шамиля.....	13
4. Первые опыты: начало преобразований Шамиля.....	18
5. Руководство войсками имамата	20
6. Ополчение	25
7. Мобилизация и снабжение войск	34
8. Недостатки ополчения	40
9. «Дружины» набов	42
10. Наемники муртазеки	44
11. Артиллерия	46
12. Пехота	56
13. Знаки различия и награды	59
14. Флаги.....	64
15. Организация и воинская дисциплина	68
16. Дезертиры и пленные в имамате.....	72
17. Мухаджиры	86
18. Наибы Шамиля у черкесов.....	92
19. Численность армий	95
20. Тактика	112
21. Осада и оборона укреплений.....	117
22. Военно-полевая медицина	126
23. Армия Шамиля последнего десятилетия войны	127
Военные преобразования Шамиля: итоги и результаты	132
Примечания	136

ВВЕДЕНИЕ

В период Кавказской войны на территории Дагестана и Чечни складывается своеобразное, военно-теократическое государство (прото-государство) кавказских горцев, радикально враждебное России, – *имамат*. Возникновение самобытной государственности горцев и ее религиозной идеологии, «*мюридизма*», были результатом деятельной борьбы с Россией, где объединяющую роль выполнял образ религиозной войны.

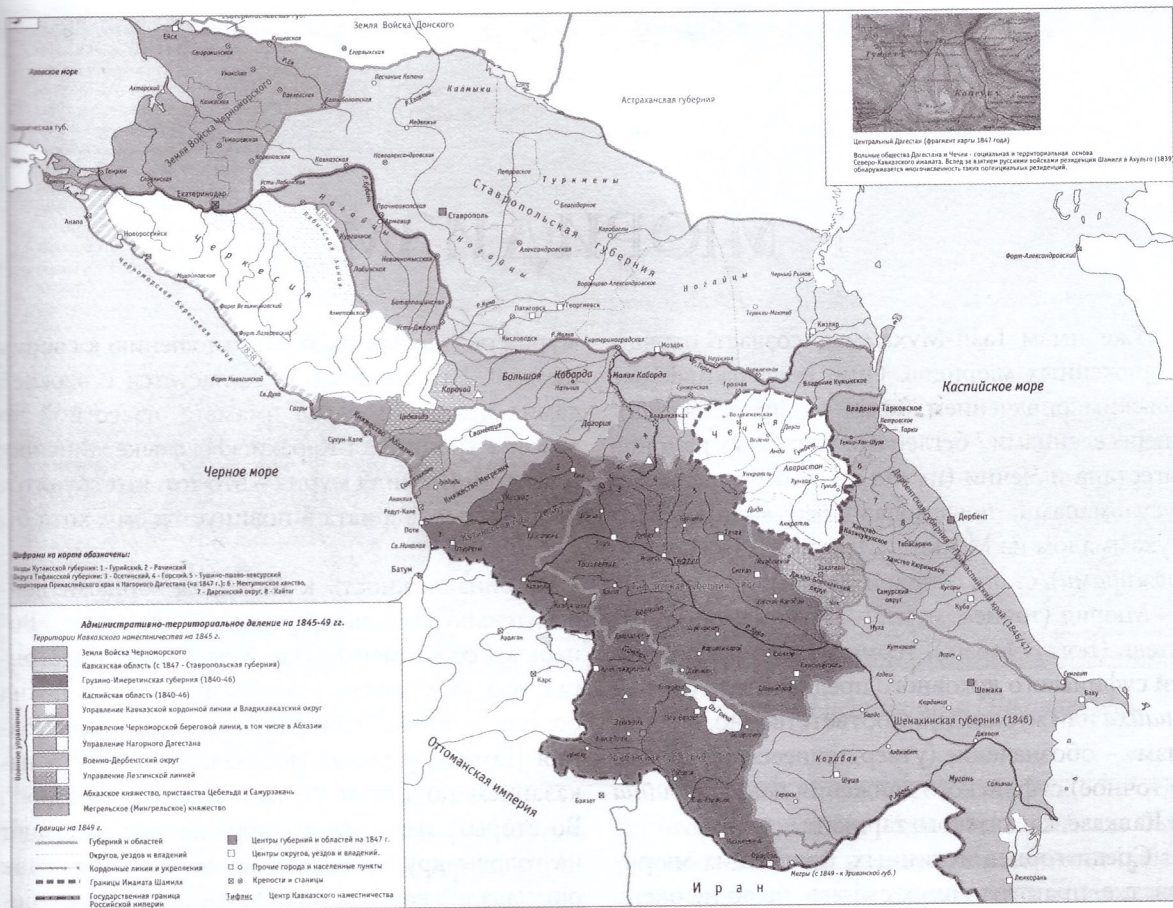
«Прочное основание» этому государственному образованию было положено первым имамом *Гази-Мухаммадом* (Кази-мулла; 1829–1832 гг.). Российское военное командование было ошеломлено его успехами, увидев в нем «сильного, упорного и храброго противника». Но становление государственного образования как такового было связано прежде всего с деятельностью третьего имама – *Шамиля* (Шамуил; 1834–1859 гг.), «спаявшего» горские племена «в одну компактную массу, принимающую незаметно начала какого-то калифатства». «С 1844-го года для нас наступила необходимость правильной войны», причем «можно сказать утвердительно, что мы не имели еще на Кавказе врага лютейшего и опаснейшего, как Шамиль». «Созданная Шамилем военно-теократическая община оказалась настолько сильной, что смогла в продолжение 24 лет вести упорную борьбу с культурным государством, имевшим на своей стороне численный перевес, совершенство военной техники и огромные материальные средства»¹.

Ситуация, сложившаяся в конце XX – начале XXI в. не только на Кавказе, в России, но и в мире, по-прежнему подогревает как научный, так и практический интерес к теме властных структур Дагестана и Чечни, заставляет обращаться к их происхождению. Однако, несмотря на обилие панегирических (или близких

Шамиль. Литография по рисунку В.Ф. Тимма. 1859 г.

к тому) характеристик Шамиля в русскоязычной (и западной) историографии, его личность и реформы все еще остаются недостаточно оцененными².

Между тем предмет особых забот и внимания верховного правителя *имамата* – исламского государства, созданного во имя религиозной войны, – всегда составляло военное устройство его державы. Армия являлась важнейшим институтом имамата. Идеальным материалом для нее послужило горское общество, само по себе организованное для войны. Но Шамиль, человек незаурядный, хорошо понимал, что для успешного ведения войны против столь сильного противника необходимо хотя бы отчасти перестроить систему ведения войны, создать социальную и материальную базу. Для этого требовалось объединить воедино разрозненные дагестанские общества, установить над ними управление, дать им общие законы. В итоге «мы имели теперь дело не с общества-

Административно-территориальное деление Кавказа в 1845–1849 гг.

ми, ничем не связанными между собою, сопротивлявшимися или покорявшимися отдельно, но с государством, самым воинственным и фанатическим, покорствующим перед властью, облеченною в непогрешимость, и располагающим несколькими десятками тысяч воинов, защищенных страшною местностью...»³. Только благодаря этому (а также, и в первую очередь, географическому фактору) имамат смог просуществовать на протяжении почти тридцати лет непрерывной войны против несравнимо превосходящей его по численности и боевой мощи армии Российской империи...

1. МЮРИДИЗМ

Уже имам Гази-Мухаммад создает отряды вооруженных мюридов. Они, поддерживаемые сельским ополчением (авар. *бо*, араб. *джайш*)⁴ и переселенцами / беглецами из разных районов Дагестана и Чечни (их, по аналогии с первыми мусульманами, последовавшими за пророком Мухаммадом из Мекки в Медину, называли *мухаджирами*), стали основой его армии.

Мюрид (точнее, *мурид*) – «соискатель», «искатель (Бога)» (араб.), термин для последователей суфийского духовного предводителя (*шейха / шайха* или *муришида*)⁵. Соответственно, «мюридизм» – обозначение (утвердившееся, но совсем не точное) суфийского движения *накибандийи* на Кавказе, кавказского тариката.

Среди горцев истинных, настоящих мюридов, т. е. практикующих суфиев, было не очень много⁶, а *шихов* (шейхов), во всем следовавших шариату, – еще меньше. Но последователями мюридов-суфиев являлись тысячи их подражателей, и каждый из них был уверен, что он и есть мюрид. «В свое время Шамиль всеми силами поддерживал это заблуждение и самообольщение кавказских горцев, и только при помощи подобной тактики составил против нас на долгое время сильную вооруженную армию»⁷, приспособив к реальным условиям войны организационную структуру суфийских братств, где мюрид был уже не послушником, а воином⁸. Основой существования имамата являлась идеология борьбы с «неверными». «Горцы-мюриды ничего не знали, кроме войны»⁹ и практически ни в каких суфийских религиозных обрядах не участвовали¹⁰.

Как отмечает М. Кемпер, в эпоху имамата термин «мюрид» использовался в первую очередь для характеристики всякого, кто является субъектом шариата и подчиняется исламскому законодательству, а также – просто каждого человека, поставившего себя по отношению к имаму в положение, подобное тому, которое суфийский

мурид обязан занимать по отношению к своему шейху¹¹. Это толкование согласуется с версией самих правящих слоев имамата, известной по глоссе в хронике ал-Карахи: «На языке живущих в области Шамиля мурид – это тот, кто трудится под властью шариата и повинуется ему, хотя бы внешне...»¹².

Принадлежность к мюридам горцами действительно демонстрировалась наглядно. Во-первых, со времен Гамзат-бека мюрид подстригал усы «в уровень с верхней губой» и носил бороду клином. «Нарушителю этого приказа [Гамзат] угрожал посадением в яму и наказанием по пятам 40 палочными ударами»¹³. Во-вторых, изначально мюриды «не надевают на головы других шапок, кроме чалмы», – так описывали войско Гази-Мухаммада Паху-бике и Нуцал-хан в письме генерал-лейтенанту Г.В. Розену (1830 г.)¹⁴. Открыто водрузив белую чалму или просто повязку поверх своей меховой шапки, горец тем самым объявлял о своей приверженности к мюридизму¹⁵.

Еще при Гамзат-беке подобная практика, вероятно, была не слишком распространена. При убийстве аварских ханов «среди самого пыла битвы, один аварский бек крикнул: “Изрубите Шамиля! он в белой чалме”...»¹⁶. В письме кади Чаранову (сел. Могох) Гамзат предписывал всем мужчинам носить чалму на папахе: «...Ты должен наказывать того, кто не обвязывает вокруг [шапки] полотнища [ткань], длина которого семь локтей, того, кто прикрепил кинжал на середине [живота]...»¹⁷. Цвет ткани, впрочем, не уточнялся. Сам второй имам, как говорили, носил «чалму серую, белую или черную, смотря по обстоятельствам и требованиям. Во время его въезда в Хунзах он был в черной чальме, потому что мусульманский пророк в день своего входа в Мекку тоже имел черную чальму»¹⁸.

Даже когда во второй половине 1830-х гг. белые чалмы стали отличительной чертой

Сцена из войны на Кавказе. Бой в горах. Рисунок великого князя Константина Николаевича, 22 декабря 1846 г. ГАРФ

мюридов, встречались исключения: «Но тот, увидев некоторых в шапках без чалмы, спросил вновь: “Но среди них есть наши люди, не мюриды?” Юнус сказал: “Они из наших рядов, ибо у нас мюрид тот, кто повинуется аллаху всевышнему и соблюдает его религию, а не тот, кто [только] носит чалму”¹⁹. Наконец в январе 1845 г. Шамиль *обязал* всех покорных ему мусульман носить на шапках повязки в виде чалмы²⁰. С точки зрения Шамиля, тюрбан (или его замену – кусок какой-либо материи, обернутый кругом шапки) «обязаны носить все добрые мусульмане, ревностно исполняющие предписания Сунната», но очень немногие разделяли его суждения²¹. В знак готовности умереть, сражаясь за Шамиля, мюриды распускали концы чалмы²². По словам дагестанского автора, опущенный конец чалмы – признак «преданного и искреннего борца»²³. Так что и Кебед-Мухаммад, и Шамиль отпускали «длинный кисейный хвост чалмы»²⁴. Даниял-султан, подчеркивая свое благочестие, тоже носил большую «чалму, (конец которой выпустил на спину)», «особенно, когда пребывал в Дарго»²⁵.

Как и прочие суфии, дагестанцы придавали большое значение внешним знакам различия.

Во второй половине 1840-х гг. в имамате была разработана целая цветовая символика тюрбана «для обозначения ранга каждого» в иерархии государства, «чтобы поднять еще более мюридизм в глазах народа». «Чалмы (тюрбаны) при Шамиле носили все жители, подчинявшиеся правилам преподаваемого им мюридизма; цвета их означали степень значения чалмоносцев». Кади, муллы и *алимы* (ученые): зеленая чалма. *Хаджи* (паломники в Мекку): чалма гранатового (согласно другой передаче слов Шамиля – коричневого) цвета. Наибы: желтая чалма. Пятисотенные и сотенные командиры ополчения: пестрая. Десятники и глашатаи (*чауши*): красная. Палачи, фискалы и артиллеристы: черная чалма. Сам Шамиль, вместе с остальным населением, носил белую чалму («белый цвет и у здешних мусульман считается первенствующим»)²⁶.

Можно усомниться в распространении цветовой системы в целом. Но другие источники подтверждают ношение имамом белой чалмы²⁷ (вообще в одежде «белый цвет его любимый», наравне с зеленым; изредка чалма Шамиля была разноцветной, либо зеленой / бело-зеленой – в качестве *алима*), белой – простыми мюридами и сыновьями самого Шамиля, желтой – наибами (по меньшей мере с 1848 г.)²⁸.

«Клятва аварцев освободить отечество от Гамзат-Бека [в 1834 г.]». Рисунок великого князя Константина Николаевича, 29 декабря 1846 г. ГАРФ

«Отличительный знак муфтия, кадия и прочих ученых – чалма зеленого цвета, – писал Абд ар-Рахман Газикумухский. – Остальные же несведущие люди (не имели права) носить ее. Если же обнаружится, (что кто-либо незаконно носит зеленую чалму), то правителю (вали) надлежит запретить им носить ее, чтобы они не воспринимали зря знания ученых. На самом деле [носить зеленую чалму] – это знак саййидов из потомства пророка [Мухаммада]²⁹, и никто иной не имеет права, ученый он или неученый, носить ее. Мне неизвестна причина, почему эта форма (букв.: этот знак) стала принадлежностью наших ученых»³⁰, а также муртазеков. Мухтасибы (инспекторы при наибах, следившие за соблюдением положений шариата) носили белую чалму, «но другим тоже не было запрещено носить ее»³¹.

По замечанию А.В. Крымина, все эти цвета имеют накшбандийское объяснение. Их значение можно раскрыть, ориентируясь на известные символы семи стадий суфийского совершенствования. Желтый³² цвет (также популярный как колер черкесок – домотканое кавказское сукно) подчеркивал принадлежность мюридов ко второй стадии суфийского мистического пути –

Приближенные Шамиля: казначей Хаджияв, сын имама Мухаммад-Шефи, зятья Шамиля Абдуллахман и Абдуллахман. 1860 г.

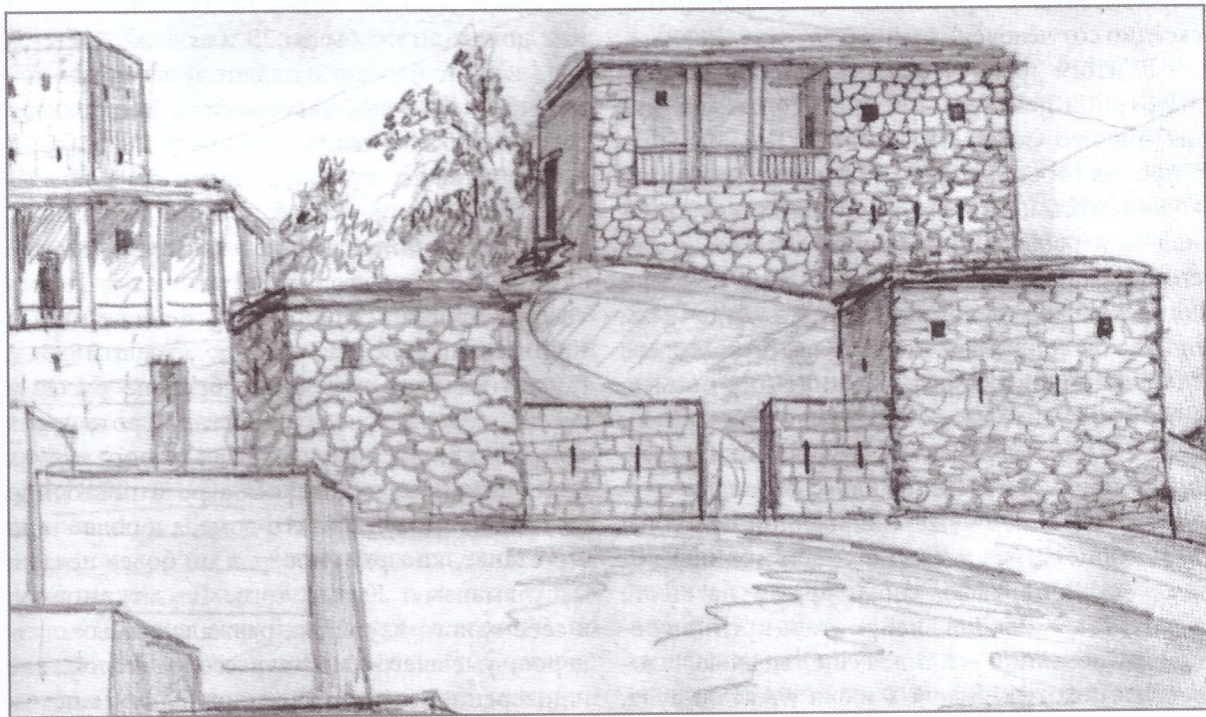
тарика, в отличие от первой – *шариат*, цвет которой (голубой) встречается на знаменах. Красные знамена, чалмы (и черкески) обозначали третью стадию – *маарифат*, познание. Наличие белого³³ цвета (черкески такой расцветки носил не только сам Шамиль, но и ряд представителей правящей элиты имамата, включая наибов) позволяет считать, что духовное развитие вождей мюридизма оценивалось выше – на последнюю, четвертую стадию пути, *хакикат* (истина)³⁴.

2. АРМИИ ПЕРВЫХ ДВУХ ИМАМОВ

Начав с 400 приверженцев, в феврале 1830 г. по первому призыву Гази-Мухаммад собрал под свои значки до 3000 вооруженных последователей. По пути к имаму присоединялись новые тысячи соратников, и в марте он напал на Хунзах уже с войском в 5–6 тыс. (или 8 тыс.)³⁵ чел. В следующем году первый имам осадил крепость Бурную и город Дербент, имея в своем распоряжении соответственно не менее 8 тыс. и 8–10 тыс. чел. Под крепостью Внезапной Гази-Мухаммад собрал до 10–12 тыс. «конных и пеших тавлинцев [общее название жителей Нагорного Дагестана], шамхальцев³⁶ и только что восставших против наскумыков», а также ногайцев и 500³⁷ чеченцев.

Причем «толпы неприятеля все прибывали», и 22 июня под Внезапную «прихлынула их еще тысяча человек». «Кази-Мулла... выказал тогда энергию и военные способности поистине замечательные. Он с едва понятною быстротою появлялся вдруг на совершенно противоположных окраинах; толпы его то таяли до ничтожной цифры в 200–300 человек, то возрастали до 5–6 тысяч»³⁸.

Воспользуемся в качестве примера процессом мобилизации сил первого имама в период его наибольшей военной активности. В начале марта 1831 г. Гази-Мухаммад «с несколькими десятками (от 50 до 100 человек...) с трудом набранной им “сволочи”» расположился около

Гимры. Из альбома рисунков Д.А. Милютина, 1839 г.

Гимров и выставил два значка, «служившие маяком для собрания его единомышленников». В середине марта прибыли 20 приверженцев, а 26-го – еще три значка. К началу апреля имам усилился до 300 чел., и едва он перебрался в Чумкескент, как его «толпы» выросли до 500 чел., «почти из одних койсубулинцев». Для агитации в свою пользу шамхальцев Гази-Мухаммад разослал по деревням находившихся при нем чеченцев. Усиливаясь ежедневно приходившими к нему койсубулинцами и людьми «других горских народов и отчасти чеченцев», имам не стеснялся захватывать жителей владений шамхала Тарковского даже силой и к 12 апреля таким образом включил в свое войско до 35 человек. Вскоре начался массовый переход жителей шамхальства к мюридам, и Гази-Мухаммад располагал уже отрядом в 800 чел., преимущественно «жителей шамхальского и мехтулинского владения» (болезненный удар для российской администрации, так как ранее эти жители были достаточно лояльны), причем «шайка сего возмутителя беспрестанно увеличивается». К началу мая она возросла до 2000 чел., к концу месяца – до 3000 чел. Эмиссары имама волновали чеченцев и кумыков, и первые присылали ему в Дагестан вооруженные подкрепления (несколько сот человек).

В итоге имам смог выставить для осады Бурной до 6 тыс. пехоты и 2 тыс. конницы «одного Северного Дагестана. Сверх сего о прочих горских народах с их же стороны находившихся неизвестно». Когда Гази-Мухаммад был разбит под Бурной, большая часть его войска разошлась, осталось при нем всего несколько сот воинов. Однако когда имам приказал собраться вновь, «из бывших его сподвижников ослушаться никто не посмел, а из числа новых добровольно примкнули к нему 700 человек из цохурского магала». Бросившись в середине июня на осаду крепости Внезапной (уже обложенной будто бы 9000 горцев), имам взял с собой до 4000 воинов, оставив часть своей армии на месте в Дагестане. 22 июня «неприятель против крепости Внезапной усилился еще тысячью человеками пехоты». В деле 1 июля у Акташ-аула, в 8 верстах от Внезапной, Гази-Мухаммад якобы возглавлял, «по достоверным сведениям», 14 тыс. пехоты и 3000 конницы³⁹.

На пике своего могущества «Кази-Муллы повиновались уже Койсубу, Гумбет, Андия и другие мелкие общества по Андийской и Аварской Койсу, половина шамхальства Тарковского и все почти аварские селения, за исключением одного только Хунзаха; а в Андаляле и Чечне действовали его эмиссары. В случае нужды, Кази-Мулла мог вывести до 15 000 пехоты и конницы, готовой на все по его мановению»⁴⁰. «Известно, – констатировал в 1844 г. офицер Генерального штаба В.И. Мочульский, – что Кази-Молла имел в сборе до 30 тыс. человек и этою мерою можно определить способность Дагестана к действиям на равнине, но войска горцев не могут быть более 3-х недель в походе по неимению запасного продовольствия, и это было причиною, что Кази-Молла не мог взять ни Дербента, ни Владикавказ»⁴¹.

Первый отряд второго имама *Гамзат-бека* (*Хамзат-Бек*; 1832–1834 гг.) не превышал 100 чел. – остатки мюридов Гази-Мухаммада. К покорению «вольных» обществ летом 1833 г. имам приступил с 300 воинами. Но вскоре Гамзат-бек «увидел себя повелителем значительного скопища». В сентябре 1833 г. оно включало 1000 чел. Летом 1834 г. войско имама уже доходило якобы до 20 или даже 30⁴² тыс. чел., или не более 12 тыс. чел., а фактически меньше – в деле 11 августа силы Гамзата оценивали в 10 тыс. чел.⁴³.

По легенде, к 1833 г. Гамзат-бека повсюду сопровождали «каких-то пять дезертеров, в русских мундирах... от чего разнесся ложный слух, будто бы у него были Русские телохранители»⁴⁴. Другая версия, передаваемая в 1841 г. К.И. Прушановским, гласит, что в 1833 г. Гамзат-бек «дал при себе убежище русским беглым солдатам, из коих составил роту своих телохранителей; обмундировал и вооружил их подобно нашей пехоте»⁴⁵. Эта рота постоянно содержала караул при его доме, а в поле – при его ставке, которым доверял он более нежели мусульманам». Кроме того, Гамзат «принял к себе одного из беглых разжалованных офицеров, умевшего снискать его расположение и доверенность до того, что он был во многом первым советником главы мюридов». Прушановский называет его имя: «Брановский впоследствии был пойман»⁴⁶ и сослан в Сибирь⁴⁷.

Кажется, что все дело о Брановском и все записки его, веденные им во время нахождения при Гамзате, хранятся в архиве командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории»⁴⁸. «Это оказалось “неожиданно новым” явлением в “религиозной” войне, зато надежным средством к удержанию власти»⁴⁹.

Однако в действительности, из показаний реально служившего Гамзат-беку поляка Станислава Брановского (но не офицера, а рядового)⁵⁰ видно, что стражи из русских дезертиров у Гамзата на самом деле не было⁵¹.

Фридрих Боденштедт⁵², чьи слова легли в основу легенды о русской гвардии второго имама в западноевропейской литературе⁵³, упомянув, что «несколько офицеров тоже перешли» к Гамзату⁵⁴, признавался: «Мы приведем здесь лишь одно известное имя – Брановского (*Branowski*), который позднее был схвачен русскими и сослан в Сибирь. Документы, связанные с этим делом, находятся в архиве наместника, в Тифлисе». Г. Депен «добавляет» рядового артиллериста Кузнецова (*Kusnetsoff* – речь явно о том же Идрисе российских авторов), но его «подвиги» относятся уже ко времени Шамиля⁵⁵.

Увы, западноевропейские публикации XIX в. об имамате, заполненные ошибками, имеют значение только в том случае, когда они используют русские источники. И к истории о «русской гвардии» Гамзат-бека данное положение относится в первую очередь. В данном случае Боденштедт всего лишь пересказал (с ошибками) соответствующий раздел рукописи Прушановского.

Личную охрану обоих первых имамов осуществляли одни их мюриды. Так и при Гази-Мухаммаде находились «только 30 преданных ему нукеров из разных деревень Дагестана, днем и ночью охранявших его особу» (1832 г.)⁵⁶. О телохранителях имама также пишет А.А. Бестужев: «Если приближается к нему какой бы ни было пришлец, двое стражей держат ружья на взводе, и многие сабли наголо готовы изрубить в куски всякого, по малейшему мановению вождя...»⁵⁷. Согласно сведениям от лазутчика, в начале сентября 1831 г. при Гази-Мухаммаде находились «неотлучно, в виде охраны, двести завязтых табасаранских мюридов, обрекших себя на смерть»⁵⁸.

Однако армии двух первых имамов не имели еще устойчивой военной организации. Кроме небольшого числа преданных своему господину мюридов, они состояли из ополчения, куда собирали всех «до пятнадцатилетнего возраста, кто только имеет оружие» – «отряды приходили с разных сторон»⁵⁹. Перед нами «незамысловатая, но верно задуманная система народной войны... Только немногие партизаны имеют возможность во всякое время и повсюду следовать за своим предводителем; остальных удерживают на месте обычные занятия и работы, которые опытный вождь не станет без надобности нарушать. Из этой массы людей не трудно составлять большие скопища, но держать их в продолжительном сборе нельзя. На сборные пункты вдали от родины горец шел неохотно, но легко присоединялся к партии, проходившей через его аул, и нередко увлекался ею даже в далекие предприятия. Крайне воздержанный в пище, он шел всегда налегках, брал с собою несколько чурек, довольствовался у жителей, когда истощался этот запас, или выходил мелкими партиями на грабеж, если находился в наших пределах. Как всякого партизана, его не могла не томить неизвестность, и потому он всегда желал знать, с какой целью зовут его в сборище и куда направят»⁶⁰.

Действительно, ополченцы, быстро сосредотачиваясь под знаменами имама с «надеждою обогатиться грабежом», могли столь же быстро покинуть его армию. Победы были частными (хотя порой и впечатляющими, как, например, поход на Кизляр в конце 1831 г., принесший богатую добычу), а не масштабными. Великая война с Россией еще только набирала обороты, идеи «правоверной» жизни не захватили умы людей в той мере, на какую рассчитывал первый имам. Сомневающихся в правильности указанного Гази-Мухаммадом пути оказывалось больше, нежели истинных адептов, и число колеблющихся возрастало после очередной неудачи. Многие «свободолюбивые» горцы были «раздражены посылкой [их] в войска ислама и сбором [среди них] ополчения». Да и «толпы эти еще скорее рассеиваются, нежели собираются», в особенности – недовольные боевыми потерями и отсутствием добычи, «из-за голода и трудностей». «Не только разгоняет их какая-нибудь неуда-

ча, – комментировал Я.И. Костенецкий, – но чаще всего недостача чуреков (хлебов) заставляет их как можно скорее убираться в свои сакли. Кази-мулла понимал, что с таким войском немного он наделает подвигов, и потому старался хотя сколько-нибудь связать порядком эти беспорядочные толпы. Он дал им хороших начальников и взял на себя обязанность заботиться об их продовольствии; таким образом, одушевив эти разноплеменные полчища религиозным фанатизмом, он действительно отчасти достиг своей цели. У него бывало в сборе по двадцати тысяч народу, который по месяцу и более находился в поле»⁶¹.

Но после крупных военных неудач набирать людей в ополчение имаму становилось нелегко. Вследствие очередного поражения под Эрпели (июнь 1832 г.) Гази-Мухаммад «получил послание от некоторых Койсубулинских деревень, жители которых писали к нему, что со времени начатия войны с русскими, они не только не разбогатели, по его обещанию, но, напротив того, разорились, что получаемые ими иногда добычи не в состоянии вознаграждать убытков, и наконец советовали ему на будущее время отказаться от своих предприятий»⁶². В Гимрах при имаме остались только мюриды из беглых подданных шамхала, составляющие охрану Гази-Мухаммада. Не имея возможности доставлять им средства к жизни, он отпускал их на грабежи в поддерживающие русских селения (без особого результата – эти беглецы жили впроголодь)⁶³.

В итоге, когда пришли русские войска, Гази-Мухаммад оборонял Гимры всего примерно с 400 или 600 воинами⁶⁴. Впрочем, больше

Хас-Булат. Рисунок Г.Г. Гагарина

доверия внушает оценка генерал-лейтенантом А.А. Вельяминовым сил противника в теснинах и на завалах под Гимрами «по крайней мере» в 3000 чел. (не считая отряда Гамзат-бека в 1000 чел.), а 300 чел. – это безвозвратные потери горцев⁶⁵.

3. ГВАРДИЯ ШАМИЛЯ

Памятуя о печальном опыте предшественника, Шамиль начал с того, что озаботился сохранением своей персоны (и созданием постоянного ядра будущей армии). Поэтому он набрал (1835 г.) целый отряд **телохранителей** – 120 мюридов, 12 *онбаши* (десятников) и начальник стражи (сотник, *юзбаши*). По 10 мюридов с десятником ежедневно несли охрану дома имама. Эта стража сопровождала имама во всех поездках⁶⁶.

Именно такую версию мы находим в статье И. Дроздова, посвященной первым годам правления Шамиля. В научной литературе, насколько нам известно, данный эпизод воспринимается буквально. Однако совершенно не исключается (напротив, даже напрашивается!) то обстоятельство, что Дроздов намеренно допустил **анахронизм**, пересказывая, скорее всего, записки Абд ар-Рахмана Газикумухского. Факт устройства гвардии Шамилем очевиден и вполне вероятен. Но подобная организация постоянной стражи имама, по всей вероятности, относится к более позднему периоду – 1850-м гг.

Судя по скудным указаниям источников, примерно до 1840 г. Шамиль, как и оба первых имама, обходился без таковых телохранителей. Его охрана собиралась лишь от случая к случаю, в первую очередь для военных походов. Так, на встречу с Ключенау (1837 г.) Шамиль явился с не менее чем 200 хорошо вооруженными всадниками, и год спустя при имаме постоянно пребывали 140 или «200 чел. преданных ему мюридов»⁶⁷. По оценкам П.Х. Граббе, на начало 1839 г. в личном распоряжении имама находилось «постоянное сборище» «охранной стражи» примерно в 400 мюридов, «людей удалых, отважных, сильных по уму, по фанатизму или по родственным связям во всем Дагестане и Чечне, безусловно ему повинующихся...». «Они со-

Имам Шамиль. Портрет кисти Э.А. Дмитриева-Мамонова. 1860 г. ГИМ

ставляли сильную для него дружину, с которою он мог предписывать свою волю всем горным обществам...»⁶⁸.

Проживая у шатоевцев в начале 1840 г., вокруг своей землянки Шамиль содержал «караул из находящихся при нем мюридов 21 человека и которые всегда находятся при нем»⁶⁹. Но после известного ночного покушения на имама в чеченском селении Мульк летом 1840 г., куда тот явился всего с 15 мюридами⁷⁰, Шамиль, по словам его сына, «несколько реформировал лишь свой личный конвой, состоявший из двух-сот телохранителей, набранных, преимущественно, из жителей аула

Сдача горцев русским. Рисунок великого князя Константина Николаевича, 14 января 1852 г. ГАРФ

Чиркей, питавшего особую ненависть к русским»⁷¹.

Иными словами, именно тогда возникает институт постоянной и организованной лейб-гвардии имамата. «У имама в Дагестане первоначально не было охраны, – передает в своих записках его зять. – Когда он обосновался со своими людьми в Старом Дарго... мой отец [Джамал ад-Дин Газикумухский] посоветовал имаму завести мюридов, как это было сказано выше, и говорил, что для главы людей необходимо иметь охрану, которая охраняла бы его от злонамеренных, так как глава всегда будет иметь недругов, как бы он ни был справедлив к людям. Как сказал мудрец: “Половина людей – враги тому, кто управляет, если даже он справедлив”. Имам одобрил совет моего отца и взял мюридов.

Если Гамзатбек применил бы к себе это правило, прислушался бы к совету своих асхабов⁷² до его убийства в Аварии (Хунзахе), то, может быть, Аллах надолго охранил бы его, так как правило таково: предопределение – от Аллаха, деяния – от людей»⁷³.

Действительно, к 1842 г. имама окружали «до 150-ти человек телохранителей его... с шашками и кинжалами наголо, с пистолетами и ружьями, у которых курки взведены были на второй взвод». Всего тогда при Шамиле состояла «отборная стража телохранителей,

выставляемых от 300 [или «до 200»] семейств, последовавших за ним из Чиркея и Гимров [родина имама] и поселенных в Даргах и ближайших местах. Они всей душою преданы Шамилю и поклялись никогда не мириться с русскими, не оставлять его во всю жизнь, не увлекаться грабежом и добычею и быть примерными исполнителями шариата. Постоянно бывает их при Шамиле до 200 человек налицо. Он дает им полное содержание, оружие, лошадей и дарит часто деньгами. В Даргах для них выстроена особая казарма, а семейства их живут в домах»⁷⁴.

К началу 1845 г. личная стража Шамиля достигла следующего состава: 400 мюридов (на полном содержании имама) и до 300 беглых русских солдат (получавших в месяц по 4 меры хлеба)⁷⁵. Примерно тогда же генерал-майор Д.В. Пассек приводит еще бóльшую цифру: «Охранительный конвой Шамиля составляет беглыми солдатами числом около тысячи»⁷⁶. Но Пассек всегда отличался склонностью к преувеличениям, и данная цифра завышена примерно втрое.

Еще тремя годами ранее Шамиль «постановил давать свободу всем военным дезертирам. Он собрал уже до 80 человек беглецов, из коих некоторых, если они находились у сильных людей, купил, а остальных насильно отобрал. Шамиль составил при себе из этих людей стра-

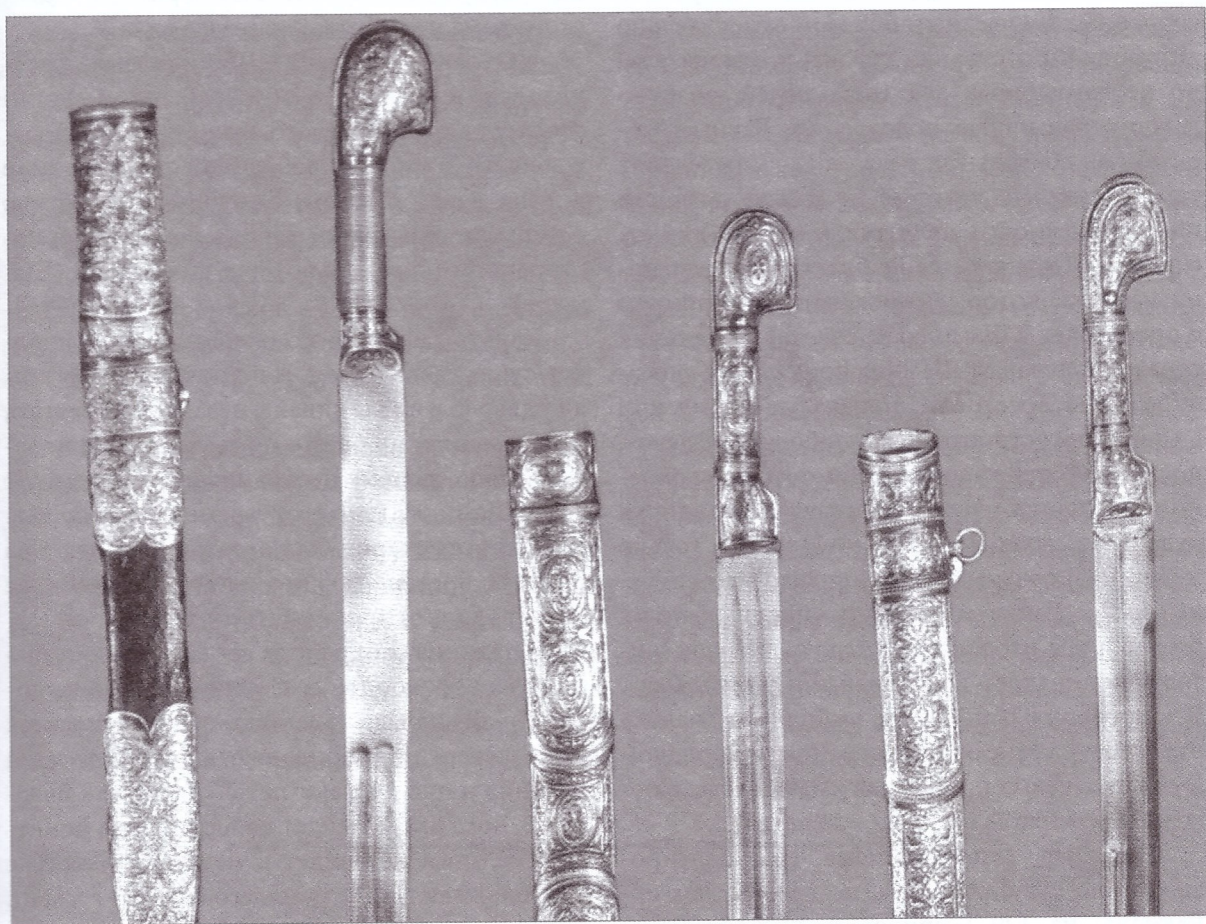
жу, дал им оружие и отвел им землю в Даргах для поселения; но пока они выстроят себе дома, Шамиль позволил им жить у кунаков»⁷⁷.

Но дезертиры, несомненно, лишь проживали в резиденции имама, являясь ее доверенным отборным гарнизоном. Функции собственно телохранителей выполняли одни только мюриды – сотня их сопровождала Шамиля, следившего за ходом боя при Больших Казанищах (декабрь 1843 г.)⁷⁸. Однако источник все же упоминает дезертира, ставшего мюридом и телохранителем Шамиля⁷⁹.

Среди приближенных к имаму лиц был якобы беглый солдат Мартын, который «своими советами не раз оказывал значительные услуги Шамилю». Имам, в знак особого расположения к дезертиру, будто бы назвал его именем чеченское селение Урус-Мартан⁸⁰. Но поскольку последняя история – совершенный вымысел (хотя и рано изобретенный)⁸¹, под во-

просом остается и существование самого Мартына.

Из текста воспоминаний юнкера И.И. Грамова, побывавшего в ставке имама в декабре 1854 г., видно, что «во всех поездках Шамиля с ним неразлучны 200 человек аварцев – отборных и по большей части [вариант: «наполовину»] старых [и «закаленных в боях»] наездников. Все они отлично вооружены и одеты и имеют свой особый значок. В поездках обыкновенно сто из них едут впереди, а сто позади Шамиля, и каждая сотня едет пятью рядами или взводами, непрестанно повторяя тот же припев из Алкорана [«ля илльляха иль Аллах» – «нет Бога, кроме Аллаха»], но притом так, что передняя сотня чередуется в пении с заднею». В Ведено эта конвойная стража имама «нигде и никогда не покидает его... так что даже в мечеть Шамиль не ходит без этой двусмысленной свиты...»⁸². Тот же обычай встречаем и в Дарго:

Шашки работы кубачинских мастеров. Дагестан, XIX в.

по пятницам, когда имам шел на молитву, от его дома до самой мечети по обеим сторонам дороги становились мюриды. Двое часовых помещались на крыше мечети, двое у дверей и двое при нем. Постоянный караул из 10 мюридов находился при доме Шамиля⁸³.

А.И. Руновский из рассказов самого Шамиля вынес следующее представление о составе его гвардии: 132 мюрида (включая 12 десятников) под началом сотника *юзбаши* представляли постоянную стражу имама и жили в его столице на полном иждивении Шамиля. Они «находились при нем безотлучно, и сопровождали его во всех поездках». Из их числа имам «знал многих, но только в лицо... он даже не знал некоторых по имени»⁸⁴.

Зять Шамиля описывает состав и функции стражи имама в Ведено. Начальник мюридотелохраниителей *юзбаши* являлся одним из постоянных членов совета имамата. Его обязанности «заклучались в докладе имаму сведений, собранных им частным образом относительно внутреннего состояния страны и относительно неблагоприятных действий людей, возбуждавших различные подозрения. Равным образом, он докладывал о жалобах и претензиях тех просителей, которые не имели смелости или возможности являться к имаму лично» (прочие объясняли свои претензии десятнику караула, который выступал докладчиком о просителях к Шамилю на совете). Начальник стражи получал от Шамиля приказания «кого-либо убить, арестовать, призвать к имаму, или в совет, или устроить какое-либо другое дело», после чего отряжал необходимое для исполнения поручения число мюридов. «Командируя куда-либо своих мюридов, *юзбаши* вел только между ними очередь, не разбирая в этих случаях ни способностей своих подчиненных, ни их усердия: все избранные в телохранители считались одинаково способными и усердными». В «строевом» отношении *юзбаши* «командовал своею сотнею обыкновенным порядком и вместе с нею сопровождал имама везде: в походах и в мирном шествии в мечеть»⁸⁵.

Почетная стража имама (расквартированная по аулу) состояла, по словам Абд ар-Рахмана, из 120 мюридов и 12 десятников (*онбаши*). «Они жили в Ведене постоянно, на полном содержании имама», исполняя его по-

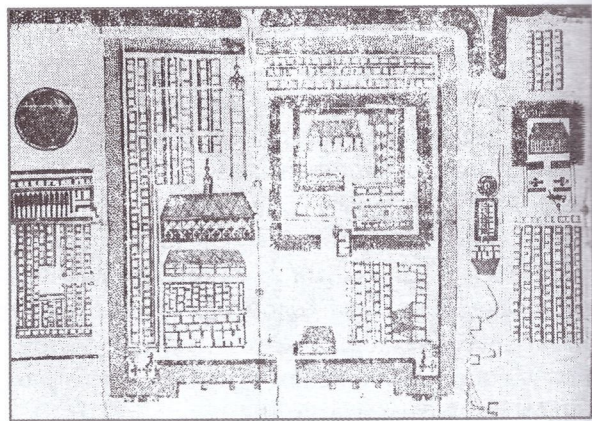

Схема гарема Шамиля

ручения и сопровождая во всех поездках. Также они содержали при доме Шамиля караул (10 чел. со своим десятником), сменявшийся еженедельно (по четвергам) и охранявший дом и особу имама днем и ночью. Приступая к смене, «караульные муриды всю дорогу до имамского дома пели “ля иллыга илль алла”».

«(Охрана помещения Шамиля была организована следующим образом): один (воин) стоял у дверей большого зала, (проверял) выходящего и входящего; другой в самом зале дивана перед имамом, ожидая его приказов; остальные охранники жили в помещении, построенном (специально) для них у дома (Шамиля).

Караул сменялся по очереди. Такой порядок существовал днем. А по ночам караул стоял у дверей и в зале дивана, независимо от того, есть там имам или нет, – пока (все) гости не заснут. Двое часовых целую ночь ходили вокруг дома Шамиля, время от времени сменялись. Дом со всех сторон был огражден забором из толстых бревен, так что злоумышленник не мог (свободно) проникнуть туда.

В пятницу собираются все мюриды с главарями со всех концов селения в дом имама, повторяя «Ла иллаха илла-ллах». Они становятся в две шеренги от ворот мечети до дверей дома Шамиля и продолжают петь: «Ла иллаха илла-ллах», пока имам выйдет на пятничную молитву (т. е. пока не войдет в мечеть)... Мюриды сопровождают их [имама, его свиту и гостей], охраняя от зловредных людей...

За имамом стоят в один ряд мюриды, прислонив ружья к столбам мечети до окончания

намаза... Один стражник стоит снаружи мечети у окна, близкого к имаму, другой – у входа в мечеть. Он держит обувь имама. Внутри мечети у каждого столба тоже стоят стражники (взирая направо и налево), (охраняя их), до завершения молитвы. Когда же намаз завершится, то молится уже сам стражник, на место которого вступает уже другой. Когда после намаза делают круг для зикра, один часовой стоит около имама.

Когда приближается (время) выхода имама из мечети, (мюриды) опять выстраиваются, как и перед входом (в две шеренги), и он упомянутым способом идет к себе домой...

Провизия и обмундирование (мюридов) были от имама. Каждому из них ежегодно выплачивали 50 руб. и тюк ткани. Помимо того, имам давал им овец для заклания, лошадей и вооружение. Что касается пропитания, то (оно получалось) из закята от жителей Чечни пшеницей и кукурузой. Мюриды сами отправлялись в Чечню с вьючными лошадьми и возвращались оттуда с пшеницей и кукурузой»⁸⁶.

Согласно другим источникам, телохранители имама получали в год каждый по 15 руб. на одежду, 15 руб. на содержание себя, семьи, лошади, а также провиант – 1,5 *сабы* (меры) пшеницы или кукурузы в месяц⁸⁷. По иному, более раннему, известию, мюридам Шамиля выдавалась провизия – зерно по две *сабы* на человека, а также соль и одежда к назначенному сроку, и 10 руб. в год на содержание коня и коровы⁸⁸.

В связи с этими несколько противоречивыми свидетельствами современников и очевидцев встает вопрос: сколько все же постоянных телохранителей было у Шамиля? 132, 200 или 400? Возможно, вариации в числах имеют логичное объяснение: в разные годы варьировалось и количество стражников у имама. По всей вероятности, обычно Шамиля охраняли 200 телохранителей, но в кризисные годы число их удваивалось, как в 1845 г.

Но год спустя мюридов при Шамиле по-прежнему было только 200 чел. (под началом своих десятников, с винтовками на плечах, они рядами выстраивались от дома Шамиля до мечети, охраняя имама по пути на молитву)⁸⁹. А чем ближе было крушение государства Шамиля, тем меньше становилось число телохранителей имама (132 чел.).

Наконец, по словам А.Л. Зиссермана, при поездках по лезгинским обществам Шамиля сопровождал конвой от 300–500 до 800 чел. (согласно Фр. Боденштедту, 500–1000 чел.). Но по Чечне, особенно в 1840-х гг., вскоре после ее отпадения от русских, имам разъезжал не иначе, как с 2000–3000 чел. (2000–5000, по Боденштедту), преимущественно горцев из Дагестана. Шамиль приказал также, чтобы и наибы, согласно званиям и значению, имели кроме телохранителей (см. о них далее) еще и известное число конвоя, от 200–300 до 800 чел.⁹⁰. Князь Орбелиани подтверждает, что сопровождение имама в поездках было многочисленным: «Когда он ездит в Чечню, то его обыкновенно провожают и окружают дагестанцы, а в Дагестане – чеченцы, это делает он как для собственной безопасности, так и для предупреждения всяких лицепрятий и чтобы внушить более страху. Конвой его в таких поездках состоит обыкновенно из нескольких тысяч...»⁹¹. Однако в ходе объезда Чечни (1849 г.) Шамиля окружали только более 200 мюридов, «угощение которых падало на того, кого он удостоивал своим посещением»⁹².

Подводя итоги деятельности имама по обеспечению собственной безопасности, стоит процитировать слова историка Кавказской войны С. Эсадзе о гвардии имама: «Шамиль имел в виду достигнуть двоякой цели: в мирное время она служила надежным оплотом от всяких покушений на его власть, а в боях составляла самый надежный резерв, который в решительную минуту всегда поддерживал малодушных и дрался с отчаянно храбростью»⁹³.

4. ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ: НАЧАЛО ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ШАМИЛЯ

Как и раньше, вооруженные силы имама слагались не только из его гвардии. При обороне Ахульго (1839 г.), согласно придворной хронике имама, «у Шамиля было в общем уже до 500 бойцов»⁹⁴. Но эта оценка численности обороняющихся явно значительно занижена панегиристом. Тем более что еще в феврале 1839 г., по русским данным, Шамиль собирал до 5000 лезгин из разных племен⁹⁵. 24 мая у Буртуная он возглавлял партию в 3000–4000 чел. При обороне Аргуани (30–31 мая) у Шамиля якобы было в сборе до 10 тыс. или, «как впоследствии оказалось из показаний самих горцев», 16 тыс. чел. из всех племен, обитавших между реками Аварским Койсу, Сулаком и Аргуном⁹⁶.

Даже разведка Граббе доносила о 800 воинах Шамиля («из надежнейших своих приверженцев») в Ахульго на начало июня⁹⁷. А.Л. Зиссерман пишет о 1500 мюридах⁹⁸. Д.А. Милютин, а вслед за ним Д. Бэдли и А. Юров считают, что в крепости с Шамилем находилось около 4 тыс. душ обоюго пола, в том числе свыше 1000 вооруженных. С ними соглашается Ю.Ю. Клычников⁹⁹. Однако, по показаниям лазутчиков, в Ахульго во второй половине июля, благодаря постоянному притоку подкреплений, было до 1800 вооруженных мюридов. Еще 400 андийцев занимали Чиркат, и тысячи горцев привели в окрестности наибы Шамиля¹⁰⁰. Л. Богуславский считал, что в обоих замках Ахульго собралось до 3 тыс. защитников¹⁰¹. Безусловно, некоторое разногласие в добытых русской стороной количественных данных объясняется тем, что поступали «противоречащие вести о скопищах в верхних обществах и о числе неприятеля в Ахульго» (запись в дневнике П.Х. Граббе от 17 июня 1839 г.)¹⁰².

Ни местность, ни человеческие усилия не смогли остановить русские войска. Ахульго пал. А опыт поражений 1837–1839 гг. привел к тому, что Шамиль всерьез задумался о недостатках горской военной системы. В результате в начале

1840-х гг., после успехов в Чечне готовясь к вторжению в удерживаемую русскими часть Дагестана, имам предпринимает ряд преобразований «у подвластных ему народов», создав в итоге налаженную военную организацию.

Русские солдаты и офицеры заимствовали у местных народов внешние черты их костюма и быта. А сам имам (преодолев – отдадим ему должное – предрассудки и неприязнь к совершенно чуждой для горцев культуре) намеревался перенять у своих противников элементы европейской военной системы, «которых пользу и необходимость он видел на практике»¹⁰³. «Шамиль уже имел как бы организованную военную силу, которой распоряжался по определенному плану, – оценивал итоги военных действий 1843 г. будущий военный министр Д.А. Милютин. – При последних боевых встречах замечалось в действии его скопищ как бы начало тактического обучения в подражание нашему строю. Так, цепи стрелков двигались по сигналам. Выстрелы из забранных у нас орудий были направляемы довольно удачно и разбивали с успехом наши жалкие укрепления»¹⁰⁴. «...Сражаясь с русскими в толпах, на позициях менее доступных, Шамиль, – по словам В.Н. Норова, – основал в рядах горцев некоторый порядок, который они соблюдают во время боя»¹⁰⁵. «Нынешние горцы, – констатировал граф Соллогуб в 1850-е гг., – не то, чем бывали прежде. Они приобрели опытность, познания, дело прежде небывалое, – артиллерию, снаряжаются в экспедиции, становятся лагерем, имеют инженеров и с необыкновенною ловкостью пользуются выгодами, представляемыми местностью. В скопищах их водворена некоторая дисциплина: над ними поставлены военачальники или наибы, должности распределены и Русские могут видеть, как, по стечению обстоятельств, они сами образовали своих врагов в военном искусстве... В железную руку соединил он [Шамиль] все враждовавшие

прежде между собой племена, воодушевил их злобой, учредил единство в их управлении, завел конные почты, следит неутомимо за действием русских и применяет к горцам доступные им военные нововведения»¹⁰⁶.

Для сравнения: в 1837 г. дагестанцы «стремились только туда, где видели неприятеля. Первые и смелые их атаки были прекрасно отражены нами... Лезгины со всем своим фанатизмом храбро бросались на эти как бы отдельные укрепления; но везде их так славно отражали, что фанатизм их начал мало помалу ослабевать...»¹⁰⁷. Но теперь даже чеченцев «ставили в строй при орудиях и угрожали смертью в случае потери таковых, или в том же строе вели их в лес и, поставив в засаду, приказывали стоять тихо до тех пор, пока не будет дан сигнал»¹⁰⁸.

Тем не менее, известный кавказский военный писатель А.Л. Зиссерман отрицал даже самую возможность существования подобного института у Шамиля. Как писал он, «одно время Шамиль имел намерение завести что-то в роде регулярного войска – пехоту и конницу; но опасение ли дать повод своим противникам выставить меру эту как нарушение законов шариата, недостаток ли денежных средств – намерение это осталось без исполнения, и к лучшему для Шамиля: Азиатцы вообще, а горцы в особенности, едва ли созданы для регулярного войска... Я убежден, что заведи Шамиль регулярное войско, оно прославилось бы способностью быть битым при каждой встрече с нами»¹⁰⁹. Так и по мнению К.И. Прушановского, имам Шамиль намеревался создать «постоянную пехоту и конницу, определить устройство каждой из них». Основной причиной, по которой пришлось отложить эту «затею», признавался «недостаток денежных средств»¹¹⁰.

Хотя в последствиях преобразований Зиссерман не ошибся, с начала 1840-х гг. у Шамиля все же появляются артиллерия, наемники-муртазеки, знаки различия, воинские звания – иначе говоря, элементы того самого «регулярства». Современники не заблуждались в источнике вдохновения реформаторской деятельности имама: «...Горцы на ратное дело приучились опытом и от нас же поняли основы тактики»¹¹¹. «...Имам, – писал его зять, – очень деятельно занимался преобразованиями военного искусства у горцев и, взяв себе за образец русских, постепенно перенимал от них все, что находил полезным»¹¹². Даниял-султан, имевший возможность сравнивать военные структуры обоих противников на Кав-

казе, писал одному из своих сторонников: «Я видел его [Шамиля] войска, заведенный в оных порядок, стрелков, орудия и проч. ...Этот порядок в войсках нельзя сравнить с [нынешним] дагестанским, а с прежним, в бытность царей»¹¹³.

Горцы оказались толковыми учениками. Однако имам заимствовал только элементы, а не формировал единое целое. Иными словами, «регулярную армию» Шамиль, что ему с завидным постоянством приписывают¹¹⁴, не создавал, да и не смог бы этого сделать. Конечно, Ю.У. Дадаев сначала выразился в том плане, что третий имам «пытался организовать... нечто подобное регулярной армии», а потом пришел к невразумительному «выводу»: «Шамиль в конце 30-х гг. XIX в. заложил фундамент для мощной регулярной армии» (а что произошло после 1840 года?!)¹¹⁵.

По мнению М. Гаммера, «в начале 1840-х гг. имам образовал регулярный пехотный батальон западного типа, который назвал *низамом*»¹¹⁶. Однако израильский кавказовед допустил неточность – постоянная пехота у Шамиля появилась только около 1850 г. и численность ее значительно превышала масштабы батальона (обстоятельство, незамеченное исследователями¹¹⁷, некритично доверяющими авторитету Гаммера). Другая мысль израильского исследователя, о турецких реформах как образце для заимствования в имамате, заслуживает, впрочем, пристального внимания¹¹⁸.

Напомним, что главные признаки регулярного войска, помимо постоянного характера службы, – систематические строевые и тактические занятия, единообразное вооружение (и обмундирование), жизнь по единому для всех уставу, утвержденному государством и имеющему силу закона, содержание целиком за счет казны. Соответствовали ли этим критериям войска Шамиля? Конечно же, нет¹¹⁹. С другой стороны, муртазеков, мюридов наибова и имама можно назвать подразделениями *постоянной* армии¹²⁰, но не более. Моше Гаммер, собственно, выразился однажды в этом смысле, когда заявил в 1994 г., что для имамата достаточно рано появилась необходимость в постоянной войске, *standing force*¹²¹. В некачественном переводе его монографии на русский язык (выполненном в 1998 г.) фраза была подана неточно: «встал вопрос о создании *регулярной* армии [выделено нами]»¹²². Но нельзя не согласиться со справедливостью высказываний Л. Видершала, Н.И. Покровского, Ю.Ю. Клычникова, видевших в реформах Шамиля именно создание *постоянной* армии¹²³.

5. РУКОВОДСТВО ВОЙСКАМИ ИМАМАТА

Главой войска считался имам, «всякое его приказание... исполняется свято, беспрекословно как при самих действиях, так в лагерях». «Для наряда войск на службу, снабжения их артиллерией, снарядами» назначался особый чиновник – казначей (*назир*). Армия, согласно представлениям Шамиля, «должна быть готова по первому требованию», она «тогда только удовлетворяет своему назначению, когда управление ею основано на стройном порядке

и повиновении властям»¹²⁴. Что из этого получалось в реальности, другой вопрос...

Традиционный суфийский институт *халифов* превратился в службу *наибов* (появились еще при Гази-Мухаммаде, на постоянной основе – при Гамзат-беке), которые выполняли обязанности и духовных эмиссаров имама, и администраторов, и военных командиров. Наибы управляли областями, на которые делилось государство Шамиля – в начале 1840-х гг. их было около 16. В 1843–1844 гг. образованы округа (во главе с *мудирами*), в состав которых вошли *вилайаты* (во главе с *наибам*); но к концу этого десятилетия звания *мудиров* были отменены.

Пост *наиба* могли «занимать только люди истинно храбрые и мужественные». Но в реальности было среди них немало и ученых, и тех, кто «не являлся воином»¹²⁵.

Так, когда Курбанил-Мухаммад из Бацады был назначен *наибом* Согратля, жители начали «отлынивать от походов и войн из-за тяжести [характера] и трусости этого *наиба*. Однажды он выступил со своим войском в окрестности Газикумуха, остановился на возвышении и разбил шатер из бурок воинов на солнцепеке. *Наиб* начал лакомиться здесь грушами. Когда кумухцы начали наступление, он удрал и оставил фрукты на этом месте, и никак не мог вложить клинок в ножны от страха и растерянности. Несмотря на это, имам любил его, так как тот всегда покровительствовал ученым и набожным [людям]»¹²⁶. *Наиб* над ботлихскими аулами Шахмаидарил Хаджийав из Черкея «не был храбрым»; *наиб* Технуцала Хаджийав из Шотроды – «человек трусоватый (буквально средний между трусостью и смелостью)»; а *наиб* Гоцатля Умар из Салты тоже «не отличался особой храбростью»¹²⁷.

Хаджи-Мурат. 1851 г.

Наибы Шамиля. Рисунок Ф.Ф. Горшельта

Почти все наибы первой формации (в первую очередь чеченские) выросли из героев малой войны, как, например, Шуаиб – «отличный рубака» и «отчаянный наездник, не уступавший в отваге и решимости Хаджи-Мурату». Они были людьми смелыми до безрассудства (об Улубии – «назначением своим в наибы он обязан одной своей храбрости») ¹²⁸, хитрыми, пользующимися авторитетом у народа и противника. Саадулла «лично прославился многими удачными воровствами, хищническими набегами и храбростью, был честолюбив, но не алчен, народ его любил». «Население Кехи [Гехи] очень

любило наиба Ахбердильмухаммеда за справедливость и смелость. Они так были преданы ему, что когда собирались к бою, все стекались к нему, как пчелы на мед. На кехинской поляне есть дерево, на которое он поднимался, когда вся конница Кехи собиралась, и держал речь перед схваткой с врагом» ¹²⁹. Но никто из этих людей не был готов к большой и долгой войне, которая им предстояла...

Классический пример – Хаджи-Мурат, этот лихой и «необыкновенный вожь кавалерии, находчивый, предусмотрительный, решительный в атаке, неуловимый в отступлении».

«Его настоящим призванием были набеги, – писал В.А. Потто, – в них никто не превосходил

его отвагой, сметливостью и предприимчивостью». «Почти не было сколько-нибудь замечательного дела или набега, где впереди всех не отличался бы Хаджи-Мурат, – восторгался М. Владыкин. – Под его предводительство собирались удалыцы со всех сторон». «Для него ничего не значило с 400, 500 конных появиться в тылу войск, далеко в глубине занятого нами края; перейти сегодня 70, завтра 100 верст, отвлечь фальшивой тревогой войска совершенно в другую сторону и, пользуясь всеобщей суматохой, ускользнуть безнаказанно, – эти партизанские качества доставили впоследствии Хаджи-Мурату громкую известность в горах, какой не достигал ни один из наибов и которая, по временам, даже пугала Шамиля...». При этом, «вопреки обыкновению других наибов, Хаджи-Мурат никогда особенно не гонялся за количеством людей, повторяя довольно часто, что “пять золотых удобнее пятисот медных и сделают то же самое”». Правда, истина заключается в том, что «способностью руководить предприятиями, имеющими важную военную цель», наиб Шамиля, «подобно многим горским вождям», не был наделен. По словам М. Гралевского, этот наиб был неспособен даже командовать пешим отрядом. «Шамиль это хорошо знал и всегда освобождал его от осадной службы, вроде защиты укреплений, аулов и т. п.»¹³⁰.

Сам по себе «Шамиль... не отличался особыми военными способностями; он был бесспорно хороший организатор и администратор – в духе кавказских горцев. Все же когда-либо удававшиеся ему военные действия были результатом лучших его наибов: Ахверды-Магомы, Шуаиб-Муллы, Гаджи-Мурата и некоторых других... [которые] уже сложили свои буйные головы на службе делу мюридизма»¹³¹. Подчеркивая значение утраты талантливых вождей для военной структуры имамата, современник писал: «После гибели ревностного льва Хаджимурада Аварского... Букмухаммеда Газикумхского, Гаирбега из Ауха, Ахбердил-Мухаммеда из Хунзаха, чеченца Шуайба – этих наибов – удача отвернулась от имама, и положение дагестанцев пошатнулось, и они стали отступать, куда бы ни направились, и не встречались с русскими»¹³².

Главнейшей обязанностью наива были дела военные¹³³. Наивы должны были наблюдать

каждый за границами своего участка, оберегать его от неприятельского вторжения и при нападении «подавать друг другу помощь». В пределах своей области наиб организовывал и контролировал постройку укреплений, защиту границ (постоянные пикеты и караулы)¹³⁴. «Не должны быть беспечными относительно охранения страны своей и границ днем и ночью, – предписывал наивам Шамиль, – не взирая на то, находятся ли границы в безопасности или в опасности от вторжения неприятеля»¹³⁵. В каждом наивстве учреждались (вблизи мест, где могли пройти русские войска) постоянные посты – «врата» (*gana*), наблюдавшие за границей, собиравшие сведения о противнике и пытавшиеся пресечь сношения подданных Шамиля с мирными горцами и русскими властями. Наивы почти постоянно находились при своих «воротах»¹³⁶.

В Чечне «наивство делится на округа, которые управляются мазунами»¹³⁷. Таких окружных начальников в наивстве, возможно, было всего по два человека¹³⁸. Мазунами назначались люди из окружения наива¹³⁹.

Наибу было предоставлено начальство над всеми войсками, «расположенными в стране, вверенной его управлению», и все военное управление, за исключением крупных операций, контроль над которыми был сосредоточен в руках имама. Наив давал разрешение подчиненным ему начальникам делать набеги на вражескую территорию и распоряжался «самовластно» при вторжении противника в его наивство. Наивы «в случае надобности, делают сборы войск и предводительствуют ими, согласно воле и планам Шамиля». Наивам «разрешалось без представления имаму назначать пятисотенников над своими ополченцами и смещать их, когда они захотят»¹⁴⁰.

«Где бы ни произошла тревога от вторжения русских, все наивы должны поспешать туда с своими подвластными на помощь» «без замедления, и оказать должную помощь, забыв все враждебные отношения друг к другу. Не исполнивший сего наиб низводится на должность начальника сотни»¹⁴¹. На появление наибов ближайших дагестанских обществ в Чечне при тревоге требовалось от 8 до 10 дней.

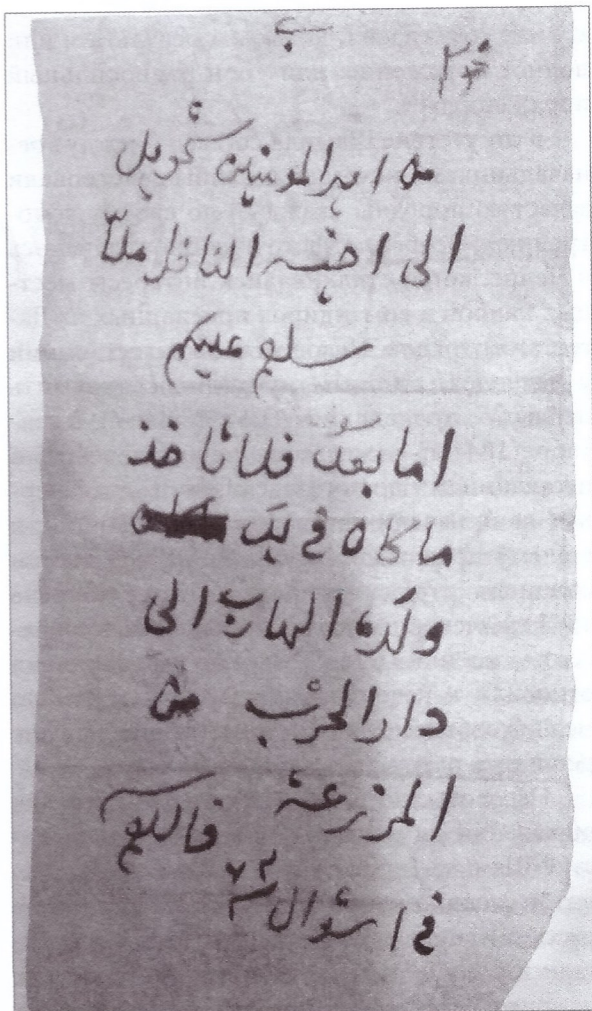
Сохранилось несколько образцов посланий с просьбой о военной поддержке,

адресованных одним наибом (или мудиром) другому¹⁴². Письмо гехинского наиба Мухаммад-Мирзы наибу Малой Чечни Дубе (1846/1849 гг.): «...Тебе необходимо явиться в следующий четверг утром со всеми твоими верховыми... которые пришли бы с провизией на три дня... Тебе надлежит явиться в селение на реке Мартан. Опасайтесь пренебречь и задержаться». Письмо мудира Большой Чечни Талхика Дубе (май-июнь 1846 г.): «А затем – явись с войском конных, включая жителей вилайата Шубут [шатоевцы], в следующую пятницу в местечко Шали до наступления вечерней молитвы». Письмо Дубы Хаджи-Яхье (май-июнь 1846 г.): «А тебе следует уговорить трех муэдзинов прибыть в Шали в назначенный день со всеми конными [людьми] до вечерней молитвы. Я же прибуду, если будет угодно Аллаху всевышнему, в это место со всеми нашими конными, где бы ни [было], в тот же день... И чтобы ты прибыл [сам] с ними. Затем, на тебе – сагитировать и привести [чеченских наибов] Мухаммадмирзу и Саадуллу с конными людьми их вилайатов в это же место к полудню. И сегодня мы [уже] вышли в том направлении».

Приведем пример действия данной системы на практике. Кумыкский отряд 4 марта 1857 г. вошел в Чечню. В тот же день «лазутчики дали знать, что [Мичиковский] наиб Эски собирает пеших и конных своего наибства в разоренный аул Гертме, где и сам находится теперь», и «послал к соседним наибам требовать немедленно их прибытия». К 7-му числу тот собрал «весьма значительные силы» конницы и пехоты (при одном орудии). Андийский и ичкеринский наибы «с пешими и конными людьми» прибыли к Эски 7 марта, хотя уже на следующий день лазутчики докладывали, что «Чеченцы, обязанные кормить прибывших к ним горцев, весьма этим тяготятся». 10 марта поступили известия о новых подкреплениях и что Эски «ожидает присылки еще одного орудия от Шамиля». Но орудие, похоже, так и не прибыло, и даже объединенные силы трех наибов и спешное сооружение завалов в лесу не остановили продвижение русских¹⁴³.

Формально, «если в его Наибство являлся другой Наиб со своими войсками для со-

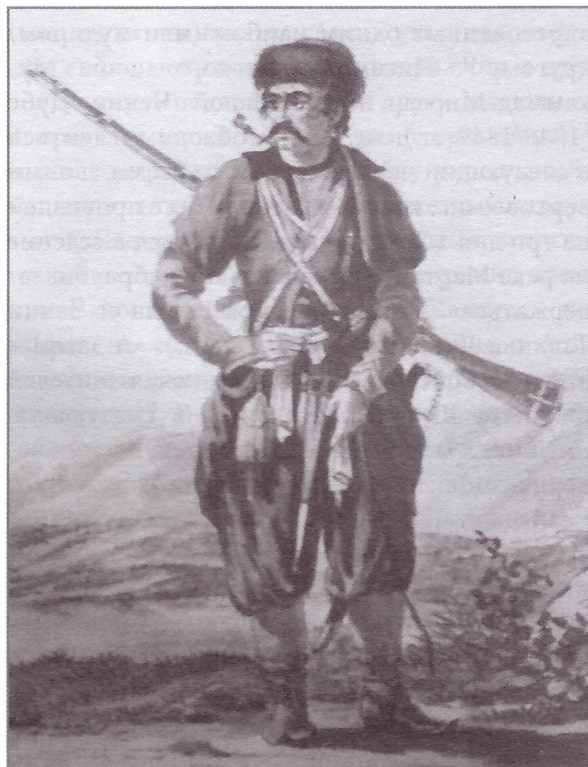
Письмо Шамиля к Назиру-мулле. 1855 г.

вокупных оборонительных или наступательных действий, то этот последний подчинялся первому»¹⁴⁴. Однако, хотя волею имама «строго запрещаются интриги и ссоры между наибами»¹⁴⁵, единства мнений наибам всегда не хватало, «подчиненность эта была только наружная, ради выполнения Имамского приказа». «Нельзя сказать, чтобы у горцев не было дисциплины; она была и довольно строгая, но только не на всех ступенях военной иерархии, – признавал ветеран Кавказской войны, драгунский офицер. – Жители, например, выходившие в поле, повиновались сотенным начальникам, признававшим в свою очередь власть наибов; но наибы неохотно подчинялись друг другу. Иногда в самый решающий момент боя между ними вы-

ходили несогласия, давшие в результате или полное поражение, или урон равносильный поражению»¹⁴⁶.

В отсутствие Шамиля согласие между военачальниками исчезало и наибы действовали зачастую порознь, «каждый по своему усмотрению». Особенно часто подобное случалось в Чечне, когда сталкивались интересы местных наибов и командиров присланных из Дагестана отрядов. Недовольство дагестанцами у чеченцев, которым приходилось кормить первых¹⁴⁷, проявлялось уже в 1840 г.¹⁴⁸. В сентябре 1844 г. «несогласия между чеченцами и тавлинцами до того увеличились, что первые явно начали поговаривать о покорности нашему правительству»¹⁴⁹. При отступлении сборного отряда от Умахан-Юрта (апрель 1845 г.) «чеченцы обвиняли тавлинцев в трусости, тавлинцы свою неудачу предприятия относили к чеченцам; раздор мог дойти до междоусобной стычки, если бы наибы... не решились распустить скопище»¹⁵⁰.

Недовольство было тем сильнее, что «для обращения своевольных Чеченцев к покорности» Шамиль (или его наибы без ведома имама) постоянно практиковал там экзекуцию на русский манер: дагестанские войска «располагались в домах непослушных обывателей, как в своих собственных», и не выводились оттуда, пока виновные не представляли доказательств покорности¹⁵¹. «В политике, Шамиль действует с искусством истинно макиавелевским. Так, когда ему нужно было наказать Назрановцев (Чеченское племя) в 1841 году, Шамиль потребовал к себе Хаджи-Мурата с 500 Лезгин, и наоборот, для действий в Дагестане, посылает туда Чеченцев. Таким образом, он ставит оба эти племена в зависимость одно от другого и поселяя в них взаимную недоверчивость, властвует на основании правила *divide et impera*»¹⁵².

Чарский лезгин. Литография по рисунку К.И. Беггрова. 1820-е гг.

Это породило у чеченцев особую неприязнь к тавлинцам и в конечном счете негативно сказалось на репутации Шамиля в Чечне. Нередко натянутые отношения с дагестанцами (и нежелание делиться с последними добычей)¹⁵³ приводили к стычкам¹⁵⁴. Бывали даже случаи, когда чеченцы умышленно не вступали в бой, когда русские громили «этих тупых тавлинцев», пришедших на подмогу тем же чеченцам¹⁵⁵. При Истису чеченцы сами говорили, что «весь урон понесли Тавлинцы, потому что они, по врожденной своей глупости, полезли вперед, а мы остались нарочно сзади; ведь мы знали, что Русские придут»¹⁵⁶.

6. ОПОЛЧЕНИЕ

На территории имамата сохранялись традиционные формы комплектования войска (ополчение, «национальная гвардия или милиция», как выразился М.Фр. Вагнер)¹⁵⁷. В биографической публикации Ш. Казиева имаму, помимо множества иных свершений, приписывается и создание (!) ополчения «со своими командирами»¹⁵⁸. Другое дело, что Шамиль действительно, по словам штабс-капитана Прушановского, разрабатывал правила, кто может поступать в тот или другой род ополчения, на какой срок и на каком основании, не более¹⁵⁹.

Все подвластное имаму население составляло одно «военное сословие», обязанное непременно службою в возрасте от 15 до 50 лет¹⁶⁰, что считалось делом богоугодным. Иногда сообщается о 60-летней возрастной границе призывного возраста¹⁶¹, у Вагнера – 30 лет¹⁶², что явная опечатка. «Если у отца три сына, они все должны идти на войну без очереди, если четыре – младший может оставаться дома. В важных обстоятельствах, требующих поголовного восстания, выходят все и даже 60-ти летние старики»¹⁶³.

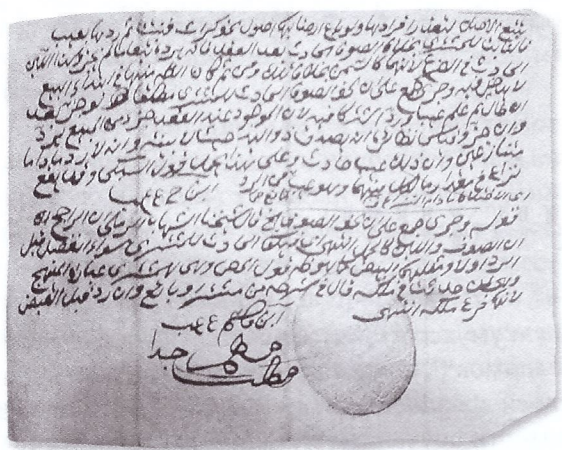
Служили также законоведы, ученые, муфтии и кади. Каждый из них «был готов, по первому же движению войска, выступить в поход против неверных; если не будут сражаться руками, то пусть сражаются языками: наставляют, предостерегают, побуждают к тому, что Бог обещал сражающимся», воодушевляя воинов¹⁶⁴. Как сказано в письме Шамиля всем кади имамата (1845 г.), «кади обязаны с оружием в руках участвовать в сражениях, молиться во время отдыха, а во время похода читать молитвы громко»¹⁶⁵. В деле на Варандинских высотах (30 июля 1858 г.), приближаясь к чеченским позициям, «хорошо слышали крики мулл, громко зывавших правоверных на защиту»¹⁶⁶. Впрочем, по словам Абд ар-Рахмана

Газикумухского, «что касается пожилых людей и алимов¹⁶⁷, то они не выходили на джихад по своей дряхлости, физической слабости или занятости обучением муталимов»¹⁶⁸.

Исключений от военной службы было немало. От призыва были избавлены жители двух аулов (Каратинское общество), где добывали соль, еще пяти деревень, где промышляли селитру, и трех селений, откуда доставляли на пороховые заводы серу. Но к освобожденным от обязанности службы в войске *не* относились торговцы, поскольку «горские купцы несли военную и прочие повинности наравне со всеми». Даже жители обоих аулов солеваров «участвовали в последних действиях Шамиля; но собственно для производства земляных работ». Мужское население пяти аулов производителей селитры, когда последней на заводах было запасено вполне достаточно, тоже «требовали на войну, в качестве землекопов. В последнее время, они были собраны в Гунибе, где произвели все работы по укреплению его»¹⁶⁹.

*Патронница, натруска и пистолет.
Дагестан, XIX в.*

Приказ Шамиля Хаджи-Мурату выступить немедленно с отрядом. 1848 г.

Каждое военнообязанное семейство имамата при общем сборе выставляло по одному пешему или конному человеку. Семья его вооружала (в идеале – винтовка, пистолет, кинжал, шашка, не менее 100 боевых патронов)¹⁷⁰ и снабжала провиантом на определенное число дней¹⁷¹. Шамиль повелел, чтобы каждый его подданный имел уже «по два фунта пороху и по 200 пуль» (март 1845 г.)¹⁷². В июне 1857 г. имам приказал «наибам, кадиям и сотенным начальникам... осмотреть их [ополченцев] оружие и прочие главные принадлежности, понудить, чтобы у каждого было не менее ста боевых патронов, а кто может, то и больше пусть приобретает»¹⁷³. Впрочем, как видно из письма князя Воронцова генералу Шварцу от 31 мая 1848 г., Шамиль поголовно призвал в Чечне к оружию непокорных горцев и даже велел выходить в поле не имеющим оружия, «с дубинами»¹⁷⁴.

«Подобно членам мужских союзов, они [ополченцы] регулярно упражнялись в воинском искусстве и охраняли границы. Воспоминания о службе в ополчении сохранились в устных преданиях. Так, по словам хуштадинцев, их *к'юк'яби* [ополченцы], тренируясь, взбегали на гору Ангараз... высочайшую вершину Богосского хребта, с тяжелым камнем в руках...»¹⁷⁵.

Заботились имам с наибами также и о внешнем виде ополченцев¹⁷⁶, в некоторых случаях даже снабжая их одеждой¹⁷⁷, хотя в первую очередь это относилось к гвардии и муртазекам. Шкуры баранов, пошедших на корм войску, «частью выдавались недостаточ-

ным воинам, нуждавшимся в теплой одежде и в бурках, а частью продавались» (воловы шкуры «по большей части отдавались бесплатно беглым солдатам») ¹⁷⁸.

Более зажиточные ополченцы являлись верхом. Шамиль особенно заботился об увеличении численности своей конницы, «что дает ему возможность переносить свои скопища с одного пункта на другой с неимоверною быстротою, между тем как горцы с одинаковым удобством дерутся и в пешем и в конном строе»¹⁷⁹. Если конница в конкретном походе преобладала, то маневренность его армии (быстрота, «о которой в европейских войнах и понятия не имеют») позволяла Шамилю использовать простой, но очень эффективный стратегический прием: он появлялся в определенном районе, куда сразу же начинали стягиваться русские войска. Тем временем имам совершал бросок в другом направлении, атакуя ослабленного противника¹⁸⁰.

Вслед за Шамилем его имамы приказывали своим ополченцам являться «на лошадях, включая кобыл, даже если кобыла и хромая»¹⁸¹. Значение этого постановления становится понятнее, если вспомнить, что у горцев ездить на кобыле считалось позором, и это верование разделял сам Шамиль. Однако необходимость в укомплектовании армии конским поголовьем была велика, имам повсюду собирал коней. В 1856 г. он писал наибу Муртада-Али: «Когда мы ощутили крайнюю нужду в лошадях и услышали, что там есть лошади умерших мухаджиров, не оставивших наследников, мы отправили к вам этого подателя [сего]. Я намерен собрать по одной лошади от каждого наиба». Муртада-Али в свою очередь велел *назиру* (управляющему хозяйством казны наиба): «Передай этих лошадей в руки подателя [сего] в соответствии с этим указом имам»¹⁸². При необходимости быстрых маршей Шамиль даже сажал свою пехоту на конфискованных у местного населения коней, как это случилось в Кабарде (1846 г.)¹⁸³.

В гористом Дагестане, «по скудости природы и неимению пастбищ не было возможности вскармливать и содержать лошадей»¹⁸⁴. Лезгинь «всегда сражаются пешком; конницы у них не бывает, потому что лошадей мало и вообще к верховой езде неспособны»¹⁸⁵. По замечанию

Д.А. Милютин, «конница весьма мало употребляется в Дагестане. Сами Лезгины почти вовсе не имеют лошадей; только в ханствах есть конные милиции»¹⁸⁶. Но и тарковцы, мехтулинцы, акушинцы «привыкли сражаться более пешими»¹⁸⁷. В Аварии «лошадей имели одни богачи»¹⁸⁸. «Хотя воинственный, или, лучше сказать, разбойнический дух, господствовавший между тамошними народами, долженствовал бы их заставить разводить верховых лошадей, для них необходимо нужных, – описывал жителей Восточного Кавказа С.М. Броневский, – однако они содержат мало конских заводов»¹⁸⁹. Аварцы, по словам А.А. Бестужева-Марлинского, «славно действуют пешком; верхом отправляются только в набеги, и то весьма немногие. Лошади их мелки, но крепки невероятно...»¹⁹⁰. Последнее замечание подтверждается военно-статистическими обзорами 1820–1830-х гг. Из них следует, что аварская конница (составлявшая лишь малую часть местного ополчения) восседала, с точки зрения русских военных, на «весьма дурных» лошадях¹⁹¹. «Кавалерия их совсем плоха», – характеризовал народы Дагестана 1840-х гг. Н.В. Исаков¹⁹².

Поэтому наиболее активная конница имамата приходила именно из Чечни, как и кони. В 1853 г. «всем аварцам и другим горцам, назначенным к сбору, приказано по возможности запастись лошадьми чеченскими, как более способными к быстрым движениям» (впрочем, и чеченские кони не выдерживали сравнения с черкесскими)¹⁹³. Готовя вторжение в Джаро-Белоканский округ (май-июнь 1854 г.), Шамиль «велел собираться конным чеченцам на хороших лошадях, а сам приготавливает в поход четыре орудия на полозьях». Соответственно воле имама «чеченские наибы собирали всех всадников, выбирали доброконных и половину из них назначили в дальний поход налегках, с запасом непременно пяти рублей на каждого всадника»¹⁹⁴. В набегах чеченских наивов всадники на отборных конях бросались к избранной цели, а «худоконные» и пешие отвлекали внимание неприятеля или блокировали дороги, по которым противник мог перебрасывать войска¹⁹⁵.

Генерал-лейтенант А.А. Вельяминов следующим образом охарактеризовал конницу Чечни первых лет имамата: «При нападениях на станицы и селения и при набегах малыми

хищническими партиями горцы всегда являются конные; весьма редко бывают пешие чеченцы в мелочных партиях... Набеги составляют единственное их [чеченцев] занятие, и поэтому неудивительно, если делаются они весьма ловкими в верховой езде...»¹⁹⁶. Но если «в первые годы у них [чеченцев] было значительное преимущество в кавалерии, превосходившей нашу численностью, отчасти и качествами», то в 1850-х гг. «отношение было совершенно обратное». С усилением казачьей кавалерии и появлением на театре военных действий драгун «чеченской коннице, ослабевшей количественно от потери привольных лугов, уже не под силу было бороться с нашею»¹⁹⁷. Более того, по результатам операций 1852 г. князь Барятинский докладывал: «Совокупные наши набеги... сделали то, что в предстоящую зиму Шамиль не может собрать в Чечню тавлинскую кавалерию, потому что нечем будет ее продовольствовать. Пешие же тавлинцы, не привыкшие воевать на плоскости и в лесах, и в прошедшую зиму испытавшие ужасный погром на Шалинской поляне, не могут быть для нас слишком опасными»¹⁹⁸.

Еще Н.И. Покровский высказал мнение: всадниками и в Нагорном Дагестане, и в Чечне служили главным образом зажиточные уздени, но в обоих регионах коневодство не было распространено (см. выше)¹⁹⁹. Исключением для дагестанцев были партии Хаджи-Мурата – хунзахцы всегда считались отменными наездниками (хотя русские наблюдатели не выделяли хунзахцев от прочих аварцев). По рассказам его потомков, аварский наиб в набеги свои (бывшие его «любимым делом», которому «он отдавался всей душой») брал не больше ста человек, только конных. Фактически, случалось и больше – так, для рейда в шамхальство и для вторжения в Кайтаг (оба случая относятся к 1851 г.) он выбирал из аварцев самых надежных людей на самых лучших лошадях, каждый раз не более 500 чел. «отборной конницы» (но в первом рейде были задействованы силы еще трех наивов, чтобы набрать 500 доброконных всадников). «...Насильно с собой никого не брал... приглашал прибыть к себе тех, кто пожелает... – рассказывал впоследствии сын знаменитого наива. – Не допускал в конницу лошади с впалой спиной, так как такая бывает

очень невынослива; не позволял брать в поход лошадь, имеющую все 4 ноги белые, так как таковая предвещает неблагополучие». Благодаря таким усилиям по поддержанию качества исходного материала, в 1851 г. за 30 часов Хаджи-Мурат «сделал со своими удалцами 150 верст по горам, оврагам и лесам, лавируя между войсками, пикетами и местным населением»²⁰⁰.

Однако другие командиры войск имамата немногим уступали Хаджи-Мурату. Конные партии Шамиля, «имея хороших лошадей, проходят в одну ночь расстояния в 30–40 и даже 50 верст»²⁰¹. Шуаиб в 1841 г. с партией в 2000 чеченцев («самых доброконных») «в одну ночь в полном смысле слова *отмахал* восемьдесят верст»²⁰². Сам имам, убегая из Кабарды, сделал менее чем за двое суток более 160 верст²⁰³. Наиб Дибир в 1847 г. напал неожиданно на Тарки, пройдя в сутки свыше 100 верст²⁰⁴. По словам полковника Н.А. Окольного, «все военные передвижения горцы, даже пешие, совершают быстро, делая переходы в 40, 50 и даже до 70 верст в сутки. В 1843 году Шамиль, с огромным скопищем, перешел от Дылыма к Унцукюлю, что составляет около 70 верст, и притом по какой дороге! В этой быстроте, возможной только при отсутствии обозов, и кроется большая часть причин их успехов»²⁰⁵.

Старания имама по усилению своей дагестанской кавалерии можно проследить хронологически. Так, осенью 1841 г. «приказано было всем лезгинам, способным носить оружие, завести по лошади, кто не имел на то денег, должен был продать часть земли или имущества, а в противном случае сажался в яму». Готовя вторжение в Аварию с декабря 1842 г., Шамиль велел объявить по всем покорным ему селениям, дабы каждый житель от 15 до 50 лет, имеющий малейшую возможность (т. е. состояние), завел бы себе хорошую лошадь (прочим – быть пешими), исправное оружие, запаса продовольствием (по 1 мере хлеба) и обучался бы «наездничеству чеченцев». «Шамиль приказал своим приверженцам быть в полной готовности к сбору, по первому требованию, и иметь крепких лошадей, которые он велел в настоящее время беречь и приводить в хорошее тело». Следовательно, принцип поголовного обзаведения лошадьми к 1843 г. был отвергнут в пользу более рационально-

го подхода, основанного на имущественном цензе. «Слухи о распоряжении Шамиля к приготовлению многочисленной конницы ежедневно подтверждаются», – уже в марте 1843 г. кавказские власти докладывали в Петербург. Однако из подлинного письма Шамиля в том же марте видим, что имам требовал, чтобы лошади были «только у кади, превосходных алимов и у сотенных командиров». Позднее, делая вид, что готовится действовать на равнине (октябрь 1843 г.), имам приказал, чтобы в Дагестане и Чечне каждый горец, владеющий коровой и парой быков (т. е. все, кроме самых бедных), непременно обзавелся бы конем²⁰⁶.

Дошедшие до российской администрации известия о личных распоряжениях Шамиля в начале 1847 г. сводились к следующему: «...Чтобы партии были хорошо вооружены, имели бы побольше патронов, надежно выкормленных лошадей и были бы готовы в поход по первому сигналу»²⁰⁷. В другой раз «Шамиль отдал приказание, чтобы все непокорные жители Большой и Малой Чечни, как конные, так и пешие были в полной готовности к выступлению в поход на сих днях; почему все лошади, бывшие в горах на пастьбе, приведены в аулы»²⁰⁸. Контроль за состоянием коней ополченцев входил в обязанности наивов²⁰⁹.

Если верить Казем-Беку, «числительное отношение» пехоты (*мешиат*) к кавалерии (*феварис*) в имаamate «было как семь к пяти»²¹⁰. Но в реальности соотношение пехоты и конницы никогда не равнялось каким-то фиксированным нормам, все зависело от конкретных обстоятельств. Например, в Кабардинском походе 1846 г. пехота, по некоторым данным, составила 2/3 армии Шамиля²¹¹. Польский русофоб Матуш Гралевский (1826–1891), прослуживший на Кавказе 12 лет (1844–1856 гг.) и активно интересовавшийся деятельностью Шамиля, полагал, что «вооруженные силы Дагестана и Чечни делились на пехоту, конницу и артиллерию. Численность первой составляла, самое большее, 40 000, второй – 6000, а третьей – 500 человек»²¹².

Перед началом кампании имам традиционно отдавал приказ исправить оружие и (особенно если планировал двинуться в горы) подковать лошадей (или даже иметь лишние подковы на каждую лошадь)²¹³, которых ввел в обычай осматривать перед каж-

дым набегом (в особенности дальним). Если чья-либо лошадь, по осмотру, признавалась неспособною выдержать продолжительного пути, то оставалась дома вместе с всадником. Это считалось бесчестьем и случалось крайне редко. Каждый старался явиться на хорошей лошади, а если не располагал собственным конем, брал на время лошадь у соседа, «за что не платит ничего и тогда, если возвращается с добычей, как например со скотом, как главным промыслом»²¹⁴. «Если кто-то не мог выступить, он обязан был дать лошадь или заплатить (*уджра*) тому, кто в состоянии выступить»²¹⁵. Разорившиеся, но способные носить оружие жители могли обращаться к Шамилю и получали все необходимое за счет общественной казны, а нередко и за собственный счет имама²¹⁶.

Кроме ополчений частных, в крайне редких случаях происходила (в том районе, где и велись бои) мобилизация всего мужского населения, способного носить оружие «под опасением, за неисполнение, строгого наказания»²¹⁷. «Наибы иногда не довольствуются сбором в партию с каждого семейства по одному человеку, но приказывают выходить всем, кто только в состоянии носить оружие, и тогда оставляется в каждой деревне пять или шесть человек вооруженных. Такого рода сборы бывают очень редко» (Чечня)²¹⁸. «В крайних случаях ближайшие общества выступают поголовно, а из дальнейших, сколько может собраться в данное время»²¹⁹.

Пример **всеобщего набора**: в ноябре 1843 г. Хаджи-Мурат для взятия укрепления Зыряны, чтобы усилить свой отряд (аварцы), приказал отправиться к Зырянам из шамхальских деревень Эрпели, Каранай и Ишкарты сперва по одному человеку от каждого «дыма», а потом – всем, кто мог носить оружие²²⁰. И для летней кампании 1840 г. (прославившейся битвой на р. Валерик) чеченские наибы предприняли «неслыханный дотоле сбор в Чечне, в котором были мичиковцы, жители Большой и Малой Чечни, бежавших надтеречных и всех сунженских деревень, с каждого двора по одному человеку»²²¹.

Особенно часто подобную мобилизацию организовывали в обществах, едва только занятых войсками имама, в качестве проверки на лояльность. Так, основные потери имама

в Казикумухе (1842 г.) пришлось на «жителей этого ханства, которых Шамиль не имел причины беречь»²²². В сентябре 1844 г. мулла Шабан «потребовал именем Шамиля поголовного ополчения всего Анкратля, Купачу и Анцуха»²²³. А 7 сентября 1847 г. Шамиль приказал покорившимся днем раньше жителям рутульского магала (Самурский округ) выслать к нему всех людей, способных носить оружие, и те повиновались²²⁴. Расследование показало, впрочем, что когда от жителей Даргинского округа имам в октябре 1846 г. потребовал присоединиться к его войску с оружием в руках, они всячески медлили и уклонялись от исполнения этого повеления. Шамилю удалось собрать всего около 250 чел., но и они оставались простыми зрителями боя при Кутешах²²⁵. С кабардинцев, в земли которых он вторгся, имам (апрель 1846 г.) требовал «с каждого двора по одному всаднику», но сколько-нибудь серьезной поддержки так и не получил²²⁶. В Лезгинском походе 1853 г. Шамиль «крепко ошибся в надежде восстания не только наших лезгин, но и всех наших мусульманских провинций... даже из тех деревень, чрез которые неприятель проходил»²²⁷. С другой стороны, при новом вторжении и штурме укрепления Ахты (1848 г.) жители местного селения «наиболее сильно [по сравнению с другими войсками имама] сражались и атаковали крепость, в связи с чем множество из них было убито»²²⁸. Из письма А.П. Ермолова М.С. Воронцову: «...Примечается хитрость Шамиля, который и на штурм Ахты и на высоты Мискиндже употребил жителей Самурского округа, мало подвергая своих приверженцев, кроме начальников. Я рад, что Шамиль наказывает наших изменников, ибо без согласия их не смел бы он проникнуть так далеко в Самурский округ... Он дал им хороший урок в верноподданстве, лучше нежели могли то сделать наши начальники, и теперь конечно можно более на них рассчитывать»²²⁹. Как утверждали очевидцы, перед делом на Гамашинских высотах (июль 1851 г.) «жители многих подвластных нам селений говорили открыто, что если Шамиль собьет апшеронцев с высот, они должны будут перейти на его сторону и действовать против нас»²³⁰.

При массовом привлечении мужского населения к службе в армии военная обязан-

ность в имамате неизбежно распространилась и на «рабочий скот, не имеющий ни минуты отдыха» в дагестанском ауле²³¹, т. е. на **женщин**, но только с 1845 года²³². Тогда в имамате было принято постановление о том, что «всякая женщина должна иметь пику с железным наконечником и в случае надобности сражаться вместе с мужчинами»²³³.

Впрочем, это постановление осталось на словах (по крайней мере для Чечни): «Неимеющий оружия называется бабой: сте-сенна. Женщины не носят его, но в Гильдагане, где я жил, была одна, постоянно носившая мужское платье; она даже исполняла мужские работы – пашню и покос. Случается, что вооружаются и они: это при нападении наших на аулы»²³⁴. Женщины если и участвовали в военных предприятиях, то на добровольной основе²³⁵, иногда (как, например, в Ахульго) переодетые в мужскую одежду²³⁶. Так, при атаке крепости Бурной (1831 г.) среди нападавших «оказались даже женщины, стрелявшие по гарнизону из пистолетов»²³⁷. Но свои аулы женщины защищали с оружием (хотя бы кинжалами и топорами) в руках на протяжении всей Кавказской войны²³⁸. При защите Гуниба «много

присутствия духа обнаруживали в эти часы и наши женщины. Так одна, напр., то была еврейка-мусульманка Зейноб (из пленниц), жена Юнуса, бывшего казначея Шамиля – надела на голову чалму и в таком виде ходила с обнаженной шашкой по улицам аула и возбуждала мужчин к бою. Раньше она прославилась тем же при Ахульго (1839 г.)»²³⁹.

Случалось брать в плен и вооруженных (хотя бы даже одними камнями) детей – как, скажем, при взятии Цельмеса в 1841 г.²⁴⁰ или при обороне Ахульго²⁴¹. К 1842 г. «мальчишкам приказано было завести и носить оружие, чтобы привыкнуть к обращению с ним»²⁴². Когда в мае 1844 г. был объявлен сбор всех способных носить оружие в Гехинском лесу, лазутчик «видел сам 12-ти-летних мальчишек с ружьями в лесу»²⁴³. М. Гралеvский упоминает, что войско Шамиля в битве на Гамашинских высотах летом 1851 г. «наполовину состояло из стариков и мальчишек старше 12 лет»²⁴⁴. Мобилизация населения имамата для войны действительно была тотальной!

Численность ополчения округа зависела от масштабов заселения конкретного наибства. «Имамат объединял более 3000 населенных пунктов (селений, аулов), более 90% из них активно участвовали в военных сражениях и походах»²⁴⁵. Но «необходимо отметить, что в период правления Шамиля на Северном Кавказе о государстве в современном смысле можно говорить лишь условно. Масштабы и контуры его территории постоянно менялись в зависимости от военных успехов и поражений, в результате чего границы были весьма подвижными...»²⁴⁶.

Хорошо осведомленный французский консул в Тифлисе Г. де Кастильон в 1844 г. докладывал министру иностранных дел о том, что каждый наиб Шамиля располагает 3 тыс. «милиции, предназначенных для защиты территории своего округа» (и 300 всадников личной дружины)²⁴⁷. Но более точна оценка Хаджи-Мурата: «Числительную силу каждого наиба можно полагать до 1000 чел.; у иных бывает меньше, у других же доходит до 2-х т.» (см. ниже)²⁴⁸. По некоторым указаниям, летом 1843 г. Шамиль «назначал число вооруженных людей, долженствующих являться по первому зову его от каждого общества и селения»²⁴⁹. Полковник Н.А. Окольников от-

Шашки работы кубачинских мастеров середины XIX в.

мечал: «Если обстоятельства потребуют сбора войск, то или все могущие носить оружие выходят поголовно, и это бывает, как мы сказали, в крайних случаях, или же количество вооруженных, с такого-то и такого наибства, назначается предварительно самим Шамилем. Простота системы и природная способность горцев к войне дают возможность набирать большие силы в самое короткое время»²⁵⁰. По словам М.Я. Ольшевского, имам обязал наивов Чечни «непрерывно выставлять то число пеших или конных чеченцев, которое от них требовалось», подчеркивая, что речь не идет о поголовном ополчении²⁵¹. Это говорит о существовании квот для ополченцев, которые в каждом конкретном случае предварительно назначались имамом. Объем данных квот зависел от числа мужчин на двор²⁵².

Данный принцип комплектования ополчения использовался и ранее имамами. Так, Гази-Мухаммад в июле 1831 г. приказал верным ему чеченцам выставить с каждых 10 человек одного хорошо вооруженного²⁵³. Гамзат-бек в июне 1834 г. «ожидал конницы от Койсубулинцев, кои обязались выслать ему по одному вооруженному от 20-ти дымов», а в июле потребовал «от ханов [Хунзаха и других владений Дагестана] с десяти человек их подвластных по одному»²⁵⁴.

Но Шамиль впервые воспользовался данной системой, видимо, только в 1840 году. Тогда, в апреле, имам приказал чеченским наивам Ахверды-Магоме (Ахбердил-Мухаммад) и Джавад-хану собраться в условленных пунктах и «иметь каждому при себе с 10 дворов по 2 человека»²⁵⁵. Немного ранее, расположившись в Маюртупе, Шамиль обязал окрестные аулы не позже 10 дней выставить треть вооруженных жителей (для вторжения в Аух)²⁵⁶. В Дагестане «во время своего отступления от Султан-Янги-юрта он [Шамиль] рассылал призывание для ополчения с 3-х вооруженных по одному: от салатавцев, гумбетовцев, андийцев, богалальцев, джемалальцев, технуцальцев и других племен по Андийскому Койсу» (август 1840 г.)²⁵⁷.

Судя по проделанным в первой половине 1870-х гг. подсчетам (Андийский округ, Дагестан), ополчение семи наивств данного края в начальное время мюридизма составляло 7739 пеших и 2604 всадника (подробнее см. далее)²⁵⁸.

Что до Чечни, к 1843 г. «мичиковцы могут поставить до 2000 вооруженных людей, ауховцы до 1500, Большая Чечня около 2500 и Малая до 4000, а следовательно чеченцы без помощи [дагестанских] горцев, могут поставить около 10 тысяч человек, третья часть из этого числа может быть конными»²⁵⁹. На конец 1840-х гг. «сведения о числительном состоянии могущих принимать участие в военных действиях чеченцев доставлялись постоянно лазутчиками и проверялись показаниями влиятельных лиц, разновременно выселявшихся в наши пределы. По этим сведениям, никогда резко не противоречившим одно другому, вся Чечня, большая и малая, могла выставить в поле не более 2800 человек и в самых крайних случаях 2860, но в таких случаях приходилось снимать все наблюдательные посты и пикеты»²⁶⁰. Здесь учитывается только кавалерия, но общий военный потенциал региона был не столь уж велик. Капитан Н.Н. Забудский (1851 г.), оценивая население подвластной Шамилю Малой Чечни примерно в 10 тыс., а Большой – до 34 тыс. душ, полагал: «Если каждый двор поставит одного вооруженного человека, основываясь на постановлении Шамиля, то Большая и Малая Чечни могут выставить до 7000 человек как конных, так и пеших», не считая ауховцев, ичкеринцев и племена Черных гор (население – приблизительно 41 тыс. душ)²⁶¹.

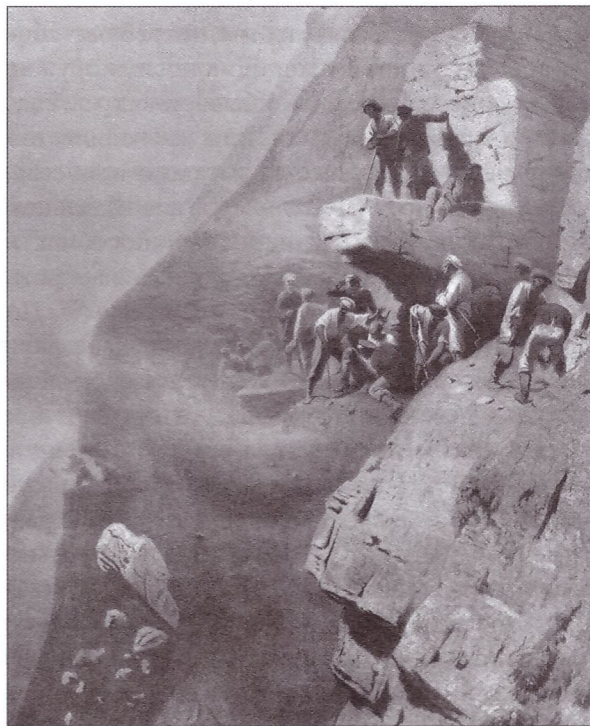
Серьезным стимулом при созыве ополчения выступала **добыча**. Все имамы это отчетливо сознавали, да и известные представления о джихаде и газавате не противоречили такому подходу к делу, хотя прикрывались пышными словами о служении Аллаху. Для Гази-Мухаммада «военные успехи и добыча – главные рычаги для овладения умами горцев»²⁶². «Теперь, друзья, – заявил Гази-Мухаммад в одном из походов, – оставим немного людей караулить здесь наше имущество, а сами пойдем и бросимся на этих русских, которые находятся в ауле Казанищи. Начнем войну и, для освещения своего пути, завоюем себе добычу». Гамзат-бек, поднимая белокавказских лезгин, «обещал богатую добычу и славу будущим участникам похода, и скоро к нему начали стекаться горская гольтыба – вольница». А «после того как имам Шамиль уволил Хаджи-Мурата от должности наива, все мюри-

ды обеднели, потому что прекратились набеги и добыча. С Хаджи-Муратом мюриды шли на бой с охотой: они не оставались голодными и холодными. С того дня, когда ушел Хаджи-Мурат, набегов не было, за исключением одного, который был сделан Шамилем на Грузию. Вследствие этого народ обеднел и мюридам надоело воевать с русскими»²⁶³. Весьма показательно, что как только удавалось завладеть чем-то ценным, религиозный пыл горских «гази» быстро остывал. На военном совете перед противостоянием под Танусом (1843 г.) мюриды и наибы даже осмелились возражать имаму, настаивавшему на битве. Недовольные говорили, что «нужно нам вернуться с этими великими трофеями и благородной добычей, ибо обычай наших отрядов – не встречаться в битве с врагом после того, как в руки отряда попала какая-либо добыча»²⁶⁴.

Современник следующим образом описывал раздел добычи первым имамом: «Когда воины Газимухаммеда угнали овец из этого селения [Каранай], они попросили его распределить добычу поровну. Газимухаммед сказал им: “Какой раздел вы желаете: Всевышнего Аллаха или людской?” Они ответили: “Всевышнего Аллаха”, полагая, что это будет более справедливым дележом. Тогда Газимухаммед начал так: одному – две овцы, второму – три, следующему – четыре. По окончании раздела Всевышнего Аллаха он сказал: “Вот это и есть раздел Всевышнего Аллаха”. Тогда воины ответили: “мы не хотим такого раздела”. Тогда разделили поровну»²⁶⁵.

По правилам шариата, четыре части всей добычи выделялись поровну участвовавшим в ее захвате, «или натурою, или, по оценке, деньгами». Остальная часть добычи (а также пятая часть пленных или денег, вырученных от их выкупа) – хумус, или хумс (пятина), со времен Газимухаммада отходила имаму²⁶⁶ (если не присваивалась наибами). В соответствии с традиционными арабскими нормами (ср.: Коран, VIII:41), она делилась тоже поровну на пять паев:

1) *Завил-Курба* (*зу'л-курба*, доля родственников пророка) – для потомков курайшитов, племени пророка Мухаммада (представителями его в Дагестане «считались» 13 семейств – 72 чел.). Низам Шамиля их не касался, и вся их доля вплоть до 1859 г. распределялась по

Строительство русской военной дороги в Дагестане. Литография по рисунку В.Ф. Тимма

принадлежности без всяких изменений²⁶⁷. Дагестанские «потомки Пророка» весьма неохотно принимали участие в военных действиях ради славы. «Но за то не было набега, обещавшего хоть какую-нибудь добычу, в который не отряжались бы представители привилегированного племени в качестве комиссаров для наблюдения за правильностью выдела Хумуса».

2) *Масаалех* (*сахм ал-масалих*, доля мусульманской общины) – «достойному достойное», например, для *дервишей* (отшельников) и ученых. В Дагестане эти деньги выдавались только по воле самого Шамиля, «который по достоинству “достойного” определял и цифру гонорара. Однако достойных людей в Дагестане, по-видимому, было немного, потому что остатки суммы Масаалех постоянно оказывались весьма значительными и Шамиль употреблял их... на постройку и исправление мечетей, укреплений, дорог и на другие подобные же общепользные сооружения».

3) *Ибн Сабил* (*ибн ас-сабил*, «странник», объект милосердия / сострадания) – формаль-

но, пособие паломникам в Мекку (безвозмездно) и «людям, отправляющимся на войну против христиан и встречающим недостаток в каких-либо военных принадлежностях» (заимообразно). Но Шамиль, обычно не разрешая путешествие в Мекку²⁶⁸ (кроме людей зажиточных), обратил соответствующие суммы на военные нужды, присоединив к общественной казне. «Нужды же людей, способных к войне, но недостаточных, хотя удовлетворялись на счет этого же пая, но такие расходы были весьма незначительны, потому что оружие, например, выдавалось нуждавшимся из арсенала Шамиля... лошадь из его табунов, рабочий скот и бараны – из его же стад. Следовательно, деньги были нужны только на покупку различных принадлежностей одежды, что конечно требовало весьма немного». Возвращать деньги имаму было необязательно, все зависело от честности должника.

4) *Масакин* (доля бедных) – для людей недостаточных.

5) *Фукара* – пособие для нищих. Шамиль объединил *масакин* и *фукара*, а к разряду нищих отнес также «бесприютных сирот, калек, людей разоренных войною и вообще лишенных возможности добывать пропитание собственным трудом»²⁶⁹.

Итак, 4/5 добычи оставалось в собственности воина. Но фактически большая часть трофеев тоже попадала в руки наивов, их дружинников, муртазек. Разве что о наиве Хаджи-Мурате его сын рассказывал, что «после возвращения он... выдавал бедным пятую часть всей военной добычи [так называемый “хумс”]. Шариатская доля также выделялась и отправлялась в Дарго – имаму. Хаджи-Мурат не был гордым и строгим для товарищей. Из добытого достояния он пользовался равной с товарищами частью, за богатством не гнался...»²⁷⁰. Другие наивы не отличались подобной принципиальностью. В 1844 г. В.И. Мочульский писал: «Добыча и главнейшие выгоды военных действий вообще достаются в удел мюридам и они над прочими воинами и жителями имеют много преимуществ...»²⁷¹. Да и сам Хаджи-Мурат в апреле 1851 г., после неудачного набега, вместе с гимринским старшиной

«присвоили себе все, что только им [участникам рейда] удалось дотащить до Гимр»²⁷².

Князь М.Б. Лобанов-Ростовский приводит свою версию раздела добычи в Чечне после 1841 г.: «Добыча подчинена правильному разделу: третья часть всей добычи Шамилю, другая треть бедным, но она поступает обыкновенно к наиву, последняя же делится поровну на тех, которые участвовали в набеге. Десяточному вдвое против рядового, сотенному – вчетверо, пятисотенному – в восемь раз»²⁷³.

Так выглядел раздел добычи Ахбердил-Мухаммадом (после рейда в Малую Кабарду в апреле 1841 г.): «1/5 часть наив взял себе, остальное же получили его подчиненные; при этом, на 36 человек пришелся один пленный и на двух – одна штука рогатого скота» (трофейных баранов горцы съели по пути домой)²⁷⁴. После удачного грабительского рейда в Кахетию (1854 г.) «была выплачена каждому, кто принес что-либо из богатств, будь то много или мало, десятая часть [от того, что он принес]. Затем от остатка богатств и пленных была отделена одна пятая часть. Все остающееся было распределено между участвовавшими в захвате добычи: пешему одна доля, всаднику – три доли»²⁷⁵. Однако в реальности «по всем сведениям, доставленным лазутчиками, Шамиль и большая часть горцев считают сделанный ими поход [в Грузию] неудавшимся и нисколько не соответствующим тем ожиданиям, которые имели они при выступлении. Довольны только те, на долю которых досталась часть добычи, захваченной в Кахетии, но таковых немного в сравнении с численностью целого скопища»²⁷⁶. Произвольное «утаивание добычи» наивами достигло в этом походе таких вопиющих величин, что нашло место даже на страницах придворной хроники Шамиля²⁷⁷.

Если имам считал необходимым не портить отношения с местным населением, он мог приказать, чтобы «отобрали у ополченцев все то, что последние взяли у жителей этих селений, и возвратили обратно владельцам»²⁷⁸. Вообще же, запрещалось начинать грабеж «без позволения имама или его векиля. Виновный наив низводится на должность начальника сотни»²⁷⁹.

7. МОБИЛИЗАЦИЯ И СНАБЖЕНИЕ ВОЙСК

«Если русские войска появятся на окраинах Дагестана и Чечни, наиб тот же час посылает сообщение имаму, когда бы это ни было – вечером или днем. Случалось неоднократно даже во время войны, что имам вставал в полночь с постели и отправлялся в помещение дивана и, вызвав секретаря и еще одного или двух человек, давал распоряжение отправить к наибам письма, что тотчас же исполнялось. В них имам требовал от наибов» «выступить в определенное место со своими воинами (*джунуд*) и приехать на место сбора (*муаскар*) в указанное время, взяв с собой провиант. И они, наибы и их войска, не опаздывали, приезжали в указанное время, будь то лето или зима, не были для них помехой ни дождь, ни слякоть, ни снег»²⁸⁰.

Уведомления насчет созыва войска (указание на место и срок сбора, условия, необходимые для похода) передавались «чрезвычайно быстро. Они развозятся конными, которые, имея записку от Шамиля, вроде открытого листа, нигде не встречают никаких затруднений и задержек, везде получают свежих лошадей и продовольствие от жителей»²⁸¹. «Имам послал гонцов для сбора ополчения по дороге [следования]. Они шли и днем и ночью, обгоняя даже вести [об их приближении]» (1843 г.)²⁸². В случае надобности Шамиль рассылал своих мюридов с повелением (устным или письменным) собрать войска²⁸³. В целом, «Шамиль мог не особенно сокрушаться об отсутствии телеграфа: его приказания разносились по горам с быстротою, которой с трудом верится»²⁸⁴.

Повелевая цудахарцам и акушинцам к 3 февраля 1844 г. «быть в полной готовности выступить на 7 месяцев в поход» (на Казикумух), имам приказал каждому «иметь в запасе для похода по две пары сапог, архалух [бешмет] и теплую одежду»²⁸⁵. 1 марта 1843 г. Шамиль приказал андалальцам иметь по одному зерновому хлебу

и через две недели быстро и скрытно собраться в Рутудже²⁸⁶. Сохранилось подобное мобилизационное послание имама, адресованное Галбацдибиру, наibu Караты (март 1843 г.): «Засучи рукава, заостри саблю свою и выходи со всеми, кто в твоём подчинении (за исключением имеющих оправдание) на джихад с теми проклятыми чеберлоевцами в будущий понедельник с провиантом на десять дней к селению ансалтинцев... Остерегайся послушаться»²⁸⁷.

Для более позднего периода такого рода посланий больше²⁸⁸. Шамиль чеченским наибам (Бате и Талхику; около начала апреля 1846 г.): «...Я приказал всем наибам собрать вверенные им части войск в будущую субботу (13-го апреля) прежде полудня. То же самое должны будете исполнить и вы. Шали я назначаю сборным пунктом, куда и сам прибуду с несколькими орудиями в назначенное время». Шамиль чеченским наибам (Атабаю, Саадулле, Дубе и Талхику; май 1846 г.): «...Предписываю собрать всю чеченскую кавалерию к будущему четвергу в Шали. Вы должны быть там с партиями [отрядами] до моего прибытия. Если Бог позволит, я в тот же день буду и сам в Шали». Шамиль мудир Галбацу (9 августа 1846 г.): «Готовьтесь к выступлению в будущий четверг [т. е. ровно через неделю]... со всеми [людьми] вашего вилайата, конными и пешими, без задержки и промедления». Шамиль мудирам Галбацу и Саиду (9 сентября 1846 г.): получив известие о приходе русских в селение Салта, «вам обоим необходимо будет выступить туда с [людьми] обоих ваших мудирств, не задерживаясь ни на мгновение. Остерегайтесь небрежения!» Наконец, Шамиль Галбацу (12 октября 1846 г.): «Тебе необходимо выступить со всем твоим мудирством – пешими и конными – в четверг [14 октября] без задержки и выжидания».

Наиб, получив приказ, через своих мюридов («своих помощников, назначаемых из каждого аула, которые и живут у него в карауле по-недельно») доводил его содержание до нижестоящих начальников (мазунов, пятисотенных командиров или сразу сотенных), указывая время и место сбора, и просил о заготовлении на необходимое число дней провианта. Пятисотники, в свою очередь, отправляли посланцев к сотенным начальникам, а те к десятникам, из которых каждый, взобравшись на крышу своего дома, оповещал свой десяток, «когда и куда собираться в набег, на сколько дней; или: прорыть канаву, или очистить ее, для пропуска воды; починить мост, или не рубить лес, как единственную защиту, и прочее». «Говорят, – кричал он с крыши, – завтра утром выступить в поход всем конным и пешим. Кто не пойдет, с того возьмут штраф»²⁸⁹.

При спешных сборах в Чечне раскладывали костры, сигнализируя округе о вторжении русских и обозначая место, куда спешили ополченцы²⁹⁰. «По всей границе расставлены маяки (шесть, обвитые соломой), по зажжении коих ближайшие к нему жители должны сбегаться, в то же время сигнал передается по всей Чечне, а выстрелы означают, в которой стороне тревога»²⁹¹.

Эта примитивная, но эффективная сигнализация нашла отражение на страницах кавказских произведений классиков русской литературы:

«Над допотопными лесами
Мелькали маяки кругом;
И дым их то вился столпом,
То расстился облаками;
И оживились леса...»²⁹².

«Изредка на мрачном фоне гор вспыхивали в различных местах яркие огни и тотчас же исчезали.

– Скажите, пожалуйста, что это за огни? – спросил я шепотом у татарина...

– Это горской солома на таяк²⁹³ связал и огонь махать будет... Чтобы всякий человек знал, – русской пришел...»²⁹⁴.

«Пешие и конные собираются на сборный пункт по одиночке, там они формируются в части»: наиб подразделял воинов (немедля или же на месте сбора) на десятки, сотни и полутысячи, давал им временных начальников (помощников наиба, его дружинников). За неявку виновных сажали в яму, взыскивали штраф, иногда подвергали телесному наказанию (палочным ударам)²⁹⁵.

Каждый командир вел свою команду на назначенный сборный пункт, причем наибы были обязаны спешить туда «хотя и с неполным сбором, с войсками, которые находятся под рукою»²⁹⁶. Согласно «Положению о наибах» (принято на Андийском собрании должностных и почетных лиц имамата, возможно, в конце 1846 или начале 1847 г.), не допускалось смешение отрядов разных наибств: «они должны идти в порядке, куда поведет их старший, – каждая часть под значком наиба своего, отнюдь не смешиваясь с другими частями. Нарушитель порядка сего наказывается публичным выговором»²⁹⁷. Прибыв на пункт сбора, «они располагаются на открытом воздухе, если время теплое; в противном же случае размещаются по ближайшим селениям»²⁹⁸. Оттуда войска выступали в поход или же распускались обратно по своим селениям. Так, в январе 1846 г. Шамиль собрал войска в горах Северного Дагестана, преимущественно в Аварии. Но, оставив при себе по 200 мюридов от каждого наибства, с которыми он намерен был двинуться в Чечню против действовавшего там отряда, остальных имам распустил по домам с тем, чтобы они никуда не отлучались, т. к. через 10 дней будут снова призваны к оружию²⁹⁹.

«Обычай Шамиля был постоянно выступать с войском или во вторник, или в четверг» (т. е. в наиболее благоприятный для верующего мусульманина день), – вспоминал секретарь имама Хаджи-Али³⁰⁰. «Как имам выходил со своими мюридами на газават»: «Прежде всего пригоняли с пастбищ лошадей, подковывали и седлали [их], и мюриды выезжали, являлись вооруженными к дому имама и пели "Ла иллаха илла-ллах" и ждали его выхода со своим секретарем, казначеем, остальными мухаджирами и членами маджлиса. Тогда к дому стекались все жители селения, ученые, благочестивые, богомольцы, которые не выходили вместе с ним (то есть оставались в селении). Они стояли в ряд, провожали имама в сражение с молитвой, зывая (к помощи) Всевышнего Аллаха, к победе над русскими и благополучному возвращению имама, его мюридов и остальных мусульман... Мюриды поют: "Ла иллаха илла-ллах", пока не покинут селение... При возвращении имама с поля битвы жители Дарго встречают его так же радостно и торжественно, как и при церемонии отправки на битву»³⁰¹.

Выступление в поход сына Шамиля Гази-Мухаммада: «Со внешнего двора раздались приветственные выстрелы; затем около молодого предводителя развернулось знамя – и отряд тронулся с пением: Ля-иллях-иль-Алла!» (1854 г.)³⁰².

Волконский, пересказывая слова русского пленника, описывает выступление партии одного из аулов Чентынского общества (Чечня): «Вскоре эта священная песнь³⁰³ раздалась за аулом, и Дышнынская партия, с распущенными значками, под предводительством своего пятисотенного [«маазума», т. е. мазуна], мюрида Аслана, направилась к сборному месту и резиденции наиба, в аул Итон-Кале». Возвращение партии: «...На истощенных лошадаках, в разнохарактерных чухах, бешметах, полушубках и оборванных серых солдатских плащах, мелкою рысью подвигалась Дышнынская сотня. Впереди развевался двухцветный значок, и об руку с ним, блестя серебряною оправой оружия, ехали Аслан и мулла, представители этой нестройной, дикой, беспорядочной толпы, напоминавшей собой челядь Чингисханову»³⁰⁴.

Продовольствие, при отсутствии обозов, ополченец запасал и возил сам. Перебежчики и пленные показывали следующее о продовольственной части в отряде имама Гази-Мухаммада: «...Имеют каждый по несколько горстей кукурузной и ячменной муки, которой вообще может достать им на пять или на шесть дней... для приготовления пищи имеют только два небольших котелка, в которых варят галушки, а сверх того, каждый для себя замешивает из той же муки тесто и ест оное. Соли имеют весьма мало»³⁰⁵. Небезынтересно отметить, что весной 1831 г., готовясь к наступлению, имам «даже не упустил из вида всякого рода посуду для варки пищи»³⁰⁶.

При длительных походах воины либо кормились за счет жителей окрестных мест (что случалось редко) или военной добычи, либо отправляли специальные партии домой за провиантом. «Иногда даже Шамиль отпускает на это деньги, так например, под Ойсунгуром [август 1842 г.] он выдал единовременно войскам, по одному руб. сер. на 10 человек» (показания князя И. Орбелиани)³⁰⁷. Зимой 1841 г., готовясь к летним операциям, имам приказал собрать значительное количество зерна с чеченцев, а весной 1842 г. произвел дополнительные реквизиции, доходившие до 10 кг хлеба с каждого двора³⁰⁸. В преддверии

Кабардинец. Рисунок Г.Г. Гагарина

кампаний 1845 г. по всей Чечне собирали хлеб с каждого двора по 20 фунтов (к началу марта собрали до 5000 мер). Хлеб предназначался для дагестанских отрядов (каждому по мере на две недели), прибытие которых ожидалось в Чечне. При этом Шамиль «сначала покупал хлеб по вольной цене, потом назначил таксу невыгодную для чеченцев и, наконец, стал собирать хлеб без платы... в виде подати»³⁰⁹.

Когда счет воинам шел на тысячи, постоянно возникали проблемы со снабжением, которое у горцев вообще было организовано примитивно. Неслучайно походы старались начинать ранней осенью, после сбора урожая³¹⁰. «Как горцы ни умеренны в пище, однакожь бедность в Дагестане

такова, что округи решительно не в состоянии содержать войска Шамиля даже и нескольких дней; от этого сборы там бывают весьма непродолжительны³¹¹,³¹². В ходе боев 1845 г. «наибы и их ополчения... голодали до того, что даже жарили мясо павших лошадей и ели его»³¹³. Спустя год, в Кабардинской кампании, «запасы истощились и войска в продолжении 3-х дней не получали ничего, кроме одного проса»³¹⁴. Тогда войска Шамиля, «собранные из всех частей Дагестана (между пленными есть Аварцы и Унцукульцы) в последние дни совершенно голодали. Кабардинцы не могли или не хотели ему давать хлеба и с большим принуждением только делились рогатым скотом, а на возвратном пути многие умерли от жажды...»³¹⁵. Хаджи-Мурат был уверен, что жители «не хотели давать нам провианта», отчего «войско терпело большую нужду»³¹⁶.

При сборе весной 1847 г. войск те были сначала на собственном продовольствии (запасы на 20 дней), поскольку имам еще не собрал средств, да и дороги не позволяли производить доставку провианта. «Но к началу экспедиции к ним уже начали ежедневно подвозить отовсюду всякие запасы, не говоря уже о богатых и обильных остатках, доставленных Даниельбеком из его экспедиции, которые Шамиль также поделил между своими воинами». Впрочем, сам Гергебиль продовольствием был обеспечен слабо, и на руках у каждого защитника было по две *сабы* (1 саба = 1 мера = 50 фунтов) муки. Нельзя не отметить остроумную хитрость Шамиля, во время осады Салты попытавшегося переправить (в ночь с 1 на 2 сентября) в голодающее укрепление, под присмотром 2–3 мюридов, стадо баранов, груженых к тому же хлебом – сколько каждое животное могло поднять. Но вскоре и у самого Шамиля стал ощущаться недостаток в мясе и даже в хлебе – доставка провианта большими партиями была затруднительна, а кормить огромное скопище людей наличными запасами не представлялось возможным³¹⁷. В Салты же осажденные дошли до того, что, как говорится в песне неизвестного автора:

«Голодом измученные, лесные ягоды ели,
Жаждою томимые, конскую мочу пили»³¹⁸.

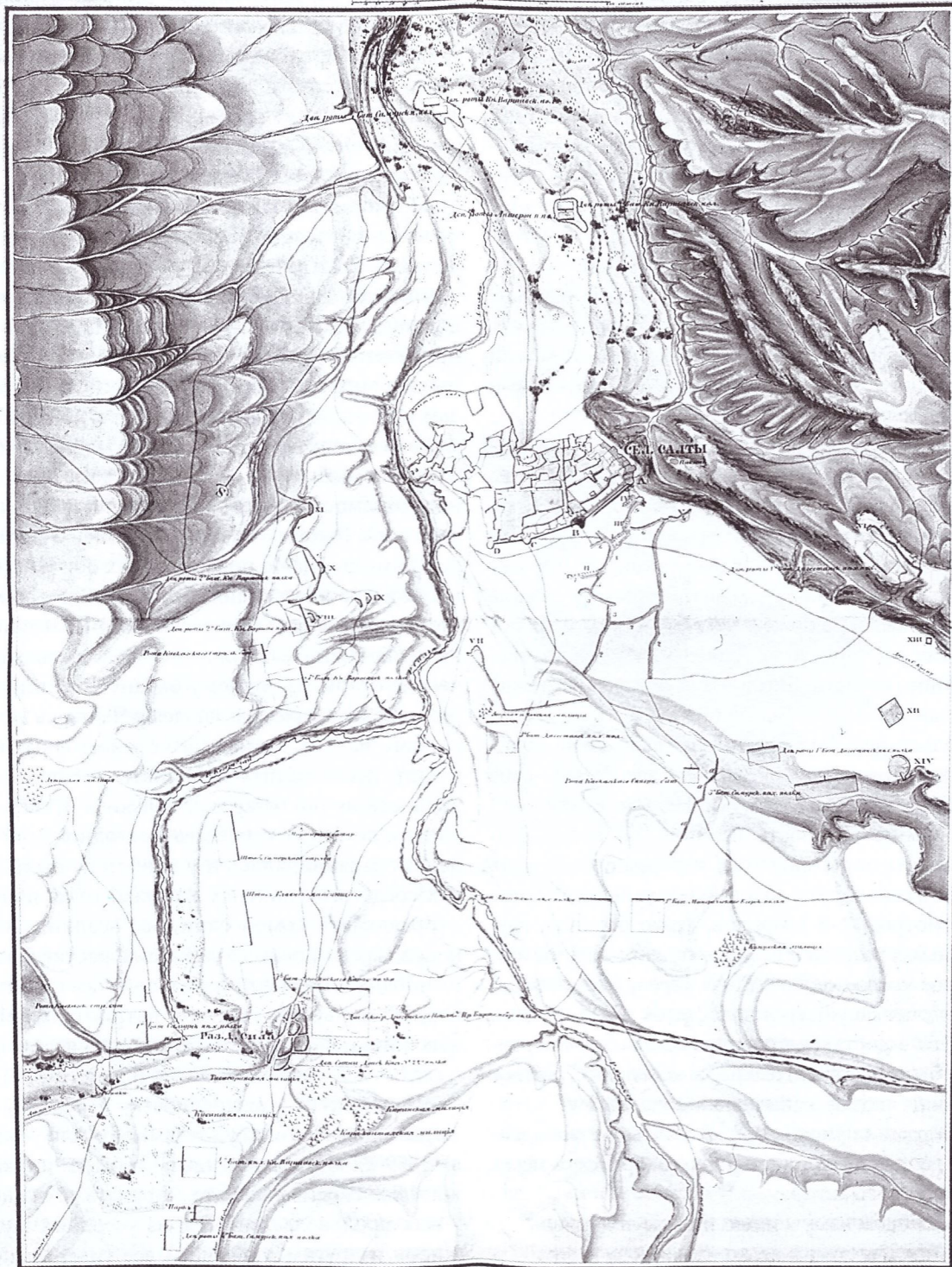
«С тех пор, как некоторые укрепленные местности Дагестана стали подвергаться долговременной осаде, а Чечню поставили Русские в необходимость выдерживать продолжитель-

ные экспедиции», прежние порядки не удовлетворяли новым потребностям. «Военный низам» Шамиля появился именно в этой связи. Согласно ему, дагестанские наибы, являвшиеся в Чечню со своими отрядами, обязывались запастись продовольствием (перевозимый на ослах хлеб, соль и перегоняемые бараны; хлеб закупался за счет военной казны – *Ибн Сабил*, составлявшей, по мнению Шамиля, не менее 100 тыс. руб.) «на возможно долгий срок» (его продолжительность не фиксировалась). Данное положение распространялось только на бедных воинов. Зажиточные же обязаны были заготовлять продовольствие за свой счет и по мере надобности перевозить на ослах. При нехватке провизии в случае неурожая в Дагестане чеченцы должны были продавать свои запасы наибам по следующим ценам: на 1 руб. до 12–16 *саб* муки. В случае неурожая в самой Чечне, хлеб запасался заблаговременно в Дагестане и по мере необходимости перевозился на театр военных действий. Говоря о снабжении войск в Дагестане, Шамиль, зная о повсеместных обильных запасах хлеба в аулах, позаботился только о мясном довольствии: имам обложил постоянной, но необременительной податью частновладельческие отары (по одному барану с сотни). Фураж для кавалерии закупался в Чечне на деньги особого налога, взимаемого с зажиточных вдов и лиц, неспособных исполнять военную обязанность лично (старики, калеки и проч.) – от 25 коп. до 2 руб. серебром ежегодно. Если эти деньги заканчивались и у наибов не было других средств на покупку фуража, тогда лошади отправлялись домой одни, без всадников. Наконец, когда военные действия растягивались на продолжительный срок и войскам грозил голод, Шамиль «обращался к патриотизму местных жителей», и зажиточные горцы всегда присылали не только баранов, но и деньги³¹⁹.

Патриотизм подкреплялся угрозами. Из письма Шамиля наибу Мухаммаду-Али (7 апреля 1859 г.): «Повелеваю тебе, чтобы ты приказал жителям своего вилайата... продать имеющееся у них продовольствие тем из усердных мухаджиров и другим отдающим все силы [священной войне], кто в нем нуждается. Если же они откажутся продать его в то время, как станет известно, что у них есть продовольствие в количестве, превышающем необходимое для них са-

ПЛАН
УКРЕПЛЕННОГО СЕЛ. САЛТЫ.
с указанием расположения войск и осадных работ.
в 1847-м году.

45420

«План укрепленного сел. Салты. С указанием расположения войск и осадных работ. В 1847-м году»

мих, отправь кого-нибудь из своих соратников, чтобы он прикрикнул на тех, кто отказывается [продать], и обязал бы их продавать [по цене] два кайла за куруш, и ни зерна меньше (тех двух кайлов), невзирая на разговоры людей, если ты – наиб. Я приказываю это и другим наибам»³²⁰.

Наконец, под страхом ареста и конфискации выручки («в пользу беглых солдат») в имамате запрещалось сбывать в русские крепости и «мирным туземцам» хлеб, железо, лес и другие «произведения земли», а также (начиная с 1849 г.) продавать им же баранов³²¹.

Несмотря на низам, населению Чечни приходилось самому готовить провиант (летом 1846 г. «Шамиль приказал всем жителям Чечни, в каждом семействе заготовить по четверти муки для довольствия сборищ его, время прибытия коих он не определил») и фураж для довольствия переброшенных в регион дагестанских войск. Также чеченцы должны были предоставлять место для проживания «тавлинцам» (как именовали чеченцы и лезгин, и вообще дагестанцев). Это была тяжелая и неприятная обязанность³²³.

«Тем более что пришельцы играли отчасти роль экзекуционных войск; порождалась вражда между населением Чечни и гор; дагестанские толпы помогали весьма мало, ибо в лесах не умели драться, да и особого рвенія... не проявляли...»³²⁴. Дагестанцы «вообще не ладили с местными жителями – теперь и прежде, и только, благодаря имаму, делили кое-как общие интересы без открытой неприязни». Чеченцы «от всей души желали бы как-нибудь избавиться теперь от этих непрошенных гостей», «систематически» разорявших их «своими военными постояями». Дагестанцы с особенной охотой являлись в Чечню на зиму: «Тут главную роль играла не столько война, сколько недостаток у них в горах фуража и всякого зерна. Они прибывали, конечно, конные, продовольствовали своих лошадей [и других вьючных животных] насчет чеченцев, кормились сами на их же счет... За это-то именно чеченцы их и не терпели, в особенности в последнее время, когда Шамиль повадился сосредоточивать у них все большие и большие партии»³²⁵. Переселявшимся в Чечню дагестанцам Шамиль выделял землю (за счет местных общин), а недовольных этим чеченцев жестоко карал³²⁶.

Тавлинец (Дагестан). Рисунок Ф.Ф. Горшельта

По словам Д. Бэддли, подчеркивавшего экстраординарную мобильность конных войск Шамиля³²⁷, серьезное преимущество военной системы имама заключалось в том, что она позволяла ему собрать или рассеять его силы по первому требованию и за невероятно короткие сроки, а также обходиться без специальной системы снабжения и обоза («не обременены многочисленными обозами, как наши войска») ³²⁸, кроме тех припасов, которые каждый воин возил с собой³²⁹. Бэддли, однако, описывает военную систему имамата на период 1843–1845 г. и не учитывает оборонительные операции горцев. Они же с 1844 г. составляли все большую часть содержания военных кампаний имамата. А концентрация сил, вызывая проблемы со снабжением, лишала действия войск Шамиля той самой внезапности и полной непредсказуемости для русского командования.

8. НЕДОСТАТКИ ОПОЛЧЕНИЯ

Простота системы мобилизации, природная способность и подогреваемая религиозным фанатизмом готовность горцев к войне позволяли имаму сосредотачивать значительные силы в нужном месте и в нужное время. «Мы имеем дело не с армией, а с целым народонаселением, взросшим с оружием в руках, чрезвычайно развитым не только в тактическом, но нередко и в стратегическом отношении. Армию может стеснять в ее действиях затруднительность сообщений, недостаток запасов, болезни, нерешительность или бездарность начальников и множество других причин, а нашего противника подобные случаи не касаются: он у себя дома; днем дерется, ночью придет в свою саклю, поест, почистит, исправит оружие, отдохнет и на заре опять в лесу или за завалом, на родной почве, защитником своей семьи и очага. Следовательно, здесь не представляется и возможности действовать на одну из тех слабых сторон, которые представляются у регулярной армии. Здесь поражение неприятеля, его отступление, даже поспешное бегство, есть не более как временный успех, весьма часто без всяких результатов. Сегодня рассеянный в одном месте, неприятель соберется завтра в другом; и увлекитесь только вчерашним успехом да пройдите в какой-нибудь частый перелесок, в овраг, из которого гололедица или невылазная глинистая грязь не выпускает вашу артиллерию и обоз несколько часов, – так этот, по вашему мнению, разбитый, расстроенный неприятель покажет себя»³³⁰.

Однако ополчение, при своих многочисленных достоинствах, имело и ряд недостатков. Во-первых, ополченцы были лишены должной дисциплины и стойкости в бою. Сражаясь прежде всего за свое общество/аул, вдали от дома такие воины теряли боевые качества, а «не получая добычи, необходимой

для пищи большей части из них», или при известии о вторжении русских в их земли (пока они воевали за Шамиля в другом пункте) горцы начинали разбегаться по домам. Наконец, во время сельскохозяйственных работ они вообще не имели возможности принимать участие в военных действиях: «Известно, что горцы не могут оставаться постоянно в сборе. Тогда они расходились по домам для уборки хлеба и потом, по вызову вождя своего, опять явились там, где ему надобно было». Например, в апреле 1841 г., вернувшись из неудачного похода, Шамиль распустил чеченцев, а когда через неделю потребовал их снова к себе, они «начали роптать, говоря, что наступает время полевых работ, что домашнее хозяйство их в полном расстройстве, а не смотря на это им приходится еще кормить массу пришедшего [дагестанского] ополчения». Иمامу пришлось отказать от сбора³³¹.

По замечанию И.Н. Березина, «Горец охотно участвует в набегах, в стычке, в битве, яростно защищает свое гнездо, но походная служба не в его характере, а при продолжительной войне он всегда, не дожидаясь конца, уходит домой на отрадное лежанье!»³³².

Но самое главное – верность воинскому долгу в ополчении определялась не столько преданностью имаму или служением общему делу, сколько родоплеменными и личными интересами³³³. Здесь-то и важны были добыча, трофеи и прочие материальные ценности, добываемые на войне.

Удачные походы способствовали привлечению добровольцев и притоку новобранцев. Но с ходом времени, когда военные кампании стали слишком затягиваться и не приносить выгоды, а то и завершаться неудачами и поражениями, ополченцы стали роптать. «Во всех народных собраниях громко говорили, что эти вторжения ни к чему не ведут, кроме разо-

рения, что вследствие постоянных походов и отсутствия рабочих рук хозяйства приходят в упадок, что нескончаемые потери при встречах с русскими ложатся тяжелым бременем на экономический быт, так как шариат налагает на них обязанность поддерживать осиротевшие семейства»³³⁴. Наиболее яркий пример отказа от военной службы – события в Чечне в начале 1847 г. Получив распоряжение имама быть наготове к выступлению в Джаро-Белаканский округ, чеченцы стали обсуждать вопрос, не выгоднее ли им будет отказаться от войны. Шамиль быстро узнал о неповиновении и явился с войском и несколькими орудиями. Вызвав к себе наибов, старшин и мулл со стариками и ближайшими родственниками, имам в нужный момент предъявил чеченцам многочисленных мюридов и заряженные пушки... После чего отрубил головы главным заговорщикам и добился повиновения от прочих³³⁵.

Понятно, что рост недовольства и уклонения от службы это не могло остановить. Мы наблюдаем, как растет недовольство народа военной повинностью, необходимостью идти в армию. «Совет имамата» в 1850 г. составил обращение к населению, в котором довольно подробно говорилось о злоупотреблениях властью наибам: «Имам приказал всем тем, кто может работать, выступить на войну, не различая наибов, алимов, а также командиров. Такое выступление имам сделал обязательным. Они (наибы и верхушка) и этому послушались. Тайно давали взятки и поступали так, как они желают. Имам приказал у тех богатых людей, которые стары и больны и не могут выступить на войну, взимать два рубля, а с бедных – полтинник. Они (наибы и старшины) не исполняли и этот приказ. У богатых они взыскивали не более полтинника, взыскивали и с богатых и с бедных одинаково, а также и с тех, которые могли выйти на войну»³³⁶.

На протяжении Крымской войны имам ежегодно разыгрывал «комедию». Он объявлял, что выступает навстречу султану, и приказывал «всем достойно готовиться к ожидаемой встрече, запастись лошадьми, оружием и т. п. (то же самое было уже проделываемо в 1854 г. перед нашествием в Кахетию)». Случалось это весной, когда чеченцы, «более всех утомленные войною, истощив свои запасы хлеба и сена, и не засеяв еще свои поля, выказывают наибольшее расположение к переселению в наши пределы». С помощью указанной уловки Шамиль удерживал верное ему население Чечни «до того времени, пока чеченцы вынуждены распахать и засеять свои поля; затем наступает время покоса, а потом и жатвы, и население этим способом опять приковывается к своим жилищам до следующего года»³³⁷.

Непрерывная война психологически и физически утомила народонаселение до такой степени, что в последние десять лет существования имамата появилась характерная поговорка: «Лучше просидеть год в яме, чем пробить месяц в походе» (срок заключения составлял три месяца). Шамиль принужден был вводить дополнительно денежные штрафы – как за неявки на сборный пункт, так и за каждую ночь, проведенную в яме (по 20 коп.). «Взыскание это смягчалось в тех только случаях, когда причины уклонения оказывались вполне уважительными. Тогда, не освобождая совсем виновного от денежного штрафа, назначали его не в очередь в походе, на то именно время, которое пробыли на службе его товарищи». В 1854 г. имам предписал наибам собрать в пользу войска по рублю серебром с каждого «дыма» от тех семейств, члены которых не будут участвовать в походе³³⁸.

Итак, при всех этих недостатках ополчения необходимость создания прообраза постоянной армии проявила себя довольно рано.

9. «ДРУЖИНЫ» НАИБОВ

По требованию имама всякий наиб обязан был содержать постоянно отряд в 300 всадников: каждые 10 домов аула поставляли одного вооруженного всадника по выбору глав отдельных семей (хозяев дворов). Семейство того дома, из которого его брали, освобождалось от податей. Задача содержать (около 10 четвертей зерна, 10 арб сена и будто бы 10 руб. серебром в год) и экипировать этого конного воина возлагалась на прочие девять дворов. Данный отряд (организованный по десятичной системе) представлял собой ядро армии наиба, его **дружину**³³⁹.

Некоторые авторы называют этих воинов мюридами³⁴⁰, и Н.И. Покровский был согласен с тем, что в «дружины» наивов «входили больше всего мюриды как наиболее надежная группа населения»³⁴¹. Действительно, источник 1843 г. упоминает, что в Чечне при каждом наипе «находится постоянная стража, составленная из мюридов; число людей в оной неодинаково и простирается от 20 до 50 и даже 100 человек»³⁴². Однако сборник чеченских адатов того же года сообщает, что эта стража наиба «простирается от 100 до 200 и даже до 300 человек»³⁴³.

Другие исследователи отождествляют дружинников наивов с муртазеками³⁴⁴, но для Чечни это неверно³⁴⁵. Вызывает сомнения подозрительное сходство принципов набора дружины наиба (отсутствующей в документах первой половины 1840-х гг. и известной преимущественно благодаря западным авторам) и муртазекков соответственно. Хотя Фр. Боденштедт, признавая данную схожесть, отрицал идентификацию наибского отряда с муртазеками³⁴⁶. Кстати, по словам Д.В. Пасека (1843 г.), муртазеками «называются избраннейшие из мюридов, самые ревностные фанатики»³⁴⁷, а сам Шамиль утверждал (в передаче А.И. Руновского), что «Муртазегетом назывался в Дагестане каждый воин не-Мюрид»³⁴⁸.

Мюриды при наивах «составляют учреждение Шамиля; при прежних Имамах их не было»³⁴⁹. Слепо повинувшись своему наипу, «как бы бесчеловечны и нелепы ни были его приказания», и питая к нему глубокую преданность, мюриды служили своим повелителям как телохранителями, так и доверенными слугами для особых поручений, «опорою власти»³⁵⁰. Гази-Мухаммад, сын Шамиля, ссылался на распоряжение отца, по которому наивы не должны были содержать более 12 мюридов, и то по мере действительной надобности. У него самого, как мудира, было 20 мюридов³⁵¹. А.И. Руновский считал, что число мюридов при наивах Дагестана «не превышало четырехсот» – у «многих» наивов не более пяти³⁵². Но эти данные явно завышены, учитывая, что таковых наивов было всего человек 20 одновременно, а не 40–45 (мнение Руновского).

Личные мюриды наиба (телохранители и доверенные лица, содержавшиеся за его счет, люди, владеющие не книжной премудростью, но оружием, «испытанные в мужестве и преданности газавату») ³⁵³ не были муртазеками. Последние состояли при областных начальниках, *мазунах*, подчинявшихся наипу: в Чечне «при мазуне мюридов заменяют муртазикаты, они набираются из 10 семейств по одному. Муртазикаты составляют также отборную конницу, действующую на поле битвы отдельно от прочих войск, под команду своего мазуна... Мазун после того собирает своих муртазиков и, явившись с ними к наипу, командует ими в продолжение похода и употребляется со своею конницею в действии по усмотрению наиба. Место же мазуна в его отсутствие занимает один из оставленных им муртазиков»³⁵⁴.

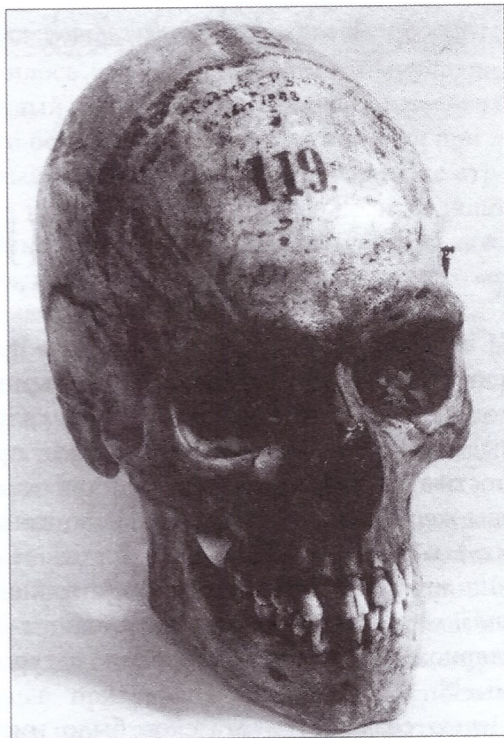
Чем больше стремились наивы опереться на своих дружинников (которых имели право «двигать за пределы своей территории»), тем меньшее самостоятельное значение в армии

имамата приобретало народное ополчение (пока имамат не переходит к обороне).

Конные отряды наивов наблюдатели оценивали к 1843 г. примерно в 5–6 тыс. чел.³⁵⁵. То, что в распоряжении шамилевских наместников и впоследствии находились личные конные формирования, совершенно очевидно. Так, для охраны жителей Большой Чечни, опасавшихся новых вторжений русских отрядов и выселявшихся вглубь страны, имам предписал восьми наивам Ауха, Салатавии, Ичкерии и нагорного Дагестана выслать по 80 конных, так что собралось до 700 всадников, расставленных по аулам (ноябрь 1851 г.)³⁵⁶.

Не считая трехсотенного отряда конницы, каждый наив в зависимости от ранга, в который он был возведен, кроме охранников-нукеров, имел и личный конвой от 50 до 100 человек. Наиболее преданные имаму и приближенные к нему наивы охранялись с особой бдительностью. Так, у Нур-Мухаммада охрана, по данным К.И. Прушановского, составляла 200 чел., Улубея – 300 чел., Шуаиб-муллы – 500 чел., Ахбердил-Мухаммада – 100 мюридов с частью муртазек. Таким образом, самая большая по численности охрана имела у чеченского наива, что отражало значение Чечни в составе имамата Шамиля³⁵⁷. Личная стража для наместников имамата была необходима, учитывая количество обиженных, оскорбленных и кровников на счету у каждого (тем более в Чечне). Охрана постоянно окружала наива, хотя не всех это спасло от смерти.

Как свидетельствовал зять Шамиля, Хаджи-Мурат «очень был привязан к своим соратникам: осыпал ласками, входил во все их нужды... Они же, ставя ни во что свою жизнь, способствовали его славе. Отряд этих «львов» наводил на местных жителей такой страх, что при одном восклицании «Хаджи-Мурат идет!» – все бежало...»³⁵⁸. Насколько велик был авторитет наива среди своей «дружины», показывает история ссоры Хаджи-Мурата с Шамилем (1851 г.). «Перед уходом из Хунзаха в сел. Батлаич Хаджи-Мурат, выбрав самых хороших молодцов из 3-х кварталов [Хунзаха], объявил им, что они будут жить в селении Батлаиче и станут воевать с Шамилем, почему он приглашает их следовать за ним в Батлаич. Хунзахская молодежь в боль-

Череп Хаджи-Мурата

шей половине пошла за Хаджи-Муратом и стала жить в указанном селении»³⁵⁹.

«Хунзахская молодежь» – многочисленная, организованная и социально активная группа (среди которой были и родственники Хаджи-Мурата), вариант мужских союзов неженатой молодежи у горцев Кавказа³⁶⁰. «Партия эта не составляла соединения членов какого-либо одного рода». Именуя себя «абурикзаби» (искаж. авар. *апарагаби*, абреки), она непосредственно управляла аулом³⁶¹. «Эта история, возможно, засвидетельствовала начавшееся в то время превращение военных дружин молодежи в профессиональных пореформенных разбойников – абреков»³⁶².

В набеге Хаджи-Мурата на Грузию с наивом «была молодежь из Ансуха и Тлебелал»³⁶³. Таким образом, хунзахцы, принимавшие активное участие в набегах Хаджи-Мурата, в 1851 г. решили следовать за своим наивом до конца, даже в конфликте его с имамом³⁶⁴. Примечательно, что число аварских приверженцев Хаджи-Мурата тогда составило около 500 или 600 чел.³⁶⁵.

10. НАЕМНИКИ МУРТАЗЕКИ

И в Чечне, и в Дагестане имамы на протяжении 1830-х гг.³⁶⁶ организовали наемное постоянное конное войско *муртазикатов* из людей, известных своей храбростью, преданностью имаму («которые действительно готовы жертвовать за него жизнью во всякое время») и преимущественно холостых. Сам термин *муртазикаты*, *муртазеки*, а точнее – *муртазика* (араб.), означал «состоящие на регулярном содержании (деньгами / натурой) воины»³⁶⁷.

Целью создания муртазеков было иметь всегда готовые к бою отряды. За вычетом команды при Шамиле³⁶⁸, прочие муртазеки рассылались по селениям и обществам – как по тем, откуда были родом, так и по тем, в верности которых имам сомневался. Наблюдавшие «за исполнением правил шариата», но постоянно готовые «к действиям по первому требованию Шамиля», они несли там особую, кордонную или караульную, службу на границе с русскими, играя роль таможенной службы и пограничных войск. Муртазеки были освобождены от домашних работ и находились на содержании своих обществ (их выбирали с каждых 10 дворов/семейств), по другим данным – тех аулов, куда они были разсланы. Прежде они получали жалование (1,5 руб. серебром в месяц), но к весне 1843 г. «они денежное содержание не получают, а жители должны им давать хлеб, баранов, продовольствовать их лошадей, обрабатывать их поля и снимать посевы», вооружать их (эта практика существовала и в 1844 г.). Муртазеки «участвуют во всех делах и там, где их будет находиться более, то дело непременно будет упорным»; им выделялась особая часть военной добычи.

В организационном отношении муртазеки делились на пятерки (?), десятки, сотни и полутысячи, с особыми начальниками во главе. «Муртазикаты не смешиваются с ополчения-

ми временными, но всегда остаются в составе отдельных частей, под начальством своих наибов». «Они составляют истинную опору Шамилевой власти», выполняя также роль его тайной полиции (впрочем, эта их роль в литературе значительно преувеличивается). Шамиль в начале 1843 г. однообразно одел муртазеков в желтые (черные у начальников) черкески и зеленые чалмы³⁶⁹.

«По сведениям, представленным полков. Фрейтагом, наиб иногда назначает одного общего начальника для заведывания муртазикатами, под именем мазуна, а иногда нескольких, избирая их не по храбрости, но по преданности мюридизму, так как на них возлагается и внутреннее управление деревнями. По сведениям ген.-м. Клюки фон Кругенау, наиб сам начальствует над муртазикатами и избирает только сотенных командиров... Разность в этих объяснениях, может быть, произошла от того, что показанный полк. Фрейтагом порядок начальства над муртазикатами существует в Чечне, а последний в Дагестане»³⁷⁰.

Точная дата появления муртазеков неясна. Уже в 1833 г., сообщает хронист, «к Шамилю от Хамзата пришел посланец с приказанием, чтобы он с муртазиками той округи выступил против селения Мушули и сломил непокорность его жителей...»³⁷¹. Спустя три года Шамиль обязал подвластные ему дагестанские общества «содержать от каждых 10-ти дворов во всегдашней готовности по одному вооруженному человеку, с платежом от каждого двора по 1 р. в год». Всего, согласно показаниям лазутчиков, было выставлено 1300 чел. (сентябрь/октябрь 1836 г.). Очевидно, это и есть муртазеки (или «зародыш будущих муртазеков») ³⁷². «...Я соберу все войска ислама вплоть до Мусука, как я уже собрал всех *муртазиков* и других жителей соседних с Игали [аварских] селений», – писал Шамиль генерал-майо-

ру Ф.К. Клюки фон Ключенау в июле того же 1836 года. «Шамиль со своими муртазиками вышел против Буцуна...» (1836 г.)³⁷³ – отмечает хронист имама. Около 1841 г. данная организация была распространена и на Чечню. Но А.И. Руновский, пересказывая слова Шамиля, упоминает чеченских муртазек (получавших за службу по 1 руб. и 10 мер хлеба с каждых 10 домов на человека, не считая доли военной добычи) еще в «до-Шамилевское» время («это было установлено самими жителями»). Имаму он приписывает только изменение платы (по 1 руб. и 8 мер хлеба с каждых 20 домов) «с началом в Чечне постоянной войны», в начале 1840-х годов³⁷⁴. Н.И. Покровский тоже прослеживает «кое-какие данные об учреждении "постоянных кордонов" в Чечне» уже на рубеже 1840–1841 гг., раньше появления сведений о муртазехах в официальной переписке³⁷⁵.

Число муртазек, похоже, вскоре превысило первоначальную цифру. По данным русской разведки, на исходе зимы 1843 г., «начиная от сел. Асса до Сугратль имеется муртазикатов до 4 тыс. человек»; в Чечне же их было более 1000 чел. Вообще, у чеченцев муртазеки и мюриды имелись, но «там число их было не так велико, как в горах»; наиб мог сам созывать муртазек – как для обороны, так и для набега³⁷⁶.

Как пишет Н.Ф. Дубровин (копируя записку генерал-майора Д.В. Пассека), «легче было иметь дело со скопищем в несколько тысяч вольного ополчения, хотя бы под предводительством самых храбрых горцев, нежели атаковать несколько сот муридов, окружавших предводителя и по силам своим избравших позицию. Первая, искусно направленная и решительная, атака обращала в бегство толпы

вольного ополчения; напротив того, если приходилось иметь дело с одними муридами, то каждый пункт надобно было брать после упорного боя; огонь неприятельский был при этом самый убийственный. Тогда горцы не стреляли в толпу, но всегда прицельно, наводя по нескольку ружей на каждый проулок, на каждый угол, изворот, тропинку – откуда только могли показаться наши солдаты».

Сам Пассек (1843 г.) в отношении дагестанцев подтверждает: муртазеки «упорны и храбры до иступления, мюриды менее опасны, а поголовное ополчение вовсе не опасно». Штабс-капитан К.И. Прушановский также полагал, что муртазеки на войне «составляют самую надежную и лучшую часть сборищ горцев». Они «дерутся с постоянною решимостью соблюдать отличную подчиненность... малое число их опаснее, чем целое скопище прочих горцев, при первой удачной атаке последние части разбегаются, между тем муртазигаторы, предоставленные себе, избирают крепкую позицию и сражаются в ней до крайности». «В бою носят значки Шамиля, наместника или наиба».

Косвенная же цель учреждения муртазек состояла в обеспечении контроля над поддержанием и распространением «законов шариата» среди горцев, в особенности в тех горских обществах, которые недавно подчинились власти Шамиля, либо если их религиозность и преданность вызывали сомнение. Вывод князя И.Д. Орбелиани о том, что охранная стража в мирное время следит «за поведением сограждан», подтверждается и К.И. Прушановским. По его сведениям, охранная стража, представляя собой «опричников и тайную полицию Шамиля», держала всех горцев в страхе³⁷⁷.

11. АРТИЛЛЕРИЯ

С 1840 г. имам предпринимал сравнительно успешные попытки завести артиллерию³⁷⁸. Символично, что ранее, при первом имаме, отбив орудие, горцы в худшем случае «прилагали все ухищрения разломать эту пушку», в лучшем случае – сжигали зарядные ящики, а сами орудия завозили в лесную глушь и там укрывали от русских³⁷⁹. Теперь всё изменилось. С помощью русских дезертиров³⁸⁰ Шамилем было налажено производство пороха³⁸¹, ракет, отливка пушек³⁸².

Но первоначально использовались местные «специалисты»: кузнец из Унцукуля Джабраил, который «прежде был мастером ручного оружия, а выделке пороха и литью орудий выучился» в Египте или в Аравии «во время путешествия своего в Мекку», посоветовал имаму отлить пушку. «Когда кончилась отливка, и начали стрелять из нее для пробы ядрами, то она разорвалась и разрушилась». Имам настоял на продолжении опыта, и «на этот раз отлили хорошую славную пушку... Определил аллах всевышний к этой пушке солдат и заставил их служить имаму. Они приводили эту пушку в действие и выполняли иные дела, кроме этого. Имам собрал для пушки порох и велел собрать ядра на местах сражений у Ашильты, Ахульго и др.». Хаджи-Али передает, что уже в конце 1840 г., «по прибытии в Дарго, Шамиль занялся литьем орудий... Отлитием орудий занимались Хаджи-Джабраил Унцукульский³⁸³ и Муса Казикумухский», который был «хороший оружейный мастер и помогал ему»³⁸⁴. Еще один мастер по литью пушек – «известный среди нас искусством гидатлинец Муртазаали»³⁸⁵. Еще в 1852 г. Даниял-бек (несомненно, по воле Шамиля) через Хаджи-Юсуфа и его связи в Турции хотел найти и переправить в Дагестан «трех человек искусных мастеров, умеющих лить снаряды, стрелять из пушек, добывать и обрабатывать металл»³⁸⁶.

Но в 1842 г. «вся артиллерия Шамиля состоит из единорога и фальконета; порох готовят горцы сами, но в свинце терпят большой недостаток, а потому употребляют медные пули³⁸⁷ или глиняные, облитые свинцом»³⁸⁸. Орудие, видимо, имеется в виду то, что досталось горцам во время рейда под Кизляр в 1841 г., либо утерянное (начало июня 1842 г.) в ходе экспедиции П.Х. Граббе по Чечне³⁸⁹.

Уже в 1837 г. горцы активно применяли фальконеты (малокалиберные пушки) при обороне Ашильты и Тететля. 9 мая 1839 г. при разгроме Ташов-Хаджи отнят у него «лафет из под фальконета (самые орудия горцы успели увезти)»³⁹⁰. Вероятно, один фальконет (туземного производства или, возможно, иранский) остался у Шамиля к 1842 г. после потери других в кампаниях конца 1830-х гг. В отличие от крупнокалиберных орудий, фальконеты не производили никакого впечатления на русских.

Плоды усилий имама по обзаведению собственной артиллерией сказались только год спустя. Из донесений военному министру за март-апрель 1843 г. видно, что до русского командования только тогда дошли уведомления (поначалу вызвавшие смех)³⁹¹ о том, что «у Шамиля в Даргах» «с некоторым успехом» «делаются опыты для литья орудий», которыми занимается будто бы «присланный из Турции мастер, который выливает пушки из красной меди». Нейдгардт писал министру 1 апреля, что «в сел. Дарго льют уже орудия и что три уже отлиты каким-то мастером азиатцем, обучившимся этому искусству в Эрзеруме. Андийцы также рассказывали, что по приказанию Шамиля собирается во всех селениях пенька на веревки для упряжи». Позднее командующий корпусом уточнил, что литье орудий «производится людьми, обучившимися этому искусству в Турции и прибывшими к Шамилю

«Кавказ, обворожительный Кавказ». Военный лагерь на Кавказе. Рисунок великого князя Константина Николаевича, 20 апреля 1846 г. ГАРФ

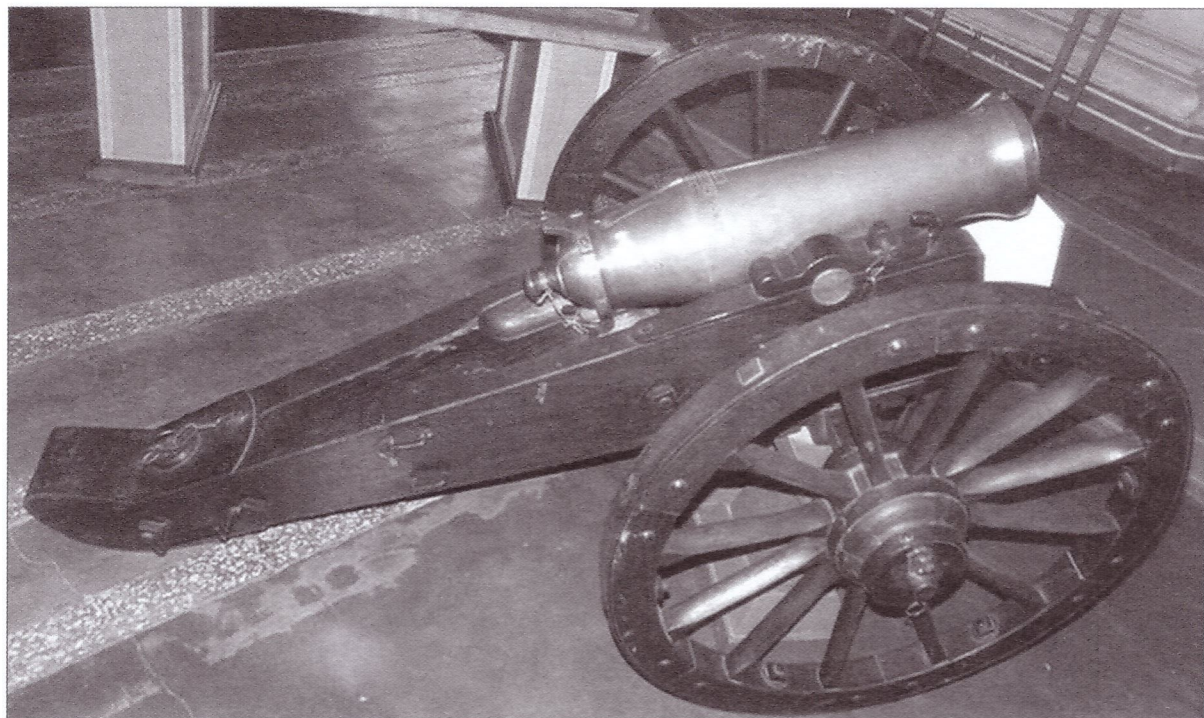
осенью прошлого года»³⁹². «Над донесением [Фрейтага] об 4 орудиях [у Шамиля] в Ставрополе смеялись и говорили, откуда он их взял. У горцев есть поверье, что взять у нас орудие есть несчастье, и потому они, отняв орудие у Грекова, распустили слух, что его распилили, и этому и поверили; другое орудие было Ичкеринское [1842 г.], а третье взято у подполковника Волжинского в 1838 [1832] г.; о четвертом же тогда только узнали, когда горцы его вывезли против наших, но когда оно было взято, этого никто не узнает»³⁹³.

Стреляли из самодельных и трофейных орудий русские дезертиры. Уже в конце июля 1843 г. Шамиль с артиллерией передвигался из Дарго к Ойсунгуру, и в начале августа Шуаибмудла с 4 орудиями действовал против отряда Р.К. Фрейтага. Тогда первый опыт доморощенной артиллерии имама принес первые плоды: одна убитая ядром казачья лошадь. По другим, более точным, данным, у Шуаиба было всего одно орудие, которым «управлял наш беглый артиллерист». Это орудие оказалось одной из

тех горских самоделок, которые не разорвало при испытаниях³⁹⁴. Однако очевидец с российской стороны³⁹⁵ утверждал, что «главное нападение Шамиля там состояло в пушке нашей (сброшенной с кручи в Ичкеринскую экспедицию [1842 г.]), которую он ежедневно вывозил на высоту и стрелял по лагерю. Конечно, большого вреда он не причинял, но все же высылались части войск, которых чеченцы не дожидались и тотчас вывозили пушку в лесную чащу и, вероятно, отлично запрятывали ее, так как поиски за ней были безуспешны».

Итак, артиллерия Шамиля стала создаваться до 1843 г. Но только успехи похода этого года послужили сильным толчком для последующего развития артиллерии горцев.

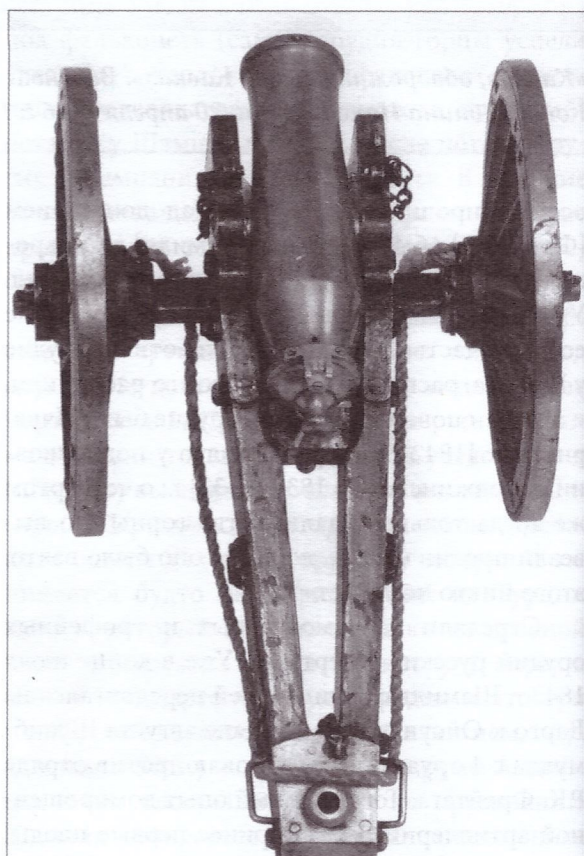
Генерал-лейтенант В.О. Гурко 2 октября 1843 г. доносил Нейдгардту, что на данный момент утрачено 12 медных орудий³⁹⁶. Однако сравнение со штатом артиллерии при укреплениях накануне кампании³⁹⁷ доказывает неточность такой статистики. Гурко сам признавал, что не получал данных о потерях от

*3-фунтовый (горный) единорог.
ВИМАИВиВС*

Клюгенау. Путаница в деталях вообще характерна для описаний этой кампании – очень уж мало очевидцев с русской стороны осталось в живых, и все офицеры павших дагестанских укреплений погибли при обороне или от рук фанатиков Шамиля уже в плену. Торнау позже записал: «И о потерях мне трудно говорить совершенно положительно; в распоряжениях существовало мало единства в те времена. Глядя, в каком расположении духа находилось начальство, войска передвигались то через мою канцелярию, то через полковника Бибикова, то через Клуке, кроме того на Кавказе вкрался тогда обычай зачастую приписывать и отписывать потери от одного дела к другому – для уравнивания убыли людей и в видах хозяйственной прибыли»³⁹⁸.

Возвращаясь к подсчетам, действительно на момент составления рапорта должно было быть утрачено 12 стволов. А именно: два горных единорога (гаубицы-пушки)³⁹⁹, четыре 1/4-пудовых единорога⁴⁰⁰, четыре 6-фунтовых пушки⁴⁰¹, две 6-фунтовых мортиры⁴⁰². Но в Ахальчи накануне начала военных действий находился еще один горный 10-фунтовый еди-

*Модель русского 10-фунтового (122-мм)
горного единорога образца 1838 г.*

норог, в Цатаныхе – два таких же⁴⁰³, в Гоцатле – 1/4-пудовый единорог (чугунный). Их, по видимому, следует отнести к категории утраченного. Итого 16 стволов.

В Гергебиле потеряны еще пять орудий: одна 6-фунтовая пушка, две 10-фунтовых мортиры, 1/4-пудовый единорог, 3-фунтовый горный единорог. В Зубутовских башнях – горный 3-фунтовый единорог и одна 10-фунтовая мортира. Пять чугунных орудий заклепаны в Низовом укреплении (та же участь постигла одно брошенное бежавшими при появлении русских войск горцами чугунное орудие)⁴⁰⁴. Одна 10-фунтовая мортира брошена отрядом майора Быкова у Зубутовского селения⁴⁰⁵ (отбита там же 22 июня 1844 г.). Три чугунных крепостных орудия уничтожены в Зырянах; станки и зарядные ящики сожжены⁴⁰⁶. Еще несколько крепостных орудий заклепаны в Хунзахе – видимо, пять стволов, т. к. известно, что «Хаджи-Мурат после приезда своего [в Хунзах] успел расклепать все заклепанные пять орудий неизвестно каким способом, и сделал из них несколько выстрелов за успех, потом перевез орудия в ханский двор, где оные находятся на лафетах под присмотром кахских жителей. При сих орудиях находятся 5 пустых деревянных ящичков»⁴⁰⁷.

Общий результат, как видим, не совсем сходится с итоговой официальной цифрой (27 орудий)⁴⁰⁸. В то же время не все орудия были полевыми. Кроме того, лишь часть утраченных орудий реально досталась горцам боеспособными, хотя бы М. Гралеvский и считал, что таких было 40 (!)⁴⁰⁹.

После неудачной Даргинской экспедиции Воронцова (1845 г.) Шамиль получил еще три горных орудия – их пришлось оставить по необходимости⁴¹⁰. Но на этом источник трофейных поступлений иссяк. К тому же имам периодически лишался составляющих своего артиллерийского парка, а производство горцами собственных орудий не могло восполнить утрату.

Дело в том, что и самодельные пушки (малого калибра; их называли «казачьими», т. е. горными)⁴¹¹, и порох были весьма некачественными. Всего было отлито при Шамиле 40–50 орудий из конфискованной у частных лиц меди (расплавленная посуда)⁴¹², но годными

оказались только 12–14⁴¹³. Они «впоследствии и находились в действиях против нас», да и то постоянно разрывались при стрельбе. Нередко случалось, что по оплошности третьих номеров расчета первым номерам отрывало руки, а вторые получали ранения⁴¹⁴.

Лафеты были трофейные или изготовленные русскими плотниками самодельные. Первые к концу существования имамата приходили нередко в такую ветхость, что «при каждом выстреле орудия выскакивали из своих гнезд, оковка и винты разлетались далеко в разные стороны»⁴¹⁵. Пушки и ядра, отлитые в имама-те, имели клеймо «Шамиль» с одной стороны, а с другой – стих из Корана «Да продлится его могущество» (на арабском языке)⁴¹⁶.

«Однажды» Шамиль получил предложение от жителя аула Куадали Хидатли-Магомы, заведовавшего у имама производством артиллерийских зарядов, изготовить ему «кожаные пушки» (из нескольких железных полос толщиной в ладонь, обшитых несколькими слоями буйволиной кожи). Но имам благоразумно отказался, «из опасения возбудить в Русских смех»⁴¹⁷. Этот проект «повторял» в основных чертах идею швейцарских и шведских «кожаных» пушек XVII века⁴¹⁸, тоже недолговечных и практически бесполезных для войны. К счастью для самого Шамиля, подобные орудия так и не поступили на вооружение его армии.

Большая часть боеспособных орудий была трофейной. В апреле 1844 г. у Шамиля в Дарго стояли два полевых и три горных орудия с пятью зарядными ящичками. К началу 1845 г. – в Дарго семь полевых орудий и еще пять в Дагестане. Кроме того, имам приказал отлить еще несколько, требуя от главных наибов Большой и Малой Чечни поставки меди – на одно орудие от каждого⁴¹⁹.

Мастеров по отливке медных и чугунных орудий имам отправлял и к своим наибам⁴²⁰. У тилитлинского наива Абдурахим-бека при обороне Ведено (1859 г.) была пушка местного производства – длиной всего в аршин (0,71 м). «Ядра для нее были так малы, что один человек был в состоянии таскать по 20 штук; ядра были размеров в полкулака. Однажды этот наиб Абдурахимбек захотел испробовать свою пушку – дойдут ли ее ядра от крепости Ведено до позиций врага. С этими намерениями он ве-

лел пушкарю выстрелить из нее... предполагая, что ядро полетит до них (русских). Но ядро не вышло (даже из самой) крепости, а упало в (самой крепости) на дом одного бойца, который в это время готовил хинкал товарищам. Когда ядро попало прямо в котел с хинкалом, тот боец выбежал на улицу, а котел взлетел в воздух. Бойцы по поводу этого происшествия смеялись и говорили, что пушка телетлинского наиба выполнила свою задачу. Когда это дошло до Газимухаммеда, он написал своему свояку следующее: «Нашему дорогому родственнику Абдурахим-беку. Привет. А затем. Знай, если ты воюешь с русскими, то стреляй (из пушки) по ним, но не по нас. И сообщи нам об этом, чтобы мы участвовали в сражении"... Абдурахимбек... ответил Газимухаммеду: "...Прошу Вас ради Величайшего Аллаха простить меня за ошибку, совершенную моей пушкой. Я захотел довести ядро до русских (укреплений), но оно упало до Вас. Не сердитесь на меня из-за этого..."»⁴²¹.

«Шамиль дорожил своей артиллерией: во-первых, она не легко досталась ему, а во-вторых, она придавала его особе в глазах подвластных ему народов некоторый престиж...»⁴²². Начальником артиллерии считался Хаджи-Яхья (Яхья-Хаджи) ал-Чиркави, с 1841 г. «один из первых любимцев и приближенных Шамиля», который подчинялся одному только имаму и «ведал артиллерию, мюридов, наших беглых и все мастерские»⁴²³. Частью артиллерии имама командовал Суаиб (Саиб, Шнаиб), убитый в бою 7 июля 1845 г.⁴²⁴.

Около 1848 г. Яхья-Хаджи был отстранен от должности из-за какого-то недоразумения. Его место занял Али-Мухаммад, «грузинского происхождения, человек жестокий и бесчеловечный... черный как негр». Несомненно, его описывает Абд ар-Рахман Газикумухский под именем Алиммамат (Черный Али-Маммад Грубый) – мюрид Шамиля, «[сын?] вольноотпущенника. Он раньше был комендантом над солдатами и пушкарем одновременно. Когда он ослаб от ран, полученных во многих битвах, был назначен управляющим в Хунзах». Мухаммад-Али из Чиркея значился главным начальником артиллерии и «шамилевско-русской команды» в Ведено к 1855 г., хотя потом, похоже, вернулся Хаджи-Яхья⁴²⁵.

Абд ар-Рахман приводит имя еще одного «коменданта» у солдат – Раджабил Мухаммад из Чиркея, по прозвищу Толстяк, дальний родственник Шамиля. «Он был умным и распорядительным; имам доверял ему всегда». Раджабил Мухаммад погиб во время артиллерийской перестрелки в чеченском лесу – командуя своими пушками, сам он укрывался за большим деревом, но был смертельно ранен шальным осколком⁴²⁶. К какому времени отнести его начальство над солдатами и артиллерией, неясно, но из дневника Руновского видно, что именно «мюрид Раджабил-Магома Чиркеевский» исполнял гнусную роль палача Шамиля при убийстве пленных русских офицеров в 1845 г.⁴²⁷.

«Солдаты... шли с ним в бой вместе с пушками, чинили их, если ломались, ухаживали за лошадьми, тянувшими пушки, подковывали их, шорничали, готовили на зиму корм. Когда лошадей случалось больше, чем необходимо для тяги пушки, Шамиль велел Алиммаммаду отправить двух или больше солдат в какое-нибудь горное селение (букв. дагестанское селение), где лошади содержались за счет фуража байтулмала этих селений... Среди солдат были и пушкарни. Но большей частью из пушек стрелял сам Алиммаммад»⁴²⁸.

Конечно, не вся прислуга горской артиллерии состояла из русских дезертиров – они в первую очередь были командирами орудий (фейерверкерами), наводчиками-бомбардирами. Все остальные «номера» в расчетах⁴²⁹ со временем, как считается, стали набираться из горцев⁴³⁰. Но еще в августе 1848 г. от орудий доносились команды на русском языке: «Вправо, влево, подай вперед, осадн немного назад!» и т. д. «Это доказывало, что прислуга в артиллерии имама почти вся состояла из русских»⁴³¹. Об этом же говорят Хаджи-Мурат в своих показаниях⁴³², а М. Гралеvский, К. Калиновский и Н.И. Румянцев – в воспоминаниях. В.С. Толстой, чиновник при князе Воронцове, полагал, что «Шамиль составил себе из этих дезертиров целую команду личных телохранителей и прислугу к своей полевой артиллерии»⁴³³. Н.В. Исаков также упоминал, что беглые «были мастеровые и артиллеристы при пушках» (1848 г.)⁴³⁴, и донесение британского генерального консула в Одессе о Даргинской

кампании 1845 г. отмечает: «Известно, что вражескую артиллерию обслуживали русские дезертиры»⁴³⁵. М. Вагнер приводит приватное русское письмо о кампании 1845 г.: «[7 (19) июля] он [Шамиль] обстрелял наш лагерь продольным артиллерийским огнем»⁴³⁶; и хотя его пушки были дурно нацелены и не нанесли нам никакого урона, но все же случилось так, что однажды ядро упало рядом с палатками штаба. Эти ядра были шестифунтовыми и, вероятно, выпущены из той же пушки, которую Шамиль захватил при взятии Унцукуля. По известиям туземцев, эти пушки обслуживались русскими дезертирами и ренегатами; но они редко использовались противником – то ли из боязни лишиться их, то ли потому что они потребляли слишком много пороха»⁴³⁷.

В переписке между Воронцовым и Бебутовым беглые русские солдаты у Шамиля названы именно артиллеристами (1846 г.)⁴³⁸. Еще при штурме Ведено (1859 г.) на батареях «оказались артиллеристы русские солдаты бежавшие ранее»⁴³⁹.

В 1845 г. русскими артиллеристами Шамиля (содержались за счет казны имама) командовал дезертир Никитин⁴⁴⁰, фейерверкер (артиллерийский унтер-офицер). Никитин, видимо, у Шамиля принял ислам и новое имя – Гассан – вместе с новыми преступлениями⁴⁴¹. Никитин командовал батареей при осаде горцами укрепления Ахты осенью 1848 года. «“Семья не без уroda”, – говорит пословица, а армия – огромная семья, и, надо сказать, что в армиях всех веков и народов были люди, которые, забывая долг совести и присяги, оставляли свои ряды и, среди неприятеля, преступно действовали против своих соотечественников. Один из таких беглецов, фейерверкер Никитин, управлял неприятельской батареей; часа в два пополудни 16-го сентября, он закричал с горы: “берегитесь, Никитин промаха не даст!” и действительно, после шести или семи выстрелов, граната ударила в крышу порохового погреба, пробила ее и воспламенила находившийся там, в количестве 400 пудов, порох. Действие взрыва этой массы пороха было ужасно: погреб и часть крепости совершенно разрушены; V-й бастион, с двумя медными единорогами и бывшие на нем штабс-капитан Байдаков и 44 человека рядовых взлетели на воздух»⁴⁴².

Лошади под горскими орудиями были «замечательно красивые и поворотливые и, должно быть, очень сильные». Иногда упряжки были даже одной масти (серой / белой) – отсюда именование артиллерии «белой» (1857–1858 гг.)⁴⁴³. Но очевидец вспоминал, как «едва не налетел на взвод шамилевской артиллерии... считая его за свой; по счастью, заметил вовремя разношерстных коней и не по шестерике, а восьмериками в орудиях...»⁴⁴⁴.

Мнение дагестанской историографии о том, что «собственные» пушки Шамиля были «более удобными, мобильными и точными по сравнению с трофейными»⁴⁴⁵, конечно же, не основывается на фактах. Горцы, будучи дилетантами в артиллерии, могли лишь копировать русские образцы. Очевидец в Гунибе заметил два орудия Шамиля: стволы «нашей отливки и, по всей вероятности, принадлежат к числу тех, которые были им взяты в 1843 году, при истреблении им наших аварских укреплений. Но лафеты к этим орудиям были грубо и неуклюже сделаны самими горцами»⁴⁴⁶. Вообще у Шамиля «артиллерийские упряжь и лафеты, а равно ездовые и прислуга при орудиях, устроены по образцу нашему; зарядные ящики их тоже в роде наших горных, и возятся на вьюках»⁴⁴⁷. Однако на лафетах горцы принципиально не делали подъемных клиньев, так что вместо них при стрельбе приходилось подкладывать под орудия камни⁴⁴⁸.

«Горцы не берегут своих орудий, не жалеют лафетов, заряжают орудия двойным зарядом и забивают ядро с пыжом; от этого снаряд их летит дальше и вернее»⁴⁴⁹, но орудие служило меньше по времени и при обслуживании было взрывоопасно. Так, 17 июля 1859 г. на р. Койсу Шамиль выставил одно орудие. «Хотя, по дальности, снаряды до нас не долетали, но нельзя было не удивляться тому расстоянию, на которое они перебрасывались. По предположению артиллерийских офицеров, горцы сыпали тройной заряд пороха в орудие, а мы смеялись, что он меряет его не иначе как папахой. Только 2 или 3 выстрела были удачны, и то пострадали войска, расположенные на передовой позиции». Одна граната «попала в траншею своих же мюридов и разорвалась». «Любопытнее всего было наблюдать, как Шамиль маневрировал со своим орудием. Он не стоял открыто

с ним во время стрельбы, а тихонько выкатывал его из-за бугра только для выстрела. Выкатит тайком, выстрелит – и опять скорее орудие спрячет за бугор. Эта стрельба только веселила солдат, постоянно вызывая шутки и смех»⁴⁵⁰. На следующий день при стрельбе из двух полевых орудий «ядра далеко переносило за лагерь; гранаты же высоко лопались в воздухе»⁴⁵¹.

Особой меткостью и эффективностью огня артиллеристы Шамиля, как правило, не отличались⁴⁵². Например, по словам В.Н. Норова, артиллерия имама «во все предшествовавшие дни расположения отряда у Дарго, не нанесла нам никакого вреда, кроме небольшого числа раненых лошадей осколками гранат. Ночью же каждый день Шамиль увозил орудия к своей ставке, далеко отстоявшей от нашего лагеря»⁴⁵³. «Трехчасовое пребывание нашей колонны на Гойте, под выстрелами сначала пяти, а потом трех орудий, дало в результате всего несколько оторванных членов, убитую лошадь, подбитый зарядный ящик...» (8 августа 1848 г.)⁴⁵⁴. В августе 1857 г. под аулом Хибия «ядра не принесли нам никакого вреда и большею частью не долетали до нас, вследствие чего никто на них не обращал никакого внимания...»⁴⁵⁵.

Но случались и исключения⁴⁵⁶, особенно при осадах. Так, при обороне Гергебиля (1848 г.) «численность его [противника] орудий, усердная и меткая стрельба из них, а также чрезвычайно удобное и закрытое их расположение... служили для нас вескими и упорными препятствиями...». Попав под обстрел, Н.В. Исаков констатировал, что «у неприятеля знают цвет лошади Аргутинского и его фигуру, имеют хорошую зрительную трубу и хорошего артиллериста. Все это было несколько удивительно для горцев...»⁴⁵⁷. Г.К. Властов, вспоминая экспедицию в Чечне 1850 г., отмечал: «Стреляя медленнее, чем мы, они стреляют необыкновенно верно... [поскольку] наша большая колонна... представляет верную цель их выстрелам...». Причина подобной меткости также в природных качествах горцев, «которые, упражняясь с малолетства в цельной стрельбе, превосходят любого солдата верностью взгляда»⁴⁵⁸.

Определенные трудности представляло снабжение артиллерии Шамиля боеприпасами⁴⁵⁹. Это в равной степени относилось как к пороху⁴⁶⁰, так и к снарядам различных типов.

Поэтому главным источником, из которого горцы пополняли свои запасы, были трофеи, захваченные у русских войск (так, в Цатаныхе в 1843 г. было взято 4035 зарядов «с пропорцией палительного фитиля и других принадлежностей»)⁴⁶¹. Нередко после боя подбирали ядра, выпущенные русской артиллерией. «Артиллерист имама объявлял чеченским и дагестанским юношам, участвовавшим в сражении, что он даст порох тому из них, кто принесет ядро, причем столько, сколько войдет в ядро». Даже в разгар сражения, заметив катящееся ядро или гранату, горцы «бросались на него иногда целую толпою». «По словам Шамиля, во время осады Чоха он наполнил нашими ядрами три дома». Гранаты у артиллерии Шамиля были только русские, и за каждую гранату или ядро имам установил награду в 10 руб. Имелся еще один источник: «самую отвратительную чертою в прибывавших войсках [5-го корпуса] была тайная передача неприятелю нашего пороха и боевых припасов. В Дарго князь [Воронцов] сам лично удостоверился, что найденные там гранаты и патроны были Русского изготовления». Лишь при нехватке русских ядер горцы делали на месте грубые каменные или медные самоделки⁴⁶². В Чечне и в Буртунае Шамиль стрелял («в виде опыта, на всякий случай») несколько раз осколками топоров и других железных инструментов. «Однажды он отливал ядра сам. Материалом для этого послужили чугунные орудия, брошенные нами в Хунзахе. Всего отлито в то время ядер до тысячи штук. Способ отливки употреблялся тот самый, посредством которого у нас льют пули». Гранаты горцы тоже отливали, но это были разрывные снаряды только по названию: «снаряжались они редко, а снаряженные – еще реже разрывались. Поэтому производство их впоследствии оставлено». При осаде Гуниба «Шамиль вздумал пускать в нас гранаты и... горцы ухитрились поднять дуло мортиры вверх, с тем намерением, чтобы гранаты лопались на возвратном пути у подошвы горы, где расположился батальон; но эти опыты возбудили только общий смех, потому что пущенные таким образом несколько гранат разрывались каждый раз над головами самих же горцев...»⁴⁶³.

Очевидно, именно с целью облегчить перевозку орудий⁴⁶⁴ имам «с 1842 по 1844 и в осо-

бенности весной 1845 года» устраивал «повозочные сообщения» (дороги) «от Анди, как центрального пункта, чрез Нагорный Дагестан, вверх по Андийской и Аварской Койсу до главного хребта... чрез Дарго в Майгуртуп и чрез земли чебырловцев в Аргунское ущелье»⁴⁶⁵.

Шамиль сохранял едва не полную монополию на полевую артиллерию, которая почти вся была сосредоточена близ его резиденции⁴⁶⁶. «Пушки были как больших размеров, так и маленьких. Большие были установлены в наших крепостях стационарно. К примеру, большая пушка была в селении Карата у Газимухаммеда, сына Шамиля, в крепости Улиб, на земле Гергебиля, в крепостях Чох и Ириб. Некоторые большие пушки остались от русских в селениях Аргвани и Ахалки. Что касается остальных больших пушек, то большая их часть находилась в нашем Дарго и у наиба Талхика ал-Чачани, а также у Османа ал-Чачани и у наиба вилайата Кехи и Мартана Саадуллы, у (хунзахского) наиба Хаджимурада ал-Авари, (еще) и в Карате, в крепости Ириб, Улибе, Чохе»⁴⁶⁷. В 1848 г. Минай Шаев заметил «на дворе замка, или средней крепости» Ведено «четыре горные орудия и несколько таких же орудий на стенах»⁴⁶⁸. Здесь имам был скуп до забавных мелочей: и спустя шесть лет в Ведено находились «восемь заржавленных орудий, негодных и никогда не употребляемых в дело, а очевидно стоящих здесь для важности»⁴⁶⁹.

Лишь изредка имам выделял орудия в распоряжение своих наместников и доверенных лиц. Так, аварскому мудиру Галбац-кади имам написал в 1844 г.: «Я разрешаю тебе взять два орудия в твой вилайат [провинцию, область]»⁴⁷⁰. При случае Шамиль мог предоставить наibaм (временно) несколько стволов из личного артиллерийского парка. Так, в начале 1852 г. сверх орудий, находившихся в распоряжении чеченского и мичиковского наibов, Шамиль направил в Чечню еще шесть⁴⁷¹. Ауховскому наibu имам доставил из Дарго два орудия в декабре 1858 г.⁴⁷². Наследник Шамиля руководствовался теми же принципами: «Артиллерия была не у всех наibов, а только у тех, где она оказывалась, по мнению Газимухаммеда, необходимою» (оборона Ведено, 1859 г.)⁴⁷³.

Обычно у наibов имелось по одному орудию⁴⁷⁴, реже – по два⁴⁷⁵. Две пушки были, например, у Талхика, и обе отбиты в марте 1852 г.: «Талгик был старейший по летам и влиятельнейший по заслугам наib чеченский; Шамиль был очень к нему расположен и в доказательство отдал ему в полное распоряжение два полевых орудия, которые и находились всегда в ауле, при сильном карауле»⁴⁷⁶. «Мы давно зубы вострили на эти две пушки, но удивительная осторожность, с которою они употребляют орудия, не позволяла нам ими завладеть»⁴⁷⁷. Это были легкая 6-фунтовая пушка и горное орудие, оба – с передками⁴⁷⁸. В 1845 г. из своего орудия Талхик стрелял «картечными пулями, облитыми свинцом»⁴⁷⁹. Жителям аула Тилитль (резиденция Кебед-Мухаммада) Шамиль в 1843 г. подарил два трофейных орудия с упряжью; в Согратле (февраль 1844 г.) «находилось тогда два орудия одно горное в самой деревне... а другое, как говорили мне жители, большое, поставлено внизу деревни у речки; из него при мне было сделано несколько выстрелов»⁴⁸⁰.

Шамиль строго-настрого предписывал своим наместникам беречь орудия («как зеницу ока»). Символично, что поражение под Кутешами Шамиль перенес спокойно, но о потере орудия (горного единорога, отбитого у русских в Даргинскую экспедицию) сильно сокрушался, написав Талхику с требованием непременно отнять у русских в Чечне одно орудие, дабы «возместить» потерянное⁴⁸¹. Боясь гнева имама, наibы не рисковали своими пушками, предпочитали действовать из них с дальнего расстояния (километров полутора), а то и ночью⁴⁸², и при первом намеке на опасность захвата сниматься с места. Сам Шамиль поступал точно так же. Потому-то выстрелы орудий, за редким исключением, не наносили большого ущерба противнику, да и картечь поэтому горцы не имели возможности применять. Учтем и то, что русские войска в подавляющем большинстве случаев имели превосходство в числе артиллерийских стволов. Военный историк сравнивал огонь артиллерии Шамиля с колокольным звоном⁴⁸³. «Возлагая на орудия большие надежды, они [горцы] боялись потерять их и действовали ими только в вер-

ных случаях. За то без орудия им как бы недоставало чего, а затем и отчаянный натиск их утратил свою бешеную энергию»⁴⁸⁴. Но, оберегая свои пушки, горцы достигли большого совершенства в искусстве моментально снимать с огневой позиции и прятать орудия в различных труднодоступных местах – по дальше от противника⁴⁸⁵.

Обычно орудия свои Шамиль ставил «под прикрытием холма, кустарника или на краю балки...»⁴⁸⁶, в лесу или за завалами, но не на открытом месте. «Сверх того, из опасения обхода нашими войсками, они часто перевозились с одного места на другое; а как наибы и начальники частей отвечали своей головой за потерю вверяемых им орудий, то они были весьма нерешительны в своих действиях, держались в отдалении и за естественными препятствиями»⁴⁸⁷. «Горцы извлекают мало пользы из своей артиллерии. Боясь потерять ее, они открывают огонь с огромных расстояний, часто стесняются орудиями при движениях, и нашим войскам стоит только сделать небольшое фланговое движение, чтобы заставить Горцев поспешно отвозить орудия и прекращать стрельбу. Впрочем, нельзя отвергать некоторого нравственного влияния на скопища Горцев, производимого присутствием артиллерии Шамиля»⁴⁸⁸. По замечанию драгунского офицера, «в искусстве прятать свою артиллерию в минуту крайней опасности, горцы, я полагаю, могли перещегоолять все народы земного шара»⁴⁸⁹. Только в этом отношении артиллерия имамата и была на высоте.

По приказу Шамиля горцы также производили **ракеты**. Как хвалился имам султану в 1843 г., «мы делаем стрелы в большом размере, бросаемые посредством пороха. Стрелы эти вреднотворностью равняются большим ружьям [пушкам], их на нашем языке мы называем галуфушь»⁴⁹⁰. Ракеты выделялись в слободе при ауле Ведено, населенной ренегатами и пленными мусульманами. «Производством ракет первоначально занимался один ренегат, по имени Урус-Хассан [Никитин?]. Он же обучал этому делу и горцев». «Когда у русских появилась ракета, Хасан тут же изготовил и для Шамиля ее и бросал ее в сторону русских». «Но впоследствии, когда они уже достаточно с ним познакомились, ренегат был

удален и производство ракет перешло исключительно в руки туземцев»⁴⁹¹.

Однако и позднее использовались русские специалисты. Историк Дагестанского пехотного полка пересказывает рапорт полковника Ракусы от 7 сентября 1854 г.: «при Шамиле находится беглый солдат, принявший магометанскую веру, который еще в 1853 году пробовал делать конгревовы ракеты, но тогда не было у горцев листового железа; во время же движения их в 1854 году в Кахетию они сорвали с одной башни на лезгинской линии железную крышу и солдат этот принялся за выделку ракет, которые оказались неудачными и горцы их не употребляли»⁴⁹².

Ф. Чернотубов, используя показания дезертиров и пленных, писал, что часть обитателей Солдатской слободки (при столице имамата) работала «в горах в железном руднике, открытом в 1851 году одним беглым фельдфебелем. Вскоре, однако, руда иссякла, и на заводе стали делать ракеты, чем занимался бежавший из Тифлиса солдат [Хасан?]. Но боевые ракеты рвались на месте, и только сигнальные удавались мастерам»⁴⁹³.

Действительно, как и самодельные артиллерийские гранаты, эти категории снарядов получались у имама крайне неудачно⁴⁹⁴, равно и само применение ракет (в первую очередь из-за некачественного пороха). «Но вот на сцену явилась и ракета. Высоко взвившись, она перелетела укрепление, спустившись сзади его в ущелье; другая с самого начала пошла писать зигзагами по спуску горы, не дойдя до стены; третья повернула назад, начав бить самих же горцев. В их стане раздался рев, а у нас хохот» (осада Шамилем Месельдегерского укрепления, сентябрь 1853 г.). В Чечне (ночью с 8 на 9 февраля того же года) использование Шамилем ракет (на сей раз трофейных – отбитых у казачьей ракетной команды в том деле, где был убит атаман Круковский, в 1852 г.) снова вызвало смех: «Подойдя к ручью Шевдон... они [горцы] начали спускать боевые ракеты... Затея эта оказалась неудачнее дневной стрельбы из орудий. Испорченные и дурно направленные ракеты (горцы спускали их с ветки ближайшего дерева) подымались сажень на пять, и с этой высоты или обратно спускались к горцам, или разрывались, осве-

щая на мгновение лагерь. Сделав пять-шесть попыток и получив в возмездие за нарушение нашего сна один картечный выстрел, горцы разбрелись по домам, оставив в покое и нас до зари»⁴⁹⁵.

Туземцы Дагестана повсюду активно готовили **порох**⁴⁹⁶. На территории имамата «во всяком почти значительном ауле есть люди, которые делают порох»⁴⁹⁷, но первобытным способом, в грубо сделанных ступках. Получаемые зерна имели «форму чрезвычайно разнообразную и цвет буро-зеленый». Такой порох при малейшей сырости портился, при сжигании оставлял после себя много копоти. «Полировка пороха горцам не известна; составные его части не всегда кладутся в надлежащей пропорции. От этого выделяемый ими порох не имеет ни определенной формы, ни должной прочности, и вообще редко бывает хорошего качества»⁴⁹⁸.

В декабре 1841 г. Шамиль приказал жителям двух андалальских деревень, Хоточа и Хандыха, ускорить производство пороха, наложив в виде подати на каждый дом по 10 фунтов и более. По исследованию 1841 г., составные части горского пороха были следующие: селитры (дурной) 30%, серы 15%, угля 5%. Порох этот оказался наполовину слабее русского⁴⁹⁹.

Примерно с 1843 г. турецкоподданный (по другим данным, крымский татарин) Джафар жил в горах, устроив там (с помощью дезертиров) для имама «12 машин, которыми добывают порох»⁵⁰⁰. «Джафар сделался самым авторитетным человеком у имама, любимцем народа за то великое добро, которое он сделал для него в те (тяжелые) дни, о которых я говорил»⁵⁰¹.

В 1842 г. пороховой завод находился в андийском ауле Карата⁵⁰². Другой (?) завод «был в Дарго, но вместе с аулом разорен... в 1845 году». Имелись также заводы в Ведено и в Унцукуле – из последнего он был переведен в Гуниб⁵⁰³. «В этом [1849/1850] году был устроен завод [для изготовления] пороха, который толкли при помощи воды, и был установлен порядок сбора и покупки материалов для изго-

товления пороха»⁵⁰⁴. Путаница с числом заводов связана и с тем, что они погибали по естественным причинам: «Но незадолго перед завоеванием Чечни войсками графа Евдокимова, завод пороховой сгорел; погибло в нем около пяти человек. Потом этот завод был восстановлен полностью, но вторично сгорел, при этом, опять погибло несколько человек из работавших на заводе. Но уже третий раз он не был восстановлен, сохранились ныне одни развалины»⁵⁰⁵.

Веденский завод устроил и управлял им хаджи Джабраил Унцукульский (см. выше о нем). Завод представлял собой длинный деревянный двухэтажный сарай. На верхнем этаже стояла водяная мельница, на нижнем – 24 каменные ступы. Сера, селитра и уголь, истертые деревянными мельничными жерновами, переносились в ступы. Там с помощью рычагов (деревянные, обитые листами меди) они окончательно превращались в мякоть. Ее вынимали, sprыскивали водой и клали тесто в длинные деревянные бочки. Бочки катали быстро и долго. Мякоть разбивалась на зерна, которые пересыпали в решета, устроенные в особых каморках внутри того же сарая. Просеянные зерна составляли совершенно готовый порох, но он «очень немногим отличался от того, который выделяется частными людьми, и в качестве своем нередко бывал ниже его». Заводской порох (ежегодно его производили около 190 пудов) отпускался только личным мюридам Шамиля и жителям аула Ведено. Кроме того, имам рассылал порох своим наibaм для раздачи жителям подчиненных им обществ «в случае усиления военных действий»⁵⁰⁶.

Создание артиллерии стало одним из наиболее существенных звеньев в цепи мероприятий, предпринимавшихся Шамилем для создания квазирегулярных вооруженных сил. Следует отметить, что здесь ему удалось добиться наибольших успехов, хотя и без особой эффективности в применении нового оружия. Нельзя, однако, сказать, что удача сопутствовала ему в других начинаниях...

12. ПЕХОТА

Шамиль решил на еще одно преобразование, не имевшее аналогов в горской военной организации времен Кавказской войны. Он создал «низам» – постоянное **пешее войско** «по образцу нашей пехоты». *Низам* означает «строй, порядок», так же называется и регулярная армия на Востоке – «род регулярных войск», – замечал Г.К. Властов при описании реформы Шамиля⁵⁰⁷. Следовательно, если при заведении пехоты использовали русский опыт, то идея названия (именно одна лишь идея, но не сам принцип организации низама, вопреки утверждениям М. Гаммера)⁵⁰⁸ была позаимствована у египтян или у турок. Именно там регулярная армия именовалась «низам» («низами» / «ал-Низам ал-Джадид» в Египте, «низамийе» в Турции)⁵⁰⁹.

Нет точных данных, когда проводилась реорганизация. М. Гаммер почему-то придерживался версии о начале / середине 1840-х гг., но его мнение, разумеется, ошибочно. Сам Шамиль позднее заявлял, что «мысль завести у себя низам по образцу нашей пехоты родилась в его голове давно и он устроил его давно»⁵¹⁰. Э. Дюлорье в 1861 г., ссылаясь на российские публикации тех лет, утверждал, что «низам (регулярные войска) по образцу русской пехоты» был учрежден Шамилем в 1842 г.⁵¹¹. Но французский автор спутал издание кодекса законов имамата с заведением одноименного пешего войска. В мемуарах офицеров Кавказского корпуса, непосредственных участников событий 1851 г., недвусмысленно утверждается, что низам – «регулярное войско – *только что заведенное* [выделено нами] Шамилем и первый раз пущенное им в дело» в начале этого года. «Этот порядок, называемый по-татарски *низам*, был недавно введен Шамилем, чтобы подражать нашей регулярной пехоте»⁵¹². Поэтому логичнее будет отнести создание квазирегулярной пехоты Шамиля к 1850 году⁵¹³.

Версия Б.-Э. Хурша (1939 г.) о том, что она уже существовала к концу 1830-х гг., как обычно, не находит никакого подтверждения в источниках⁵¹⁴.

К февралю 1851 г. в распоряжении имама оказалось 10 дружин, набранных из «верных тавлинцев», «сходных с нашими [русскими] батальонами» по численности. Причина выбора дагестанцев в том, что тавлинцы пользовались славой опытных пеших воинов. У каждой дружины (500 чел.) имелся свой начальник, а четыре дружины, образовывавшие полк, подчинялись особому наibu. (Соответственно, можно предполагать, что были созданы два полка и шло формирование третьего.) Был назначен и командующий всем низамом. Внутренняя структура дружины неясна, но Л.П. Николаи упоминает, что «неприятельская пехота шла в некотором порядке, как бы по ротам, т. е., вероятно, посотенно, и перед каждой ротой был начальник верхом». Строй у низама был принят подобный русской пехоте. Шамиль был «ложно уверен, что его горцы смогут выстоять против нас, если образуют большую плотную массу, сходно с нашими батальонами». Строю горцев учили русские дезертиры. Как отмечал В.А. Потто, ссылаясь на рассказы старых горцев, «они двигались по команде, ходили в ногу и делали довольно стройно несложные построения»⁵¹⁵. Очевидцы признают хорошую строевую подготовку низама – дезертиры потрудились на совесть! С другой стороны, новая пехота имела ружья без штыков: М. Гралевский писал, что «имам попытался организовать и низам, или регулярную пехоту, но слабые средства горцев и отвращение к штыкам доставили ему много хлопот»⁵¹⁶.

«Эта несчастная мысль, – характеризовал А.Л. Зиссерман (развивая мысль Г.К. Властова) учреждение низама, – разом уничтожившая традиционную тактику горцев, была причи-

ной жестокой катастрофы. Отличные стрелки, ловко пользующиеся местностью, действуя поодиночке, горцы как кошки умели ускользать от атакующего и, нанося вред противнику, сами... отделялись незначительной потерей; переходя же к несвойственному им сомкнутому строю, без предварительного приготовления и без неизбежной строгой дисциплины, дающей возможность командующему держать массу в своих руках, горцы сделали грубейшую ошибку и дорого за нее поплатились»⁵¹⁷.

С тактической точки зрения горская пехота была крайне уязвима на плоскости перед русскими войсками. Но – парадокс! – именно для действий на открытой местности в правильном строю и предназначалась она, по самому своему назначению, как выясняется, непригодная для той единственной роли стрелков и партизан в густых чеченских лесах, которые только и могли принести победу горцам. С другой стороны, Шамиль явно рассчитывал применить свое детище в Дагестане, где и нужна была пехота и где имам стремился создать сильную, преданную и повинующуюся лично ему пешую гвардию.

В боевых действиях против русских войск регулярная пехота участвовала всего один-единственный раз и потерпела сокрушительное поражение. Это было связано с экспедицией генерал-майора В.М. Козловского и князя А.И. Барятинского в Большую Чечню (1851 г.). Имам, не имея сил помешать русским методично разрушать Шалинский окоп и прокладывая себе путь к завоеванию Чечни, решил использовать свою квазирегулярную пехоту, в последней попытке остановить продвижение противника, и в то же время желая проверить на практике результат своего нововведения. «На общем совете решено было в следующий раз встретить русских не врассыпную, разрозненными кучами, а сомкнутой пехотой». 27 февраля 1851 г. «показалась какая-то колонна, двигавшаяся в таком стройном порядке, что ее можно было бы принять за русских, если бы только русские могли появиться с той стороны». Численность низама оценивается участниками боя в 5000–6000 чел. (3000 чел., по мнению Л.П. Николаи; очевидно, всего там было 5000 горцев в 10 дружинах), идущих плотным строем. Однако по этой же причине

пехотные колонны шли по левому берегу р. Басс, где только и могла передвигаться такая масса людей. Но местность эта представляла собой совершенно открытое поле, усеянное только редкими, кое-где разбросанными по нему дубками, идеально приспособленное для действий конницы.

Такого прекрасного случая для кавалерийского дела еще не представлялось, а «этого войска [низама] можно было почти не бояться на равнине, где наши регулярные войска всегда были хозяевами». Три эскадрона нижегородских драгун (2-й, 8-й и 9-й) подполковника Тихоцкого быстро развернули фронт и, имея на флангах казаков, понеслись через поляну. При виде скачущей конницы «заметно было, что порядок неприятельского шествия расстраивался и что вся масса стремилась достигнуть речки Басса» – еще до столкновения пехота попыталась уйти от удара. Отряд чеченской конницы Хаджи-Мурата попытался было выручить свою пехоту, но был рассеян картечью. На преследование Тихоцкий выделил две сотни казаков, а с остальными казаками и с эскадронами драгун ринулся карьером на главную цель. На поляне горская пехота, построившись в каре (точнее, сбившись в более или менее правильную массу), встретила их беглым ружейным огнем. Но выстрелы оборвались разом – кавалерия «с налета» врезалась в неприятельские ряды. «И никакое описание не может дать понятие об ужасе происшедшей здесь рукопашной схватки. Прижатые к реке, горцы очутились в самом отчаянном положении: мы их рубили [шашками], кололи [пиками], топтали конями, сбрасывали с круч и топили в Бассе». Растерявшиеся и оттесненные к речному обрыву пехотинцы низама могли обороняться от всадников только прикладами (шашек у тавлинцев не было, но странно, что не говорится о длинных кинжалах, характерных для пеших дагестанских воинов).

«Панический страх овладел неприятельскую пехоту, которая превратилась в стадо баранов, бегущих по открытому месту, которых рубили без всякого с их стороны сопротивления...». Кавалерия преследовала горцев на протяжении более полутора верст. Остатки пехоты укрылись в близлежащем лесу, но драгуны спешились и штыками выбили горцев.

Потеря неприятеля была огромная: на месте схватки подобрано 270 (или 276) тел; столько же, если не больше, разбились при падении с крутого берега или утонули⁵¹⁸. Русская армия вновь блестяще доказала свое превосходство над горскими отрядами, даже устроенными на регулярный манер.

Решающее значение победа 27 февраля имела и для постоянной пехоты имама. С русской стороны считали, что «ничтожные остатки низама рассеялись, и вместе с ними рассеялась сама затея Шамиля»⁵¹⁹. А.И. Руновский записал, что «с тех пор Шамиль оставил всякое помышление о низаме, да и этой попытки не мог простить ни себе, ни своим Наибам, из числа которых он разжаловал в то время пятерых. После этого Шамиль отдал строгое приказание: всячески избегать действий против Русских сомкнутым строем, на том основании, что низамом можно действовать только в открытом поле, а горцы не могут долго стоять под огнем, особливо артиллерийским. К тому же, для него не было никакой необходимости выводить их в поле, когда все военные действия, за исключением немногих частных случаев, происходили в лесах и горах, где горцы всегда имели перед нами много преимуществ»⁵²⁰.

Как полагает М. Гаммер, несмотря на поражение и насмешки с русской стороны, низам, «должно быть, являлся важным инструментом – по крайней мере, как средство устрашения – претворения в жизнь воли имама в его владениях»⁵²¹. Однако отсутствие каких-либо упоминаний о низаме после 1851 г. и процитированное высказывание самого Шамиля свидетельствуют отнюдь не в пользу этой (очередной) гипотезы. М. Гралевский прямо указывал на то, что после Шалинского погрома (хотя его он ошибочно датирует 1850 г.) имам не пытался организовать вновь свою пехоту⁵²². Можно согласиться с Э. Дюлорье, что «эта попытка военной организации не имела никакого успеха»⁵²³.

С другой стороны, в бою на р. Джалке 11 февраля 1852 г. «впереди всей его массы, рассыпавшись в цепь, попарно шли рослые тавлинцы. Я никогда не видел прежде такого правильного строя у горцев. Обыкновенно они действуют поодиночке или партиями большими и малыми, беспрестанно перебегая с места на место, но эта цепь ничем не отличалась от нашей; даже перестрелка, завязавшаяся между ею и нашим арьергардом, отзывалась чем-то регулярным»⁵²⁴. Поэтому возможно, что остатки распущенной пехоты низама 1851 г. не сразу забыли вбитые в них дезертирами навыки.

13. ЗНАКИ РАЗЛИЧИЯ И НАГРАДЫ

Важным показателем «устроенности» армии Шамиля стала система наград и наказаний. Ее создание (для чего Шамиль, несомненно, вновь обратился к русскому опыту) находилось в прямой связи с начинаниями имама в области упорядочения организационной структуры его войск – введением командно-должностных званий. Награды Шамиля были исключительно военными, служившими идее газавата. Поскольку решающим качеством при назначении командиров считалась храбрость, должностные знаки, внешне очень сходные с наградными, по сути, мало отличались от последних⁵²⁵.

Фр. Боденштедт приводит следующую градацию знаков различия.

1. Сотники: круглая серебряная медаль с надписью «Юзбаши такому-то за храбрость».
2. Начальники 300 воинов (уч-юзбаши): треугольная медаль с надписью «Такому-то за выдающуюся храбрость».
3. Полутысячники: серебряные эполеты («единственное отличие этих эполет от русских в том, что первые из серебряной нити, а вторые из чеканного серебра») и серебряный темляк.

Эта система, по словам Боденштедта, была установлена в 1840 году⁵²⁶. Но официальные русские документы подтверждают, что о знаках отличия в имамате «первые сведения получались в 1841 году». Датировка подтверждается указанием года изготовления на некоторых наградных знаках – от 1257 г. (1841–1842 гг.) до 1275 г. (1858–1859 гг.)⁵²⁷. До этого за отличия «выдавались подарки: оружием, лошадьми, баранами, различными вещами и даже делались денежные вознаграждения», размером от 3 до 30 руб.⁵²⁸. С установлением системы орденов и знаков различия материальных вознаграж-

Орден имамата. Надпись: «Это знак совершенно доблестного льва-мусульманина»

дений отличившимся больше не выделяли «из-за скудости казны... Тем не менее, наши воины очень любили награды и проявляли усердие, чтобы их получить, жертвуя собой, потому что в каждом человеке заложено стремление к славе»⁵²⁹.

Документы РГВИА подтверждают достоверность описания Боденштедтом устройства и степеней орденов Шамиля, представляя практически идентичную систему отличий имамата:

1. Сотник муртазеков или ополчения: серебряная круглая медаль с надписью по-арабски «За храбрость сотенному командиру».
2. Трехсотенный командир: треугольная серебряная медаль, надпись «За отличную храбрость трехсотенному командиру».

3. Пятисотник: серебряные небольшие эполеты («отличаются от наших тем, что делаются не из канители, а из кованого серебра») и темляк.
4. Генерал (высшие наибы, включая Ахвердил-Мухаммада – который вдобавок «носит у правого эполета большую серебряную бляху с надписью на арабском языке: “Нет другого молодца, как Ахверды-Магома и лучшей шашки, как его шашка”» – и Шуаиба-муллу): два серебряных знака в виде полувезды, «так что если их вместе сложить составляют нашу Орденскую звезду». Их носят «по одной на каждой стороне груди, зубцами в наружу». (Князь Орбелиани, однако, видел «только пятиугольные» звезды.)
5. Капитан (прочие наибы): овальная медаль.
6. Помощники наибов и все старшины селений: серебряная пластинка.

Вероятно, здесь представлен ранний вариант системы отличий, т. к. автор документа отмечает, что «знаки отличия только видны между мюридами под управлением Шуаиба и частью Ахверды-Магомы, в Аварской и Лезгинской области такие знаки еще не появились». Оба названных лица (наибы Чечни с 1840 г.) были убиты 6 марта 1844 г. и 18 июня 1843 г. соответственно, а данный документ появился на свет в первой половине 1843 г.⁵³⁰

Фр. Боденштедт, очевидно, пользовался этим отчетом (или его источником). По его версии, Шамиль в конце 1842 г. ввел чины «генерала» (для лучших наибов) и «капитана» (прочие наибы и несколько начальников муртазек). Генералы носили с каждой стороны груди по серебряному ордену в форме пятиконечной полувезды. Здесь Боденштедт ссылается на рассказ князя И.Д. Орбелиани, который действительно писал о том, что наибы Чечни Улубий и Шуаиб «имели на груди, выше патронников, [две] серебряные пятиугольные звезды». Р.К. Фрейтаг уточняет, что на звездах Шуаиба и Улубия (полученных ими от Шамиля за отличие при отражении Ичкеринской экспедиции Граббе 1842 г.) имелась надпись «нет силы, нет крепости, кроме Бога единого»⁵³¹. Малая серебряная бляха овальной формы, продолжает Боденштедт, отличает прочих наибов и «капитанов». Заместители наибов и аульские старейшины носят небольшую серебряную пластинку⁵³².

М. Казем-Бек и Н.Ф. Дубровин приводят собственную версию отличий армии Шамиля.

1. Тысячник и пятисотник: серебряный круглый знак, разделенный двумя параллельными кругами на три части. В первой – наибольшей – части кругом надпись (двустипшие) по-арабски: «Если ты предаешься войне, то малодушие в сторону. Терпи все ее невзгоды: нет смерти без назначения» (т. е. кому не предназначено судьбой, тот не умрет). В четырех противоположных местах второго круга, по двум перпендикулярным диаметрам, начертаны первые два символа веры в исламе: «Нет Бога, кроме Аллаха; Мухаммад – его пророк». Наконец, в центральном круге указано соответствующее звание командира. Известны варианты и с другими надписями: первая сура Корана, или же – «Сила и мощь у великого Аллаха».

2. Сотник: серебряный полумесяц рогами вверх (для сотника и всех нижестоящих чинов в надписи на одной стороне знака указано только звание). Варианты: серебряный треугольник с надписью «Свидетельствую, что нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммад – посланник его» (такой же знак у начальника над двумястами воинами); серебряная пятиконечная звезда, концы ее несколько закруглены, и в них надпись «Это начальник сотни войска нового устава». Третий вариант (серебряный круг) датируется по надписи 1845–1846 гг. и выдавался наибом Даниял-султаном; множество таких знаков сохранилось до нашего времени.

3. Пятидесятник: серебряный треугольный знак с тупыми, вогнутыми углами.

4. Десятник: медный продолговатый прямоугольник с оконечностями в виде фестонов.

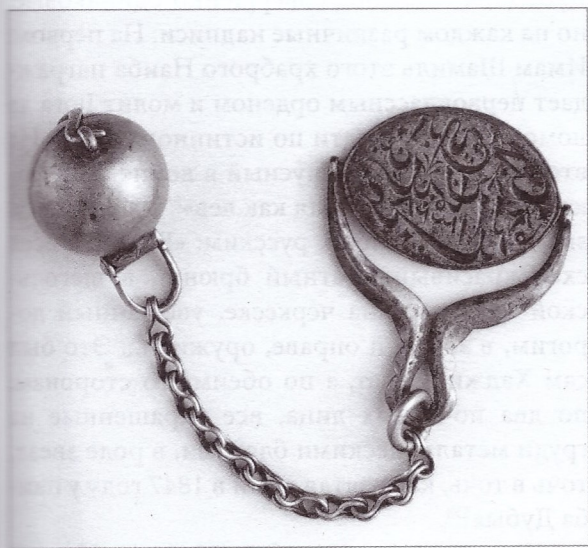
В.Г. Гаджиев описывает также знаки **начальников над тремястами** (круглая пластина с надписью «О боже! Благослови Мухаммада и его сподвижников!») и над **четырьмя сотнями воинов** (круглый знак, надпись «Нет бога, кроме Аллаха. Аллах велик. Хвала Аллаху. Да простит меня Аллах»)⁵³³.

Но больше оснований доверять рапортам русского командования 1842–1843 гг., где дается описание нагрудных знаков отличия для «почетнейших званий военных»:

1. Десятники: «особенного знака отличия не имеют, но выбираются из более достойных».

2. Пятисотенник: круглый знак («медаль») с надписью «Пятисотенный начальник нового устава [вновь устраиваемого войска]. Нет крепости, нет силы как от Бога».
3. Сотник: круглый знак (надпись та же, что у пятисотника, но, конечно, с указанием соответствующего звания).
4. Наибы (тогда почти все они были пятисотенными начальниками, но впоследствии такие стали подчиняться наибам): «на правом плече серебряные пластинки, которые им служат вместо эполет».
5. За особую храбрость пятисотникам и сотникам даются «кисти к шашке вроде темляка»; за «особенное мужество и неустрашимость даются именные надписи к шашке»: «Нет такого-то храбрее, нет сабли его острее».
6. Награды (их могли жаловать не только имам, но и наибы): за усердие – четырехугольные звезды и круглые медали; за храбрость – треугольный знак с надписью «Храбр и мужествен»⁵³⁴.

Позднее эполеты обычно не упоминаются, но очевидец описывает облачение согратльского наиба (1854 г.). Последнего отличали от окружающих только желтая чалма на шапке и «две золотые бляхи на плечах». Абд ар-Рахман Газикумухский также пишет, что Шамиль установил для наибов «специальные различительные знаки – желтую чалму и две изготовленные из серебра, позолоченные бляжки

Печать Шамиля

Орден имамата. Надпись: «Обладатель [награды] – доблестный муж Язид (?)»

[бляшки] на плечах с надписью: “Этот юноша проявил себя в сражениях, в бой он бросается как лев”. Бляжки были удостоверены печатью Шамиля»⁵³⁵.

Дальнейшую эволюцию орденов имамата можно проследить по сохранившимся образцам.

Почти все знаки отличия и должностные знаки имеют форму слегка выпуклой круглой пластины из серебра: полумесяц, охвативший сомкнувшимися рогами прорезную розетку о шести, а изредка о восьми лепестках, с жуковиной в центре цветка. Диаметр знака составлял от 57 до 85 мм, но обычно колебался в пределах 60–70 мм. Некоторые были украшены зернью, полусферами или чеканными звездами – общей, централизованной заготовки знаков не существовало, и в выборе орнамента сказывались традиции местных мастеров. Отличаются знаки простых воинов и наибов. Последние получали знаки, выработанные более искусно, с богатой отделкой, иногда даже с позолотой. Для чеченского наиба Джавад-хана был изготовлен знак сложной формы и с длинной надписью: «Установитель Низама, очиститель Сунны, установитель новшеств Джават-хан. Да продлит Всевышний его счастье. Сила и мощь только у Аллаха». Сохранились еще

Орден имамата. Надпись: «Сей достойный Хаджи Мухаммад ал-Асамм [«Глухой»]. Захватил [я] этого молодца, прикончил его в бою. В ярости [я] неустрашим»

два похожих знака, но в подписи нет имени награжденного. Другой необычный (коллективный?) знак имел форму серебряного полумесяца (концами вверх), с надписью на арабском языке («Это храбрецы, которые не бегут от боя и живут среди опасностей») и с изображением шашки. Знак Даниял-султана (1846–1847 гг.) был позолочен и имел восьмиугольную форму.

Непременный признак подобной символики – надпись. Подавляющее большинство надписей на знаках удостоверяло или пропагандировало храбрость награждаемой персоны. Например: «Владелец этого герой» (или: «Этот герой *имярек год хиджры*»); «Этот знак геройства»; «Этот человек тот, кто показывает в войне геройство и воюет с львиной храбростью. 1272 г.» (1855–1856 гг.). Или: «Храбрость этого мужа усовершенствовалась в войне и в сражениях, поражает противника точно так же, как поражает лев» (сравнение награждаемого со львом встречалось нередко); «О твоей храбрости говорила твоя сабля, пусть этот знак говорит о том же. Герою нужны отличия»; «Слава ищет храбреца» (наиб Атабай?); «Пусть на твоём сердце лежит этот знак твоей доблести, он будет щитом для

сердца, подобного львиному»; «Храбрецу, чей взор ищет врага, а сабля разит его»; «Имам Шамиль награждает этого храбреца орденом, ибо видел его мужество. Да поможет ему Аллах в будущем. 1268 г.» (1850–1851 гг.); «Пусть он будет тебе щитом, уличающим твою силу среди таких же храбрецов»; «Этот почетный знак имам даровал тому, кто проявил героизм в народе» и др. Очень популярной была надпись: «Кто думает о последствиях, тот не герой». Иногда к ней добавляли дату выдачи, имя награждаемого («Мухаммед») или даже его звание: «Это орден льва львов, наиба Абакар Хаджи. Кто думает о последствиях, тот не герой».

Что до изобразительного орнамента на знаках, то ему принадлежит скромная роль: в основном изображалась шашка, дважды – пистолет (сам по себе или с шашкой). Если знак исходил от самого имама, могло присутствовать клеймо «Шамиль».

Известное значение в установлении старшинства знаков могут иметь определения, встречающиеся в надписях: награда может именоваться «орден» (*нишан*), «знак» (*альямат*) и даже «медаль» (русское слово, написанное арабскими буквами)⁵³⁶.

Несколько описаний наибских знаков отличия сохранились в источниках. Например, два дарованных имамом серебряных знака отличия, принадлежавших чеченскому наibu Дубе (1847 г.): «оба совершенно одинаковые, но на каждом различные надписи. На первом: Имам Шамиль этого храброго Наиба награждает первоклассным орденом и молит Бога да поможет он ему идти по истинному пути. На втором: это герой искусный в войне и бросающийся на неприятеля как лев»⁵³⁷. Или выход знаменитого наиба к русским: «Впереди всех ехал красивый, статный брjunет, в щегольской белого сукна черкеске, увешанный дорогим, в золотой оправе, оружием... Это был сам Хаджи-Мурат, а по обеим его сторонам, по два почетных лица, все украшенные на груди металлическими бляхами, в роде звезд, точь в точь, как взятая нами в 1847 году у наиба Дубы»⁵³⁸.

Чеченский наиб Атабай (1848 г.): «На груди, на серебряной цепочке, висел дорожный компас в серебряной оправе и красовались две

треугольные серебряные медали с арабскими надписями. Обе медали, или, правильнее, оба знака отличия были совершенно одинаковы; не одинаковы были только надписи на них; на первой значилось: “герой, опытный в боях и, как лев, бросающийся на неприятеля”; надпись второго знака отличия, если только истинный смысл ее не искажен в переводе, вызывает на размышления: “только тот может назваться храбрым, кто не думает о последствиях”. Изречение, конечно, мудрое, но не носит ли оно скорее характер порицания, нежели одобрения?»⁵³⁹.

Особенностью наградного дела в имама-те было то, что ордена имели право жаловать не только Шамиль, но и его наибы. Уже в 1842 г. «в Чечне Шуаиб и Уллу Бей жалуют за подвиги медали и звезды с надписью из алкорана “Ла-илаха воала кувота ийллах биллах”, нет силы, нет крепости, кроме бога единого»⁵⁴⁰. Сохранились знаки, дарованные Даниял-султаном, например: «Этот знак выдан Даниял-султаном тому, кто проявил храбрость. 1263 г. [1846–1847 гг.]». Осталось немало должностных знаков с надписью:

«Во времена имама Шамиля. Это начальник сотни и глава отряда. Пожаловал это звание Даниял-султан в 1262 г. [1845–1846 гг.]».

Известны два ордена (посеребренная медь), выданные наибом Гаирбеком из Буртуная, с надписями: «Кто думает о последствиях, тот не герой. Он проявил мужество, подчиняясь наибу Гаирбеку» (диаметр знака 60 мм); «Кто думает о последствиях, тот не герой. Этот орден даровал наиб Гаирбек из Буртуная». Еще один орден: «Это герой. В битве он нападает как лев. Героев много, но подобных ему нет. Даровал это Идрис-эфенди в 1267 г. [1850–1851 гг.]»⁵⁴¹.

Было замечено, что при создании наградной системы Шамиль обращался к опыту противника – русской армии. «Даже кажущаяся столь странной децентрализация наградного дела, отражая реальное соотношение сил, складывавшееся в верхушке государства Шамиля, может рассматриваться как результат влияния русских порядков, поскольку горцы имели практически правильное представление о том, что у русских награды могут исходить и от наместника, и от его наибов – генералов»⁵⁴².

14. ФЛАГИ

Каждый наиб, пяти- и трехсотенный начальник, «даже просто предводитель, не только большой, но и всякой мелкой партии» «имеет свой значок [байрак], который указывает место, где он находится во время дела», «составляющий для них что-то в роде наших знамен». «Каждое общество имеет свой значок. Наибы по два, Шамиль три, из коих один желтый, другой белый с красными каймами»⁵⁴³. В реальности, похоже, число значков у наибов не регламентировалось, тем более что кроме «личного» значка наиба надо учитывать флаги подчиненных ему отрядов из его области. Общее правило наблюдателей за горскими «скопищами» – чем больше было в отряде значков, тем многочисленнее он был.

Единого, «государственного» знамени имама не существовало. Как было изготовлено и окрашено знамя наиба или общества, решалось по вкусу владельца. Значки войск Шамиля были «весьма красивы. К выкрашенному ровному древку была прибита яркая шелковая материя одного или нескольких цветов, величиною в квадратный аршин, с затканной посредине надписью из корана, над древком красовалось медное яблоко, а поверх его такое же сквозное копьё»⁵⁴⁴. Манера атаки: «храбрый из толпы схватывает значок, отбегает с ним на сотню шагов вперед и втыкает его в землю; тотчас все принадлежащие к отряду этого значка бегут к нему и окружают его. Другой горец повторяет тот же маневр, и таким образом передвигается вся масса неприятельского отряда»⁵⁴⁵. Еще одна деталь, замеченная участниками походов в Чечню: если появлялись горцы, «но значка при них не было; следовательно, сборищ никаких по близости не было, и мы видели перед собой пока только местных жителей»⁵⁴⁶. Бата Шамурзаев, бывший наиб Шамиля, утверждал, что «под каждым значком выходило пять сотен человек»⁵⁴⁷.

Но это не было правилом. Историк нижегородских драгун описывает партию салатавского наиба при рейде на Чир-Юрт (март 1847 г.): «...Колыхавшийся по ветру пестрый значок обозначал

присутствие при ней самого наиба: следовательно, в партии могло быть триста-четыре человека, так как с меньшим числом кавалерии наибы никогда не выезжали»⁵⁴⁸.

Значки имама Гази-Мухаммада: 1) белый ситцевый прямоугольный, обшит (кроме прилегающей к древку стороны) цветной полоской, надпись вышита в виде треугольника (здесь и далее все надписи на арабском языке, их текст не приводится), размеры полотнища 129 x 129 см (1831 г.); 2) белый холщовый (98 x 86 см), с тремя

Мюрид с наибским знаменем. Гравюра Л.Е. Дмитриева-Кавказского (по рисунку Ф.Ф. Горшельта)

концами, с надписью; 3) белый холщовый, с двумя концами, с надписью; 4) красный шелковый прямоугольный, без надписи (1831 г.). Значок имама Гамзат-бека: зеленый (123 x 80 см), с тремя концами: на среднем конце пришит кусок красной материи, на нижнем – кусок узорчатой ткани, на верхнем – кусок серой материи; с надписью; древко с металлическим наконечником (1831 г.). Значок имама Шамиля: темно-красный шелковый (121 x 81 см), двухконечный, обшит сверху и снизу горизонтально темно-синими широкими полосами, древко с четырехгранным металлическим наконечником (1834 г.).

Значок Амалат-бека Буйнакского: серый (белый?) двухконечный (83 x 157 см), на обоих концах пришиты красные вставки, между концами вставлен зеленый треугольный кусок ткани; с надписью (1831 г.).

Значки армии Гази-Мухаммада под Дербентом⁵⁴⁹ (1831 г.; все без надписей): 1) желтый шерстяной двухконечный (65 x 90 см); 2) значок Кичик-хана (отряд из Гимров) – зеленый шерстяной двухконечный, наконечник древка металлический в виде увенчанного полумесяцем шара; 3) значок Ильдар-бека Каракайтагского – серый (белый?) двухконечный, 120 x 110 см.

Значок, отбитый русскими в Гимрах (1832 г.): прямоугольный, из четырех горизонтальных полос, синих и красных, 227 x 128 см; с обеих сторон полотнища пришиты синего и желтого цвета кисточки; древко (323 см) с остроугольным наконечником. Значок наиба Ташов-Хаджи («знамя, подаренное Кази-муллою, при котором собирались всегда мюриды»): красный двухконечный с зелеными угловыми вставками возле древка, 161 x 96 см; наконечник древка в виде трезубца (1839 г.). Значок Сурхая кади: двухконечный из белой бумажной материи, 104 x 43 см; на обоих (?) концах пришит кусок цветной ткани, с надписью, наконечник деревянный в виде шара (1839 г.). Значок наиба Али-бека: белый, двухконечный, с наконечником древка в виде шара (1839 г.).

Значок, взятый Самурским отрядом (1843 г.): белый двухконечный, обшит широкой красной полосой, 113 x 86 см; древко (220 см) с четырехгранным металлическим наконечником. Значок Даниял-султана Элисуйского: белый двухконечный с красной полосой посередине, наконечник древка четырехгранный (отбит вместе с другим значком при разгроме султана 13 июня 1844 г.). Значок наиба Хаджи-Мурата: белый двухконеч-

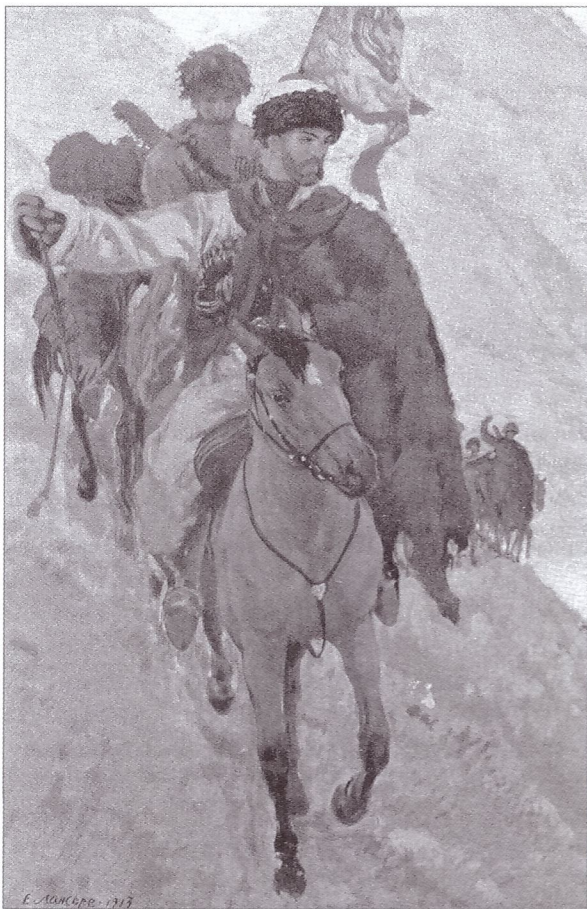

Наибы Хамзат и Бата Шамурзаев.
Рисунок Ф.Ф. Горшельта

ный, 137 x 93 см, с надписью, на обоих концах полотнища пришиты куски малиновой ткани; древко (длина 295 см) с металлическим шаром и с трехгранным наконечником (значок обновлен в 1844 г. и взят 1 июля того же года русскими)⁵⁵⁰.

«При занятии Шамилем Казикумуха в 1842 году, достались в его руки Высочайше пожалованные Казикумухскому и Кюринскому ханствам знамена; одно из них он отдал Шуаибу, другое Уллу-бею, в награду за действия их в Ичкеринском лесу»⁵⁵¹. Другой нетипичный пример символики: 6 июня 1831 г. под Эндери отбит «большой значок, в виде знамени», на наконечнике древка которого изображена с обеих сторон европейская корона и надпись «Vive le Roi!» [«Да здравствует король!» (франц.)]⁵⁵². Самим горцам такое сделать в голову бы никогда не пришло, и наиболее вероятное объяснение: оказавшийся среди беглых и обращенных в рабство поляков роялист. Табасаранцам первый имам отправил в 1831 г. знамя с надписью: «Кто под ним пойдет, тому ни пуля, ни ядро вредить не будут»⁵⁵³.

Больше сведений дошло о знаменах второго этапа существования имамата. Зеленое «знамя» стояло перед палаткой Шамиля уже в экспедицию 1844 г. В Чечне и в 1852-м, и в 1853 гг. можно было видеть личный значок имама – светло-зеленый с красной каймой. Спустя два года личное знамя Шамиля описывают так: большое черное, «с серебряными надписями из Курана, над которыми виднелся полумесяц, вылитый, как казалось, из массивного серебра». И в 1853 г. (осада Месельдегерского укрепления) возле шатра имама был «воткнут в землю черный значок». Но зеленое знамя вновь появляется в рейде на Кехетию (1854 г.), и очевидец год спустя видел

«Хаджи-Мурат с мюридами спускается с гор». Иллюстрация Е.Е. Лансере к повести Толстого «Хаджи-Мурат»

«зеленый штандарт пророка» при выступлении имама на ту же встречу (обмен пленников), где над ним развевалось черное знамя. Так и в Ачхоевском деле (9 июня 1858 г.), вспоминал князь И.Г. Амилахвари, «на однообразном фоне коричневых, черных и желтых черкесок живописно выделялись белые чалмы мюридов, и над ними веял большой зеленый значок, показывавший присутствие самого Шамиля». Виднелись другие «красивые значки – белые, огненные, оранжевые», «из красной материи с желтыми коймами»⁵⁴.

Граф Л. Н. Толстой, вспоминая в рассказе «Набег» о событиях в Чечне лета 1851 г., описывает и значки (впереди конницы «едут два человека на белых лошадях с красными и синими лоскутами на палках»). Он добавил определение, что «значки между горцами имеют почти значение знамен, с тою только разницею, что всякий джигит может сделать себе значок и возить его». Поль-

ский участник походов генерала Фези отмечал, что по-русски значками называются «небольшие знамена, которые у татар означают количество аулов, принимающих участие в походе и служат каждый для своих местом сбора». Н.Ф. Дубровин, опираясь на рассказ побывавшего у горцев в плену С.И. Беляева, подтверждает слова Толстого: «Каждый отдельный начальник имеет свой значок, но в команде его бывало таких значков несколько», «смотря по числу джигитов (молодцов, маюра-стаг), из которых всякий по своему вкусу прибывает к древку лоскут одноцветного, двухцветного и разноцветного шивного полотна». Потому что всякий, «кто уверен в своем молодечестве и верным считает коня своего, может иметь подобный значок».

Значок, отбитый Ширванским полком под Тилитлем в августе 1845 г.: красный прямоугольный (85 x 88 см), с широкой белой каймой (в двух углах пришиты квадраты из синей ткани), в центре оранжевый полумесяц; древко длиной 190 см. Значок, отбитый Самурским отрядом в 1846 г.: синий двухконечный (размеры 121 x 87 см), с широкой оранжевой каймой; длина древка 228 см. Малиновый значок, «испещренный арабскими буквами», взят драгунами при Кутешах (15 октября 1846 г.).

Значки наиба Даниял-бека, бывшего султана Элисуйского: 1) белый прямоугольный (140 x 126 см), с широкой каймой, в центре полумесяц и круг из цветной ткани, имеется также надпись на арабском языке (как и следующее знамя, отбит русскими в июле 1846 г.); 2) белый прямоугольный (100 x 89 см), с оранжевой каймой (кроме стороны полотнища, примыкающей к древку), в центре оранжевый полумесяц, в двух углах пришиты два синих квадратных лоскута; длина древка 256 см (в том же бою 25 июля взят горский белый значок треугольной формы, с двух сторон с красной каймой, в центре синий полумесяц, наконечник древка в виде шара); 3) двухконечный белый, с красной обшивкой краев и с надписью на арабском языке, наконечник древка металлический четырехгранный; 4–5) той же расцветки и формы, но надписи другие, а наконечник древка плоский или в виде шара; 6) синий прямоугольный, наконечник древка в виде птицы.

Значок наиба Хаджи-Мурата: серый прямоугольный (82 x 127 см), обшит с трех сторон бордовой полосой, в центре – аппликация из трех окружностей (красная, зеленая и красная), вокруг которых роспись растительным орна-

ментом, в двух углах полотнища аппликация из четырех полос (красная, зеленая, оранжевая, зеленая); древко длиной 294 см (захвачен при осаде Гергебиля в июне 1848 г.). Значок чеченского наиба Атабая: «палевый с черным» (1848 г.). О присутствии арадерихского наиба Мухаммад-Амина «узнавали всегда по двум белым значкам» (1848 г.). Значок, отбитый навагинцами в Чечне 13 августа 1848 г.: оранжевого цвета, с вышитым на нем белым шелковым полумесяцем.

Значки, отбитые в бою у дидоевского аула Ху-про 26 июня 1849 г.: треугольной формы, один – белый (с двух сторон с синей каймой), наконечник древка в виде шара, другой – белый (с двух сторон обшит красной полосой), с синим кругом в центре. Значок наиба Мухаммад-Омара Канадольского: розовый прямоугольный (70 x 65 см), с желтой каймой, в центре пришит лист бумаги со схематичным изображением Каабы; древко длиной 330 см, наконечник металлический остроконечный (1850 г.). Значок чеченского наиба Талхика: большой, черного цвета (февраль 1851 г.). В знаменитом бою Хаджи-Мурата с драгунами подполковника Д.М. Золотухина 8 апреля 1851 г. у аварского наиба было не менее 500 чел. (из Аварии, Тететля, Андалала и других непокорных нам округов), над которыми «развевались красные значки», и среди них «не трудно было различить давно знакомый войскам прикаспийского края значок Хаджи-Мурата» (а также не менее двух других значков – наивов тилитлинского и салтинского).

Чеченский значок, взятый в бою на р. Сунже (декабрь 1851 г.): прямоугольный белый, с синей каймой и желтыми треугольниками в углах полотнища, надпись на арабском языке. Значки наиба Бук-Мухаммада и его людей (все они отбиты при взятии аула Шеляги в январе 1852 г.): 1) серый прямоугольный (130 x 106 см), с широкой лиловой каймой; древко (285 см) с металлическим наконечником и шаром; 2) прямоугольный (71 x 52 см), с двух боковых сторон обшит широкой красной каймой; древко (247 см) с железным наконечником; 3) лиловый прямоугольный (106 x 145 см), обшит со всех сторон широкой полосой желтого цвета; древко (3 м) с железным наконечником и шаром; 4) прямоугольный (132 x 95 см), состоящий из центральной части и широкой каймы со всех сторон – две из которых голубого цвета с растительным орнаментом, полотнище окантовано тонким шнуrom, древко длиной 220 см; 5–9)

треугольной формы значки – зеленый, желтый (с красной каймой), белый (с синей каймой), лиловый (кайма белая), белый (кайма желтая), наконечник остроконечный; 10) белый двухконечный, с надписью на арабском языке; наконечник древка остроконечный, с кистью.

Дело под Салгирей-юртом в Чечне 10 января 1852 г.: выехала довольно значительная конная партия с двумя значками – белым, вышитым разноцветными шелками, и оранжевым («любимый цвет кавказских горцев»). В ту же зимнюю экспедицию 1852 г. было замечено, что у чеченской кавалерии значки были одноцветные, а у аварской – очень нарядные пестрые значки.

Значки Гази-Мухаммада, сына Шамиля: 1) в мае 1855 г. турецкий султан прислал ему «знамя с изображением (звезды над луной) и вокруг сияние; луна со звездой и сияние белая, а остальная часть знамени светло-зеленая. Так как оно оказалось менее здешних значков, то обшили с трех сторон широкой красной полосой»; 2) черно-красный значок (1854 г.); 3) черный значок (операции в Чечне, 1859 г.). Значок Джамалутдина, старшего сына Шамиля: небольшой, зеленого цвета (Чечня, 1857 г.). Значок чеченского наиба Эски: красный (1856 г.).

Значок селения Чох: малиновый двухконечный (100 x 94 см), в центре пришит желтый полумесяц (внутри его пятиконечная звезда), рядом – другой полумесяц и пятиконечная звезда поменьше размером в круге, по краям полотнища белая шелковая бахрома и 9 вышитых розеток, древко длиной 322 см, наконечник четырехгранный, укреплен на металлическом шаре. (Над штурмующими в 1848 г. Ахты отрядами развевалось «большое малиновое знамя аварцев»⁵⁵⁵.) Значки отрядов Шамиля в 1859 г.: 1) два значка – «один серый, другой белый с синими каймами, это означало, что там были две сотни» (бой 21 июля на высотах Ахкентдаг); 2) значок жителей одного аварского аула – «из простого узорчатого ситца розового цвета, с нашитою белой луной посередине» («его им дал сам имам»)⁵⁵⁶.

И в заключение нашего обзора горской символики приведем уникальный случай использования «полевых знаков»: перед атакой на аул Истису (3 октября 1854 г.) Шамиль приказал всем своим воинам прикрепить к папахам зеленые ветки «для различия от покорных русским чеченцев, чтобы в бою не смешивались и не ошибались»⁵⁵⁷.

15. ОРГАНИЗАЦИЯ И ВОИНСКАЯ ДИСЦИПЛИНА

Как утверждал Н.И. Покровский, «попытки организационного оформления народного ополчения в армию шли при активном участии и руководстве Хаджи-Юсуфа... строившего чечено-дагестанские войска по системе турецких». Подтверждение гипотезы о причастности Хаджи-Юсуфа (см. о нем ниже) к реформе Шамиля находим как в рассказах самого Шамиля, так и в воспоминаниях Хаджи-Али: «Потом, по совету Гаджи-Юсуфа, Шамиль устроил низам (регулярное войско), разделив его на сотни и десятки...». Другой автор, зять Шамиля Абд ар-Рахим, тоже полагал, что «в качестве хорошего инструктора и инженера, Юсуф помог Шамилю создать регулярное войско (низам)». М. Алиханов позднее передавал рассказы горцев, что по совету Хаджи-Юсуфа был создан «низам, или военное устройство, по которому контингенты наибских районов получили деление на пехоту и конницу и каждая – на сотни и десятки с соответствующими начальниками»⁵⁵⁸.

Традиционно считается, что в армии Шамиля применялась десятичная **система организации**⁵⁵⁹. А именно:

Тысяча *альф*: полк (командир *раис аль альф* – тысячниками считались все наибы).

Полутысяча *хамса-ми'а*: батальон / дивизион (начальник *раис аль-хамса-ми'а*).

Сотня *ми'а*: рота / эскадрон (во главе его *раис аль-ми'а*, или *юзбаши*).

Полусотня *хамсин*: взвод (командует им *раис аль-хамсин*).

Десяток *амара*: капральство (под началом *раис аль-амара*)⁵⁶⁰.

С другой стороны, вполне возможно, что даже такой системе (составленной М. Казем-Бекком со слов самого Шамиля) место было только в теории. (К тому же здесь нет отрядов

из 200 и 300 воинов, которых в армии имама – муртазеки и конница наибов – упоминают другие авторы.) Так, по словам прапорщика князя И.Д. Орбелиани, «дагестанские войска Шамиля не подразделяются на дробные части, а идут и действуют нестройно толпою», хотя в Чечне они действительно делились на сотни и полутысячи и в 1842, и в 1844 гг.⁵⁶¹. С.И. Беляев и К. Калиновский через несколько лет подтверждают для Чечни, что «Войско Горцев, или вообще Горцы разделены на десятки, сотни, пятисотни, тысячи и наместничества...»⁵⁶². Подобная система предназначалась также для того, чтобы члены десятков «были обязаны взаимно наблюдать за поведением друг друга и в случае чего-либо подозрительного тотчас же доносить наибу»⁵⁶³.

Имам намеревался установить строгую военную **дисциплину** при безукоризненном соблюдении приказов. «За преступления и проступки определять наказания: смертью, плетками, палками и арестом. Нет причин, извиняющих слушание, и только одна смерть спасает виновного от строгости закона... Основное правило есть – стойкость. Никто не должен уклоняться перед неприятелем, а стоять до последней капли крови... Смертью наказывается преступивший это правило». Конкретно: «За слушание и неповиновение к старшему меры наказания зависят от важности обстоятельств, в которых оно оказано было. Так, например на поле битвы или во время похода, нередко случалось, что слушание наказывалось смертью; в других же менее важных случаях преступник подвергается обыкновенно телесному наказанию. За неявку на службу наказывает ближайший начальник по своему усмотрению; наказание заключается обыкновенно в заключении виновного в яму на известное число дней или

в палочных ударах». Давшие присягу погибнуть за Шамиля получали от него по 2,5 меры муки в месяц и носили на чалме прямоугольную нашивку из материи зеленого цвета. Бежавшим от неприятеля нашивалась на спине одежды медная четырехугольная бляха (по сведениям, собранным в Дагестане капитаном Неверовским, январь 1842 г.).

По версии Фр. Боденштедта, клочок войлока струсившим в бою пришивали кругом правого рукава, а бежавшим от неприятеля – на спину (подтверждается применительно к Чечне рапортом П.Х. Граббе военному министру от 4 февраля 1842 г.) и не снимали, пока наказуемый не доказывал свою храбрость.

«За побег к неприятелю и измену определена смертная казнь». При обороне Салты (1847 г.) Шамиль даже «казнил смертью некоторых, которые вышли в первые дни из Салты нераненые»⁵⁶⁴.

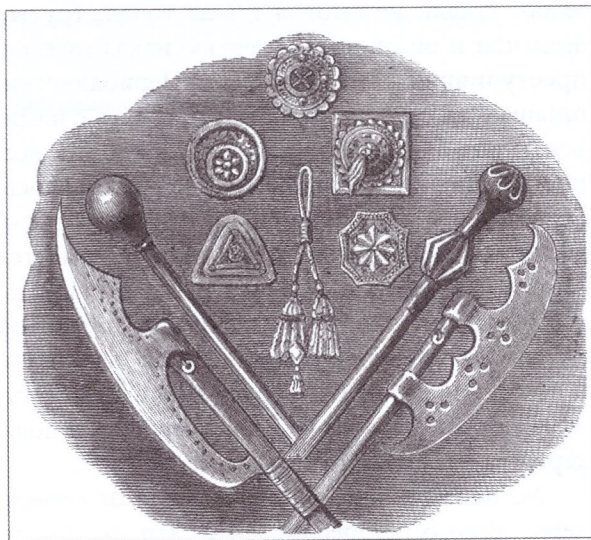
«Все эти меры и это деспотическое влияние на народ, по необходимости, заставляло последний драться и быть героем даже тогда, когда вовсе того не хотелось»⁵⁶⁵. Но разве не в этом суть любой воинской дисциплины?..

К середине 1840-х гг. имам разработал градацию наказаний, соответствующую рангу и званию подданных. «За что низводится наиб на должность сотенного [начальника], за то же самое сотенный низводится в десятские и, кроме того, арестуется на 10 дней. За это же самое смещается десятский и записывается в низам, т. е. в рядовые, и наказывается еще 15-ю ударами плети. Рядовой же арестуется на 15 дней и наказывается 15-ю ударами. За что наиб низводится в десятские, за то же сотенный записывается в рядовые и, кроме того, подвергается 19-ти-дневному аресту и наказывается 21-м ударом плети: десятский записывается в рядовые, наказывается 29-ти-дневным арестом и 21 ударом плети, а рядовой арестуется на 21 день и наказывается 39-ю ударами плети. За что подвергается публичному выговору наиб, за то сотенный начальник наказывается 31-м ударом плети и подвергается трехдневному аресту; десятский за то же наказывается 39-ю ударами плети и подвергается 7-ми-дневному аресту, а рядовой арестуется также на 7 дней и наказывается 39-ю ударами плети и, сверх того, всем им делается посрамляющий выго-

вор при народе. За что смещается наиб и записывается в рядовые, за то же самое сотенный начальник сменяется, подвергается месячному аресту и записывается в рядовые, с лишением права быть когда-либо повышенным; десятский сменяется, подвергается месячному аресту и наказывается 39-ю ударами плети; рядовой же только подвергается месячному аресту. За что наиб подвергается пятнадцатидневному аресту, за то же самое сотенный начальник подвергается месячному аресту и наказывается 31-м ударом плети; десятский – тоже месячному аресту и наказывается 39-ю ударами плети; рядовой же подвергается только месячному аресту»⁵⁶⁶.

Смотр войскам Шамиль проводил, «окруженный наибями и телохранителями, которые держали над ним распушенный зонтик»⁵⁶⁷. Этот зловещий большой белый зонтик – в лучших восточных традициях, не только защита от зноя, но и символ власти имама⁵⁶⁸ – часто упоминается в описаниях очевидцев, наблюдавших хотя бы издали шамилевские скопища в походах и битвах⁵⁶⁹. К 1854 г. большой зонтик был из нанки черного цвета. Его держал над имамом один из его мюридов⁵⁷⁰. Наконец, в 1855 г. зонтик на стоянке был синим⁵⁷¹, а в пути над головой имама держали «огромный белый зонтик»⁵⁷². Определенно, зонтиков, как и значков, у Шамиля было несколько.

Секиры, булавы, ордена Шамиля

Походный большой белый шатер Шамиля отличался «возвышающейся над ним тоненькой и чрезвычайно высокой мачтой, на конце которой красовался жестяной серп полумесяца»⁵⁷³. Однако во время осады Чоха в 1849 г. в горском стане «красовалась зеленая турецкая палатка Шамиля и несколько белых наилучших палаток»⁵⁷⁴.

Палач с секирою, «похожею на секиры римских ликторов», находился так же неотлучно при имаме. «Секира служит символом его власти и поэтому постоянно возится за ним». Сей инструмент Шамиль утратил при поражении под Кутешами в 1846 г., но изготовил себе новый – его взяли в Гунибе. Позднее секира была дарована также сыну Шамиля, Гази-Мухаммаду, «как символ власти»⁵⁷⁵.

Воины шли «под звуки бубна и зурны», громко распевая «ля-илляхи-иль-алла». Когда имам «подъезжает к войскам или они проходят мимо его, то приветствуется ружейными выстрелами»⁵⁷⁶.

Относительно действий войск и их обязанностей положения Шамиля были весьма немногочисленны и несложны. «При действиях и движениях должен быть соблюден строгий порядок, будет ли начальствовать сам Имам или наместник. Для движений необходим строй, поэтому, наступая или отступая, следует держаться центра, где стоит сам Имам или его наместник, и стараться, двигаясь стройно в массах, прикрывать его»⁵⁷⁷. Основное правило есть – стойкость. Никто не должен уклоняться перед неприятелем, а стоять до последней капли крови, не смотря ни на голод, труды, лишения и опасности. Смертью наказывается преступивший это правило». Периодически оглашались строгие запреты «вступать с нами в дело на равных местах и открыто». Вот и все постановления – остальное предоставлялось воле начальников. Правилom Шамиля было двигаться по отдельности, атаковать вместе. «По своему обыкновению», горцы готовились к бою с громкими, но заунывными «пениями стихов Корана». «Партии делятся на сотни и десятки; в деле – бросаются в шашки и идут на приступ по очереди и по очереди же подерживают одну партию другой»⁵⁷⁸.

М. Казем-Бек в 1852 г. получил от своего дербентского корреспондента записи песен

на арабском языке, сочиненных Шамилем для пения мюридами хором перед сражением⁵⁷⁹. Но позднее, в беседе с ученым, наиб Мухаммад-Амин «заметил, что эти песни не имамом Шамилем составлены, а самими Зейнуль-Абидином, четвертым имамом⁵⁸⁰, имя которого два раза упоминается в них... По свидетельству полковника Богуславского, – продолжает Казем-Бек, – Шамиль также отказался от песен, приписанных мною ему, и говорил, что во время атаки его мюриды... ничего не пели, как только “Ля-илляха илляллах” – “нет божества, кроме Аллаха!”», однако Мохаммед-Амин очень знаком с этими песнями и знает их наизусть и говорит, что без них никакое сражение не выигрывалось!»⁵⁸¹.

Тем не менее, все источники согласны в том, что готовясь к битве, воины имама (уже при Гамзат-беке) монотонно, но громко распевали хором: «*Ла иллаха илл Аллах, ла иллаха илл Аллах*» («Нет Бога, кроме Аллаха!»). «И потом гикают. Говорят, что это гиканье походит на крик шакала». Тот же припев («единственную песню, дозволенную мюридизмом») ⁵⁸² они озвучивали и в бою⁵⁸³. Очевидно, именно так и расшифровывается выражение «распевая песни из алькорана [Корана]»⁵⁸⁴, позаимствованное из официальных русских источников. В.А. Потто вспоминал: «...Из лесу слышались какие-то странные, заунывные звуки: это мюриды запели свою предсмертную песню – знак, что они готовились броситься в шашки»⁵⁸⁵. Ф. Жиль, впрочем, пишет, что лезгины и чеченцы распевают в бою «Ля Иляха!» в двух разных тональностях, судя по обстоятельствам – или меланхолично, жалобно, или воодушевленно, торжественно⁵⁸⁶.

В отсутствии храбрости горцев никто не мог упрекнуть. Первый имам лично участвовал в боях⁵⁸⁷. Что до третьего правителя имамата, то «в боях Шамиль, – как свидетельствует ал-Карахи, – стремился сражаться наряду с другими, но приближенные удерживали его от этого и предлагали занять позицию с наибамы, откуда он мог бы наблюдать за сражением»⁵⁸⁸. Командующий Кавказским корпусом в 1841 г. сообщал военному министру: «Очевидцы утверждают, что мюриды ни о чем так не заботятся, как о сохранении жизни [Шамиля]... не допуская его подвергаться ни ма-

лейшей опасности, и даже в бою увлекают его насильно из-под выстрелов»⁵⁸⁹. Князь М.Б. Лобанов-Ростовский даже полагал, что «после штурма Ахульго Шамиль сам в делах не участвует, но предоставляет начальство одному из наибов, сам же находится по крайней мере на расстоянии двух пушечных выстрелов от места битвы и наблюдает за ходом дела. В набегах на линию он никогда не бывает, но находится в том месте, из которого партия выступает, и переезжает потом туда, куда она должна возвратиться»⁵⁹⁰.

Но предпочтительнее точка зрения И.Н. Березина: «...Шамиль редко начальствует лично войсками, во время сражений занимается молитвой, распоряжая в то же время движениями отрядов... а себя бережет вдали»⁵⁹¹. Его сын Гази-Мухаммад в боях следовал тому же правилу⁵⁹². Знавший имама лично аварец пронизательно заметил: «Меры предосторожности для своей безопасности, постоянная стража при нем [Шамиле], редкое начальствование лично над войсками, порою служат его тайным соперникам поводом к обвинению его в трусости; но это чистая клевета, которую легко опровергнуть многими случаями, в которых Шамиль был обязан своему спасению собственной лишь храбрости и необыкновенному присутствию духа...»⁵⁹³.

Периодически случалось и Шамилю оказываться под вражеским огнем. В деле 4 октября 1840 г. под Шали (где горцев, пытавшихся показаться из леса, загоняли назад артиллерией) имам, «явившийся также, чтобы вывести своих из леса, был от выстрела [гранаты] осыпан

землею и тотчас же отведен назад своими мюридами»⁵⁹⁴. Бой 7 января 1852 г. под Андийскими хуторами ознаменовался крайней степенью ожесточенности. Чеченцев воодушевляло присутствие и пример имама, который сам выстрелил из винтовки и даже обнажил шашку, порываясь принять участие в общей схватке. «Его однако удержали мюриды. Шамиль принужден был уступить и ограничиться ролью распорядителя все сильнее разгоравшегося боя»⁵⁹⁵. Безусловно, такой подход был оправдан – в горской военной культуре вождь был больше, чем первое лицо. Ранение или гибель военачальника отрицательно и моментально влияли на боеспособность войск⁵⁹⁶, чего, конечно, не могли допустить подчиненные имама⁵⁹⁷.

Живой эпизод активности имама в бою (однако, не против русских) приводит его хронист: «Войска побежали. Тогда Шамиль поднялся на бугор и начал призывать бегущих к битве, выкрикивая по именам воина за воином и общество за обществом. Войска вернулись к нему и сражались до тех пор, пока не прогнали насиринцев в крепость»⁵⁹⁸. Когда войска имамата сталкивались с русскими, такая картина не повторялась. Так, в бою 14 июня 1845 г., «намереваясь твердо удержаться на занятой позиции и в Андийских завалах, он [Шамиль] употреблял убеждения, угрозы и молитвы для поощрения горцев к упорному бою; но когда не смотря на все его усилия, скопище обращено в бегство, смятение было так велико, что один из приверженных наибов Имама с трудом успел освободить его из толпы...»⁵⁹⁹.

16. ДЕЗЕРТИРЫ И ПЛЕННЫЕ В ИМАМАТЕ

«Низамом имама было установлено, что если кого брали силой и победой над ним, то не оставляли в живых ни начальника, ни подчиненного⁶⁰⁰. Если же кто сдавался добровольно, повинясь [имаму], то их оставляли в живых». (Об этом низаме Шамиль Руновскому рассказывать ничего не стал; но далеко не всегда дела обстояли столь категорично.) После побед Шамиля в 1843 г. «солдаты и снаряжение были разделены на 5 частей и распределены [по положенному порядку]. Цена солдат упала настолько низко, что их даже не покупали за 10 шахов человека»⁶⁰¹.

Эта кампания доставила Шамилю несколько сот пленных солдат: с 27 августа по 22 декабря 1843 г. в плен попали 10 обер-офицеров и 312 нижних чинов, преимущественно раненых (также были потеряны или захвачены противником 8 крепостных и 2152 обычных ружья, до 6000 зарядов, множество патронов)⁶⁰². По более поздним уточненным данным А.Л. Гизетти, с 28 августа по 22 сентября взято в плен / пропало без вести в Аварии 365 нижних чинов и 17 офицеров⁶⁰³, а всего в Дагестане и в ходе боев под Эндери против Шамиля до конца декабря пленными / пропавшими без вести числились 19 офицеров⁶⁰⁴ и 432 нижних чина⁶⁰⁵.

Часть из них, конечно, погибла. Другие попали в рабство. Но некоторые оказались на службе у имама, в том числе и добровольно, так как к ренегатам Шамиль (как его называли русские солдаты – «Шамиль Иванович», «наш царь Шамиль» или попросту «Шмель») всегда относился «ласково, дабы было больше подобных им»⁶⁰⁶. «По снабжению их [беглых солдат] пищей и питьем имам проявлял большую щедрость»⁶⁰⁷.

Среди изменников оказался комендант Ахальчинского укрепления прапорщик Тиф-

Унтер-офицер Кабардинского пехотного полка. Рисунок Ф.Ф. Горшельта

лисского егерского полка Залетов⁶⁰⁸, «большой трус» (по словам самих же горцев)⁶⁰⁹, произведенный из унтер-офицеров. Залетов «покрыл

себя неизгладимым позором. Увидя на высотах приближавшихся мюридов сделал по ним три выстрела и потом, спрыгнув с батареи, сел на лошадь, подведенную ему каким-то татаринном, и отправился в стан врагов. Оставшийся без начальника гарнизон бросил ружья и отпер ворота, склоняясь на угрозу мюридов и убеждения Залетова. Одно орудие и 70 человек солдат [точнее – 97], недостойных имени русского, без выстрела взяты в плен и отведены в с. Танус» (это случилось 7 или 8 сентября 1843 г.). Залетов явился, «как рассказывали, к Шамилю по форме, с рапортом, как являются к инспектирующему начальнику»⁶¹⁰. Государь, читая донесение о Залетове, собственноручно написал на полях документа: «В семье не без урода»⁶¹¹.

Напротив, прапорщик резервной № 2 батареи 19-й артиллерийской бригады В.И. Потемкин был зверски замучен по приказу Шамиля за отказ стрелять из орудий по своим: «лишился уха, потом другого, затем носа и в конце концов был сожжен медленным огнем на углях бивачного костра» («на живот ему положили угольев») ⁶¹².

У пленных 1843 г. отбирали ружья и патронные сумы, но оставляли обмундирование (Шамиль велел только срезать погоны) и сухарные мешки⁶¹³.

Офицеров, унтер-офицеров, барабанщиков, горнистов и мастеровых имам брал к себе, а прочих раздавал наibaм в рабство⁶¹⁴ или отсылал в свою столицу. Больных и тяжелораненых горцы убивали на месте⁶¹⁵. Та же участь ожидала в плену многих офицеров. Хорошо известен эпизод с резней 5 мая 1845 г., когда не менее 11 или 16 русских офицеров, не считая юнкеров и унтер-офицеров (т. е. всего 29–37 чел.), были зверски убиты по приказу имама до начала кампании этого года⁶¹⁶.

«В продолжение полувековой войны, – констатировал командующий Кавказской армией князь А.И. Барятинский в августе 1859 г., – которую ведем мы на Кавказе, постепенно скопилось в горах у непокорных племен довольно большое число пленных и беглых нижних чинов, которые, оставаясь между горцами долгое время, освоились с их образом жизни и нравами, а некоторые женились, прижили семейства и даже обратились к мусульманству, хотя большею частью только по наружности...»⁶¹⁷. «Рус-

ских дезертиров – солдат русско-шамилевской слободки [Ведено], русскими можно было называть только по одному наречию. Остальное, все, начиная с грязной и рваной черкесской национальной костюмировки до самого бесшабашного, разнузданного варварства, превосходило даже полудикую кровожадность фанатиков горцев»⁶¹⁸. Они-то и составили «иностраннй легион» Шамиля – собрание «развратных, вечно пьяных и разнузданных отбросов Русского войска»⁶¹⁹.

В оправдание беглецов можно заметить, что дезертирство из армии на Кавказе было обусловлено тяжелыми условиями службы и суровой дисциплиной. «Да и на самом деле: оторванный не только от семьи, но и от тех равнин, которые так дороги русскому человеку, отделенный тысячами верст от родного села, кавказский солдат до глубокой старости должен был вести постоянную борьбу с дикою природою и с не менее дикими ее обитателями, – размышлял один из полковых историков. – Прибавьте к этому постоянные

Кавказский солдат в зимней походной форме. Рисунок Ф.Ф. Горшельта

переходы с одного места на другое, плохую пищу и обмундирование, скудное денежное довольствие и телесные наказания, которые, к счастью, редко применялись в кавказских войсках. Отсюда – побеги нижних чинов, вошедшие в разряд часто повторяемых проступков. Незатейливая жизнь в горном ауле, среди не единоверных им жителей, наших противников, была более привлекательна, чем тяжелая солдатская доля»⁶²⁰. «Изнуренные от непрерывных и самых утомительных походов нижние чины не имели ни необходимого отдыха, ни удобностей для жизни». Зиссерман приводит пример излишне строгого и жесткого ротного командира в Дагестанском пехотном полку. Результатом его отношения к солдатам было то, что «ни в одной роте не было столько дезертиров, как в 7-й», и один из сослуживцев как-то сострил: «Он отлично довел свою роту до беглого шага»⁶²¹.

Факт для сведения: всего за 1826–1850 гг. из российской регулярной сухопутной армии дезертировали 155 857 чел. (в среднем 6235 чел. в год), хотя многие, очевидно, возвращались добровольно⁶²². Судя по отчетам военного ведомства за 1827 и 1830–1854 гг.⁶²³, бежали из армии за это время 156 460 чел., и еще 13 506 чел. в 1847–1850 и 1853 гг. были пойманы либо возвратились из бегов (для сравнения: за те же годы безвозвратно дезертировавшими числились 16 118 чел.).

Историк Тенгинского полка признавал: «Дезертирство вообще было больное место... в кавказских же войсках, служивших издавна ссыльным местом, оно было еще чувствительнее». По словам одного офицера Генерального штаба, «осенью начинаются побеги; дезертиры скрываются в горах, пока там еще есть фрукты». Многие из беглых возвращались зимой в казармы. К горцам перебежали немногие, в первую очередь виновные в том или ином преступлении⁶²⁴. Но из тех, кто оставался в аулах, не все были готовы предать свою веру и принять ислам, а уж тем более поднять оружие против соотечественников: «Что я за дурак такой – в своих стрелять? Это противно и грешно»⁶²⁵.

Даже иностранцы признавали, что «число этих перебежчиков, однако, не столь велико, как считается», даже считая поляков⁶²⁶. Но

дезертиры-предатели все же были. Несколько сот солдат в разное время перешли на сторону Шамиля⁶²⁷, хотя и далеко не все добровольно, многие – просто от малодушия или безысходности положения. Дело в том, что, в отличие от Европы XIX в., где принужденные пленными к участию в боевых действиях запрещалось писаными и неписаными правилами, на Кавказе «измена» оказывалась единственной альтернативой невыносимому рабству или смерти. Дилемма, увы, та же, что представляла перед многими из наших соотечественников в восточных войнах России: так и для горцев, условно международные законы и нормы содержания российских военнопленных ничего не значили. Вступление в коллаборационистские формирования для пленного было зачастую единственной возможностью спастись от бесчеловечного обращения и голодной смерти.

Кроме того, известны случаи, когда военнопленные кавказских войск, оказавшись под угрозой (неважно, реальной или надуманной) военного суда за ту или иную оплошность, искали спасения у противника. «В Гапши при мне был один беглый солдат 14-й дивизии, имени и фамилии не знаю, который, как сознавался мне, бежал из полка, потому что потерял шуруп от ружья и боялся быть за это наказанным»⁶²⁸.

Другой причиной появления такого числа «предателей» стала своего рода приватизация войны. Как отмечает В.В. Лапин, стратегия выживания военнопленных российской армии в условиях Кавказской войны строилась на корпоративной основе. Люди с общим языком, религией, присягой и подданством посчитали все это второстепенным, выдвинув на первую позицию в самоидентификации принадлежность к своему полку. Солдат в этом отношении полностью уподоблялся горцам, для которых условием выживания было благополучие рода. Месть за павших товарищей стала одной из основных мотиваций, появилось понятие «старых счетов» с отдельными племенами и родами, и действительные военные заслуги служили мерилем положения той или иной части в военном сообществе. Трансформация кавказского полка в особое «племя» создавала благоприятные психологические условия

для того, чтобы бежавший к горцам солдат, например, Тенгинского полка, без смущения стрелял в апшеронца или эриванца, поскольку это вполне укладывалось в его «племенное» сознание. В известной мере этому же служил и пример горцев, которые охотно воевали против своих соплеменников. Если в факте массового дезертирства поляков и татар просматриваются издержки организации и комплектования имперской армии, а также последствия использования службы как формы наказания и санации общества путем удаления элементов, опасных в социальном и политическом отношениях, то в переходе на сторону врага русских (относя к ним также украинцев и белорусов) в полной мере проявилась «особость» Кавказской войны⁶²⁹.

Оказались среди таких перебежчиков и единичные офицеры-дезертиры⁶³⁰. «...Дезертирство и бегство к "немирным" горцам русского офицера... – отмечал М.О. Косвен, – представляет собой дело совершенно неслыханное...»⁶³¹. Не мешает напомнить, что все офицеры российской армии являлись частью дворянского общества – и носителями определенного комплекса нравственных ценностей своего социума. Перейти на сторону противника даже под давлением непреодолимых обстоятельств – значило бесповоротно поставить себя не только вне общества, но и оказаться (навсегда!) вне своих семей, родных и близких, друзей и знакомых. Уход в горы означал окончательный отказ от прежнего образа жизни, круга общения, культурных и иных привязанностей и потребностей, без которых дворяне не мыслили своей жизни. Иными словами, в отличие от нижних чинов, которые фактически лишились всех связей с семьей при рекрутском наборе и подвергались куда более суровым тяготам военной службы (современники справедливо говорили о пропасти между офицерами и солдатами), подавляющее большинство офицеров не были готовы к смене идентичности. Более того – они и не желали этого даже при экстраординарной ситуации. Случаи дезертирства обер-офицеров⁶³² регулярной императорской армии к горцам за всю войну можно пересчитать по пальцам одной руки.

Например, в 1847 (?) году к Шамилю бежал один подпоручик крепостной артиллерии –

«поклонник бахуса и гетер». «Поверяя накануне инспекторского смотра хранившийся у него порох, открыл, к великому ужасу своему, что у него недостает пятидесяти пудов. Несколько раз принимался он поверять, и всякий раз в результате получался тот же роковой дефицит». Опасаясь обвинений в продаже пороха противнику (кстати, имевшей место в соседнем укреплении), офицер бежал в горы. Мемуарист уверен, что там беглец «был возведен в звание чего-то в роде начальника артиллерии и принял магометанство». Недостача во вверенном ему арсенале оказалась мнимой (излишек в те самые 50 пудов вместо дефицита)⁶³³, но сама форма алкогольного психоза здесь весьма показательна: где-нибудь в Польше зеленые чертики вряд ли бы стали уговаривать своего подопечного продавать боеприпасы пруссакам...

К. Калиновский описывает прибытие к Шамилю в Ведено беглого офицера по фамилии Русецкий или, точнее, Русальский, дезертировавшего по идейным соображениям (он был поляком). Шамиль встретил офицера торжественно, даже с пушечным салютом, но велел присматривать за ним. Желая прославиться, поляк навязывал Шамилю невероятные проекты (наподобие открытия рудников), чем только вызвал подозрения к себе. В конце концов, Русальский (или, как его прозвали у горцев, Искандер-бек) сбежал обратно к русским. Там он был приговорен к смертной казни, как дезертир, но вовремя умер от холеры⁶³⁴.

О жалком конце поляка рассказал в своих мемуарах прапорщик В.А. Полторацкий: «За обедом у главнокомандующего⁶³⁵ услышал я о странном приключении с бежавшим весной из Воздвиженской в горы прапорщиком Русановым. По-видимому, его благородию не очень-то повезло у Шамиля на службе, так как на прошлой неделе казаки укрепления Ачхая, преследуя незначительную партию горцев, напавшую на их скот, захватили в плен умышленно отставшего от чеченцев, оборванного в черкеске всадника, назвавшего себя русским офицером. То был Русанов, немедленно препровожденный за конвоем сюда на гауптвахту. Главнокомандующий полюбопытствовал его видеть. Арестованного дезертира приводили к нему, и сам князь Михаил Семенович его расспрашивал о причинах, побудивших

его к такому позорному и пошлому проступку. Свидетели говорили, что ответы Русанова были непомерно глупы и несвязны, и вообще сам прапорщик производил жалкое впечатление. Замечательно сообщенное мне известие, будто князь-наместник написал письмо государю с изложением всеподданнейшего ходатайства: «Прапорщика Русанова не в пример прочим, без предания военному суду, лишит эполет и офицерского звания, возвратив на год или два в кадетский корпус, где и наказать публично розгами, как мальчика, но заслуживающего серьезного к нему применения, как к офицеру, общих военно-законоположений».

Так и осталось неизвестным, какая последовала на это высочайшая резолюция, а только прапорщик Русанов в то же лето умер от холеры, посетившей его на Грозненской гауптвахте»⁶³⁶.

Письмо князя Воронцова князю Барятинскому (29 июня 1847 г.) в целом подтверждает рассказ Полторацкого, но уточняет фамилию дезертира: «Некто Русальский, о котором вы слышали, что он бежал из Воздвиженской к Шамилю, и после дела Слепцова возвратился к нам, посвятил мне что-то в роде записок, чтобы объяснить свое поведение, что однако ему весьма трудно сделать. В этих записках он утверждает, что побег, с его стороны, был заслугою: ибо он желал извещать нас о том, чему он мог или думал научиться в свое пребывание у неприятеля. Он говорит, между прочим, что неприятель не только продолжает покупать порох во всех укреплениях нашей линии, в особенности во Внезапной, но что там есть даже военные из Поляков, которые имеют политические сношения с Шамилем. Я вам однако объявляю, что нисколько этому не верю и во всем вижу только глупца, без всяких правил, желающего выпутаться посредством своих бессмысленных выдумок...»⁶³⁷.

Русальский заслуживал не военного суда, а лечения в заведении для душевнобольных. Но, действительно, судьбы дезертиров складывались зачастую весьма трагично. Джордж Дитсон, американский наблюдатель Кавказской войны, передавал услышанную от русских историю офицера-поляка, сосланного на Кавказ. Искренне веруя в идеалы свободы, «сведущий в военной тактике» поляк (очевид-

но, речь идет о том же Русальском) перешел к горцам и предложил Шамилю свои услуги в уверенности, что причащается к великому делу Свободы. Но вскоре настало разочарование. Вместо возвышенных, благородных и великодушных патриотов он встретил (согласно русской – и неприглаженной – версии событий) «беспринципную орду грабителей, лишенных чести или честности воров».

Польский офицер взялся, используя свои профессиональные знания и опыт, организовать для горцев правильную систему обороны аула Салты (1847 г.). Впрочем, здесь есть основания подозревать, что мы явно имеем дело лишь с необоснованными подозрениями российской стороны. В передаче Дитсона: «Князь [Воронцов] сразу заметил, что кто-то другой – не Шамиль – командовал там, что какой-то европеец распоряжается в крепости». По всей вероятности, это просто искаженные слова Воронцова, сравнивавшего боевые качества гарнизона аула с регулярными войсками: «Не только защищался отчаянно, но и с искусством, достойным Европейского гарнизона»⁶³⁸.

Как бы то ни было, Салты Шамилю удержать не удалось. Поляк бежал вместе с остатками защитников аула, вышедшими из аула в ночь с 14 на 15 сентября. Но отступавшие горцы просто зарезали его, сочтя виновником своей неудачи. Русские же, несмотря на ренегатство своего бывшего сослуживца, найдя тело, похоронили его с почестями, воздав поляку должное как доблестному офицеру, достойному лучшей судьбы»⁶³⁹.

Наконец, как исторический курьез приведем носившиеся на Кавказе второй половины 1840-х гг. слухи о том, что видный соратник Шамиля Кебед-Мухаммад «ни кто иной, как беглый юнкер из Кабардинского... полка»⁶⁴⁰. Более того, значительное количество поклонников известного романиста (и «декабриста») А.А. Бестужева-Марлинского не захотело примириться с его гибелью и распространяло про его участь «самые странные» рассказы. Дошло до того, что иные «пресерьезно уверяли, что Марлинский... просто-напросто перешел в мухаммеданство». Более того – «находились сказочники, которые уверяли, что на следующий год его бегства глазами своими бессовестными не раз его видели во время Салатовской экспе-

диции... где будто бы он с отборными наездниками бросался рубить наши каре». Появилась даже версия о том, что «Шамиль есть не кто иной, как автор "Аммалат-Бека"!»⁶⁴¹.

Вернемся к фактам. А факты подтверждают, что имам Шамиль рано понял военно-техническое, моральное и пропагандистское значение дезертиров и перебежчиков из российской армии. Он не допускал произвола (кроме собственного) по отношению к беглым («принял самые строгие меры к ограждению беглых от малейших притеснений горцев»), предоставил им обширные по сравнению с подвластными ему горцами привилегии⁶⁴². А чтобы привязать их к новым условиям жизни еще прочнее – решил жениться на горянках (и в желающих особах женского пола никогда не было недостатка), посылал к беглым пленным казачек или крестьянок, «и они вольны были выбрать там себе мужей»⁶⁴³. Более того, Шамиль, видимо, не навязывал обращения в ислам и был готов допускать в своих владениях веротерпимость применительно к нужным ему солдатам.

По словам бывшего пленного солдата, Шамиль «обижать нас не приказывал нашим хозяевам, а чуть бывало дойдет до него жалоба, сейчас отнимет пленного и возьмет к себе... и накажет обидчика»⁶⁴⁴. «... Чем ближе пленные жили к Дарго, тем легче была их работа, тем человеколюбивее обращались с ними владельцы и тем сытнее их кормили. Один из этих солдат жил у известного наиба Талхика»⁶⁴⁵. При этом дезертиры для имама были очень полезным инструментом... но испортившийся или проштрафившийся инструмент всегда можно было заменить... Ведь есть и другие впечатления о жизни в «справедливом и демократичном государстве»: «На нас здесь смотрят как на собак; работу нам задают, что ни есть чернее и тяжелее; а чуть в чем проштрафился, так сейчас голову долой... Шамиль-ат, вишь, нам не доверяет, да и не любит перебежчиков, а принимает и держит их для черной работы»⁶⁴⁶. «Мы... русские, ценимся здесь дешевле всякой твари»⁶⁴⁷. «Тяжелые и черные работы доставались на долю» беглых солдат при доме имама в Ведено⁶⁴⁸. Попытки бегства обратно в российские владения карались смертью⁶⁴⁹.

Но ведь отношение рядовых горских владельцев к пленным солдатам вовсе не отлича-

лось добротой. Сам приближенный Шамиля признает: «...С ними обращались без милосердия... говоря, что для неверующего (кафир) нет уважения... Большею частью они жили впроголодь... Их место ночлега было, как собачье ложе... Если заболел кто-нибудь из них, никто не посещал и не заботился о нем... Если умирал один из них, его хоронили так, чтобы только запах не распространялся»⁶⁵⁰.

Неудивительно, что из двух зол выбирали меньшее – службу Шамилю голодному и нищенскому прозябанию в горском рабстве. Имам, напомним, изначально взял курс на то, чтобы привлечь к себе побольше нужных ему военных специалистов. Противостояние шло не только на полях сражений, но и на идеологическом фронте. Уже в письме Шамиля наиба 1840 г. сказано: «Знайте, что те, которые перебежали к нам от русских, являются верными нам, и вы тоже поверьте им. Эти люди являются нашими чистосердечными друзьями. Явившись к правоверным, они стали также чистыми людьми. Создайте им все условия и возможности к жизни»⁶⁵¹.

Имам в декабре 1841 г. послал 15 дезертиров в Унцукуль для исправления испорченного оружия и вместе с тем возложил на них полицейские обязанности для поддержания среди населения порядка и надзора за его действиями⁶⁵². К началу 1842 г. Шамиль собрал уже до 80 человек беглецов (см. выше). В том же году отряд дезертиров (около 100 чел.) с барабанным боем и пением странствовал по дагестанским аулам, питаясь за счет жителей и прославляя «в горах величие, славу и щедроты Шамиля»⁶⁵³. В деле 3 августа 1843 г. под Ойсунгуром (отряд Р.К. Фрейтага в Чечне) «в первый раз заметили у неприятеля целый батальон, составленный из наших беглых солдат. Он находился при орудиях»⁶⁵⁴. При штурме Унцукуля (30 августа 1843 г.) атакующие шли под барабанный бой – беглые солдаты на трофейных барабанах⁶⁵⁵. А 15 декабря в деле под Большими Казанищами дезертиры обороняли орудия Шамиля от казаков – с доблестью, достойной лучшего применения. «... Казаки, рассеяв одну толпу, наметили на одно орудие [трехфунтовый горный единорог], при котором было пять человек беглых солдат. Они выстрелили по казакам из ружей и стали

защищать оружие. Орудие было взято, но из беглых двух только могли захватить живыми, но и то израненными»⁶⁵⁶.

К апрелю 1844 г. «в Даргах находится 400 русских солдат беглых и пленных; все они живут вместе в отдельной казарме. Солдаты эти через каждые 2–3 дня являются на учение под командою выбежавшего из России солдата по имени Идриса». Несколькими месяцами ранее, в январе 1844 г., пленный «видел также в Дарго до 500 человек беглых солдат наших, которые употребляются Шамилем для прислуги при орудиях». Обе цифры явно даны «на глазок» и определенно завышены – реально беглых было около 200–300 чел.

Наконец, третий очевидец около 1845 г. так описывает Ведено: «В хорошо устроенном огромном сарае хранятся 8 больших орудий (вероятно крепостных) более того размеры, какие имеет Саадула и Атабей, и несколько малых пушек; все они на лафетах, выкрашенных зеленою краскою. Беглые солдаты смотрят за ними и деятельно занимаются постройкою лафетов, зарядных ящиков и колес, часть коих совершенно готова и окрашена зеленою краскою. Устархан видел много барабанов, сложенных вместе и флигель горнов, на коих играют по вечерам. Всех беглых солдат в Ведено до трех сот человек, между ними назначены за старших, в звание офицеров. Так называемые офицеры ездят верхом, а солдаты все пешие. Вооружение их составляют разного калибра азиатские ружья, пистолеты и шашки, одеты в черкесках. Живут довольно хорошо и своевольны в своих поступках. Намедни удержали у себя маленького сына Шамиля, который гуляя забежал к ним. Отец должен был подарками выкупить малютку. Солдаты большею частью женаты на чеченках, но есть и русские женщины и много детей у телохранителей Шамилевых»⁶⁵⁷.

Абд ар-Рахман Газикумухский подтверждает, что в Новом Дарго после переселения туда Шамиля «находилось около трехсот солдат, перебежавших к нам из разных мест, или же пленных». «Шамиль говорил, что эти солдаты необходимы, в боях они будут при пушках и будут чинить разбитые части пушек». «Пищей для них являлась пшеница и кукуруза, привозимые из Чечни за деньги имама. Одежда на год отпускалась им из казны имама

«Чеченские физиономии». Из альбома рисунков Д.А. Милютина. 1839 г.

казначеем... или мануфактурой или деньгами, чтобы они купили чего пожелают»⁶⁵⁸.

Если верить М. Гралеvскому, тяготы осады Чоха (1849 г.) привели к бегству 200 солдат (в основном из батальонов Самурского пехотного полка). Сбежал будто бы и один артиллерийский унтер-офицер. На третий день он вернулся и просил о прощении, но потом подговорил десяток канониров и сам сопровождал их в Чох⁶⁵⁹. Впрочем, молчание русских источников, достоверные известия об отсутствии сколько-нибудь значительного количества пленных и пропавших без вести в рядах русских войск при осаде Чоха, навязчивое желание Гралеvского (чьи воспоминания написаны очень пристрастно) доказать, что среди дезертиров преобладали поляки и украинцы, свидетельствуют отнюдь не в пользу версии о массовом переходе на сторону противника. Перед нами очередная русофобская ложь. Благодаря полковой истории мы можем узнать, что за все время осады в трех батальонах Самурского полка было убито / умерло от ран 35 нижних чинов и еще двое рядовых пропали без вести⁶⁶⁰.

«Русские избы, служившие помещением изменникам беглым русским, бежавшим к Шамилю... в разное время», стояли в столице

Шамиля «особой, отдельной слободой» (возникла около 1842 г.). При них имелись мастерские (они занимались изготовлением артиллерийских лафетов, зарядных ящиков и колес). К 1845 г. в Русской слободе Дарго проживало около 200 чел.⁶⁶¹.

Не менее 300 беглых поселились у другой столицы имама – Ведено, в слободе Чирник (для холостых; «семейные жили своими домами отдельно»). «Мастеровые, из которых была составлена целая команда, жили просто хорошо... [Шамиль] обращал большое внимание на их работы и очень щедро вознаграждал их». Им была отведена земля для посадки капусты, кукурузы, лука и др.⁶⁶².

К. Калиновский видел «солдатскую слободку» Ведено в 1846 г. Тогда там обитало до 360 русских солдат, составлявших особую команду Шамиля. Оказавшись сам в их числе, он описал подробнее своих соратников в 1846–1848 гг.: «Так называемая “Шамилевская команда” состояла из российских солдат разных национальностей, беглых или попавших в плен. Число их достигает 300 и более; по большей части, это ремесленники и артиллеристы. Одеты полностью по-татарски и вооружены, живут отдельно от мюридов, в так называемой “солдатской слободке”, по несколько человек или поодиночке в собственных домах. От Шамиля получают одежду и пищу, жалованья не отбирают никакого. Каждый занимается своим ремеслом при артиллерии или при казначейских строениях, во время же похода исполняют артиллерийскую службу. В 1843 году, когда Шамиль захватывал укрепления, эти люди были большой ему подмогой, взбираясь всегда первыми на валы и ободряя тем самым горцев; но Шамиль их от этого освободил, в качестве повода говоря, что они не обязаны проливать кровь, защищая чужой край, который только приютил их. Между ними есть женатые на русских женщинах, попавших в плен, но те вступали в брак без церковного обряда... Вся команда находится под началом одного из мюридов, который называется наибом команды и вместе с тем является начальником артиллерии. Команда делится на десятки, каждый под начальством десятника, выбранного из числа солдат, а над ними стоит старший»⁶⁶³. Почти

все русские солдаты Шамиля были дезертирами и пленными из состава регулярной армии. «Беглые казаки расселялись по аулам, и в Дарго их жило только 3–4 человека»⁶⁶⁴.

По некоторым зарубежным оценкам, численность «русских дезертиров и беглых татар», служивших «гвардией» Шамилю, составляла от 300 чел. до 6000 чел.⁶⁶⁵. Сэр Генри Роулинсон из Багдада в 1849 г. сообщал, что «Шамиль в настоящее время, независимо от его туземных войск, пользуется услугами, говорят, 15 000 дезертиров из рядов русской армии»⁶⁶⁶ – фантазия, разумеется, неприкрытая (как и его же утверждение о 200 трофейных орудиях у Шамиля), но весьма характерная. Будто бы у Шамиля был даже «особый батальон», составленный из беглых русских и польских солдат⁶⁶⁷. По мнению западноевропейских авторов, этот русско-польский корпус был создан еще Гамзат-беком (см. выше об ошибочности данной версии) и при Шамиле вырос примерно до 4000 чел. «из всех наций» (согласно М.Фр. Вагнеру)⁶⁶⁸.

Безусловно, все эти сообщения отличаются невысоким уровнем надежности – слишком уж далеко были (на свое счастье...) от Шамиля эти авторы, слишком мало знали они о Кавказе и в эйфории слишком переоценивали успехи пропаганды имама и неудачи России. Новейший западный исследователь по данному поводу справедливо заметил: «То, что имеет значение – не столько достоверность таких слухов, сколько их популярность. Тот факт, что они вообще могли существовать, подтверждает большую неопределенность, царившую на этой этнической границе»⁶⁶⁹.

Переходя к цифрам: при крушении имамата сдались 642 беглых солдата⁶⁷⁰, еще 33 обороняли Гуниб и несколько, похоже, погибли по пути в русский лагерь. Всё это дает в общей сложности около 700 дезертиров, и далеко не все состояли при самом имаме – таких в самые благополучные времена было не более 300–400 чел. Но в 1850-е гг. число обитателей Солдатской слободки значительно уменьшилось: на 1852 г. в этой деревне жило 150 чел., из них 10 женатых, имевших детей. «Все они получали от Шамиля паек и занимались мирным трудом, по преимуществу земледелием, возделывая для Имама кукурузу и приготавливая запасы сена». Другие ра-

«Подъем осадной артиллерии на Турче-Даг в Дагестане. Воспоминания осады крепости Чоха в 1849 году». Литография по рисунку В.Ф. Тимма

ботали на производстве ракет и на пороховом заводе, а также обслуживали пушки⁶⁷¹.

Чтобы увеличить число своих русских солдат, в начале 1845 г. Шамиль запретил горцам записывать к себе в рабы беглых, а позволил им служить по найму. Рабами же он повелел считать только тех, кто попал в плен в боях с русской армией и при набегах⁶⁷². Так что благодарные беглецы эти стали «учителями горцев в области военного искусства». 9 июля 1845 г., вскоре после занятия Дарго, имам в виду русских войск устроил нескольким сотням дезертиров нечто вроде парада, пропустив их церемониальным маршем, под звуки музыки (барабанов и рожков). Свидетель из русского лагеря записал: «...На поляне, за Аксаем, где было дело 7 июля, колонна, человек в шестьсот, стройно маршировала под звуки хора горнистов и барабанщиков; это – наши бежавшие одновременно солдаты, и надо полагать, Шамиль хотел нас этим подразнить. Та комедия, однако, продолжалась около часа»⁶⁷³.

Шамиль высоко ценил боевые качества перебежчиков. Кроме того, будучи инородным телом в горском обществе, славяне не были связаны в своих действиях клановыми интересами, не зависели ни от одного из покорных имама горских племен и были всецело преданы ему лично. «Так он хорош был для вас, для пленных? Хорош, ваше благородие, одно слово – душа! И дарма, что во Христа он не верует, иначе, стоящий человек!»⁶⁷⁴. Это было войско, которое всегда стояло на страже интересов имама, поскольку без него было обречено на гибель от рук тех же самых горцев, испытавших на себе всю тяжесть деспотического режима имамата⁶⁷⁵. Поэтому дезертиры (и прежде всего преступники) с готовностью выполняли любые распоряжения имама, в котором видели свою единственную опору и защитника⁶⁷⁶.

Так, в августе 1845 г. беглые казак Гребенского полка Карчагин⁶⁷⁷ и рядовой Куринского егерского полка Беглов, «дав слово Шамилю

во что бы то ни стало взорвать артиллерийские парки в станицах Червленной и Науре, изыскивали способы приведения своего обещания в исполнение», хотя и безуспешно⁶⁷⁸. Когда имам весной 1845 г. приказал расстрелять картечью в Дарго 37 (или 29) русских военнопленных, «фитили из рук подлых наших же дезертиров опустились на затравки» двух орудий (уцелевшие от картечи были изрублены мюридами)⁶⁷⁹. «Жиденок» Идрис, по одной из версий, был виновником этой зверской расправы, искажив при переводе для имама текст перехваченного письма⁶⁸⁰.

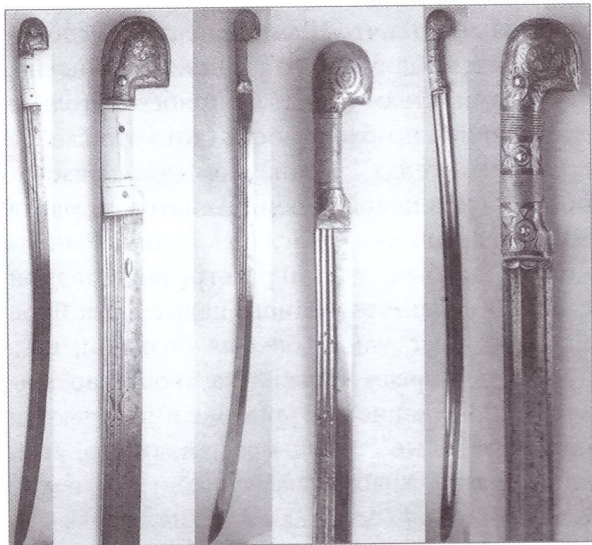
Напротив ворот дома Шамиля в Ведено стояла сакля «урядника Алпатова и вырезаны на стене сакли имя и фамилия его. Он казак Гребенского полка Червленной станицы бежавший в горы». На самом деле Яков (Яшка) Алпатов – казак Наурской станицы Моздокского полка, попавшись на краже и вынеся порку, впервые бежал в горы в 1842 году. Там он принял участие в (неудачном) набеге, организованном беглым казаком Зотом Черыным (схвачен и расстрелян в 1845 г.), двумя чеченцами и дезертиром-поляком. Затем вернулся в станицу, получив прощение. Но в 1845 г., после конфликта со станичным начальником, Алпатов снова скрылся за Терек, принял ислам и занялся шпионской активностью и рейдами на станицы, калмыков и ногайцев, разъезжая «нередко в офицерском платье не только по линии Терека, но и по Астраханской губернии». С шайкой «черкесов» (чеченцев), калмыков и беглых казаков он угонял скот и захватывал пленников (только женщин и девушек). Алпатов и прочие беглые казаки, «отрезав себе преступлениями путь к возврату на родину в станицы... совершенно сроднились и сблизились с Чеченцами, и образовывали совместно с ними хищнические шайки. Отлично зная ходы и выходы в станицы, нравы и обычаи казаков, они являлись проводниками и главарями всех партий. А атаманом всех этих беглецов стал Алпатов. Население настолько его боялось, что долгое время бабы именем его пугали детей; скажут: “Яшке отдам” или “Яшка идет”, и присмирееет малыш». «Его отчаянные, до дерзости смелые разбойничьи набеги на нашу сторону доставили нам очень много хлопот...». «При-

ходится верить, что Шамиль ценил и особенно отличал Яшку за его удаль». Любопытно, что к убийствам Алпатов прибегал только при крайней необходимости (хотя это скорее красивая легенда). В конечном счете, разочаровавшись в новой жизни, Алпатов 16 марта 1856 г. фактически сдался начальнику Рыночного поста, был судим и расстрелян в родной станице 24 декабря. «Много наделал бед Яков Алпатов; преступник он был большой, но... до сих пор среди Терских казаков ясно живет воспоминание об Алпатове и передаются положительные стороны его характера: смелость, удаль, храбрость, великодушие и мужество, с которым Яшка встретил смерть»⁶⁸¹.

Бежавший к лезгинам в 1850 г. нижегородский драгун Родимцев (Радомцев) был награжден Шамилем орденом и терроризировал набегами округу. «Кто из живших по сулакской линии не слышал про Радомцова? Это был драгун, бежавший в горы и надоевший своими наездами до того, что голова его, как говорят, была оценена в мешок золота. Мешок чистого золота! Соблазнительная вещь и не для горца! Горец и за один рубль, только новой, красивой чеканки, готов на какое угодно преступление – а тут, аллах, аллах! мешок золота!.. Но Радомцов... продолжал водить наезды на русские границы и в то же время смотрел зорко за своими приятелями, чтобы они не свернули ему шею, потому что, по этой части, горцы мастера и искусники первого сорта». Но в итоге как-то в штаб-квартиру Нижегородского полка (Чир-Юрт) «приехали какие-то горцы: в тороках у них был мешок. Они явились прямо к начальнику, развязали торбу и выбросили на землю обезображенную, окровавленную голову. Голова была Радомцова!»⁶⁸².

Действительно, дезертир мог удостоиться ордена и поста в военной структуре имамата. На этот счет есть прямое свидетельство приближенного Шамиля: «Если солдат проявлял отвагу, имам награждал его серебряной медалью “За отвагу”, как и мусульман, и вешал ее на его плечо. Если бы с нашими пушками не было солдат, несомненно, порядок наших войск не был совершенен, как и наши сражения»⁶⁸³.

Бежавший в сентябре 1842 г. казак станицы Червленной Филат (Филипп) Алешечкин (схвачен в апреле 1845 г.) поселился в ауле Чалы

Слева направо: черкесская шашка начала XIX в.; чеченская шашка 1840–1860-х гг.; черкесская шашка 1840–1860-х гг.

с Михеем Корчагиным и Зотом Чериным. «В это самое время Шамиль отлил три пушки, собрал всех надежных Русских дезертиров, пошел походом в землю Чаберли. Три эти казака были подчинены наибу из Тавлинцев Нур Магомету. Во время битвы наиб был убит Чаберлинцем, в свою очередь пораженным насмерть Зотом Чериным. Об этом узнал Шамиль и вытребовал по окончании похода к себе трех казаков, обласкал их, обещал награждать и позволил жить, где пожелают, но посоветовал быть осторожнее. Прощаясь, казаки по обычаю поцеловали ему правую руку и обещались служить верою и правдою. Затем Алешечкин, Черин и Корчагин пошли в Чали, откуда через два месяца были вытребованы к пятисотенному старшине на поляну Тохчирсу. Тут от имени Шамиля, старшина навесил на них медали. Казаки отправились в Дарго благодарить Шамиля. Имам милостиво их принял, снова обласкал и подарил из рук своих по куску кумача»⁶⁸⁴.

Современник упоминает, что при взрыве Шалинского окопа 1 февраля 1851 г. чудом уцелел и был взят в плен горец, «нукер одного наиба». «Ему было лет двадцать пять, красивый блондин, с голубыми глазами и рыжеватой бородкой. Одет он был как денди, но его кинжал, шашка и пистолет погибли при взрыве. Он был спокоен и не скрывал удоволь-

ствия, что на груди его сохранился серебряный треугольный орден с арабскою надписью, пожалованный ему Шамилем... Один из солдат признал в нем своего фельдфебеля [линейного батальона], года за два перед тем бежавшего в горы». Но прежде чем его успели арестовать, беглец скрылся из Грозненского госпиталя, где находился, и «благополучно пробрался к своим». «Его видели со значком у того же наиба, в ту же экспедицию»⁶⁸⁵.

Упомянутый выше трусливый прапорщик Залетов помогал горцам взять укрепления Ахальчи, Гоцатль и Цатаных (1843 г.)⁶⁸⁶. Урядник Донского № 7 казачьего полка Малахов бежал к мулле Ших-Мухаммаду, эмиссару Шамиля и проповеднику мюридизма в Табасарани. Малахов вкрался в доверие к мулле и заведовал его войском, летом 1855 г. даже организовав три конных сотни, которые обучил строю. Сдавшись русским властям в ноябре того же года, табасаранцы представили в лагерь князя Орбелиани голову Малахова – нормальная для любого перебежчика судьба...⁶⁸⁷

Нельзя сказать, что перечисленные выше предатели – исключения из правила. Беглые солдаты и казаки действительно открыто воевали на стороне горцев против соотечественников, причем первые составляли артиллерийскую прислугу в армии имама (см. выше). В сражении под Кутешами (1846 г.) русских, «по известиям с гор», «пропало... 150 человек и осталось всего у Шамиля 140; это одно из лучших последствий прекрасной вашей победы», – писал наместник князю В.О. Бебутову⁶⁸⁸.

Итак, беглые солдаты исполняли у Шамиля следующие функции: телохранители, простые воины, артиллеристы, мастера по производству и починке орудий, изготовлению боеприпасов, пороха и ракет, ремесленники, пропагандисты (агитировали соотечественников переходить на сторону имама)⁶⁸⁹, переводчики⁶⁹⁰ (тот же Идрис – Андрей, «Шамилев холоп», злобная и мелочная личность)⁶⁹¹. Тем не менее, число изменников в рядах армии имамата в целом было незначительным. Тех же горцев на стороне российской армии сражалось против имамата в десятки раз больше.

Из русских дезертиров и пленных состоял и военный оркестр, игравший для Шамиля в Даргинской экспедиции: «В один из дней

имам вывел из Бальгита на смотр своих солдат с барабаном и трубами, на которых они играли и забавлялись». Мемуарист с русской стороны отмечает 7 июля 1845 г. «повестку и зорю, пробитые у него [Шамиля] нашими беглыми барабанщиками и горнистами весьма порядочно»⁶⁹². Музыкантов имам получил из числа пленных кампании 1843 г.⁶⁹³. При этом – «что касается военной музыки (букв.: русской), то она была только у Шамиля»⁶⁹⁴.

Указания на существование оркестра находим и после 1845 года. В Кабарде (1846 г.) «у Шамиля костры горят, и у нас тоже. У нас горнисты и барабанщики играют вечернюю зорю, и у него также...»⁶⁹⁵. Под Салты «почти ежедневно... в определенный час неприятель подходил с орудиями и пускал в нашу позицию десятка два ядер и гранат; затем музыканты его, из беглых солдат, играли нашу зорю, и неприятель удалялся. Такое представление неприятель давал в час, когда у главнокомандующего кончали обедать и выходили на террасу...» (1847 г.)⁶⁹⁶. Если верить М. Гралеvскому, в самом ауле Салты «играли марши, вальсы, польки и краковяки... Скорее всего, эти музыканты были беглецами из русского войска»⁶⁹⁷. При осаде Чоха (1849 г.) «наши беглые горнисты и барабанщики» встречали и провожали имама разными русскими маршами⁶⁹⁸. В 1853 г. по вечерам горнисты в лагере Шамиля играли зорю, а в ответ на «Боже, царя храни!» из осажденного укрепления у горцев сыграли польку и русскую народную песню⁶⁹⁹. Еще год спустя «музыканты Шамиля, что-то в роде русских горнистов, играли утреннюю зорю. Исполнение было довольно стройное...»⁷⁰⁰.

«Солдаты имели и музыкальные инструменты – гитары (танбур-лютня?), армейские кларнеты (мазамар, ед. мизмар – свирель, дудка, кларнет, рожок), привезенные из России»⁷⁰¹.

«Беглых и пленных Шамиль лично испытывал, к чему кто способен, и потом уже определял: кого кузнецом, кого артиллеристом или механиком; более смышленным и надежным доверял даже заведывание пороховыми заводами, шорнями, ремонтом конницы и др. Таких всельников набралось у нас достаточно, так что из них Шамиль образовал даже целое селение, рядом с Ведено... Малоспособных из числа пленных Шамиль прикомандировывал

к какому-нибудь бедному мюриду, в качестве работника, причем их должны были содержать как членов семьи, т. е. кормить, одевать и пр.»⁷⁰². Исходя из показаний беглых казаков, была налажена следующая процедура: «каждый Русский дезертир из передовых аулов, под конвоем, непременно, доставлялся к одному из наибов (Талхик, Али-Ахмет, Суэсип, Мула Шуаип и др.), которые и решали их судьбу. Одних сразу принимали, как полноправных людей, других давали на поруки некоторым Чеченцам, а преимущественно Русским дезертирам, наконец, третьи обезоруживались и даже заковывались в цепи. О беглецах последней категории собирались справки, что делалось весьма скоро и достоверно при помощи существовавших тогда непрерывных сношений между Чеченцами и казаками. Чем большим числом преступлений на Линии сопровождался побег, тем желаннее принимался дезертир. Прошлое казака на Линии служило мерилом его благонадежности для горцев. Быть может, именно поэтому, совершив побег, и старался казак обagrить свою руку преступлением. Он обеспечивал этим свою будущность в горах и вместе с тем отрезывал себе путь отступления на родину...»⁷⁰³.

Такие исследователи, как С.Л. Дударев и Ю.Ю. Клычников, справедливо поставили вопрос о неуместности рассматривать столь многогранное и сложное явление, как проблема беглых солдат и казаков времен Кавказской войны, с позиций превращения чуть ли не всех беглецов в «воинов-интернационалистов»⁷⁰⁴, готовых бороться с самодержавием (этой тенденцией и поныне отличается национальная кавказская историография)⁷⁰⁵. Если можно понять и оправдать рядовой побег от тягот службы в горы, то совершенно другое дело – переход на сторону противника и участие в боях на его стороне (побег к неприятелю и измена). Именно так расценивало данный проступок военно-уголовное законодательство России.

Полевое уложение для Большой действующей армии 1812 г. определяет, что побег к неприятелю наказывается смертью. Таковым побегом считалось отбытие из армии без письменного дозволения главнокомандующего, переход без письменного дозволения за цепь или линию, за которую можно иметь сообщение

*Солдат Отдельного Кавказского корпуса.
Литография по рисунку В.Ф. Тимма*

с неприятелем, выход без письменного дозволения коменданта из обложенной неприятелем крепости, самовольная отлучка с пикета или караула, поставленного против неприятеля. По Уставу военно-уголовному (вступил в силу с 1 января 1840 г.), побег (отсутствие нижнего чина в команде свыше трех дней) наказывался 500–1500 ударами (за второй побег приговаривали не более чем к 3000 ударов). Но и для нижних чинов, и для офицеров побег к неприятелю или заговор, нацеленный на побег, в военное время карались смертью – как правило, расстрелом. В мирное время смертная казнь назначалась за побег к горским народам и в Турцию⁷⁰⁶.

С точки зрения российской стороны, перешедшие к противнику беглые солдаты не толь-

ко подрывали основы дисциплины в частях или причиняли неудобства карьере начальства. Во-первых, они выдавали горцам сведения (хотя и вряд ли слишком уж ценные...) о состоянии укреплений, гарнизонов, планы командования. Иными словами, работали на горскую военную разведку, которая, хотя и была совершенно непрофессиональной, но действовала нередко весьма эффективно. Во-вторых, и это самое главное, инструктируя горцев при создании ими своей квазирегулярной пехоты и особенно артиллерии они ставили под угрозу важнейшее военно-технологическое преимущество России в Кавказской войне⁷⁰⁷. Значение артиллерии для военной организации имамата трудно недооценить, но создать ее именно как организацию (не говоря о материальной части) Шамиль мог только с помощью дезертиров.

Отсюда правительством регулярно предпринимались шаги с целью убедить беглых вернуться (или заставить их нынешних хозяев выдать дезертиров российским властям)⁷⁰⁸. Так, наместник князь М.С. Воронцов 14 марта 1845 г. объявил о прощении всех бежавших в горы солдат, добровольно явившихся обратно, за исключением виновных в убийстве и беглых часовых⁷⁰⁹. В то же время, «весьма немногие [в ответ] на воззвание главнокомандующего перешли по-прежнему в свои ряды»⁷¹⁰. С другой стороны, В.С. Толстой, состоявший чиновником для особых поручений при наместнике, был уверен, что «эта мера оказалась действительною, и как скоро дезертиры узнали о ней чрез лазутчиков, они во множестве стали являться на пограничные посты. Одних Поляков мало выходило из гор»⁷¹¹.

Как бы то ни было, впоследствии положение изменилось в лучшую сторону⁷¹². Всеобщая амнистия для всех беглых была объявлена в августе 1859 г., когда подошла к концу война на северо-восточном Кавказе⁷¹³. Милостью этой воспользовались многие дезертиры⁷¹⁴.

По необходимости ранее командование шло на жесткие меры. Так, начальник левого фланга Кавказской линии предлагал в 1842 г. «первых пойманных дезертиров расстрелять»⁷¹⁵. С точки зрения М.С. Воронцова, «весьма бы полезно было» в назидание прочим

«судить по полевому уложению» и расстрелять, поскольку «всех нельзя», 2–3 человек из восьми (или четырех)⁷¹⁶ захваченных под Кутешами дезертиров-артиллеристов, служивших Шамилю «действительно и без принуждения» (1846 г.)⁷¹⁷. В особенности «он [имам] мог рассчитывать на верность людей, которые, покинув путь долга, не могли на него возвратиться из опасения понести заслуженное наказание; хорошее же с дезертирами обращение поощряло дезертирство»⁷¹⁸.

Сотня беглых солдат, остававшихся с имамом до конца, по словам Р.А. Фадеева, были до того обременены «преступлениями, что они не смели воспользоваться дарованным всепрощением и явиться с повинной, вместе с товарищами»⁷¹⁹. В действительности беглых солдат при Шамиле на Гунибе оставалось значительно меньше сотни – 33 (и еще 59 сдались при разграблении ранее обоза имама), «из самых отчаянных негодяев». Как утверждал участник обороны Гуниба, оружие им Шамиль не дал⁷²⁰, так что они «употреблялись

только на работы завалов». В конце концов имам, похоже, или передумал, или рассказчик покривил душой, поскольку сам признает, что артиллерийскую прислугу на Гунибе «составляли беглые солдаты»⁷²¹. Действительно, при обороне западной стороны «озлобленнее всех дрались здесь несколько десятков наших старых дезертиров, давно омусульманившихся...»⁷²². Из письма участника взятия Гуниба: «Здесь дрались и русские мюриды, но, к несчастью, из них 8 человек были взяты живыми»⁷²³. При штурме Гуниба один из беглых, вероятно, артиллерист, «стрелял по ширванцам, когда те шли в гору; найдя его при орудии, ширванцы избили его прикладами до полусмерти, зажгли на нем платье, и он обгорел совершенно. Несчастный получил награду по заслугам!»⁷²⁴. Исключительно жестокая мера наказания, как видим, воспринималась как воздаяние за измену воинской присяге и чрезмерно верную службу врагам своего отечества. Таковы были реалии войны на Кавказе...

17. МУХАДЖИРЫ

Зять Шамиля в своих мемуарах пояснял: «*Мухаджир* – арабское слово, означающее лицо, переселившееся из области войны (*дар ал-харб*) [земли, воюющие против мусульман] в мусульманскую (*дар ал-ислам*) [территория, находящаяся под властью мусульманских правителей]»⁷²⁵, совершившее *хиджру*⁷²⁶. Первыми эмигрантами-*мухаджирами* (из Мекки в Медину) были пророк Мухаммад и его соратники. Северокавказские мухаджиры соотносили себя с героями раннего ислама⁷²⁷.

Из воззвания Шамиля анкратльцам: «Всем правоверным надо поспешить бежать... Бегите... и не прекращайте бегства вашего от неверных, пока будет происходить действие с ними... Из страны, где происходит война с неверными, мусульмане должны бежать к правоверным; неисполнивших этого не признавать мусульманами, и живущих с неверными считать наравне с ними»⁷²⁸.

Шамиль охотно принимал мусульман-переселенцев (добровольно или по принуждению самого имама и его наибов – «сопротивляющихся приказано было предавать смерти») с контролируемых русскими земель, беглых из соседних горских племен – *мухаджиров*⁷²⁹, сражавшихся в рядах его армии. По мнению российского командования, «беглецы эти, не имея других средств к своему существованию, кроме грабежа, составляют постоянную силу Шамиля и служат ему главным оружием к порабощению других горцев»⁷³⁰.

«Полезны [имаму мухаджиры были] в том, что они добывали со всех сторон большую добычу, и он имел тем самым пользу от их богатств, и увеличивался бейтулмал его казны, назначенный для остального войска. Особенно среди них были (хорошие) предводители при отправке их имамом с войском в чужие, неизвестные селения, и если бы не они были предводителями при походах, то войска наши

не могли бы выступить куда-либо или проникнуть туда, попав в незнакомое место, и от этого нам был бы большой вред»⁷³¹.

Среди мухаджиров были по большей части дагестанцы, но также кумыки⁷³², кабардинцы, карабулаки⁷³³, черкесы, осетины. Как писал современник, мухаджиры прибывали из Ахты, Газикумуха⁷³⁴, Закатал, Эндирея, Аксая, Казанищ, Костека, от ногайцев, кабардинцев, из Куры, Шеки, Ширвана, Губдена, союзов Акуша-Дарго⁷³⁵, Тарки и других мест⁷³⁶. Собственно, даже гвардия Шамиля формально являлась «мухаджирами из Чиркея»⁷³⁷.

«В то время, – замечал лакец Абдулла Омаров, – необходимо было для лиц, стоявших во главе семейств, обходиться со своими подчиненными чересчур снисходительно во всех отношениях. Иначе всякий из них мог подвергнуться опасности потерять навсегда кого-либо из своего семейства за свои основательные требования – уважать права его как главы семейства. Например, какой-нибудь отец, если позволял себе произнести легкий выговор кому-либо из своих детей за позднее возвращение домой, или же за неаккуратное исполнение домашней работы, или муж своей жене за невкусный завтрак или ужин, то оскорбленные до другого утра оказывались уже на земле мюридов». Таких беглецов-*мухаджиров* с охотой принимали к себе мюриды, правда, требуя в качестве залога будущей верности нанесения тяжкого оскорбления покинутому обществу или влиятельному лицу оногo⁷³⁸.

«Это было всегда одним из величайших соблазнов, привлекавших легкомысленных мусульман к грозному Шамилю», который «обещал им блаженные жилища на небесах вместе с мугаджирами пророка», а «в случае неповиновения Аллаху, в его лице, угрожал им лишением имущества, детей и жизни в этом мире и адскими муками в будущем»⁷³⁹. Наibu

Малой Чечни Дубе в апреле 1845 г. имам писал: «Знай, что я щажу тех, кто пришел к нам из (числа) бежавших к неверным; и ты щади таких, ибо они наши искренние друзья после вхождения их в круг единобожников». В другом письме Шамиля Дубе вменялось в исполнение следующее: «...Чтобы ты смотрел на этих мухаджиров-черкесов взглядом радости и почтения и помогал им, чем только возможно, во всех делах... Мы повелели это и другим наибам и правителям. Это вам наш приказ от всего сердца...»⁷⁴⁰. С 1847 г. мухаджиры содержались за счет казны имамата⁷⁴¹.

Наиболее яркий пример пополнения армии Шамиля мухаджирами – Кабардинская кампания 1846 г. Тогда «из числа кабардинцев [подпоручик] Магомет Мирза Анзоров, Магомет Кудинетов с несколькими почетными узденями и из тагаурских алдар Увжуко Дударов ушли в Чечню, где с большою пользою служили Шамилю в звании наибов»⁷⁴². Анзоров вместе с другими беглецами из Большой Кабарды (прапорщик Магомет Кожаков, уздень Магомет Тимтиров, мулла Березгов) были «объявлены абреками». Однако число их было невелико – «с аула Магомет Мирза Анзорова» ушли в Чечню всего семь узденей, еще прапорщик Исмаил Анзоров, «Кайтукиной фамилии» пятеро и корнет Жанхот Захохов, всего 37 князей и дворян⁷⁴³. Фактически, весьма скудный результат вербовки и провальной военной кампании в Кабарде...

Главный подстрекатель Мухаммад-Мирза Анзоров стал наибом Гехинским (Малой Чечни), а с марта 1849 г. – мудиром, и умер 19 июня 1851 г. от раны, полученной в сражении с русскими войсками⁷⁴⁴. Ему писал чеченский наиб Килик (1846/1851 гг.): «Смотрите, оставьте ваших людей в ваших домах и на их пропитании; я же не смогу поставить твоих людей на мое довольствие, так как у меня тесно и было много людей, которые кормились за мой счет. И они в вилайате имама из числа мухаджиров. Но, если ты хочешь, оставь у меня хотя бы одного, если он боится их и если сомневается; я же теперь не оставлю у себя [других] и не смогу оставить»⁷⁴⁵.

Единственная серьезная военная операция, проведенная с массовым участием мухаджиров («абреков») – рейд Бук-Мухаммада⁷⁴⁶

в Табасарань и Кайтаг. «И он [Шамиль] послал мухаджира, храбреца Бук Мухаммеда ал-Гумуки, наиба Мукарура с людьми из его наибства и мухаджиров Гази Гумука и Ахди [Ахты]». Впрочем, в реальности «храбрецы» сначала отказывались исполнять волю Шамиля. Имаму пришлось прибегнуть к угрозам, велел, чтобы «все они, со своими семействами, немедленно вышли из гор, так как их не для чего и нечем кормить». Недвусмысленно выраженная воля Шамиля привела к тому, что Бук-Мухаммад собрал около 200 или 300 конных мухаджиров («беглецы из разных покорных нам селений») и в ночь на 31 декабря 1851 г. пробрался в пределы удерживаемой русскими территории. Мухаджиры «начали устанавливать среди жителей Хайдака и Табасарана свое управление и порядки, назначая наибов, кадиев и начальников сотен». Однако российские власти отреагировали оперативно. Бук-Мухаммад был осажден в Шелягах (при нем было всего 40 или 80 мюридов, но зато его поддерживали и местные обитатели, и жители ближайших селений), отбивался отчаянно, но все-таки аул был взят штурмом (18 января 1852 г.). Горцы лишились предводителя (ранен, сдался в плен и умер по дороге в госпиталь; при нем захвачена секира, дарованная ему Шамилем) и нескольких значков⁷⁴⁷.

Никогда не отличавшийся военными дарованиями Даниял-султан также прибежал к услугам мухаджиров (которым и сам формально являлся в государстве Шамиля), «то есть людей посвятивших себя исключительно молитвам, посту, воздержанию и войне с неверными. *Могаджир* отрекался от дома, семьи, всего мирского, посвящал всего себя исключительно служению веры, требовавшей главнейшее борьбы и истребления гяуров. Прикрытые такими религиозными целями, могаджиры оказались самыми подходящими людьми, и султан, присоединив к нескольким горцам-могаджирам находившихся при нем беглых элисуйцев, образовал первый кадр, отправившийся для действий на плоскость... В Элисуйском владении этим шайкам без труда удалось приютиться, приобрести друзей и покровителей; за тем произвести несколько удачных захватов в плен зажиточных людей,

несколько грабежей и... денежных сборов, так что молва о таком заманчивом... ремесле *могаджира* разнеслась быстро и вызвала решительный наплыв охотников. Из всех аулов десятками бежали менее зажиточные люди, кадры увеличивались ежедневно, разбивались на шайки от 10 до 15–25 человек и в весьма короткое время наводнили Элисуйское владение, весь соседний Энисельский участок... проникли в восточную часть Нухинского уезда...». Эти бандитские шайки *качагов* (беглецов) с 1847 г. стали настоящим бедствием для населения и властей региона⁷⁴⁸.

Сам султан Элисуйский, подняв мятеж в июне 1844 г., получил от Шамиля большое число мюридов (не менее 500 чел.), а также собрал более 6000 ополченцев в горных деревнях со своих владений⁷⁴⁹. Потерпев неудачу и укрывшись во владениях имама, беглый правитель с помощью мухаджиров и подчиненных ему лезгинских племен (в ближайших к российской границе обществах имелось вооруженное и всегда готовое выступить против русских население по меньшей мере в 10 тыс. чел.) получил возможность скапливать немалые скопища, с которыми он устраивал вторжения на российскую территорию. Так, в апреле 1845 г. Даниял-бек, пригласив наибов Кебед-Мухаммада и Галбац-Дибера с их партиями, собрал в Карахе до 4000 чел. при трех орудиях, с коими двинулся на Анкратль. А благодаря поддержке бывших подданных («жители его принимали охотно», а кто был против – того принуждали «без всякой церемонии»), весной 1847 г. Даниял возглавил до 10 или 12 тыс. чел. (по более скромным оценкам, более 7000 чел. – при том, что изначально он располагал всего 500 чел.)⁷⁵⁰, при двух орудиях. Год спустя султан выставил 8000 пехоты (еще 3000 конницы привели наибы Хаджи-Мурат и Турач Каратинский). Возле его главной крепости, Ириба, в деревне Никуш присланный из Дарго мастер отливал орудия. Лафеты делали русские пленники, ядра вытачивались из булыжника или использовались трофейные русские. Порох (местного производства) был некачественным⁷⁵¹, но зато вдоволь, в погребе хранились готовые картузные заряды. Всего к 1849 г. было изготовлено до 13 таких самодельных пушек. В крепости производилась практическая

стрельба из орудий по тем пунктам, с которых были возможны вражеские атаки. Сам Даниял потом писал, что, кроме Ириба, он «устроил и другие крепости, снабдив их арсеналами, пороховыми погребами и вооружал по возможности»⁷⁵².

Современник свидетельствует, что большинство мухаджиров имамата жили «в крепости Ириб у Даниял-султана... и в крепости Улиб, (известной под названием крепость Гергебиля), в селениях Согратль, Чох, Цуриб общества Карах, в Бецоре и в других селениях.

Что касается специальных селений для них, то это селения, построенные на поляне Цуриба и в лесу Бецора на участке близ селения Мушули, в Талгоде выше селения Игали.

Мухаджиры жили торговлей, грабежом и набегами на жителей пограничных с ними селений, (долей) с закята. Когда они грабили имущество в селениях или караваны, идущие с одного места в другое, то добычу делили на пять частей: (одна) часть – имаму, остальные для себя. Это делалось в том случае, если ограблены были мусульмане. Если же добыча была из имущества христиан, то одна пятая часть шла имаму, другая пятая из пятой части – потомкам Мухаммеда»⁷⁵³.

«Самые большие доходы Шамиля были со стороны Ириба и Уллукале, где жили мугаджиры. Откуда они делали набеги на Грузию, Акушу и другие места и из добыч своих пятую часть уделляли Шамилю. В 1269 (1852) году, когда была разбита почта, около Елизаветополя, доходу было 15 230 руб. серебром; в 1268 (1851) году – 1613 руб. сер., и в 1267 (1850) году – 1000 руб. сер. ...Но в 1269 (1852) году в Кутишах было поставлено войско, построены башни, заняты выходы, и не только мюриды и мугаджиры перестали делать набеги, но часто и их стада были отбиваемы храбрым кутушинским начальником, которого они боялись. Некоторые мугаджиры из Уллукале разбежались, иные были схвачены и под конец их осталось там немного»⁷⁵⁴.

У Шамиля, озабоченного пополнением своей тающей в боях армии, была цель – всюду искать воинов-добровольцев. Задание набирать волонтеров и присылать или приводить их в ставку имама получали все посланники и наибы Шамиля. «Миссионеры-вербовщики»

имама действовали на территории контролируемых Россией регионов Кавказа⁷⁵⁵.

В поисках подкреплений имам как-то добрался даже до территории **Турции**. Хаджи Хасан Хасби, мюрид Шамиля, с двумя товарищами-дагестанцами получил поручение вербовать для своего повелителя сторонников в пределах турецких владений с последующей отправкой в Дагестан. Развернув агитацию в Аджарии, он собрал в конце 1844 – начале 1845 г. на границе провинции значительное число вооруженных людей. Часть их потом разошлась, но к марту-апрелю 1845 г. еще оставалась пара сотен людей (Хасан будто бы планировал объединиться под Ахалцихе с войсками своего господина). Турецкое правительство (в немалой степени благодаря дипломатическому нажиму со стороны России) расценило это сборище как мятеж (хотя первоначально поддерживало идею вербовки), но войска посылать медлило. Так что еще в ноябре Хасан продолжал свою деятельность, пользуясь поддельными фирманами, указами великого визиера и печатями. Желаящим присоединиться к священной войне против неверных он предлагал следующие оклады жалованья (в месяц): 150 пиастров рядовому, 350 пиастров – офицеру (*аге*), половина кошелька акче – знаменосцу, 1000 пиастров – майору (*бинбаши*). Вскоре Хасан исчез, опасаясь ареста (его все же поймали и допросили, но он в итоге сбежал), а его восемь сообщников были задержаны и осуждены (1846 г.)⁷⁵⁶.

Похоже, данная авантюра рекрутов Шамилю так и не принесла. Но это не помешало новым экспериментам имама в Османской империи. Летом 1850 г. местное начальство уже не стало препятствовать мюриду Шамиля, который явился на поиски двух минёров, и даже выделило ему денежную сумму⁷⁵⁷.

Также Шамиль контактировал (по меньшей мере с 1848 г.) с курдскими племенами, как в Турции (шайх ветви ордена накшбандийа ас-Саййид Таха, его брат и преемник Салих), так и в Персии (шайх Тахир, *халифа* – заместитель Салиха). Кроме регулярного обмена посланиями, эти лица также отправили несколько курдов к Шамилю⁷⁵⁸. Генеральный консул в Тавризе Аничков в феврале 1854 г. сообщал князю Воронцову: «Брат сего халифе [т. е. Та-

хира], шейх Иса и поныне не возвращался от Шамиля, к коему поехал... четыре года назад, а по словам самого халифе – шесть лет. С ним также ездил в Дагестан один Куртин, по имени Джафар. Он воротился оттуда нынешним летом... [и] отправился обратно с письмами в Дагестан... Персидские Курды часто ходят с письмами от шейха Тагира в Дагестан и в Кизляр»⁷⁵⁹. «Из Курдистана прибыл один мугаджир по имени Мухаммад. Шамиль очень уважал его и давал ему все, что нужно для жизни. Во время осады Евдокимовым Дарго-Ведено, этот Мухаммад добровольно вошел в укрепление, чтобы драться с русскими. Шамиль отпустил из своего казначейства 1900 руб. сер. Кази-Мухаммаду и приказал раздавать бедным воинам и мугаджирам. Кази-Мухаммад давал по абазу каждому на четыре дня» (из скупости)⁷⁶⁰.

Матеуш Гралевский уверял читателей, что будто бы артиллерия Шамиля «обслуживалась преимущественно бежавшими от русских поляками, а особенно русинами из Приднепровья. Но были в расчетах и чистокровные русские»⁷⁶¹. Другой источник в 1854 г. отмечает, что в резиденции имама, Ведено, «кроме постоянного войска, находится до 340 иностранцев, большею частью из поляков»⁷⁶². Если верить Б.-Э. Хуршу, в донесении французского консула в Трапезонде от 10 марта 1844 г. было сказано: «Почетная гвардия Шамиля состоит из 400 польских [*читай: «дагестанских»*] всадников, заклятых врагов России, сопровождающих вождя во всех походах»⁷⁶³.

Однако сообщения о «Польской сотне» и вообще о целых польских подразделениях в армии Шамиля («около 700 поляков»)⁷⁶⁴ или о польских инструкторах, помогавших горцам, принадлежат к жанру апокрифов⁷⁶⁵. Только немногие поляки уходили из русской армии, чтобы перейти на сторону мюридов, но и они быстро отказывались от мысли о сотрудничестве с мусульманскими фанатиками⁷⁶⁶.

Поляк Кароль Калиновский, оказавшись в плену, попал в состав «Шамилевской команды», набранной из дезертиров или пленных⁷⁶⁷. Однако, что характерно, соотечественников там он не вовсе не встретил, за одним исключением (этот солдат выделял кожи)⁷⁶⁸. Л. Видершаль полагал, что случаи побегов поляков к Шамилю имели место, но трудно сказать,

насколько часто. Исследователь задавался вопросом, можно ли суметь подтвердить, играли ли какую-либо вообще роль дезертиры, а особенно поляки, в войске Шамиля?⁷⁶⁹ В свете этих данных, добавляет Видершаль, не выглядит неправдоподобным упоминание у Шамиля неких советников-дезертиров и потому в рассказах о правой руке Шамиля, поляке Шанявском, может быть какая-то доля правды (но с учетом того, что больше о Шанявском никто не сообщает). Этот Шанявский был офицером в армии Царства Польского, участвовал в мятеже 1830–1831 гг. Вместе с капитаном (?!) казачьей артиллерии Никитиным он был главным советником и организатором войска у Шамиля. Гротковский (1846 г.) говорит также об отряде из 800 поляков у Шамиля. Однако и сам Видершаль признавал, что к его отчету необходимо относиться очень осторожно, пусть даже схожий рассказ содержится в заметке Баррера (бывший французский консул в Тифлисе) за июль 1854 г.⁷⁷⁰

Позднее, пытаясь вести пропаганду в рядах противника, Шамиль использовал имевшихся в горах нескольких беглых/пленных солдат-поляков для налаживания связей с их соотечественниками, верно служившими России. В 1852 г. имам рассылал неких поляков в качестве своих эмиссаров с прокламациями (на двух языках) и медалями для польских офицеров и солдат русских войск, поощряя их к дезертирству и заявляя, что они пользуются поддержкой Франции. Но их деятельность не возымела никакого практического результата⁷⁷¹. В ноябре того же года французский унтер-офицер, вахмистр Эжен Гийени (также – *Тиллени*), в Эрзеруме предложил поднять весь Кавказ при поддержке польских и венгерских офицеров, служивших в армии Шамиля (замечание имеет смысл, только если заменить *Шамиля на султана*)⁷⁷². А бывший французский консул в Тифлисе в своем проекте франко-турецкого вторжения в русские области Кавказа (1854 г.) предлагал отправить французских офицеров к имаму «в сопровождении, по возможности, польских офицеров, исходя из того, что поляки довольно многочисленны в армии Шамиля»⁷⁷³. Увы, все это *многообразие* существовало лишь в воображении месье Гийени и де Баррера...

Какие-либо иные или достоверные известия о венграх либо представителях иных, неславянских наций у Шамиля⁷⁷⁴, а тем более – в офицерских чинах и в массовом количестве (оба замечания верны и для поляков), отсутствуют. А.Л. Зиссерман задавался резонным вопросом: «...Если бы иностранцы находились в Ведене, то им едва ли удалось бы... уйти оттуда [при взятии аула в 1859 году], не попав в наши руки; сами чеченцы и вообще туземцы передали бы их нам, чтобы выслужиться... Не взяли бы их в Ведене, то взяли бы в Гунибе, вместе с Шамилем...». Нет никаких следов присутствия иностранных агентов при Шамиле и в документах, тогда как на Черноморском побережье о появлении европейцев (или эмиссаров Шамиля) всегда становилось известно русским властям и их передвижения тщательно отслеживались. Но в Дагестане и Чечне, где было известно о каждом шаге Шамиля и его письма нередко поступали к неприятелю раньше, чем к адресатам в лице наивов, не говорится нигде и ничего об иностранцах⁷⁷⁵. В Западной Европе, очевидно, просто изобретали истории о присутствии своих политических приспешников-эмигрантов – поляков (например, известного Илинского – позднее офицера турецкой службы в Крымскую войну)⁷⁷⁶ и венгров – при Шамиле.

К числу сподвижников Шамиля дагестанскими «исследователями» был причислен и «англичанин Ч.Ф. Хеннингсен [sic!], который потом принимал участие в Венгерской революции 1848–1849 гг. и в Гражданской войне США 1861–1864 [sic!] гг.» (кстати, за *конфедератов!*). На самом же деле искатель приключений и наемник, англичанин шведского (по другой версии, бельгийского) происхождения, а потом и гражданин США Чарльз Фредерик Хеннингсен (1815–1877) на территории имамата никогда не был. Зато посетил Россию, написал о ней несколько книг (их содержание можно охарактеризовать вкратце: рассказы о деспотической и варварской стране). Если верить его биографам, Хеннингсен (после испанского опыта – и в преддверии никарагуанского) даже повоевал в Черкесии в составе *русской* армии⁷⁷⁷, однако в некрологе покойный генерал конфедератов уже сражается «против России на Кавказе»⁷⁷⁸! Сомнительно и то, и другое. Сам

несостоявшийся «борец за свободу» отмечает, что события на Кавказе описывал «главным образом по описаниям, составленным русскими офицерами, участвовавшими в кавказских походах»⁷⁷⁹. Уделив все внимание черкесам, Шамиля (в отличие от Кази-Муллы)⁷⁸⁰ и даже дагестанцев (разве что подчеркнув их успехи в кампании 1843 г. и несколько раз пройдясь по поводу «лезгин»), Хеннингсен практически не упоминает.

Единственными европейцами, действительно попытавшимися наладить с Шамилем контакты (исключая франко-английское командование и дипломатов времен Восточной войны), были польские эмигранты, но и им это не удалось. Неудачей закончилась, например, попытка польского эмиссара Адама Высоцкого в 1846 г. «пробраться к Шамилю» через Кабарду и Карачай⁷⁸¹. Однако современник отмечает: «...Во второй половине тридцатых годов у Шамиля оказались собственной фортификации орудия, снаряды и порох, и при взятии штурмом... Ахульго... найдены разного рода машины самодельного устройства, удовлетворявшие технике по своему назначению... Устройства эти и самое производство работ, равно и довольно толковое образование состава имамовской артиллерии не мог же сделать бывший фельдцейхмейстер Шамиля, беглый фейерверкер Никитин, пьяница и отъявленный полуграмотный негодяй. И так это было дело Якуб-хана», бывшего польского артиллерийского поручика Якубовича, бежавшего из

Сибири в Турцию, принявшего ислам и бывшего оттуда к имаму «несколько лет назад». Шамиль пригласил Якубовича «остаться у него в звании наиба и топчи-баши (т. е. наместника и главы артиллерии), и заняться устройством литейных и пороховых заводов с мастерскими». Якуб-хана, когда тот появился за Кубанью, зарезал один армянин по поручению генерала Г.Х. фон Засса⁷⁸².

Впрочем, это сообщение не подтверждается другими источниками. Деятельность Якубовича относится к территории черкесов, а не к владениям Шамиля⁷⁸³. Те несколько поляков, которым не повезло оказаться у Шамиля (Ю. Дзик, К. Калиновский)⁷⁸⁴, являлись всего лишь бывшими солдатами русской армии. Польским русофобам оставалось лишь жалеть о том, что их соотечественники дезертиры, «не зная прямой дороги к мюридам, блуждали среди подчинившихся Москве аулов и попадали в руки местной полиции»⁷⁸⁵. Другое дело, что среди рабов в аулах могло и вправду быть какое-то количество представителей данной нации. Участник кампании 1859 г. вспоминал: «...Стали почти ежедневно являться в наш лагерь Русские выходцы из горских аулов. Они оказывались частью захваченными в плен Русскими солдатами, а частью, и даже большею, нашими перебежчиками в аулы; в этом последнем отделе – было особенно много Поляков, и на лицах их написано было, что возвращение их опять к нам не приносило им радости»⁷⁸⁶.

18. НАИБЫ ШАМИЛЯ У ЧЕРКЕСОВ⁷⁸⁷

«Несмотря, однако, на все удачи и влияние, которым пользовался Шамиль в Чечне и Дагестане, все же Западный Кавказ давал ему только одиночных участников в его походах против русских войск, а все горское население этого района воздерживалось примкнуть к его борьбе и не вступало в объединение, им созданное. А между тем имевшее место и здесь враждебное настроение против русских и отдельные военные схватки подавали надежду вызвать то одушевление, какое охватывало жителей горных аулов за Терекком»⁷⁸⁸. Но, в отличие от Чечни и Дагестана, силы горцев Северо-Западного Кавказа не были столь скоординированы и объединены в борьбе против России. Тем не менее, Шамиль сделал несколько попыток увлечь черкесов под знамя газавата, тем самым усилить свои военные силы⁷⁸⁹ и отвлечь внимание противника от Кавказа Северо-Восточного.

Первым представителем Шамиля на Северо-Западном Кавказе стал Хаджи-Мухаммад (май 1842 – май 1844 гг.). Ему удалось внедрить среди черкесов (абадзехов, натухайцев, шапсугов) некоторые элементы государственности. В частности, он «подал старшинам мысль придать силу народному собранию содержанием при нем постоянного ополчения, которое сообразно требованиям поставки от каждого 60-ти дворов по одному всаднику». При наибе постоянно находились 100 телохранителей – *мутазигов / муртазаков*, т. е. местных мюридов, которые также были обязаны следить за исполнением шариата местными горцами. По другим данным, число «дружинников» Хаджи-Мухаммада составляло около 400 чел. из «низов» общества («дружина» из «бесприютных горцев» – абадзехов, бесленеевцев, темиргоевцев и махошевцев), готовых выполнить любой приказ своего господина. Наиб содержал свою

личную стражу за счет штрафов и налогов с населения⁷⁹⁰.

Политику эту продолжили преемники Хаджи-Мухаммада. Так, в конце марта 1845 г. среди шапсугов, натухайцев и абадзехов появились из Чечни два эмиссара Шамиля. Один из них, Сельмен-эфенди (Сулейман эфенди), прочел послание Шамиля (адресованное им

Кавказский костюм и снаряжение XIX в.

и прикубанским бжедухам) вооружиться во имя пророка и усилить воинство имама в Дагестане. «Каждая семья должна была выставить вооруженного всадника, а три бедных семейства, не бывших в состоянии дать воина – поставить снаряженного боевого коня [т. е. коня со сбруей]». Сбор ополчения был объявлен ко дню (русского праздника) Троицы, и если сам Сельмен-эфенди или Шамиль не объявятся, то следовало двигаться к верховьям Кубани для встречи имама. 2 апреля собрание шапсугов и натухайцев на р. Убин, обсудив вопрос о требуемом Шамилем ополчении, решило наряд воинов производить не по числу дворов, а по количеству речек. Народонаселение берегов каждой речки обязывалось выставить 15 всадников при особом значке. Вторичная резолюция последовала на собрании шапсугов в конце апреля на р. Адагуме – снарядить

Мухаммад-Амин

Черкесские кинжалы

в шамилевское ополчение к 15 мая от каждого аула по 10 вооруженных всадников, а для их содержания собрать от каждого двора по пуду пшена, по слепку сыра и по одному серебряному рублю. Натухайцы пришли к соглашению послать по одному всаднику с каждого двора, а с дворянских по два. Однако горцы быстро охладели к затее. К 28 мая у Сельмен-эфенди

имелось всего 300 всадников из местного населения, а 19 июня были получены из-за Кубани сведения о том, что и это ополчение начало расходиться, считая предприятие слишком рискованным. Сулейман-эфенди тоже набирал муртазиков, очевидно, вновь из «людей бедных, бездомных и низшего звания», но в конечном счете и он потерпел неудачу в Черкесии. Эмиссар Шамиля 3 августа 1845 г. покинул Черноморию и отправился в Чечню⁷⁹¹.

Таким образом, первые посланцы Шамиля в конечном счете не имели успеха и не принесли своему имаму никакой пользы. Безуспешности происков эмиссаров имама способствовал и характер черкесов. «Не подлежит сомнению, что их легче было соблазнить отбитием нашего порционного скота, чем именем Магомета, – в чем они представляли разительную противоположность чеченцам и дагестанцам». Положение изменилось только с появлением среди закубанских племен в 1848 г. другого наиба Шамиля, Мухаммада-Амина. Последний уже всерьез попытался «основать религиозное мюридское государство по образцу Шамилевского». «Этому наибу [Мухаммад-Амин], в самое короткое время, удалось приобрести большое

Черкесский воин. Рисунок А.И. Орловского

число партизан [т. е. сторонников] и побудить всех адыге, т. е. абадзехов, шапсугов и убыхов, платить Шамилю подать натурою и выставлять контингент войск, чего до сих пор Шамиль никаким образом не мог от них добиться»⁷⁹².

К началу 1849 г. Мухаммад-Амин разделил признающие его власть черкесские племена (абадзехи, шапсуги, натухайцы, а потом и другие) на общины по 100 дворов, которые группировались в семь округов, с *мехкеме* (*махкама*) в каждом. *Мехкеме* были устроены в укрепленных аулах, и каждое включало помещения для *мутазигов* (муртазигов) – конной стражи порядка при управлениях округов. Муртазики (всего их было около 1000 чел. – постоянное войско Мухаммад-Амина) набирались следующим образом: «каждый юнэ-из [сотня дворов] ставил одного вполне вооруженного всадника и одного пехотинца. Эти люди должны были... охранять арестантов, исполнять приказы наиба, начальника мехкеме и совета, собирать народ на совещания и на войну. За это конный муртазик получал в месяц 15 сапеток⁷⁹³, пе-

ший – 10 сапеток зернового хлеба; кроме того, он получал еще часть денежного штрафа (тацир), который должны были платить осужденные. Вооружаться, кормиться, одеваться он должен был сам. Если он терял свою лошадь на службе, то получал 100 сапеток зерна из магазина мехкеме». Также население было обязано содержать в постоянной готовности (в резерве) по одному пешему или конному воину с каждого двора. Они не имели права отлучаться из аулов без дозволения поставленного над ними начальства и должны были являться на сборные пункты по первому призыву. Для важнейших предприятий требовалось по два и более всадников со двора, а иногда вызывалось и поголовное ополчение⁷⁹⁴.

Над всей этой структурой, во многом напоминающей имамат Шамиля, стоял Мухаммад-Амин, охраняемый личной гвардией из 300 муртазек – к 1852 г. туда входило немало русских и казанских татар. Кроме постоянного караула из муртазек, при набе находились барабанщик и горнист⁷⁹⁵.

По примеру своего имама, Мухаммад-Амин приказал освободить из неволи и прислать к нему пленных и беглых русских солдат «для устройства артиллерии». Во всех *мехкеме* службу при помещениях для арестованных и на караулах несли именно беглые солдаты, с которыми наиб «обращался очень ласково и хорошо содержал их, чтобы этим увеличить число побегов». «...Благодаря этому небольшому военному отряду, он [Мухаммад-Амин] мог пользоваться соревнованием, всегда существовавшим между этими полудикими племенами, и, нейтрализуя и тех и других, он, таким образом, был полным над ними властелином». Такое положение сохранялось до Восточной войны. Однако из собственно полевой артиллерии Мухаммад-Амин смог устроить у себя только два орудия (бывшие у абадзехов), и сверх того вооружил каждое *мехкеме* двумя орудиями. По сведениям русской разведки, наиб завел лабораторию «для производства пороха... Приведением в действие орудий и выделкой пороха занимаются под руководством двух офицеров 35 чел. русских... Магомет Амин заказал собирать разбросанные русские ядра...»⁷⁹⁶.

19. ЧИСЛЕННОСТЬ АРМИЙ

Вопрос о численности боевых сил имамата во многом остается дискуссионным. Разброс в цифрах по источникам очень велик, что объясняется как отсутствием достоверной статистики, так и субъективными причинами.

Во-первых, представители противоборствующих сторон зачастую преувеличивали силы противника (и его потери)⁷⁹⁷. Эта проблема стара, как мир...

«Горцы обладали двумя неоцененными боевыми качествами, дававшими им возможность избегать больших потерь: умением применяться к местности и необыкновенную подвижностью, почему к цифрам их урона, сообщаемым в донесениях, следует относиться крайне осторожно. Некоторые отрядные начальники, не доверяя сведениям, получаемым от лазутчиков, благоразумно умалчивали о них»⁷⁹⁸. Лазутчики (если умели считать дальше десяти) вообще не щадили «нашего золота и своего пылкого воображения. Жаль только, что мы эти сведения часто принимали на веру, без проверки, и вследствие этого часто впадали в заблуждения и затруднения»⁷⁹⁹. «Двуличность и лживость, характерные особенности племен, стоящих на очень низкой ступени развития, – были постоянными спутниками даже лучших из них»⁸⁰⁰.

Как правило, информация о противнике поступала с большим опозданием, а ее достоверность нередко оставляла желать лучшего⁸⁰¹. Что до горских авторов, то применительно к ним имела место тенденция занижать численность и потери собственных войск⁸⁰².

Учтем и проблемы со сбором достоверной информации о неприятеле⁸⁰³. Как признавался историк Кабардинского полка, когда доходило дело до чисел, «донесения наши основывались на показаниях лазутчиков и на теории вероятности»⁸⁰⁴. Штабс-капитан Генерального штаба К.И. Прушановский в 1844 г. особо подчерки-

вал, что «нет возможности в настоящее время, по неимению верных источников, представить эти сведения [здесь: о внутренней организации имамата] с некоторою полнотою, подробностью и достоверностью; при изыскании их надо было довольствоваться показаниями лазутчиков и таких лиц, которые живут вблизи театра действий Шамиля и пользуются в Дагестане общим доверием»⁸⁰⁵. В результате исследователям довольно сложно добраться до истины⁸⁰⁶. С этой точки зрения имам Гази-Мухаммад невольно оказался прав, написав в одном из посланий о своих войсках, «количество которых кроме бога [никто] не будет в состоянии исчислить»⁸⁰⁷...

Сам Шамиль утверждал, что «в лучшую пору» его владычества военные силы в разных пунктах имамата доходили до 60 тыс. воинов⁸⁰⁸. Но перед нами пропагандистская оценка своей мощи, рассчитанная на окружающих⁸⁰⁹ и оставшаяся в дагестанской традиции⁸¹⁰. Цифра эта, похоже, была в некотором роде официальной: русский пленный слышал ее в беседе с горцем:

«– А у вашего Шамиля сколько [войск]?
– Годных к ружью выйдет тысяч 60»⁸¹¹.

На деле Шамиль подразумевал лишь число подвластных ему боеспособных людей, хотя, несомненно, и здесь не обошлось без преувеличений (цифры завышены, видимо, в полтора-два раза). Если верить историку Г.З. Анчабадзе⁸¹², «по переписи, проведенной в имамате в 1841 году, количество мужчин, способных встать под оружие, составляло 65 тысяч человек». Но перед нами лишь пересказ горских слухов: «Туземцы говорят, что при Шамиле была проверка или перепись народная и оказалось, что всех, готовых поднять оружие, во владениях Шамиля, слишком шестьдесят пять тысяч человек. О женщинах неизвестно; общее число мужского пола тоже

Сражение за Ахатли 8 мая 1841 г. Рисунок Г.Г. Гагарина

неизвестно»⁸¹³. Хотя данная тема эпизодически всплывала в русской литературе о Кавказе⁸¹⁴, перепись была не только невозможна (и бесполезна)⁸¹⁵ – сам имам Шамиль заверял, что подобная мысль «никогда ему и в голову не приходила»⁸¹⁶, так что перед нами лишь вымысел. Всё население имамата, видимо, не превышало 400 тыс. чел.⁸¹⁷, хотя есть и другие мнения.

Оценивая силы Шамиля в кампании 1839 г., П.Х. Граббе полагал, что «могло быть у него в сборе от 12-ти до 15-ти т. вооруженных людей, частью пеших, частью конных»⁸¹⁸. Как утверждал автор «Краткого отчета о положении дел в Чечне и Северном Дагестане» (март 1840 г.) штабс-капитан барон Вревский, «в Аварии Шамиль не однажды встречал сильное сопротивление... При том одна милиция Ахмет-хана (до 5000 челов.) равняется наибольшему числу войск, которые до сих пор составлял Шамиль»⁸¹⁹. Действительно, в апреле «Шамиль уже имел возможность собрать от

5-ти до 6-ти т. челов., понуждая приставать к себе и другие общества»⁸²⁰.

Летом 1840 г. имам собрал для вторжения в Дагестан «10 000 горцев». Однако «по достоверным сведениям собранным от преданных нам жителей, скопище Шамиля и его сообщников простиралось до 6 т. и состояло: из салтавцев, гумбетовцев, андийцев, боголяльцев, джемалальцев, технуцальцев и других племен населяющих берега Андийского Койсу»⁸²¹.

Согласно таким же «достоверным сведениям», весной 1841 г. Шамиль насчитывал у себя от 5 до 10 тыс. войска. Более вероятно первая цифра (т. к. «и преданные Шамилю сообщества уже неохотно шли к нему»), но скорее и даже 5000 не было собрано, и эти отряды готовились для помощи чеченцам (куда вскоре отправился имам), а не для Дагестана⁸²². Но в Чечне (апрель 1841 г.), собрав андийцев, гумбетовцев, шатоевцев, чеберлоевцев, ауховцев, ичкеринцев, мичиковцев и жителей Боль-

шой Чечни, имам напал на Назрань примерно с 15 тыс. чел., «большую часть конных» – «такого громадного сбора не помнили даже старики-чеченцы»⁸²³.

Для вторжения в Казикумух (март 1842 г.) Шамиль снарядил «в короткое время до 5000 горцев»⁸²⁴. Для новой кампании в ханстве «к 20-му мая более 5000 под предводительством лучших его наивов: Ахверды-Магомы, Хаджи-Мурата и других, сосредоточились в Дусрарате... Казикумухцы... целыми толпами являлись в стан Шамиля и увеличили [главное] скопище его в Кюлюли до 9000»⁸²⁵. Общая численность «сборища» равнялась 15 тыс. чел.⁸²⁶. В то же время, из-за концентрации лучших войск при Шамиле, отряду П.Х. Граббе в Чечне противостояли, «по достоверным сведениям», меньше 2000 чел. / не более 2500 чел.⁸²⁷.

На 1842 г., сообщает князь И.Д. Орбелиани, «по примерному исчислению и по словам мюридов, Шамиль может в короткое время собрать от 20–30 тыс. конницы и пехоты, последняя составляет около 2/3 всей силы»⁸²⁸. Другой источник того же времени считает, что «можно приблизительно исчислить вооруженную силу Шамиля: если круглым числом получить в каждом участке по 3 тыс. семейств, то во всех будет муртазиков около 5 тыс., а временного ополчения до 48 тысяч человек»⁸²⁹. Само собою разумеется, что Шамиль никогда не может содержать всех своих сил, но если допустить возможность такого сбора из трех или четырех участков, то он в состоянии на всяком пункте противопоставить от 10 до 12 тысяч человек, и даже особенно, если соберется муртазиков, которых иногда приведет из самых отдаленных мест»⁸³⁰.

Особая тема – численность армии Шамиля в **Аварской кампании (1843 г.)**. При осаде Унцукуля имам располагал, по разным оценкам, 10 тыс., 12 тыс. или даже 13 тыс. чел. пехоты и кавалерии – «чеченцев, ичкеринцев, ауховцев, салатавцев, с северного склона гор, и лезгин из Гумбета и Каратага» (при одном или двух орудиях, и еще два горных единорога вместе с зарядными ящиками⁸³¹ взяты при разгроме сводного батальона подполковника Веселицкого 29 августа). По словам Хаджи-Али, «Шамиль выступил из Дарго с 10-ю тысячами конницы и 3-мя орудиями своего пригото-

вления». Бесспорно, масштаб кампании оправдывает многочисленность армии имама и доказывает серьезность его приготовлений. Уже 29 августа подполковник Евдокимов, койсубулинский пристав, оценивал «скопища» имама в 12 тыс. чел. Унцукуль Шамилю обошелся дорого – даже его придворный хронист заявил о 120 убитых и 1520 раненых (подозрительно неравное соотношение). В начале сентября с Шамилем было до 10 тыс. пеших и конных, а после прибытия партий двух его соратников (3000 чел. с двумя орудиями)⁸³² численность войска имама определяется уже в 15 тыс. чел.

Но 14–17 сентября под Танусом, по известиям лазутчиков, у Шамиля, Хаджи-Мурата и Кебед-Мухаммада было всего 4000 пеших и конных горцев и 4–5 орудий (против отрядов Ключенау и князя Аргутинского – более 7000 чел. при 17 или 22 орудиях) – мюриды самого имама, его наивов и ополченцы. Однако официальный документ с русской стороны тут же делает оговорку: «Все же силы Шамиля, по достоверным известиям от перебежчиков и выбежавших пленных, простирались до 10-ти т., в том числе 3 т. кавалерии» (у Н.А. Окольного – «1000 кавалерии»). Какова была реальная численность армии Шамиля, неизвестно. Но, вероятно, под Танусом были отнюдь не только 4000 горцев, ведь у Хаджи-Мурата и Кебед-Мухаммада партии были многочисленней⁸³³, не говоря уже о самом Шамиле и прибывшем 8 сентября отряде из 2000 горцев.

На 10 декабря 1843 г. «силы Шамиля в Казнищах простираются до 20-ти тыс. чел.» – цудахарцев, акушинцев, шамхальцев, чеченцев, лезгин и кумыков, при пяти орудиях. Общее количество людей явно завышено: месяцем раньше при осаде Гергебиля (кстати, обороняемого двумя ротами) у имама было или 8–9 тыс., или 10 тыс. (что более достоверно), или 11–12 тыс. чел.⁸³⁴, с тремя орудиями⁸³⁵.

Переходя к историографии вопроса, необходимо найти истоки традиции, получившей популярность благодаря незаслуженному авторитету работы Моше Гаммера. Израильский историк утверждает, что в начале кампании 1843 года Шамиль имел в своем распоряжении 1040 [1400] пехотинцев, 1500 всадников, 1025 ополченцев и три [две]⁸³⁶ пушки. Под Та-

нусом же у имама было 1500 [1550] пехотинцев, 1900 всадников и 5 пушек⁸³⁷. Сомнительными выглядят и столь точные цифры (особенно с учетом совершенно других оценок в статье Гаммера 1991 г.), и появление регулярной пехоты, как и вообще «регулярных» войск (которых в имаamate не существовало), т. е. мюридов (ополченцы названы отдельно, а муртазеки за войска не считаются).

Дагестанские исследователи бездумно копируют цифры у Гаммера⁸³⁸. Но сам Гаммер позаимствовал (да и то – с ошибками) эти данные из статьи политэмигранта Б.-Э. Хурша (Польша, 1940-е гг.). Хурш приводил, на первый взгляд, тщательные расчеты численности войск Шамиля. Но в действительности все они просто вымышлены данным автором. Впрочем, как показывает Н.И. Покровский, западная традиция преуменьшать численность шамилевских «сборищ» имеет давние корни⁸³⁹.

Данные Хурша⁸⁴⁰ удобнее всего свести в таблицу (при этом не стоит забывать, что они совершенно апокрифичны):

Наконец, потери Шамиля на первом этапе кампании 1843 г. составили около 1000 чел. убитыми и ранеными, и еще 150 убитых и около 300 раненых при разгроме под Казанищами,

по словам самих горцев⁸⁴¹. Согласно русским данным, горцы к декабрю 1843 г. лишились не менее 3 тыс. чел., что ближе к истине⁸⁴².

Прапорщик князь М.Б. Лобанов-Ростовский в своей записке 1844 г. следующим образом оценивал военный потенциал «непокорного» Дагестана: «В последних делах соединенные племена выставляли против нас несколько отдельных партий в одно время, во всех партиях было: лезгин до 50 тыс. пеших, чеченцев – до 12 тыс. пеших и 6 тыс. конных». Данное сочинение, впрочем, имеет характерную черту: «чрезвычайное преувеличение сил неприятельских», как отметил один из первых его читателей, военный министр князь А.И. Чернышев⁸⁴³.

В феврале 1844 г. Шамиль двинулся в Акуши «с 4-мя тысячами конницы и десятью наивами... Вслед за ним прибыли Койсубуюнские наибы: Гимринский Ибрагим, Балаканский Муса и Инхулайский Саид с тремя орудиями и глухой Хаджи Мухаммад Чохский и Согратлинский кадий Мухаммад. Здесь собрались все наибы Дагестана, исключая Кияла, Ункрятля, Чамалала, Тиндалала, Богулала и их войск»⁸⁴⁴. Планируя весной нападение на кумыков, в Чечне (урочище Чумлы, р. Акташ)

Таблица № 1

Версия Б.-Э. Хурша

Период	Командующие	Пехота	Кавалерия	Орудия
Начало года	Чечня (Ахбердил-Мухаммад)	450	500	2
	Кумыкская линия (Шуаиб-мулла)	250	450	1
	Авария (Хаджи-Мурат)	500	500	2
	Андалал (Муртада-Али)	200	100	–
	Карадах (Кебед-Мухаммад)	500	1000	2
	имам в своей резиденции	500 муртазек		2
	<i>Всего регулярных войск</i>	2100	2850	10
Перед началом кампании	Дарго (Шуаиб и Шамиль)	250	2400	3
	Ихали (Хаджи-Мурат)	1000	–	1
	Карадахский мост (Кебед-Мухаммад – регулярные войска, Муртада-Али и Нур-Мухаммад – ополчение)	400	400	3
	<i>Всего (считая с ополченцами)</i>	9500		

Период	Командующие	Пехота	Кавалерия	Орудия
Унцукуль (27.08.1843)	Шамиль	–	1500	1
	Хаджи-Мурат	1000	–	1
	Кебед-Мухаммад	400	–	–
	ополчение	1025	–	–
Цатаных (06.09.1843)	Регулярных войск (2100 чел.): 1200 чел. пехоты, 900 чел. кавалерии. Ополчение (1190 чел.): 740 пеших, 450 конных. Орудий: 5			
Операции Хаджи-Мурата (02-08.09.1843)	<i>В составе войск наиба пехота полностью из аварских ополченцев, а среди всадников – 275 ополченцев</i>	450	775	1
На подступах к Хунзаху	регулярные войска	1100	1200	5
	ополчение	450	700	–
Группировка сил имама на 22.10.1843 (регулярные войска / ополчение)	имам, Шуаиб и Шахмардан-хаджи	250 / 825	1500 / 1250	3
	Кебед-Мухаммад	1800	400	3
	Муртада-Али	– / 600	125 / 250	1
	кади Акушинский Мухаммад	– / 400	– / 350	–
	Хаджи-Мурат	– / 500	200 / 200	1
	Нур-Мухаммад (общий резерв)	– / 1610		–
Группировка сил имама на 09.11.1843	Шамиль	1325	1350	3
	Нур-Мухаммад (ополченцы)	850		1
	Кебед-Мухаммад (ополченцы)	1100		2
	Шуаиб-мулла	–	800	1
	Мухаммад-кади	–	350	–
	Муртада-Али	1475		1
Под Темир-Хан-Шурой (17.11.1843) (регулярные войска / ополчение)	Шуаиб-мулла	200 / –	– / 850	1
	Нур-Мухаммад	450 / 500	– / 200	2
	Абд ар-Рахман-Дибир	750 / 450	900 / –	3
	Саид-кади	– / 450	– / 400	1
	Идрис-хаджи	–	– / 300	–
	<i>Всего:</i>	2500 чел. регулярных войск, 2600 чел. ополчения, 75 саперов		6

Шамиль сосредоточил («правильным лагерьем») до 10 тыс. чеченцев и лезгин, в том числе около 4000 конницы; в лагере были 4 орудия с зарядными ящиками, готовые к движению⁸⁴⁵.

По явно завышенным оценкам российской стороны, к середине апреля силы вторжения в Казикумухе насчитывали более 20 тыс.

чел. Но к июню осталось 10–12 тыс. пехоты и конницы (по словам участника похода, всего «5–6 тысяч пеших и конных»), при 5–6 орудиях. Кстати, в ходе бегства Шамиль лишился трех орудий («из которых одно изделия Кибит-Магомы») – «вся неприятельская артиллерия, бывшая в этом деле». Еще одно орудие (без лафета) было оставлено в цудахарской мечети⁸⁴⁶.

Пример «региональной» группировки: 8 мая 1844 г. при Кодаре подполковником Евдокимовым были разбиты силы горцев численностью до 3000 чел. (при 18 значках). А именно, «4 наиба с Мусою Балаканским; партия в 1000 чел., прибывшая накануне из Койсубулинских деревень и Гергебиля, много Аварцев и жителей со всех окрестных непокорных Мехтулинских аулов». Уже после боя явились акушинцы – 1000 конницы⁸⁴⁷.

Точных сведений о числе горцев в боях Даргинской экспедиции (1845 г.), как ни странно, почти не осталось. Известно, впрочем, что в деле 14 июня на Азалских высотах «скопище горцев превышало 6 т. чел., состоя под начальством 11-ти наибов, которыми лично распоряжался Шамиль»⁸⁴⁸. Кроме того, участник похода считал (с большими преувеличениями, впрочем), что «в день занятия Дарго [6 июля] силы Шамиля были слабее наших, но уже на другой день вся Чечня и весь Дагестан собрались вокруг него, и теперь многочисленный противник, словно громадный муравейник, окружал нас со всех сторон. Горцев собралось несомненно не менее 30 000 человек»⁸⁴⁹.

Под Тилитлем в Дагестане Кебед-Мухаммад и Хаджи-Мурат вместе с другими наибами собрали до 7000 чел. (июль 1845 г.). А согласно показаниям лазутчиков, 30 ноября «в распоряжении Шамиля и Даниель-бека, в шамхальском владении, Ходжал-Махи и Цудахаре, действовали 19-ть наибов, с 12 до 14 000 человек войска»⁸⁵⁰.

В Чечне (январь 1846 г.) Яхья-Хаджи возглавлял до 10 тыс. пеших и конных горцев («никогда еще не видели в Малой Чечне такого скопища») дагестанских и чеченских наибов, при пяти орудиях (из них два присланы Шамилем)⁸⁵¹.

Кабарда (1846 г.): «Шамиль выступил с 4-мя тысячами конницы и 5-ю тысячами пехоты и 7 орудиями...»⁸⁵². По мнению Д. Бэддли, имам, видимо, привел с собой 14 000 чел. (по большей части всадников) и 8 полевых пушек⁸⁵³. Но скорее всего Шамиль вошел в Кабарду с десятитысячной армией – пехота, кавалерия и артиллерия (10 орудий)⁸⁵⁴. Впрочем, верно и то, что о войсках Шамиля сначала ходили преувеличенные слухи – якобы численность его армии простирается до 20-ти и даже

до 25-ти тыс. пеших и конных⁸⁵⁵. «Все возможные силы были им употреблены для сего предприятия, для одного он увлек за собою не только чеченцев и горцев из северного Дагестана, но также все, что мог из среднего и южного. Схваченные... 2 аварца и 1 житель из Унцукуля на Койсу, показали на допросе, что они были в числе 2 тысяч всадников, вытребованных оттуда Шамилем для сей экспедиции»⁸⁵⁶.

Весьма ценные сведения о вторжении в Кабарду оставили пленные. Согласно их показаниям, с имамом были пять наибов из Чечни (Атабай, Саадулла, Дуба, Талхик и Бата), из Дагестана тоже пять (Рамадан андийский, Гайтемир ауховский, Хаджи-Мурат аварский, Ибрахим-хаджи койсубулинский, Муртада-Али андалальский). Кроме того, к нему прибыли ополчения с аварского Койсу, из Хидатля и Ахваха. Шамиль лично возглавил всю кавалерию, а из пехоты оставил при себе только 1000 чел. Все прочие, под началом Нур-Али-муллы и Даниял-бека, действовали отдельно. Из артиллерии, которой командовал Яхья-Хаджи, он взял с собой восемь полевых орудий с прекрасной упряжью, сильными, отборными лошадьми (по 8-ми к каждому орудью), 16 зарядных ящиков и 40 вьюков с запасными снарядами. За имамом следовало до 60 вьюков с казной и личным его имуществом⁸⁵⁷; съестные припасы перевозились также на вьюках, по одному на каждые семь человек. Порядок шествия отличался некоторой торжественностью: впереди ехали дагестанские наибы с кавалерией, за ними Шамиль, окруженный ста приближенными мюридами с винтовками на плечах; за Шамилем артиллерия и обоз, под прикрытием 1000 чел. пехоты; шествие замыкали чеченские наибы с кавалерией. Имам строго запретил грабить и прибегать к насилию. Со всеми встречавшимися по дороге он обходился ласково, а одного казака, попавшего в плен, приказал немедленно отпустить и нитки не позволил тронуть на нем. На левом берегу Терека к нему выехали навстречу князя и уздени Большой Кабарды, которых он одарил оправленными в серебро шашками и кинжалами⁸⁵⁸.

25 июля 1846 г. князь М.З. Аргутинский разбил на хребте Глия, за nasкоро устроенными завалами «из огромных камней», до

Чеченец. Рисунок К.И. Беггрова. 1822 г.

7000 (как можно было судить визуально; но по показаниям лазутчиков и пленных, там стояло более 10 тыс.) чел. «С ними были лучшие наибы Шамиля: Кибит-Магома и его брат Мургузали, Даниельбек, каратынский наиб Дибир и гидатлинский наиб Кази-Магомед. Нукера этих наивов были поставлены позади с обнаженными шашками, чтобы рубить бегущих. Этим объясняется то упорство, с которым горцы держались на позиции, и огромная потеря ими понесенная»⁸⁵⁹.

Князь В.О. Бебутов, действуя в Акушинском обществе, сначала рассеял в Аймяках 13 октября 1846 г. отряд лезгинов наиба Мусы Белоканского – до 3000 пеших и конных горцев, а спустя два дня обратил в бегство и самого Шамиля при Кутешах (Кутишах). Сборище последнего оценивалось по горячим следам в 15 тыс. чел., не считая акушинцев, при 4 орудиях, а позднее – даже в 20 тыс. чел., что маловероятно. Трофеями стали одно горное орудие,

21 зарядный ящик с боевыми зарядами, секира и собственная шуба имама. Не менее ценный для победителей итог боя: «погибли почти все беглые солдаты – телохранители Шамиля; из них, по словам лазутчиков, не более 20-ти чел. успели спастись, а 8 чел. попали в плен»⁸⁶⁰.

Говоря об осаде Гергебиля (1847 г.), отметим, что совершенно нетипичное для кавказцев сохранение секретности привело к тому, что точных сведений «о том сколько именно горцев находится в ауле», несмотря на все старания, раздобыть не удалось⁸⁶¹. Согласно поздним оценкам, к концу мая 1847 г. у Шамиля в Дагестане было почти 11 000 чел.: 700 чел. Идриса он разместил в самом Гергебиле, более 1000 чел. Мусы балаканского – большей частью тоже в укреплении, а несколько сотен (распущены перед осадой) – в окрестных садах; до 2000 чел. гарнизона Дибира каратынского квартировали в Салты, а 6000 пехоты и 1000 отборной кавалерии Хаджи-Мурата стояли в сборе по разным пунктам с целью нанесения ударов по коммуникациям русских. Общее командование этой армией (что примечательно – почти полностью пешей), включая гарнизоны, было поручено Кебед-Мухаммаду. Кроме того, в Чечне тогда же действовало почти такое же число войск, а в резерве находилась часть собранных Даниял-султаном войск. Следовательно, на тот момент имамат располагал, самое большее, 22–25-тысячной полевой армией⁸⁶².

Под осажденное селение Салты Шамиль перебросил 11-тысячную армию. Как «единогласно подтверждали» все лазутчики, прибыли Хаджи-Мурат, Кебед-Мухаммад и Даниял-султан с восемью наибами Дагестана и 8 тыс. конных и пеших горцев, при двух орудиях, а также Абакар-Хаджи с двумя наибами (черкеевский и хидатлинский) и 3000 чел. С появлением самого Шамиля горцев под аулом собралось 12 000 чел. (учитывая потери в августовских боях). «Из всех деревень храбрейшие мюриды были назначены в гарнизон, и устроена правильная смена их по истечении известного времени...». Судя по допросам пленных, гарнизон аула еще на последний день его обороны, 14 сентября 1847 г., составлял 1200–1500 чел., «выбранных из лучших людей Дагестана», при семи наибах (Салты, Тилитля, Согратля, Чоха,

Ботлиха, Караха и Гергебиля). Изначально же в гарнизоне было 3000 чел. М. Гралеvский считал, что мюридов в окрестностях Салты засело 5000 чел. с двумя горными орудиями, а гарнизон укрепления насчитывал всего до 400 чел. с одним старым орудием и с фальконетом. Учитывая, что силы русских поляк оценивал в 15 тыс. чел. (на 1/3 больше, чем было в реальности), численность войск Шамиля он в тех же пропагандистских целях занизил. Сами горцы высказывали иное мнение, в том числе о своих потерях (3000 чел.). Победителям достались два орудия (медное и железное), фальконет, три крепостных ружья и «один значок, находившийся при Артиллерийской команде неприятеля»⁸⁶³.

Наконец, в ходе последней крупной операции 1847 года, рейда на Цудахар в ноябре, Шамиль возглавил 2000 пехоты и 600 всадников. Малое число кавалерии объясняется тем, что коней было трудно содержать из-за морозов и сильного снега в горах⁸⁶⁴.

Гарнизон Гергебиля в ходе второй осады (1848 г.) насчитывал около 1000 чел. при 3 орудиях, а рядом стоял Шамиль с «сильными сборами центрального Дагестана», хотя «толпы его были небольшие, смелости еще менее»⁸⁶⁵, так что укрепление удержать горцы не могли.

Но, потерпев неудачу в одном месте, имам решил попытаться преуспеть в другом. 28 августа 1848 г. «мюриды из партии елисуvйского султана, шедшие в авангарде скопищ Шамиля, тремя толпами вторглись в ущелье Икрек, в числе 900 человек конницы и 3000 человек пехоты» под началом наиба Муса-хаджи, но были разбиты. К 5 сентября Шамиль имел под ружьем в Карахском обществе и в разных близлежащих пунктах отряд в 15 тыс. чел. (по оценкам самих горцев, 9000 чел.) с 3 орудиями. «Таких громадных сил мы сами не могли собрать в эти минуты в Дагестане – и Шамиль, конечно, об этом знал». 20 сентября Даниял-бек писал Шамилю: «Многие ахтынцы и жители других селений уже перешли к нам». При штурмах Ахты «ахтынцы шли впереди и терпели большой урон». На завалах у сел. Мескинджи 22 сентября путь отряду князя Аргутинского преградили (но не удержали) отряды Хаджи-Мурата и Даниял-бека под командованием Кебед-Мухаммада – до 7000 чел.⁸⁶⁶.

Чох оборонял (1849 г.) гарнизон сначала из 1000 чел., но впоследствии сокращенный до 600 чел. («быть может, оттого, что ежедневный урон людей в укреплении сделался слишком тягостным»). Рядом же стоял Шамиль с армией из 12 500 чел. (по русским оценкам, только около 10 тыс. чел. в конце июля)⁸⁶⁷. В январе 1850 г. в Чечне Шамиль собрал, «по сведениям лазутчиков, до 10 тысяч пеших и конных» (преимущественно тавлинцев)⁸⁶⁸, а для вторжения в Казикумух – 12-тысячное войско⁸⁶⁹.

М.С. Воронцов в письме А.П. Ермолову 7 февраля 1851 г. сообщал о действиях у Шалинского окопа (Чечня): «Шамиль сильно сопротивляется... и сопротивление это хотя стоит нам некоторую потерю людей, но по сей время небольшую... Он привел для сопротивления почти все силы Дагестана. Даниель-Бек и Хаджи-Мурат с ним...». С Шамилем явились наибы Хаджи-Мурат (с аварской конницей), Рамадан (с тавлинской пехотой), Бата, Талхик и Гайтемир (с чеченцами; Гайтемир убит 8 января), Даниял-султан (прибыл с подкреплениями из Дагестана в середине января). Всего имам командовал 10 тыс. чеченцев и тавлинцев при пяти орудиях и горном единороге⁸⁷⁰.

К середине июня 1851 г. Шамиль собрал в Аварии около 8000 конных и пеших лезгин с несколькими орудиями и почти всеми наибами Дагестана – с намерением вторгнуться в Казикумух. И 21 июня 3000 конных под началом наибов гумбетовского, хиндалалского, кеалалского и гидатлинского, под общим начальством гоцатлинского Омара, 21 июня вступили в дусаратский магал, чтобы оттуда пробраться в Кайтаг. На Турчидаге в тот же день были разбиты 2000 конных и 3000 пеших горцев Гази-Мухаммада (сын Шамиля), Хаджи-Мурата и нескольких других наибов. А в деле на Гамашинских высотах 12 июля «было в сборе от 7-ми до 8-ми тысяч человек при 19-ти наибах, под личным начальством Шамиля» (сами горцы считали, что выставили 10 тыс. чел.)⁸⁷¹.

На Мичике в бою 18 февраля 1852 г. Шамиль командовал более 6000 пехоты и кавалерии, при четырех орудиях⁸⁷². Вторжение во Владикавказский округ (июнь 1852 г.) было организовано силами до 5–6 тыс. конных и пеших чеченцев и тавлинцев⁸⁷³. 17 февраля 1853 г.

имам с наибами на Мичике выставил против русских до 8000 конницы и до 12 000 пехоты «как от чеченцев, так и от самых отдаленных племен Дагестана» (по версии Хаджи-Али, 6000 конницы и 7000 пеших при нескольких орудиях, хотя и эта цифра представляется завышенной)⁸⁷⁴.

Как утверждал в своей докладной записке князь Меликов, «Шамиль, поработив... горские племена, прилегающие к Лезгинской кордонной линии, и соединив их под свою деспотическую власть, получил возможность действовать против Лезгинской линии с большими силами, и 1853 и 1854 годы показали, с какими огромными средствами он в состоянии производить вторжения на будущее время...»⁸⁷⁵. Однако, как скептически замечал А.Л. Зиссерман, «это были уже не одушевленные фанатизмом полчища, а простые толпы насильно согнанных, полуголодных, отупевших людей, машинально из страха казни повинующихся; действительных бойцов, сохранивших дух джигитства, оставалось, может быть, три, четыре сотни из десятка тысяч, приведенных на Лезгинскую линию»⁸⁷⁶. Летнее вторжение 1853 г. в Джаро-Белоканский округ было исполнено Шамилем с войсками, достигавшими «почтенной цифры 15-ти тысяч человек», при четырех орудиях (по другим данным, три горных орудия, два фальконета и ракетный станок). Однако, по словам бежавшего от имама 27 августа пятисотенного начальника Хаджияв-Ункулауоглы из Хидатля, численность скопищ Шамиля превышала 10 тыс. пеших и конных⁸⁷⁷.

Летом 1854 г. Шамиль, по его словам, «собрал всех способных носить оружие, и оставив из них необходимое число людей для защиты края, с остальными войсками в числе 12 000 чел. (7000 конницы и 5000 пехоты)» под разноцветными значками, вошел в Джаро-Белоканский округ. Затем имам отрядил сына «с всею конницею и с небольшим числом пеших охотников [добровольцев]» в Кахетию⁸⁷⁸. По другим известиям, у Гази-Мухаммада и Даниял-бека было до 10 000 чел. конницы и пехоты; у Шамиля осталось до 5000 чел.⁸⁷⁹. «Имам назначил предводителями над пехотными силами Данияль-султана с Джабраилом Мухаммедом ал-Чиркави, а над конными сила-

ми – своего сына Гази Мухаммеда. Он приказал сперва выступить пехоте. Данияль-султан пошел с пехотой, а с ним также храбрец хаджи Мухаммед, сын Туралава, наиб Цунтала»⁸⁸⁰. «По сведениям, полученным из гор», грабительский рейд в Кахетию стоил Шамилю до 1200 чел. убитыми и умершими от ран, не считая множества заболевших⁸⁸¹.

При атаке аула Истису (3 октября 1854 г.) «никогда не видали (как сказывали потом туземцы старожилы), такого огромного сбора неприятеля и, хотя трудно определить его число, но можно с некоторою уверенностью сказать, что собралось здесь не менее 15 000 до 18 000 человек», самое меньшее при 6–7 орудиях. Вполне возможно, что воображение могло завести автора процитированного текста далеко, но сборище было действительно огромное, растянувшееся в сражении примерно на 10 верст. Г.К. Властов, участник боя, оценивал силы противника более чем в 20 тыс. чел., ссылаясь на слова пленных, один из которых признавался: «Я уж давно не помню такого сбора»⁸⁸². Другой участник сражения считал, что Шамиль привел не менее 15 тыс. чел. при 4 орудиях. «Необозримые толпы» и «сотни значков» предстали его глазам⁸⁸³. Мобилизованы для похода были отряды из самых дальних дагестанских обществ (в этом бою «большая часть [пехоты] состояла из тавлинцев»), а в Чечне, по донесению лазутчика, объявлен сбор всех мужчин от 20 до 40 лет (с запасом провизии на шесть дней)⁸⁸⁴.

Неудачное нападение на Осетию (июль 1858 г.) было исполнено преимущественно с конницей (3000–4000 всадников при двух орудиях). Однако по пути, присоединяя примкнувших к нему горцев, имам увеличил свой отряд до 5000–7000 чел., в основном конных⁸⁸⁵. Для защиты Шатоевского общества (конец июля – начало августа 1858 г.) Шамиль оказался в состоянии выставить более 9–10 тыс. конницы и пехоты (примерно половина этого войска была выделана для диверсии в Осетию)⁸⁸⁶. В январе 1859 г. Шамиль собрал свыше 12 тыс. чел. (включая отряды Гази-Мухаммада и Даниял-султана – по 3–4 тыс. чел. каждый), укрепляя Таузенскую долину⁸⁸⁷.

Отступив от Таузена и готовясь к обороне Ведено (февраль 1859 г.), Шамиль располагал следующими силами: ичкеринский

Представление плененного Шамиля князю А.И. Барятинскому 25 августа 1859 г. под Гунибом. С картины Ф.Ф. Горшельта

наиб Адаил с партией в 300 конных и пеших тавлинцев занимал завалы у Алистанжийского оврага; чеченские наибы Осман и Талхик, усиленные тавлинцами, под общим начальством Даниял-султана, сторожили ущелье р. Хулхулау (провинция самого Талхика). Имам с сыном и большей частью дагестанских наибов (всего их у Шамиля было 14 чел.), имея до 6000 пехоты и кавалерии, при 6-ти орудиях, стоял в Ведено⁸⁸⁸. Оборонной столицей имамата занимались сын Шамиля Гази-Мухаммад («со своими мюридами и некоторыми близкими людьми – около ста пятидесяти человек») и 14 наибов. При набегах, по разным оценкам, состояло до 5000 чел. / более 7000 чел. (половина в гарнизоне аула, остальные распределены по шести редутам). В преддверии штурма имам ввел в аул еще 500 пехотинцев⁸⁸⁹.

С осознанием бессмысленности борьбы растаяли и последние войска имамата. Аул Гуниб обороняли (1859 г.) всего 332 пригодных для обороны человека – 247 жителей Гуниба,

85 мюридов и пришлых из разных частей Дагестана (*мухаджиров*). «Сила не большая, но достаточная для обороны такого сильно защищенного природой убежища...». Также имелись в наличии 33 беглых солдата.

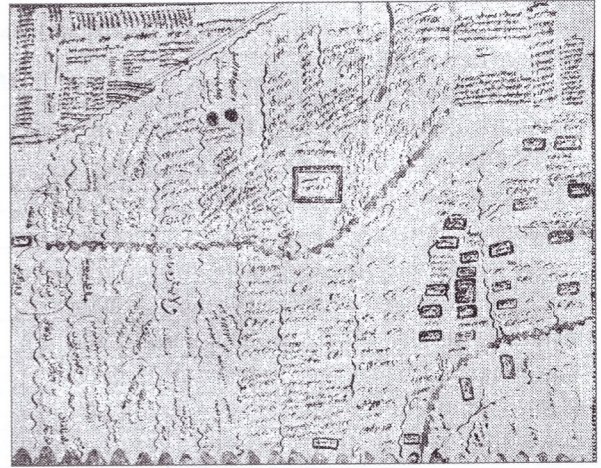
Артиллерия состояла из четырех пушек, хотя из них «одна только была исправная, да и та была чугунная и без колес, так что ее нельзя было направлять на неприятеля». «Как только мы стреляли из нее, пороховое отверстие разрывалось, и пушка выходила из строя. Один искусный кузнец-солдат чинил ее, но каждый раз повторялось то же самое». Другая пушка – «самой примитивной формы, лафет и низенькие колеса были грубо сделаны из цельного куска дерева»⁸⁹⁰.

Итак, на основании вышеизложенных фактов можно прийти к следующему заключению. Безусловно, масштабы войны при имамах (особенно при Шамиле) значительно изменились. Если ранее численность горских отрядов обычно измерялась сотнями, теперь появление «партии» в несколько тысяч человек ста-

до обычным делом. Но, вопреки уверенности С.К. Бушуева и его последователей, на протяжении всей истории имамата не случилось такого, чтобы «в отдельных кампаниях против русского царизма число мюридов достигало нескольких десятков тысяч, доходя до 30–40 тыс. пеших и конных бойцов»⁸⁹¹. Как с сарказмом отмечал военный историк, «со времен Тамерлана и Батыея такой массы вольных людей не собиралось»⁸⁹². Максимальный предел численности полевых войск имамата в конкретной кампании составлял 10–15 тыс.⁸⁹³, самое большее – до 20–25 тыс. чел. на всех ТВД в одно и то же время⁸⁹⁴.

И в завершение темы численности шамилевских скопищ проанализируем два основных источника по общей численности боевого потенциала имамата.

Во-первых, к нарисованной им картой владений Шамиля Хаджи-Юсуф Сафаров дал пояснения, «что народ, подведомственный Иمامу, по его востребованию может выставить войско в следующем составе» (см. таблицу № 2)⁸⁹⁵.

Карта владений Шамиля

Составленные Хаджи-Юсуфом оценки численности контингентов различных наибств (речь именно об ополчении, хотя здесь, вполне очевидно, учитываются и «дружины» наибов) относятся отнюдь не к 1840-м гг., как нередко считается⁸⁹⁶. Сверка имен упоминаемых в перечне наибов и топонимов на карте показала, что они в точности соответствуют именно

Таблица № 2

Данные Хаджи-Юсуфа Сафарова (1856 г.)

Название общества / наибства	Число вооруженных			Примечания
	Конных	Пеших	Итого	
Гехинское (Малой Чечни)	100	230	330	Общества, находящиеся в лесах и состоящие из чеченцев и тавлинцев
Шалинское	200	350	550	
Мичиковское	220	360	580	
Ауховское	200	330	530	
Салатовское	140	160	300	
Всего:	860	1430	2290	
наибство Ичкерия	100	200	300	Горные общества, живущие между р. Аргун и р. Койсу и состоящие из чеченцев и тавлинцев
Гумбетовское	250	200	450	
Андийское	300	200	500	
Технуцальское	200	360	560	
Чеберлой	200	250	450	
Шубутовское (Шатоевское)	200	300	500	
Нашахское	250	400	650	
Шаровское	150	230	380	
Чемалаль	150	250	400	
Ункратль	150	320	470	
Всего:	1950	2710	4660	

Название общества / наибства	Число вооруженных			Примечания
	Конных	Пеших	Итого	
Харахи (Араканское)	150	250	400	Общества, находящиеся в горах между обоими Койсу и состоящие собственно из тавлинцев
Унцукульское	200	250	450	
Хуцадатское	150	250	400	
Арадерихское	200	350	550	
Корода	100	200	300	
Хунзахское	200	250	450	
Тилитль	150	200	350	
Карата	350	250	600	
Чохское	200	350	550	
Согратль	150	300	450	
Хида	200	300	500	
Турут	100	150	250	
Тинды (Багвалал)	300	400	700	
Тленсерухское	250	300	550	
Карахское	120	180	300	
Анкратль	50	250	300	
Анцухское	100	150	250	
Цунтинское	100	350	450	
Всего:	2070	4730	7800	
<i>Итого:</i>	5880	8870	14 750	

периоду не раньше апреля 1856 г. и не позже 1857 г. – иными словами, 1856-й год. Хаджи-Юсуф был отправлен в ссылку в 1854 г. и бежал из нее (с семьей и родственниками) спустя два года, выйдя в Грозную 18 июля 1856 г. Оттуда Сафаров был отправлен в Тифлис, где и составил карту владений Шамиля с необходимыми пояснениями⁸⁹⁷.

Американский исследователь А. Кныш, видимо, опираясь на данные списки, полагал, что «обычно наиб вел в бой до 500 воинов»⁸⁹⁸. Но можно согласиться с тем мнением, что предложенные Хаджи-Юсуфом данные «схематичны и преуменьшают действительные цифры контингентов, находившихся в подчинении у отдельных наибов»⁸⁹⁹.

Напротив, Хаджи-Мурат достаточно верно определял среднюю численность наибских ополчений в 1000 чел. О Шатоевском обществе в 1858 г. сообщается, что при необходимости жители выставляли Шамилю более 1000 пеших и конных воинов, хотя в «обыкновенное» время они снаряжали до 600 чел.⁹⁰⁰. Оценка в 500 пеших и конных чел. для шатоевцев за-

фиксирована на 1840 год⁹⁰¹. На начало мюридизма численность гумбетовцев оценивалась в 1500 вооруженных (треть их – конные), а андийцев – до 1000, «все конные»⁹⁰².

Согратль, с 1845 г. признавший власть андалальского наиба, вместе с выселками (Гонсутль, Эбех, Кулаб, Могоб и др.) мог выставить до 2000 ружей (из них на долю самого аула приходилось 800–1000 чел.). Жители Согратля (а также чохцы, унцукульцы, цунтинцы и оротинцы) «славятся своею храбростью и удивительною меткостью в стрельбе, что приобрело им уважение целого немирного края, и даже сам Шамиль, вследствие всего этого, оказывал им особенное свое расположение» (жители других селений «были посредственны в стрельбе»). Однако после больших потерь в войнах численность согратлинцев быстро упала сначала до 700, а к 1851 г. до 300 чел.⁹⁰³.

Приведем еще несколько оценок численности военного потенциала наибов: в 1841 г. наиб Малой Чечни Ахбердил-Мухаммад («самый храбрый и способный из шамильских наибов», 29 сентября 1840 г. устроивший набег на Моз-

док с конной партией в 2 или 4 тыс. чел.) мог мобилизовать (с помощью отложившихся от России карабулакских селений) «до двух тысяч конных через 3 часа; пеших мог иметь до шести тысяч». А правитель Большой Чечни Шуаиб-мулла «в сутки... мог иметь под рукой партию в четыре тысячи конных и до восьми тысяч пеших». Уллубий в том же году собрал до 1000 чел., а Шуаиб – до 4000 конных и пеших (в апреле 1840 г. – 3000 чел.).

На исходе декабря 1840 г. наибы Ахбердил-Мухаммад, Джавад-хан и Шуаиб снарядили вместе не менее 4 тыс. отборной конницы для набега на левом фланге Линии. В мае того же года оба первых привели до 4000 пеших и 1500 конных, а в начале января 1841 г. оба последних наиба переправили через Терек 3000 конных и пеших чеченцев⁹⁰⁴.

Данные могут быть завышены, но в апреле 1845 г. для нападения на Умахан-Юрт четыре чеченских наиба привели 4000 пехоты, еще незначительное количество тавлинских наездников, до 2000 зааргунских пеших чеченцев и более 2000 всадников из Большой и Малой Чечни. По другим данным, численность нападавших составила всего 3000 пехоты и 2000 конницы, с тремя орудиями, но и это немало⁹⁰⁵. В мае 1846 г. ауховский наиб Гайтемир выставил «300 человек конных, до 600 пеших при одном орудии»⁹⁰⁶. Три чеченских наиба – Талхик, Саадулла и Дуба – для набегов собирали в мае 1848 г. конные партии – то более 400, то около 700 чел.⁹⁰⁷.

Койсубулинский наиб при нападении на Эрпели (апрель 1847 г.) имел в своем распо-

Таблица № 3

Данные 1875 г. по Андийскому округу

Наибство	Селение	Число жителей, выходявших под ружье мюридизма		Число жителей, выходявших под ружье в последнее время мюридизма	
		Пеших	Конных	Пеших	Конных
Технуцальское	Ботлих	300	30	60	60
	Миарсу	25	5	15	10
	Тасута	48	2	35	10
	Зибирхали	40	4	16	20
	Буты	10	15	10	12
	Конхидатль	100	14	85	5
	Годобери	140	20	80	30
	Муни	190	30	170	20
	Орто-коло	20	3	25	5
	Щодрода	43	81	50	40
	Тандо	130	10	110	40
	Ансалты	200	40	140	60
Всего:		1246	256	796	312
Андийское	Анди	40	760	15	345
	Зило	47	120	30	50
	Рыкуани	29	130	40	60
	Чанко	15	61	15	30
	Ашали	18	60	12	18
	Гагатль	17	260	9	116
	Гунхо	14	36	14	16
Всего:		180	1427	135	635

Наибство	Селение	Число жителей, вышедших под ружье мюридизма		Число жителей, вышедших под ружье последнее время мюридизма	
		Пеших	Конных	Пеших	Конных
<i>Каратинское</i>	Карата	230	12	52	75
	Арчу	66	2	25	35
	Рачабалды	27	3	12	24
	Копода	260	45	20	75
	Имерсу	102	15	15	20
	Хуштада	213	25	20	85
	Тлондода	160	15	20	45
	Верхнее Энхели	92	5	30	35
	Рацитль	60	6	27	32
	Анчик	140	4	43	55
	Нижнее Энхели	95	3	43	42
	Кудияб-Росотль	175	4	40	52
	Изаны	98	5	28	32
	Аллак	190	8	42	53
	Хелетлури	95	6	26	30
	Тад-Магитль	160	9	42	62
Тлибишу	69	2	15	23	
Тлисы	24	1	10	15	
Всего:		2256	170	510	790
<i>Тиндальское</i>	Акнада	106	–	80	10
	Тинды	390	–	225	47
	Ангида	116	–	80	10
	Тисы	52	–	42	7
	Аша	70	–	35	11
	Хварши	150	–	82	10
	Контляда	62	–	22	2
	Сантляда	43	–	15	5
	Инхокори	70	–	32	1
	Хойны	25	–	12	2
Всего:		1084	–	625	105
<i>Ункратльское</i>	Гигатль	150	20	20	80
	Агнали	10	–	6	6
	Гадыри	57	3	35	15
	Гачитль	15	–	17	3
	Акнари	395	5	240	60
	Хако	86	–	40	30
	Сильды	150	–	100	30
	Шихал-Батлук	6	–	10	5
	Цумада	78	–	31	9
	Рычаганьк	63	–	32	8
	Саситль	38	2	10	20
	Киды	85	15	30	20
	Эчеда	33	–	27	3
	Конхи	50	10	20	40
Чадыри	30	12	7	40	
Всего:		1246	67	625	369

Наибство	Селение	Число жителей, вышедших под ружье мюридизма		Число жителей, вышедших под ружье последнее время мюридизма	
		Пеших	Конных	Пеших	Конных
<i>Гумбетовское</i>	Мехельга	300	400	40	160
	Тларата	15	5	15	15
	Чиркат	138	2	65	15
	Киятль	90	10	60	30
	Верхнее Инхо	90	10	40	20
	Кейтль	45	5	20	11
	Шавдух	26	5	19	12
	Цувди	25	15	18	12
	Ичичали	30	30	30	40
	Кижани	90	10	10	15
	Аргуани	240	60	80	60
	Артлух	58	2	20	30
	Данух	60	20	25	35
	Гадари	50	10	35	15
	Нижнее Инхо	290	10	60	40
	Синух	70	40	20	60
	Цилитль	60	30	20	50
Ингиши	50	20	26	26	
Всего:		1727	684	603	646
<i>Дидоевское</i>	Китури	–	–	45	–
	Кутатль	–	–	28	–
	Зихиды	–	–	18	–
	Эльбоко	–	–	14	–
	Асахо	–	–	36	–
	Цибиро	–	–	25	–
	Исрах	–	–	14	–
	Акиды	–	–	12	–
	Килиятль	–	–	15	–
	Шальних	–	–	19	–
	Ритлух	–	–	50	–
	Мокок	–	–	27	–
	Хабатль	–	–	23	–
	Хитрахо	–	–	19	–
	Шапиякх	–	–	25	–
	Хупро	–	–	21	–
	Вициятль	–	–	10	–
	Хибиятль	–	–	4	–
	Уцих	–	–	8	–
	Цицмак	–	–	7	–
Китльрата	–	–	7	–	
Халак	–	–	20	–	
Хоитль	–	–	9	–	

Наибство	Селение	Число жителей, вышедших под ружье мюридизма		Число жителей, вышедших под ружьев последнее время мюридизма	
		Пеших	Конных	Пеших	Конных
<i>Дидоевское</i>	Шаури	–	–	14	–
	Азильта	–	–	5	–
	Ханух	–	–	13	–
	Хоток	–	–	12	–
	Зохоко	–	–	12	–
	Шейтль	–	–	35	–
	Китури	–	–	72	–
	Гениятль	–	–	25	–
	Тласута	–	–	26	–
	Сагады	–	–	45	–
	Инух	–	–	21	–
	Хамантляк	–	–	25	–
Всего:		–	–	750	–
<i>Итого:</i>		7739	2604	4044	2857

ряжении партию из семи подвластных ему селений числом от 600 до 800 чел.⁹⁰⁸. «Толпы из Гидатлинского, Карахского, Батлухского и Тилитлинского обществ, под предводительством своих наибов» простиралась до 5000 чел., «с 2-мя горными орудиями, при которых три зарядных ящика» (1844 г.)⁹⁰⁹. Тиндальский наиб выставлял в 1847 г. 800 чел., бохнадальский – 500, тланадальский – 300, тогда как Кебед-Мухаммад Тилитлинский и Даниял-султан подготовили шеститысячное войско⁹¹⁰. Под осажденный Гергебиль (1848 г.) прибыли партии Хаджи-Мурата (600 чел., с двумя орудиями – горным и легким), наибов каратынского (300 чел. с одним орудием) и балаканского (500 чел.), все – поровну состоящие из пеших и конных⁹¹¹.

Окончательно проверить и уточнить данные Хаджи-Юсуфа позволяет второй источник: собранные в 1875 г. данные о численности населения и количестве ополченцев семи наибств Северного Дагестана (Технуцальского, Андийского, Каратинского, Тиндальского, Чамалало-Ункратльского, Гумбетовского и Дидойского) по показаниям местных наибов, среди которых были непосредственные участники войны и соратники Шамиля (см. таблицу № 3)⁹¹².

Сравнивая эти данные – весьма ценные и производящие впечатление значительной достоверности (вследствие точного по отдельным аулам перечисления численности пехоты и кавалерии), как относящиеся «к последнему времени мюридизма», с цифрами Хаджи-Юсуфа (тоже касающимися последних лет существования имамата), мы приходим к выводам, вполне подтверждающим предложенную выше характеристику сведений Хаджи-Юсуфа как схематичных и заниженных. Для Технуцальского наибства подсчеты 1875 г. указывают 796 пехотинцев и 312 кавалеристов (у Хаджи-Юсуфа соответственно 360 и 200), для Андийского наибства – 135 пехотинцев и 635 кавалеристов (у Хаджи-Юсуфа – 200 и 300), для Каратинского наибства – 510 пехотинцев и 790 кавалеристов (у Хаджи-Юсуфа – 250 и 350), для Тиндальского наибства – 625 пехотинцев и 105 кавалеристов (у Хаджи-Юсуфа – 400 и 300), для Чамалало-Ункратльского наибства – 625 пехотинцев и 369 кавалеристов (у Хаджи-Юсуфа отдельно для Чамалала 250 и 150, а для Ункратля – 320 и 150), для Гумбетовского наибства – 603 пехотинца и 646 кавалеристов (у Хаджи-Юсуфа – 200 и 250) и для Дидойского наибства – 725 пе-

хотинцев (у Хаджи-Юсуфа – 350 и 100). Итого по всем 7 (8) наибствам 4044 пехотинца и 2857 кавалеристов, 6901 чел. – против показанных у Хаджи-Юсуфа 4130 чел.

Необходимо, впрочем, оговориться, что границы наибств, существовавших в 60–70-х гг. в Андийском округе Дагестана, менялись и не вполне совпадали с границами, показанными на карте Хаджи-Юсуфа. Так, например, селения Асахо и Хупро отнесены у Сафарова к Ункратлю, а в 1875 г. уже принадлежащим к Дидо; сел. Читль у Хаджи-Юсуфа в Арадерихском наибстве, а в 1875 г. – в Гумбетовском: сел. Куанада, Хуштада, Тлондода и др. у Хаджи-Юсуфа в Тиндынском наибстве, а в 1875 г. – в Каратинском, и т. д. Это вносит некоторые затруднения при сравнительном анализе⁹¹³.

Говоря о начальном периоде мюридизма в Андии (10 343 ополченца), отметим, что наибольший процент пехоты наблюдался в Ка-

ратинском и Ункратльском наибствах, а в наибстве Тиндальском конницы тогда не было вообще. Напротив, всадники преобладали в Андийском наибстве, немало их было также в Гумбетовском наибстве – соотношение всего 2,5 пеших на 1 конного.

К концу эпохи Шамиля численность ополчения значительно понизилась (до 6901 чел.). Несомненно, это было связано с сокращением населения (и количества домов) в ходе военных действий⁹¹⁴. Но в то же время возрос удельный вес конницы (в среднем почти полтора пехотинца на одного всадника), что означало повышение уровня зажиточности жителей региона. Исключением являлись лезгины Дидоевского наибства, где кавалерия полностью отсутствовала (даже на момент составления данных 1875 г. ополчение края насчитывало 920 пехотинцев и только 15 всадников).

20. ТАКТИКА

Новая организация не означала новую тактику для армии имамата, за исключением более жесткой дисциплины, артиллерии и некоторых других элементов организованности (пехотные цепи, например). Но даже всё воинство Шамиля не выдержало бы одной-единственной битвы в открытом поле против малой части Отдельного Кавказского корпуса. Попытки нынешних кавказских и турецких малообразованных апологетов представить Шамиля непревзойденным, гениальным полководцем, стоявшим даже выше Суворова и Наполеона (?!), а его войско – не уступающим «по своей организационной структуре, дисциплине, мобильности, храбрости» армиям «передовых стран Европы»⁹¹⁵, не имеют под собой никаких реальных оснований.

Как полководец третий имам «никогда... не славился между ними [горцами]» и «искусным вождем на поле битвы он никогда не был», да и появлялся на оном поле не столь уж часто. Но в то же время «на войне Шамиль обнаруживал изумительную распорядительность и находчивость: сам лично входил во всякую мелочь; где нужно, понуждал, а где нужно, карал; зорко следил он за всеми действиями». Вслед за Д. Бэддли, можно признать за Шамилем талант «нечто большего, чем партизанский вождь (даже первоклассный)», можно назвать его «искусным руководителем партизанской войны» (С.К. Бушуев), но не более того⁹¹⁶.

Все имамы по-прежнему придерживались традиционной тактики малой войны, по воз-

Бой под Амир-Аджи-Юртом. Литография по рисунку А. Козлова и В. Агена с оригинала Д. Кенига. 1849 г.

возможности избегая гибельных для горцев генеральных сражений, тем более на равнинной территории. Однако «горцев нельзя было испугать боем. Непрерывный бой довел их до такой степени уверенности, что несколько десятков чел. не боялись завязывать дело с колонною в несколько батальонов и, отвечая одним выстрелом на сто наших, наносили нам гораздо большую потерю, чем мы им»⁹¹⁷.

Тактика малой войны наглядно демонстрировала свои преимущества в горно-лесной местности. Подданные имамов «инстинктивно»⁹¹⁸, но искусно пользовались местностью, выбирая для боя наиболее выгодные позиции, стараясь свести к минимуму риск людских потерь⁹¹⁹. «Весьма редко вступают с нашими войсками в дело в открытом поле, а держатся более в засадах и неудобоприступных местах; при сильном же натиске уходят, а если продолжается преследование, то рассеиваются; когда же не имеют возможности спастись бегством или одушевленные фанатизмом идут на бой с решительностью, то скорее все погибнут, нежели в плен отдадутся»⁹²⁰.

Дело у ст. Урухской 18 апреля 1846 г. (два сборных батальона против 5000 конных и 1000 пеших горцев Шамиля с тремя орудиями) показывает интересный пример взаимодействия конницы и пехоты в бою на открытой местности. «На задний и правый фасы [каре] налегли, как будто белены объелись... Задние шеренги едва успевали заряжать ружья для передних. Лишь только залпами поразгоним толпы, как пешие снова насядут да и хватают солдат за полы; а конные, подскочив на несколько шагов к фасам, на выбор подваливают из винтовок людей»⁹²¹.

«Всем начальникам даны инструкции, как действовать, строго запрещается вступать в дело с нами на ровных и открытых местах, – за потерю воина начальник платит Шамилю один рубль серебром»⁹²². Как хорошо горцы оценивали выгоды, предоставляемые им кавказской местностью, лучше всего видно из слов самого Шамиля: «Я не смею равняться с могущественными государями: я простой Татарин, Шамиль; но моя грязь, мои леса и ущелья делают меня сильнее многих государей. Если б я мог, я умастил бы драгоценным маслом каждое дерево лесов моих; а грязь дорог

смешал бы с благовонным медом – так дорожу я моими лесами и моими дурными дорогами; они-то и составляют мое могущество»⁹²³.

«Соображения горцев здравы, дальновидны, всегда основаны на знании местности и обстоятельств. Когда угрожает опасность одному неприятельскому пункту, они обращаются туда, где их не ожидают... При слабости с нашей стороны делают одновременные вторжения с нескольких сторон, или самые быстрые и нечаянные нападения на удаленные от них места, где их вовсе не ожидают»⁹²⁴. Известна инструкция Шамиля гумбетовскому наibu Абакар-Дибирю, где строго предписывалось: «Не оставлять русского отряда в покое до тех пор, пока он не откажется от позиции на Урус-Мартане; тревожить его день и ночь, затруднять все его движения постоянными нападениями и перестрелками, действовать по лагерю артиллерийским огнем, портить переправы, не допускать подвоза провианта, а в особенности не позволять опустошать поля чеченцев фуражировками»⁹²⁵.

На пути русских войск горцы ломали мосты и дороги (при наличии таковых), покидали и разрушали поселения, уничтожали запасы продовольствия, устраивали завалы. Классический пример – специально выбранные позиции на р. Валерик (11 июля 1840 г.), где «за двое суток вперед» чеченцы приготовили срубы из бревен. К.Х. Мамацев пояснял: горцы «устроили завалы, т. е. сколотили из толстых брусев ящики, набитые внутри землею и такие завалы устроены были вдоль берега на протяжении 1/2 версты». Оттуда неприятель («в числе 3 т. отборных стрелков») «производил смертоносный ружейный огонь» по атакующим, сразу выведя из строя более 100 чел.⁹²⁶.

Блокировав Месельдегерское укрепление (1853 г.), «горцы в одну ночь соорудили по дороге такие завалы и так укрепили свою позицию, что когда пришел князь Аргутинский и увидел все эти преграды, то заметил, что здесь можно уложить пятнадцать батальонов – и ничего не сделать»⁹²⁷. Преградив подступы к осажденным Ахтам, перерезали долину «завалами, сложенными из больших камней... Правый фланг импровизированных укреплений упирался в неприступную гору, левый доходил до обрыва в Самур, а средний

*Эпизод из сражения при Валерике 11 июля 1840 г.
Акварель М.Ю. Лермонтова и Г.Г. Гагарина*

завал, выступая перед укрепленную линией, обстреливал обе крайние; гора была также занята горцами, а завал кишел народом и пестрел значками; лезгины, как муравьи, таскали камни и выводили стену»⁹²⁸.

Образ военных действий столь же варьировался для Чечни и Дагестана⁹²⁹, как и внешний вид воинов⁹³⁰ и поведение обоих народов на войне⁹³¹. «Чеченцы дерзки при нападении; но не имеют стойкости и хладнокровия. Лезгины наоборот не так смелы, не так быстры и предприимчивы, как чеченцы, но более стойки и решительны. Чеченцы способны к наезднической войне: они делают быстро внезапные вторжения в наши пределы, пользуются всяким случаем, чтоб напасть врасплох на фуражиров, на обоз, на партии, неутомимо тревожат наши аванпосты и цепи, т. е. ведут партизанскую войну»⁹³². При походах русских войск по Чечне горцы «по одиночке, скрываясь в ямах, кустах, между цепью и колонною,

поражали нас. Выстрелы раздавались как из земли, и вместе с тем пули летели с высоты деревьев в наших солдат: неприятель был невидим, но присутствие его чувствовали повсюду»⁹³³. «Каждый куст, каждое дерево грозили всякому внезапной смертью»⁹³⁴.

Русская колонна и походный лагерь находились под постоянным наблюдением и обстрелом, направляющиеся в отряды транспорты подвергались нападениям. Самым трудным делом было организовать отступление: «В особенности при возвращении войск дерзко преследуют...»⁹³⁵. По арьергарду и флангам отступающего отряда (особенно в лесу) в первую очередь наносился удар. «Едва разорвется цепь или часть ослабнет от убыли, как, точно из земли, вырастали сотни шашек и кинжалов и чеченцы, с потрясающим даже привычные природы гиком, бросались вперед. Хороший отпор – и все снова исчезает, только пули градом сыпятся в наши ряды, но горе, если солдаты терялись или падали духом: ни один из них не выносил своих костей из лесной чащобы»⁹³⁶.

Итак, на территории Чечни горцы «неотступно следят по бокам отряда, теснят сзади и заграждают дорогу завалами спереди, нанося чрезвычайный вред ружейным огнем. В таком положении нередко отряд возвращается назад, почти не видав неприятеля, но потерпев значительный урон». «В противоположность Чеченцам, уклоняющимся от решительного боя, Лезгины принимают его, на недоступных позициях своей страны, и выдерживают правильные осады в укрепленных аулах»⁹³⁷. «В Чечне, – писал Д.В. Пассек, – и неприятель невидим; но вы можете встретить его за каждой изгородью, кустом, в каждой балке. Только тот кусок земли наш, где стоит отряд; сзади, с боков, везде – неприятель... В горах Дагестана... неприятель преграждает ущелья, подъемы гор, укрепляет переправы, аулы и всегда встречает нас прямо» «на позициях, в больших силах, сосредоточенных для обороны упорной». Лезгины «превосходят чеченцев в искусстве укрепляться», они «не дерутся враспынную, как Чеченцы или Закубанцы; но выдерживают настоящие осады в продолжении нескольких недель»⁹³⁸. При-

чина тому – «горцы очень привязаны к своим аулам. Они живут в домах предков, которых построение так трудно, и пользуются садами, на разведение которых употреблены столетия, и оттого-то они всегда упорно их защищают»⁹³⁹, проявляя чудеса «безответной храбрости и самоотвержения»⁹⁴⁰.

Само расположение дагестанских аулов, делал выводы Д.А. Милютин, «чрезвычайно благоприятствует упорной обороне: каменные сакли, в несколько этажей, с плоскими крышами, расположены одни над другими; узкие извилистые улицы... Каждая сакля может служить блокгаузом; каждый квартал – цитаделью»⁹⁴¹. «В больших делах каждый пункт под наблюдением муртазагетов или избранных мюридов, и все важнейшие завалы, части аулов, башни занимаются известными лицами, и обозначаются их значками... Занимают пещеры, переправы чрез реки, овраги и держатся

Батальная сцена времен завоевания Кавказа. 1895 г. С картины Ф.А. Рубо

Сражение с горцами. Рисунок великого князя Константина Николаевича. 1846 г. ГАРФ

в них с удивительной решимостью, дерутся до последней крайности. На позициях же некрепких или удобообходимых слабо защищаются; на обозы и партии фуражиров редко нападают». Популярный прием – многоярусные завалы на склонах гор и перевалах. Дороги перерогаживали завалами и перерезали глубокими рвами⁹⁴².

Артиллерию (русские источники высоко оценивают маневренность орудий Шамиля, хотя эффективность огня была невелика), как было отмечено выше, горцы не использовали так часто, как можно было бы ожидать⁹⁴³.

Не сумев создать регулярную армию и присущую ей суровую дисциплину, на войне горцы (прежде всего собираясь в большом количестве, что придавало им ложное чувство безопасности) нередко были склонны к беспечности и недооценке противника. Наиболее яркие примеры тому – поражение под Кутешами и дело 7 августа 1847 г. под Салтами. В первом случае, «когда они остановились в Кутиши поздней ночью, к имаму пришли Кибид Мухаммед и Гази Мухаммед. Имам спросил Кибид Мухаммеда: “А укрепил ли ты завалы на окраинах этого селения высылкой дозоров и приготовлением места стрельбы для пушки?” – “Да, все это мы сделали”, – ответил Кибид. Кибид встал, и имам вновь наказал ему об укреплениях. После утренней молитвы Ки-

бид Мухаммед опять пришел к имаму. Имам послал его для построения и расстановки войск и отведения каждому наибу определенного участка обороны окраин. Затем пришел к имаму сообщивший, что русские уже близко. Имам вывел тех, кто был при нем из наивов, для того чтобы каждый из них со своими ополченцами приготовился к битве. И только что имам сделал два rakata утренней молитвы, как русские всадники проникли на улицы селения. Войска имама вышли из селения. Осталась там пушка, часть лошадей, одежда и прочие вещи». По собранным известиям, «Шамиль приписал свою неудачу полному беспорядку в скопищах Кибит-Магомы и двоюродного его брата Гази-Магомы». Впрочем, отчасти горцев оправдывает поднявшийся «густой туман, скрывавший первоначальное движение наше из сел. Лаваша; неприятельские пикеты не могли заблаговременно открыть войск наших и определить настоящего их направления; обстоятельство это значительно содействовало успеху», так что «появление войск наших было для неприятеля совершенно неожиданно»⁹⁴⁴.

Под Салтами горцы наивов тоже проявили во всех смыслах слова выдающуюся беспечность, позволив русским войскам благополучно и незаметно собраться у них «под носом». Неудивительно, что бой закончился паническим бегством, поражением и громадными потерями. «После дела 7-го августа... главный этот сбор... просто разбежался по домам, и только недели две после того он [Шамиль] мог собрать 5 или 6000 человек...»⁹⁴⁵.

Можно сравнить это поражение горцев с другим боем, состоявшимся 19 ноября 1843 г. под Низовым укреплением. Обретя самонадеянность после череды успехов в Дагестане, горцы столкнулись здесь со свежими войсками. «Они полагали, что испугают нас числом своим, – и когда казаки понеслись в атаку, они, кажется, не хотели сначала поверить, что эта атака истинная, потому что они твердо стояли на месте; но когда они увидели, что их начали рубить, тогда изумление их обратилось в испуг – и они бросились бежать», – заносил в свой «Журнал военных происшествий...» генерал-майор Р.К. Фрейтаг⁹⁴⁶.

21. ОСАДА И ОБОРОНА УКРЕПЛЕНИЙ

«Впрочем, не только при обороне крепких позиций, но и в наступательных предприятиях большими массами, Лезгины показали много примеров чрезвычайной настойчивости и отважной решимости. Укрепления наши, вооруженные артиллериею, выдерживали по нескольку отчаянных штурмов». При осадах русских укреплений предпринимались попытки сделать подкоп и заложить пороховой заряд, дабы проделать взрывом брешь. С появлением у горцев артиллерии осаждающие открывали «сильный артиллерийский и ружейный обстрел» и, ослабив стены и гарнизон, бросались на штурм: «Орудия громили аул и крепость с высот, а наибы водили свои толпы на непрерывные штурмы с барабанным боем...» («Шамиль в свои скопища ввел барабаны, доставшиеся ему от нас»). Впереди шли муртазеки. Трусов разрешалось убивать на месте, «даже стреляя в тыл своим штурмующим из пушек»⁹⁴⁷.

Уже Гази-Мухаммад под крепостью Внезапной (1831 г.) «усердно изощрялся в воспроизведении принадлежностей для штурма и, между прочим, устроил 140 катов, назначавшихся для закидывания рвов, каждый в 2 аршина ширины и в 1 1/2 [аршина] длины, из бревен, помещенных между двумя колесами». «Правильные траншеи и шанцы, сделанные неприятелем во время осады, доказывали, что Кази-Мулла имел при себе людей, сведущих в военном деле». Для атаки Дербента в том же году имам заготовил 200 штурмовых лестниц⁹⁴⁸. При осадных операциях 1843 г. горцы устраивали «фашины и туры, под прикрытием которых приближались постепенно к валу укрепления», что заслужило упоминания в донесениях, как «новый вид почти правильной осады, дотоле невиданной у горцев»⁹⁴⁹. Для

осады Низового укрепления горцы применили не только фашины, но и шесть катков – каждый высотой в рост человека, а в длину мог укрыть 8–10 горцев. Только прямым попаданием из орудий удалось уничтожить надвигающиеся катки⁹⁵⁰.

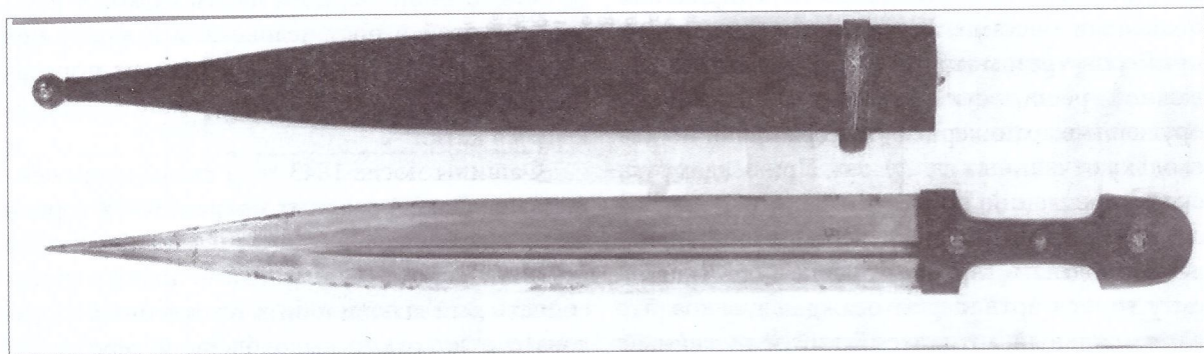
Фашины после 1843 года стали непременным признаком осадных операций: «У горцев было заготовлено для штурма несколько сот лестниц, огромное количество палок, чтобы сбивать ими штыки и бить осажденных по головам, и других, с выдолбленной серединой, [для] набрасывания их во время штурма на штыки, чтобы последними нельзя было действовать. Фашинника было заготовлено в таких размерах, что его достало для Месельдегерского гарнизона для отопления и приготовления пищи на целую зиму. Словом, у врага все было готово для нашей гибели, и мы едва ли нашли бы силы продержаться еще более суток, если бы не подоспел так вовремя Дагестанский отряд» (1853 г.)⁹⁵¹.

Пятью годами ранее осада Ахты проистекла следующим образом. Противник открыл по укреплению ружейный огонь («каждый, кто показывался из-за бруствера, платил за то жизнью или раной»), бросал гранаты из кегорновой мортирки⁹⁵², провел штурм (неудачно) и с 15 августа начал осадные работы «с заблаговременно заготовленным фашинником и поленьями дров». «С одной стороны укрепления лезгины шли траншеей; с другой... они складывали продолговатые кучи дров параллельно нашим веркам, и, усевшись за ними, день и ночь перекидывали поленья через кучу с задней части на переднюю ее часть, обращенную к крепости; таким образом эти дровяные закрытия плавно и незаметно шли на крепость». Завал «вскорости поднялся на такую высоту, что не-

приятель мог невредимо за ним скрываться». Устроив подкоп (его и прикрывали траншеей), «неприятель зарядил его и взорвал. Взрыв был сигналом второго штурма. Лезгины ринулись на три угла...» (20 августа). Первыми «рвались обезображенные неистовством мюриды, со значками в руках»; за ними валила нестройная толпа лезгин с кинжалами наголо

и с лестницами, «а позади опять мюриды с нагайками в одной руке и с шашками в другой, бороздя спины и поражая тех, кто заминался или отставал». После неудачи атаки

Живое описание осады Гергебиля (1843 г.) приводил Ф.Ф. Торнау, наглядно рисуя детали вражеской тактики: «Горцы густыми толпами окружали крепость, на вид казалось их не менее восьми тысяч, атаку они разом повели на главное укрепление и на верхний редут, по которому не умолкая били из трех орудий, поставленных в ауле, лежавшем выше обеих наших построек. Каменистая почва не позволяла зарываться в землю, почему атакующие обратились к другому менее трудному способу вести свои подступы. В расстоянии нескольких

Дагестанский кинжал. Середина XIX в.

(«три раза появлялись на стенах и три раза, сбитые штыками, летели вниз вместе с опрокинутыми лестницами и заваливали ров своими трупами») под прикрытием сильного ружейного огня снова «начали вести траншею, прикрывая ею мину, которую вели под 5-ю батарею, и без того уже разрушенную взрывом порохового погреба»⁹⁵³.

Пример действий артиллерии при осадных операциях: хотя батарею под укреплением горцы поставили прочную, настильными выстрелами из своих стволов (три горных орудия, два фальконета и совершенно бесполезный ракетный станок) горцы «не могли особенно вредить нам, потому что батарея их была расположена слишком высоко относительно укрепления; а для навесных выстрелов гранатами неприятель... никак не мог приспособиться; большую часть снарядов переносило за укрепление. Шрапнель же, если иную и разрывало в укреплении, то не на воздухе... Более всего страдала крыша казармы от картечи...»⁹⁵⁴.

сот шагов от крепости были сложены дрова, заготовленные на зиму. Устроив себе первый ложемент за этими дровами, они оттуда стали подвигаться к крепостному брустверу, закрывая себя от ружейных выстрелов рядом костров образуемых поленьями, которые ловко бросали они вперед своего пути. Ползком добравшись до такого удобного прикрытия, они снова принимались перекидывать дрова, и плотный ряд высоких костров с каждым часом теснее охватывал злополучный Гергебиль. Из главного укрепления наши солдаты еще бодро отвечали на неприятельский огонь, но верхний редут уже слабо оборонялся; бруствер редута и крытый ход, соединявшие его с нижним укреплением, были разбиты; орудия стреляли изредка, ружья едва отзывались; видимо, не доставало людей, не доставало пороха... На моих глазах, однако, оба укрепления удачно отбили два штурма. Видел я, как вся долина покрывалась толпами, бежавшими к крепости, видел, как поочередно вспыхивали крепостные орудия, как дымом застилался бруствер, как огненную нить охватывали его неприятельские выстрелы; слышал гиканье, дробную ружейную пальбу, глухие пушечные удары; ви-

дел, как отбитый неприятель стремглав бежал от крепости, оставляя за собой неподвижные темные кучки несколько странного вида. Затем наступала глубокая тишина: с обеих сторон отдыхали, но не долго длилось молчание; снова принимались греметь неприятельские орудия, снова загорался беглый ружейный огонь»⁹⁵⁵.

Сами же дагестанские горцы умело строили **укрепления** – завалы из камня или пересыпанных землей деревянных срубов, с возможностью вести сильный перекрестный огонь. Против артиллерии вырывали канавы с навесами, засыпанными землей, крытые ходы. Как доносил перебежчик, партия Гази-Мухаммада на Каланчаре (1832 г.) «начала немедленно делать и в тот же день кончила из весьма толстых бревен, кладя на два бруса рядом, один на другой, вышиною в рост человека, сингер, т. е. укрепление... Место же, где находится Казимулла, окружено скалами, рвом глубоким и лесом, из которого он начал делать балаганы для убежища и по обрыву рва укрепления, из бревен, а землю осыпает с амбразурами для

ружей и поверх оногo крышку наподобие каких домов». Следовательно, имам первым применил на Кавказе глубокие **блиндированные траншеи**, успешно противостоящие действию разрывных артиллерийских снарядов⁹⁵⁶.

Описание укреплений Гази-Мухаммада в урочище Эльсус-тав (июнь 1832 г.): «Главное неприятельное укрепление было четырехугольное и имело в длину 20, в ширину 16 и в высоту полторы сажени. Стены оногo сложены из толстых бревен, сколоченных деревянными кольями и болтами; бойницы в два яруса, первый на пол-аршина от поверхности земли, а другой на половине высоты стен. Для стрельбы из сих последних бойниц приделаны были подмости. Вход в укрепление запирался особым срубом. Во всю длину стен поделаны были с внутренней стороны навесы, которые закрывали неприятеля от непогоды и от выстрелов. От левого фланга сего редута до оврагов был построен высокий завал из бревен с бойницами и навесом. Кроме сих укреплений

Аул Игали в Дагестане

длинная линия завалов протянута была при окончании мыса над обрывом, обращенным к стороне Эрпелей»⁹⁵⁷. Впоследствии блиндированные галереи встречаем, например, в укреплениях аула Тилитль в июне 1845 г.⁹⁵⁸. «Против артиллерии они [дагестанцы] вырывают канавы с крепкими навесами, засыпанными землею, где совершенно безопасны от ядер и гранат, – читаем в «Записке» Д.В. Пассека, – а для большей безопасности защитников делают крытые ходы; иногда подземные каналы устраиваются в несколько ярусах»⁹⁵⁹.

Генерал-лейтенант П.Х. Граббе в «Обзоре управления Левым флангом Кавказской линии» (1839 г.) отмечал, что дагестанские аулы «построены большею частью в местах недоступных, и способ их построения, их каменные сакли в несколько ярусов, узкие и извилистые улицы, башни с бойницами, – делают их еще более недоступными... Разорение аулов, построенных с такими усилиями, и трудность возобновления их, заставляют лезгин дорожить своими саклями и садами»⁹⁶⁰. Одним из таких неприступных селений являлись Шеляги, ставшие оплотом мятежников в январе 1852 г.: «Аул был расположен на возвышенности, спускающейся небольшими террасами; вправо он прилегал к крутой горе, сильно укрепленной завалами; влево – к оврагу, составляющему русло р. Бугана; сторона, обращенная к нам, была защищена каменными завалами в несколько рядов; вход в аул и проходы между саклями были загромождены камнями... узкие проходы обстреливались перекрестным огнем из сакль, а каждая такая сакля, построенная из тесанного камня, с бойницами во все стороны, имела вид как-бы отдельного форта. Таким образом, внешняя и внутренняя оборона аула Шеляги удовлетворяла самым строгим требованиям...»⁹⁶¹.

Первоначально фортификации своих аулов дагестанцы усиливали башнями⁹⁶². Так, подступы к замку Шамиля в Ашильте (1837 г.) были защищены «двумя каменными башнями, соединенными каменной стеной, а для прикрытия сообщения с площадью на мысе был устроен двойной каменный покрытый капоньер⁹⁶³, за коим сделан был завал из земли, с турами, простиравшийся от одной крутизны до другой. Замок и мыс⁹⁶⁴ имели сильную

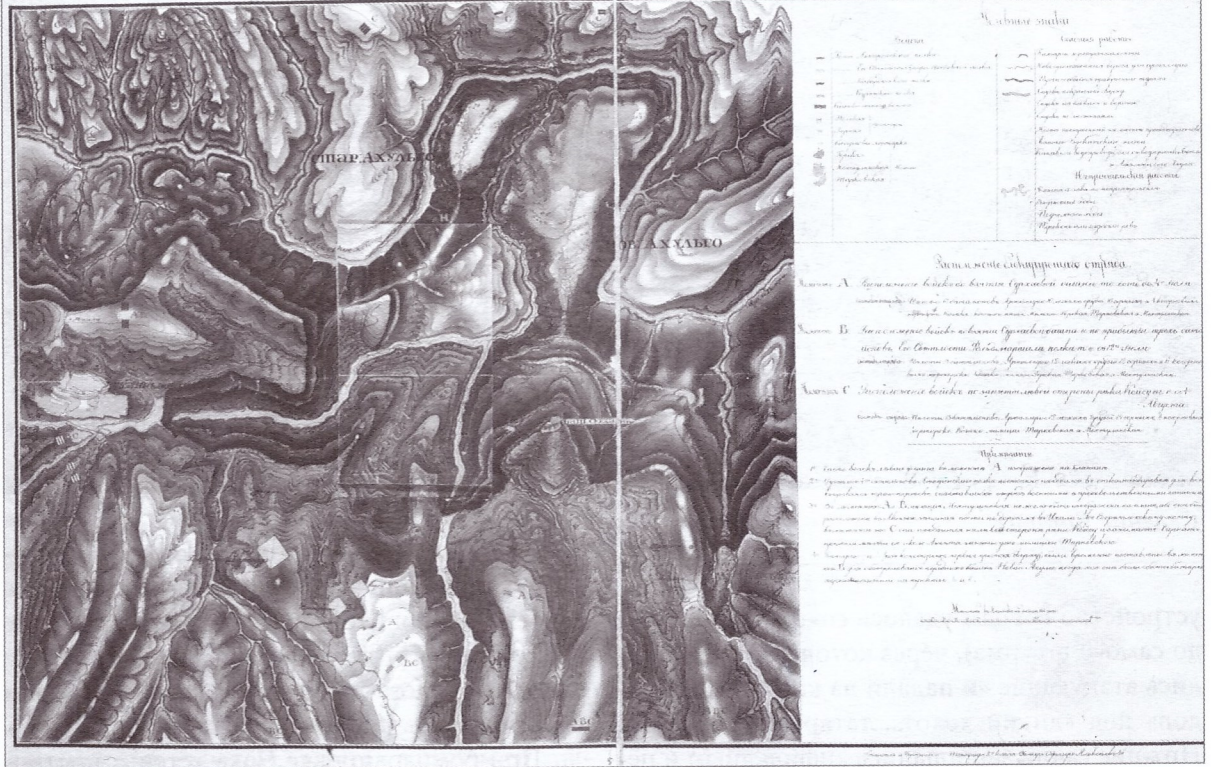
фланговую оборону от повелевающих высот левого берега Койсу...»⁹⁶⁵. Девять башен защищали и аул Тилитль⁹⁶⁶. Сам Ахульго тогда имел следующий вид: «Этот перешеек был единственной тропинкой, ведущей в замок, у входа которого была стена с двумя высокими башнями. Кроме этих башен не было никакого другого наружного строения, и жители скрывались или в пещерах, или в саклях и проходах, устроенных под землею»⁹⁶⁷.

Осада того же Ахульго два года спустя (1839 г.) подтвердила, насколько быстро обрели горцы опыт оборонительных боев против артиллерии. «Они принялись делать завалы и преграды, подкапывая горы, разрывая твердую землю...» – писал мусульманский хронист. «Рекогносцировка... подтвердила сведения... о неприступном положении замка Ахульго... Замок состоит из земляных завалов, башен с бойницами, обстреливают подступ к нему вдоль упомянутого узкого перешейка». Одно из укреплений, Сурхаева башня, состояла «из нескольких башен, связанных толстою каменною стеною и фланкированных завалами с бойницами в два ряда. Внутри замка были построены сакли в два этажа, из коих нижний был врыт в землю и совершенно безопасен от выстрелов из орудий. Сакли же были соединены между собою покрытыми ходами, а верхняя часть одной из них возвышалась в виде башни и командовала всем укреплением».

Граббе рапортовал, что укрепления Шамилем воздвигнуты «с большой тщательностью и с таким соображением, которое принесло бы честь и не Лезгинскому инженеру». Эти слова, похоже, легли в основу очередной легенды Кавказской войны: Фр. Боденштедт полагал, что фортификаторами Шамиля выступали польские дезертиры. Согласно с ним К. Оммер д'Эль писал, что «генерал Граббе положительно уверил меня, что он сам наблюдал в некоторых местах совершенно современные фортификационные работы»⁹⁶⁸. По словам Граббе, «действие нашей артиллерии научило горцев весьма скоро инженерному искусству; вместо высоких и скоро разрушаемых башен, которые они возводили во времена Кази-Муллы и даже в 1837 году, в продолжение экспедиции генерал-лейтенанта Фезе⁹⁶⁹, они начали

ПЛАНЪ ВЛОКАДЫ АХУЛЬГО

Спичный план, истреб. в время осады 1839 года по плану и плану на бумаге. Архива Императорского Военного Министерства.

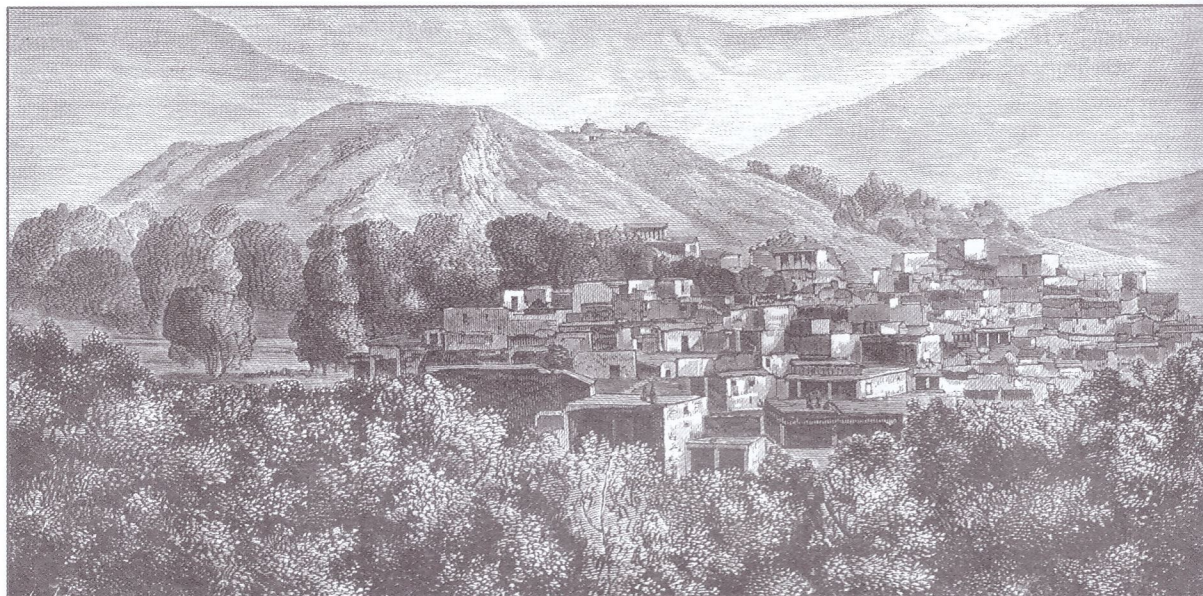

Осада аула Ахульго в 1839 г. План

врываться в землю, устроили крытые ходы, глубокие траншеи, углубленные каменные сакли, и только в местах, не подверженных выстрелам артиллерии, заложили крепкие завалы в несколько рядов». Предусмотрительность имама дошла до того, что «все отлогие покатости были срезаны», все подступы простреливались, а «горцы, невидимые в своих пещерах и подземельях, предохраняли себя от ядер и гранат»⁹⁷⁰.

Дальнейшее развитие горской фортификации наблюдаем в следующем десятилетии. Аул Гергебиль (1847 г.) окружили высокой и прочной стеной (протяженностью около 500 сажень, высотой в 2 сажени и толщиной в 2 аршина) с амбразурами (до 96, на расстоянии 1–2 и более саженей друг от друга, прорезанные очень высоко от земли) и ложементом вокруг. «Повсюду устроена фланговая оборона» (хотя направлена так неточно, что не могла принести большого вреда штурмующим): две башни и одна укрепленная сакля, с траверза-

ми и блиндажами от рикошетов и навесного огня. Внутри аула – врытые в землю блиндажи, баррикады, завалы и траверзы. Стены и башни были возведены из мелкого камня с землей и обмазаны глиной; по верху стены пущена колючка. Такой метод постройки себя не оправдал: ведь если бы стена «была сооружена из прочного камня и имела бы вполтину меньшую толщину, то ядра из горных единорогов [осадных орудий в русском лагере не было] или бы застревали в ней... или бы отскакивали от стены – как это случилось, например, в 1857-м году под Асахо». В укреплении стояли фальконет и горный единорог. «Артиллеристам удалось уловить место, где стояло одно орудие, и сбить его, другие два действовали... Цели для наших артиллеристов было мало: гранаты углублялись в аул, как в землю, потому что все сакли горцев были в земле» – это был «какой-то улей земляной». На передних рядах саклей земляные крыши все были вскрыты и вместо них послан хворост, слегка присыпанный землей. Таким образом, каждая такая сакля представляла собой большую волчью яму (их

Селение Ботлих

устройство горцам удалось сохранить в тайне до самого штурма), через которые проваливались атакующие «и падали на кинжалы мюридов» под «дикий хохот... татарских голосов». Нижние сакли защищались анфиладным и перекрестным ружейным огнем верхнего ряда.

Для взятия Салты («аул, укрепленный по новой системе Шамиля») в том же году потребовалось впервые на Кавказе вести осаду «по правилам военного искусства». «Храбрость, упорство и деятельность гарнизона» заслужили похвалу победителей. По словам князя Воронцова, гарнизон «не только защищался отчаянно, но и с искусством, достойным Европейского гарнизона: он исправлял немедленно все повреждения, причиняемые артиллерию, устраивал внутренние укрепленные линии и воспрепятствовал даже минным работам нашим чрез смелые свои контрмины». Салты были укреплены еще сильнее Гергебиля: каменная стена в 3 аршина толщиной с амбразурами и тремя фланкирующими башнями, с глубокими рвами и крытыми ходами, с ложементом, защищенным двумя орудиями⁹⁷¹.

При возобновлении укреплений Гергебиля в 1848 г. окружающая аул стена была выложена вновь, башни воздвигнуты заново и число их возросло, толщина стен увеличена, нижняя часть аула во многих местах покрыта блиндажами и засыпана камнями. Сообщения между

саклями и отдельными частями аула совершенно скрыты, в верхней части его вновь построена оборонительная казарма и поставлены три орудия (два – чугунные, 6-ти и 12-ти фунтовые, третье – горского литья и притом короткоствольное)⁹⁷².

При бомбардировке Чоха «стены, построенные искусным египетским инженером, были разбиты, две башни разрушены. Не осталось камня на камне, будто бы Чох не существовал. Шамиль приказал наскоро делать завалы из бревен и корзин, насыпанных землей» (1849 г.)⁹⁷³. Но уже к следующему году Хаджи-Юсуф реставрировал Чохское укрепление. Стены были толщиной до 8 аршинов, наружная и внутренняя стороны – каменные (толщиной 1,5 аршина), скрепленные бревнами, а промежуток был заполнен слоями земли, камня и фашин. Для гарнизона (1500–2000 чел.) были построены низкие казармы с двойными каменными сводами. Окружавшие Чох холмы тоже были укреплены⁹⁷⁴.

«Чеченцы, не дешево продающие свою жизнь в поле, дерутся с исступлением, когда угрожают разорением и гибелью их домашнему крову»⁹⁷⁵. Чеченские аулы, случалось, не уступали по неприступности дагестанским селениям. Например, аул Шаухал-юрт в 1852 году. Путь к нему преграждали завалы «из срубленных деревьев в два с половиной и три обхвата толщины, положенных поперек дороги правильными зигзагами под острыми углами». Сакли

аула были построены в каре, четвертую сторону которого составляли завалы. Промежутки между саклями заплетены орешником с узкими проходами между краями плетня и стенами. В фасадах, обращенных к внутренней площади аула, пробиты бойницы. Все пространство между фасадами каре, имевшее форму параллелограмма (в длину около 200 и в ширину около 150 саженей) было совершенно открыто. На таком расстоянии пули с дальнего фаса каре, обращенного к выходу, не только долетали до последнего, но и могли достигать войска, стоявшие у последнего завала. Человек, вступивший внутрь этого каре, попадал под перекрестный огонь трех его фасадов. «Если принять во внимание замечательную меткость стрельбы, которою отличались горцы всех кавказских племен, и бойницы, заменявшие... подшошки, то можно с некоторою вероятностью утверждать, что из каждых пяти пуль одна должна была наносить вред»⁹⁷⁶.

Аул Ведено горские фортификаторы тоже превратили в крепость. Западная и восточная стороны: брустверы из плетней и туров, засыпанных землею, местами устроен палисад. Северная сторона: два параллельных (в 3–5 шагах друг от друга) бруствера из глины. Наружный одет плетнем и увенчан в два ряда турами. Промежуток между брустверами блиндирован бревенчатой настилкой, устланной фашинами в 7 рядов и засыпанной сверху землей. На северо-восточном и северо-западном углах устроены тур-бастионы, фланкирующие овраги и ров переднего фаса, а впереди северного фаса укрепления вырыт широкий и глубокий ров. Западная сторона: шесть отдельных редутов (каждый на 500–600 чел. гарнизона), два из которых вооружены каждый полевым орудием⁹⁷⁷.

Шалинский окоп в Чечне (1850–1851 гг.) был устроен «с замечательным искусством и тщательностью» (на работах было занято 5000 чел.) «во всю широту просеки, следовательно... длиною более версты» (точнее, около 750 саженей, но общая протяженность укреплений составила 4,5 версты). По бокам устроены полукруглые башни, а также редуты и батареи. Впереди окопа вырыт ров (глубиной в 2 аршина, шириной в 6 аршин, с крутыми откосами; туда – посредством другого

рва – была пущена вода из р. Шали). Земля из рва употреблялась для насыпки вала (высотой 2 сажени, толщиной до 4 саженей, из щебня, перемешанного с утрамбованной глинистой землей). Окоп был снабжен во всю длину парапета турами (набитыми тем же щебнем с земляей), между ними небольшие промежутки для ружейного огня. Руководителем работ был командующий артиллерией Хаджи-Яхья⁹⁷⁸.

Однако фактически окоп оказался весьма легким препятствием для русских войск, дважды бравших его и в итоге разрушивших. После первого захвата «нечастные чеченцы и тавлинцы, почти целый год принужденные работать и защищать это пустое укрепление (Шалинское), и которые и прежде... сильно

Казак и чеченец. Рисунок Ф.Ф. Горшельта

жаловались и кричали против такого притеснения, так что часть тавлинцев Шамиль принужден был отправить домой, теперь еще более прежнего будут сетовать, когда еще лучше увидели... всю бесполезность их огромных усилий»⁹⁷⁹. На совете с наибами 19 ноября 1851 г. в Автуре Шамилю пришлось предложить им лишь следующие меры «к предупреждению внезапных вторжений наших»: «усиление пикетов, содержание в исправности маяков, порчу дорог и заграждение их завалами и наконец обнесение аулов частоколом и плетнями»⁹⁸⁰.

Для обороны укреплений назначались **гарнизоны**, которые «обязаны держаться стойко и до последней крайности против неприятеля». «Наибы не должны уходить из мест, которые охраняют, без разрешения имама или его векиля. – Виновный наиб записывается в низам (т. е. в рядовые)»⁹⁸¹. Кроме

того, с 1843 г. Шамиль руководствовался мыслью «вооружить артиллерию все сколько-нибудь важные пункты немирного края»⁹⁸². «Гарнизон должен быть обеспечен всем продовольствием по числу людей. Для сего в каждом укреплении устроены магазины [склады] сбором десятой доли с запасами всякого рода»⁹⁸³. Во время осады Чоха запасы «из разных мест Дагестана» подвозились только для гарнизона, а полевые войска должны были содержать себя сами⁹⁸⁴.

В посланиях к горским обществам Шамиль настаивал на том, что «вам следует проявить усердие в ремонте крепостей и восстановлении разрушенных мест... Ведь известно, что укрепление границ – наиважнейшая из задач»⁹⁸⁵. О роли местного населения в возведении укреплений сообщает хронист имама: «Хаджи Муса укрепил это место, наполнив множество мешков землей и сделав из них стену, за которой они скрывались. Весь народ принялся носить на плечах бревна из далеко отстоящего леса во время летней жары, и это в то время, когда они постились. Они заваливали этими бревнами и землей бреши в стенах крепости, чтобы сделать такие стены, за которыми можно было укрыться»⁹⁸⁶.

Но были и отрицательные последствия: «Ополченцами имама были приложены все старания [для того, чтобы укрепиться] в вилайете сурового Рамадана ал-Анди. То же самое пытались сделать на берегах рек Канхо и Бальхаль для того, чтобы укрепить равнину Галяляля. И не принесли никакой пользы эти мучительные старания в этих местах, кроме как ослабления ополченцев и их отвращения» (1858 г.). «Слабость ополченцев еще более увеличилась из-за голода и трудных работ в упоминавшихся ранее местах и различных поселениях, которые не упоминались» (1859 г.)⁹⁸⁷. Тщетность усилий работников подчеркивают и русские военные мемуаристы: «Завалы, через которые мы проходили, устроены были в два ряда. Первый ряд, из белого камня, тянулся между горами в ущелье, а второй из земли, и в значительно большем размере, чем каменные. Работа была египетская, но не принесла Шамилю никакой пользы, потому что, при появлении ширванцев и мусульман под командою генерал-майора Ракусы, в начале июля,

гумбетовцы, защищавшие завалы, бросили их и ушли почти без выстрела»⁹⁸⁸.

Осада Ахты (1848 г.) показала знание горцами основ **минирования**. Но уже оборона аула Салты годом ранее продемонстрировала, «к большому удивлению нашему», что «они отлично были знакомы с минною системою, и в то время, когда мы вели галерею, ухитрились повести против нас контрмину так верно, что в своих расчетах не ошиблись ни на волос». На первый раз даже «подземная победа осталась на стороне инженеров-самоучек», хотя в итоге успех был именно за профессионалами⁹⁸⁹.

По такому случаю стоит заметить, что позиция армии Шамиля под Буртунаем у оврага Теренгул (июнь 1844 г.) была укреплена бруствером с орудиями⁹⁹⁰, который устроили «пленные или добровольно находившиеся у неприятеля поляки, под руководством начальника артиллерии и казначея Шамиля Ягья-Хаджи, слывшего в горах за искусного инженера»⁹⁹¹. «В продолжении моей службы имел я честь участвовать во многих генеральных сражениях и в атаках весьма сильных позиций, между прочим, при штурме Варшавы, но не встречал такой позиции, как под Буртунаем...» – признавался командующий Кавказским корпусом генерал от инфантерии А.И. Нейдгардт⁹⁹². Историк А. Юров, опираясь на официальные документы, упоминает здесь, помимо естественных препятствий (переход через глубокий овраг с его лесистыми и крутыми склонами был возможен только по двум тропам, далеко отстоящим друг от друга), еще завалы (огромные деревья, сваленные поперек и по сторонам дорог) и обстрел тропинок. Также «неприятельский берег оврага был увенчан двумя линиями укреплений для перекрестной ружейной и артиллерийской обороны, так что каждый более или менее доступный пункт, лежавший впереди, мог быть засыпан пулями и снарядами»⁹⁹³.

Впрочем, в 1840–1854 гг. у Шамиля имелся подлинный военный инженер, артиллерист и картограф – *мухаджир* чеченец Хаджи-Юсуф (Гаджи-Юсуф, Хаджи Юсуп) Сафароглы (Сафаров), воспитанник Константинопольской военной школы, бывший полковник египетской регулярной армии Мухаммада-Али, где

он «совершенно усвоил постройку крепостей, проведение мин и траншей, заложение фугасов». Юсуф, по его словам, стал строителем семи крепостей имамата (Риси, Ири, Чох⁹⁹⁴, Гуны, Уллу, Чалда, Харакан), а также Дарго (Ведено)⁹⁹⁵ и Шалинского окопа. Возможно, им же были возведены фортификации Салты и Гергебиля⁹⁹⁶. Каменные стены и вырытые окопы вокруг гумбетовского аула Ичичали были построены «ополчением, собранным из Дагестана. Строительством руководил тогда инженер Хаджиюсуф, приехавший из Египта [«из египетского Каира»] и затем сбежавший к русским от имама»⁹⁹⁷.

Сафаров, наверное, являлся единственным человеком в государстве имама, кому было знакомо понятие географической карты. Через Юсуфа поддерживались связи с Египтом и Турцией.

Если верить дагестанскому источнику, «при укреплении всех находившихся в его владениях крепостей и окопов – [Шамиль] руководствовался его мнением и указаниями».

Приближенный имама констатирует: «Юсуф-Гаджи занимался постройкой укреплений и всячески старался содействовать предприятиям Шамиля по управлению и в военных действиях. Таким образом власть Шамиля в Дагестане еще более увеличилась и приказания его возымели большую силу, чем прежде». Сам Сафаров утверждал, что «без... моих познаний и советов... Шамиль никогда не достиг бы тех успехов, которые и начались только после моего появления в Дагестане». Имам (в пересказе А.И. Руновского) был согласен в том, что, руководствуясь идеями Хаджи-Юсуфа, «сделал у себя много нововведений (низам) и между прочим, учредил звание Мудира, некоторое подобие наших генерал-губернаторов». (Египетское влияние идеи несомненно, именно там со времен Мухаммада-Али наместники провинций именовались *мудирами*⁹⁹⁸.) Но в 1854 г. Юсуф впал в немилость и был отправлен Шамилем в ссылку, откуда бежал через два года к русским. Умер Хаджи-Юсуф уже после крушения имамата⁹⁹⁹.

22. ВОЕННО-ПОЛЕВАЯ МЕДИЦИНА

«Если ополченец получал ранение, при возможности выносили его из боя, доставляли в лагерь и затем отправляли домой... Больных ополченцев, обследовав и выдержав некоторое время, чтобы убедиться в их заболевании, отправляли домой»¹⁰⁰⁰. Традиционно раненые горцы должны были лечиться за свой счет у местных лекарей¹⁰⁰¹.

Но еще одним свидетельством определенной организации военной структуры имамата стало создание **госпиталей**. Как утверждал князь М.З. Аргутинский в донесении М.С. Воронцову по итогам осады Чоха (28 августа 1849 г.), «учреждение последних у горцев в Дагестане появилось в этом году в первый раз». Временные госпитали были устроены в селениях Ходжале и Короде, в отведенных для этого «обывательских домах» (больших саклях) и даже в мечетях. В Ходжал отправлялись раненые в тяжелом состоянии, прочие – в Короду, где госпиталь был просторнее. Доставка раненых из-под Чоха осуществлялось «с большою поспешностью и сколь возможно скрыт-

но от остающихся на позиции скопищ...», дабы серьезный урон горцев не подал повода к недовольству в войске¹⁰⁰².

Говоря об эффективности врачебной помощи, отметим «факт, всему Кавказу известный»: «В отношении лечения ран азиатские лекаря владеют какими-то, по наследству передаваемыми тайными средствами и, случается, затмевают медицинскую науку, даже в лучших ее представителях»¹⁰⁰³. Такой выдающийся хирург, как Н.И. Пирогов, признавал, что дагестанские хакимы имеют «большую наглядность и опытность в лечении огнестрельных ран»¹⁰⁰⁴. «Азиатские лекаря отлично умеют пользоваться раны всякого рода и сращивают раздробленные кости даже в тех случаях, в которых европейские ученые хирурги признают необходимым ампутировать»¹⁰⁰⁵. Правда, забывают добавить, что хотя ампутаций горцы и не знали, после лечения у многих руки и ноги все равно плохо действовали, да и «какими страданиями это доставалось»¹⁰⁰⁶.

23. АРМИЯ ШАМИЛЯ ПОСЛЕДНЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ ВОЙНЫ

Наглядное представление о военной структуре имамата 1850-х годов дают несколько источников. В первую очередь это записка М.Т. Лорис-Меликова, основанная на рассказах и показаниях бежавшего к русским наиба Хаджи-Мурата (1851/1852 г.), и воспоминания прусского офицера, служившего в кавказских войсках и ставшего очевидцем обмена пленников (март 1855 г.).

Беглый наиб сообщает, что «военная сила Шамиля состоит приблизительно из 30-ти т. войска и 30-ти наибов. Числительную силу каждого наиба можно полагать до 1000 чел.; у иных бывает меньше, у других же доходит до 2-х т.»¹⁰⁰⁷.

Эти показания подтверждаются данными, полученными на допросе турецкого шпиона (апрель 1854 г.), побывавшего в государстве Шамиля и его столице: «При самом Шамиле в Дарго находится не более 500 вооруженных всадников. Число прочего войска простирается от 30 до 35 тысяч человек пехоты и конницы, которыми предводительствуют 40 наибов. Но, как я слышал, войско это может быть стянуто на один пункт в 24 часа, несмотря, что размещено в разных деревнях...». Русская разведка тогда же подтвердила, что «Шамиль может собрать в Аварии, Андии, Гумбете и других обществах нагорного Дагестана и Чечни» 30 тыс. вооруженных людей¹⁰⁰⁸. Г-жа Дрансе (в пересказе ее слов) тоже говорила о том, что «имам возглавляет лишь 30 000 воинов. Они распределены по деревням, под началом вождя, отвечающего за каждое селение»¹⁰⁰⁹. Но польский наемник в Черкесии вспоминал, что «наиб Мохамед-Эмин читал мне письмо Шамиля, в котором он писал, что с начала и до

Хаджи-Мурат. Рисунок Г.Г. Гагарина. 1852 г.

конца Восточной войны всегда держал наготове 20 000 всадников; кроме того, в каждом доме был приготовлен месячный запас продуктов для пяти воинов»¹⁰¹⁰. Кроме того, командующему Анатолийским корпусом осенью 1853 г. Шамиль заявил, что готов выставить против русских 20 тыс. воинов¹⁰¹¹, а весной-летом 1854 г. – уже 25 тыс. чел. с 12–15 орудиями¹⁰¹². Наконец, по оценке В.А. Соллогуба, к началу Восточной войны «силы Шамиля простираются приблизительно до 20 000 одних всадников при 12-ти полевых орудиях»¹⁰¹³.

Подчеркивая секретность мобилизации скопищ Шамиля на Лезгинской линии 1850-х гг., подполковник Услар отмечал: «Узнать заблаговременно, что делается в горах, гораздо труднее здесь, чем в Чечне или Дагестане... Получаемые нами с большим трудом сведения обыкновенно не объясняют почти ничего. Мы узнаем положительно, что делаются большие приготовления, но никто в горах даже не знает, куда направлено будет движение и когда оно начнется. В каждом обществе сбор производится отдельно от другого; на этом частном сборном пункте каждый наиб ждет приказа, куда двинуться...». По получении приказа

Горец. Рисунок великого князя Константина Николаевича. 1846 г.

«движение начинается тотчас же, потому что все приготовления давно уже сделаны, по тропам... пробираются отдельные конные и пешие партии горцев, но никому, кроме некоторых наибов, неизвестна общая цель и направление похода... неизвестность исчезает только перед самым началом действий»¹⁰¹⁴.

«Наиб имеет своих 5-ти-сотенных, сотенных и десятников, на обязанности которых лежит исправность оружия в войске; они же должны выводить людей на тревогу или в набег, – продолжает пересказ слов Хаджи-Мурата записка Лорис-Меликова. – За какую-либо вину, а также за неимение пороха, провинившегося сажают в яму, или налагают денежный штраф; всякий добывает порох своими средствами... Доход наиба состоит в помощи рук вверенного ему края, а в добыче, сверх общего раздела поровну, первый выбор лучшего. Орудий у Шамиля в разных местах до 30-ти, Русского литья; есть также много мелких орудий, литья своего и Турецкого. В Куяде живет мастер Лезгин, который выливает их. В Ведено хранятся все лучшие из них; остальные же розданы по укреплениям, или даны в распоряжение наибов. В Цатаныхе в 1843 году взято было 30 т. снарядов, которые донныне хранятся в целости в Гидатле, в нарочно высеченной для этой цели скале. Стрельба же по неприятелю производится обыкновенно снарядами, собираемыми в делах с Русскими. Весь порох выделяется в Ведено, мастером Турецко-подданным Джафаром. Уже более 8-ми лет живет он в горах; им устроены 12 машин, которыми добывают порох. Беглых солдат, находящихся в прислугах у горцев, очень много... Близ Ведено есть отдельное поселение беглых женатых, преимущественно мастеровых, на обязанности которых лежит делание артиллерийских лафетов и ящиков. По наряду они ходят в поход с орудиями. В том же поселении живут два беглых офицера, которые обучают солдат и смотрят за порядком»¹⁰¹⁵.

Прусский подпоручик Г. Бюнтинг (впоследствии генерал-майор русской службы) имел возможность наблюдать войска Шамиля вблизи: «С имеющими порядочный вид мюридами смешались простолюдины, грязные и оборванные, какими мы обыкновенно их ви-

дим в экспедициях и мимо которых мюриды... проезжают без внимания, или же здороваются с ними сильными ударами плети – прекрасное доказательство господствующего равенства между этими прославленными героями свободы!...»¹⁰¹⁶. Данное правило можно было наблюдать уже в 1837 году: «Между ними резко отличались пришедшие с Шамилем мюриды, которых, говорят, было до тысячи. Все они были хорошо одеты, вооружены и в сравнении с жителями Телитля, оборванными и худо вооруженными, казались как бы регулярным войском»¹⁰¹⁷.

У мюридов, продолжал Бюнтинг, «отличительный почетный знак – белое покрывало, обвитое вокруг папахы наподобие чалмы. Многие из них... носили орденские знаки Шамиля на груди; но не у многих эти ордена, вероятно, самой высшей степени, видел я на шее» (в другом месте автор отмечает персон, украшенных «серебряными звездами и круглыми пластинками»¹⁰¹⁸, которыми Шамиль награждает за военные подвиги). «Платье их было довольно однообразно: все они носили темные черкески»¹⁰¹⁹, просто, но со вкусом обложенные золотым или серебряным галуном; их ружья, шашки, кинжалы и пистолеты были обделаны в серебро с известным, но неподражаемым кавказским искусством. Эта простота и изящество убора, должно быть, нарушены с прошлого года, именно с-тех-пор, как Шамиль льстил себя надеждою на посещение султана; а чтоб достойно принять его, старался одеть своих преданных мюридов самым блестящим образом»¹⁰²⁰.

«Масса народа вокруг холма состояла из одних мюридов (только они смеют приближаться к Шамилю). Их было, может быть, до трех сот; остальные же войска, от 4000 до 5000 человек, состоящие из одной кавалерии»¹⁰²¹, стояли в 600 шагах позади. Сколько я мог рассмотреть с этого расстояния, они далеко уступали мюридам в доброте лошадей и в убранстве: это были наши старые знакомые; они были такими, какими мы имеем случай видеть их в каждом сражении. Впрочем, между ними господствовал строгий порядок, и в целом они имели сходство с нашей кавалерией: они были расставлены по отделениям, с интервалами, в две шеренги; каждое отделение имело свое знамя;

Пистолеты работы кубачинских мастеров. Дагестан. Середина XIX в.

начальники стояли перед фронтом и держали ружья, как и мюриды, уперши их в лядвею [правое бедро]. На правом фланге я видел две пушки, снятые с передков; позади их арбы со снарядами»¹⁰²².

Можно видеть, что мюриды сыновей Шамиля и, вероятно, других набов, их непосредственное окружение, гвардия, были одеты относительно единообразно. «Свита Кази-Магомы для этой церемонии была выбрана и одета самым рачительным образом»¹⁰²³. Окружение самого имама: «расшитые черкески, разнообразные украшения, сверкающее оружие, великолепные тюрбаны, драгоценные кони, всего было вдоволь»¹⁰²⁴. Согласно другому описанию, окружавшие тогда сына Шамиля, Гази-Мухаммада, мюриды все были «одеты в черные, почти единообразные черкески... Лошади и оружие у всех

Партия черкесов, спускающаяся с гор для набега. Литография В.Ф. Тимма по рисунку Г.Г. Гагарина. 1857 г.

были превосходные...»¹⁰²⁵. Но Шамиль приложил ряд усилий для достижения такого порядка и однообразия: «Когда до имама дошел слух о прибытии сына Джамалуддина в крепость Хасавюрт, он велел своей семье шить хорошую одежду и написал письмо наибам, чтобы они при готовились к сбору в назначенное место с преданными сподвижниками, хорошо подготовленными. Выехали алимы, доброжелательные наибы и другая молодежь большой группой в дорогих одеяниях, при посеребренном оружии»¹⁰²⁶.

Из Журнала военных действий Лезгинского отряда (запись от 21 августа 1857 г., операции под аулами Зехиди и Гунтох): «Многочисленные и до того толпы неприятеля видимо значительно усилились вновь прибывшею кавалериею. По порядку, заметному в этом войске, и по одномастным в сотнях лошадях, можно было достоверно предположить присутствие

начальника с большим значением», возможно, Гази-Мухаммада¹⁰²⁷. Действительно, сотня личного конвоя последнего выезжала в 1857 г. на серых и белых лошадях¹⁰²⁸, а в другой раз тоже была «на одномастных серых лошадях» (Чечня, начало 1859 г.). Свита Джамалутдина, другого сына Шамиля (Чечня, ноябрь 1857 г.), состояла из 60 всадников – тоже «все на серых конях, одетые как один»¹⁰²⁹.

Зять Шамиля считал, что «лучшими войсками конников с вооружением и одеждой (*либас*) во время выхода на джихад были воины сына имама Гази Мухаммада, большинство воинов из гумбетовцев, также несколько воинов наиба Хаджи Мурада из Аварики, войска Андалала и Технучала» (примечательно, что всадники Гази-Мухаммада названы первыми в этом перечне)¹⁰³⁰.

Наконец, устройство и действия артиллерии Шамиля (1853 г.): «Стрельба неприятеля по лагерю была так же удачна, как наша против их орудий, и кроме первого ядра, случайно убитого солдата, остальные были безвредны и давали только пищу неисчерпа-

емым остротам солдата. Артиллерия горцев левого фланга была организована хорошо, сравнительно с артиллерией абадзехов. Она состояла из полевых и горных орудий, брошенных нами в даргинской экспедиции, или найденных в береговых укреплениях, причем в руки горцев достались порядочные запасы артиллерийских снарядов и пороха. Запасы эти пополнялись сбором наших ядер и гранат, что заменяло, как говорили, даже подать некоторых беднейших аулов. Порох присылался из собственного завода Шамиля, бывшего в ауле Ведень, или подвозился услужливыми турками... Орудия не составляли собственности одного какого-либо лица, как это было у абадзехов, а принадлежали всему народу и находились в полном распоряжении Шамиля. Придавая слишком большое значение своей артиллерии, имам заботился, чтобы она могла встретить русских на всех важных пунктах, и потому раздал ее своим наибам, которые, под опасением лишиться всех милостей, отвечали за целостность орудий. При таком условии и при неуверенности наибо в стойкости горцев в решительный момент боя, горская артиллерия была чрезвычайно труслива во всех делах и удирала с поля сражения всегда первая, несмотря на то, что обыкновенно располагалась за сильными прикрытиями. Поэтому взятие орудия с бою, чего так домогались наши войска, было решительно невозможно. К сожалению, эта невозможность не останавливала желания начальствовавших, и побуждала их

иногда делать учения, стоившие нам больших потерь.

При постоянной стрельбе горцев на дальние расстояния, естественно надлежало давать орудью слишком большой угол возвышения, от чего лафеты, взятые вместе с орудиями, не могли долго существовать и их надлежало заменять лафетами собственного изготовления. В этом случае прежний лафет служил моделью, с которой копировали новые довольно грубо и с изъятием частей, считавшихся, по мнению горцев, лишними, а именно подъемных клиньев и правил.

Упряжка артиллерии была наша, в шесть лошадей¹⁰³¹. И надо отдать справедливость, что, при столь непривычной для горцев упряжке, все движения были чрезвычайно быстры и не уступали нашим. Люди, назначавшиеся для орудийной прислуги, избавлялись от всякой другой службы; их обучал наш беглый фейерверкер [Никитин], облеченный имамом в звание начальника артиллерии.

Наши войска не придавали такого значения артиллерии Шамиля, какое придавал ей сам имам; однако нельзя было назвать ее совершенно безвредной для нас и отвергать то значение, которое она действительно имела. Подчас она наносила нам довольно чувствительные потери; но как это случалось редко, то главное неудобство для нас горской артиллерии состояло в том, что она заставляла наших утомленных солдат проводить целые ночи без сна, что, конечно, сильно влияло на ход дневных работ»¹⁰³².

ВОЕННЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ШАМИЛЯ: ИТОГИ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Искусно воздействуя то на религиозный фанатизм, то на материальные интересы горцев, Шамиль, в стремлении создать квазирегулярные вооруженные силы, заимствуя определенные черты военной системы противника, «высился до такой степени, что полудикие горцы не привыкшие подчинить себя такой власти... теперь слепо повинуются приставленным над ними Шамилем начальникам и считают честью носить выдуманные им знаки отличия»¹⁰³³.

«Организация этой армии представляет собой блестящий образец продуманности и точности расчета, – восторгался немецкий путешественник по Кавказу Мориц Вагнер, –

ибо она устроена как раз таким образом, чтобы обеспечивать максимальную строгость дисциплины, не умаляя при этом естественной воинственности подданных»¹⁰³⁴.

Но вот в чем заключалась «естественная воинственность» горцев: издевательства над пленными, бесчеловечные условия их содержания и обращение в рабство, обыкновение не щадить в набегах «ни пола, ни возраста», привычка мучить и добивать русских раненых¹⁰³⁵, зверства над трупами и распространенный

Засада горцев. Рисунок Ф.Ф. Горшельта. 1861 г.

с той же целью обычай осквернять русские могилы¹⁰³⁶. Всё это лишний раз напоминает о несоответствующих европейским нормам «восточных» обычаях ведения войны у горских народов Кавказа, которые ничуть не изменились с учреждением имамата.

Да и сам Шамиль, в сущности, пошел по тому же пути, что большинство восточных деспотичных владык, его современников¹⁰³⁷. Подобные процессы наблюдаем и в Индии: Хайдар-Али и Типу-Султан в Майсуре (регулярные войска составляли 36 тыс. чел. в 76-тысячной армии, 1799 г.), Ранджит-Сингх в Пенджабе (35–40 тыс. «обученного войска» при 192 орудиях и более 70 тыс. иррегулярных формирований и ополченцев к 1839 г.). То же происходило и в Турции (султаны Селим III, Махмуд II и Абдул-Меджид), и в Иране (Фатх-Алишах и Мухаммад-шах), и в Северной Африке (Мехмед-Али и его преемники в Египте, Абд ал-Кадир в Алжире и Марокко¹⁰³⁸, Ахмад-бей в Тунисе). «Здесь нельзя не заметить разительной аналогии...»¹⁰³⁹. Каждый из перечисленных правителей, придя к мысли о превосходстве европейской военной системы, начинал реформу своей армии по образцу цивилизованных соседей, союзников или врагов.

Но, в отличие от них, «амир ал-му'минин» Дагестана и Чечни («предводитель правоверных», официальный титул Шамиля)¹⁰⁴⁰ остановился на полпути. По замечанию Д.В. Раковича¹⁰⁴¹, «что же касается до военной системы, то он [имам] не достиг в ней вполне правильной организации». Создав боеспособную артиллерию (только благодаря трофеям), Шамиль даже не стремился формировать кавалерию европейского типа (здесь, впрочем, совершенно справедливо!). Попытка набрать постоянную пехоту (то, с чего *начинали* свои военные преобразования восточные правители эпохи Шамиля), дурную копию русской, завершилась поражением ее (февраль 1851 г.). Но после этой неудачи имам не предпринимал попыток возродить эксперимент¹⁰⁴². Как заключает А.И. Руновский, все неудачи Шамиля происходили, конечно, «от неумения горцев обращаться с делом, которое они изучали наглядным образом от наших беглецов, и потом, присмотревшись мало-мальски к их приемам, обыкновенно, спешили удалить своих учителей»¹⁰⁴³.

Третий имам – не великий правитель и уж тем более не гениальный полководец, но человек умный, решительный, жестокий, влиятельный и очень опасный¹⁰⁴⁴ – сплотил и дисциплинировал свои разнородные войска («скопища Шамиля»)¹⁰⁴⁵ и руководил ими так умело, что они стали достойными соперниками русских солдат. «Материальные средства горцев неимоверно возросли – они имели уже отличные крепости, пороховые заводы, литейные, – заменяя пыл фанатической толпы общественным и военным устройством»¹⁰⁴⁶.

С другой стороны, подчеркивал Л.П. Николаи, нововведения Шамиля лишили горцев «одного из главных их достоинств, этой необыкновенной расторопности и подвижности, столь важной в лесной войне, и при которой каждый горец с замечательной ловкостью умеет пользоваться местностью и действовать отдельно». По его словам, обращать горцев в регулярную армию, сковывать их инициативу и лишать непредсказуемости «значит действовать в наших интересах и готовить верную жертву для наших войск». «Небольшое число орудий, употребляемых ныне неприятелем, имеет еще действие весьма ничтожное, – констатировал Д.А. Милютин, – может быть даже орудия эти приносят более вреда горцам, чем нам; ибо стесняют их действия и лишают их главных преимуществ пред нашими войсками». «Вообще замечено, что с тех пор, как Шамиль и его сподвижники стали навязывать своим нестройным скопищам роль благоустроенной армии, потери наших отрядов значительно уменьшились», – столь же скептически оценивал преобразования имама оставшийся неизвестным драгунский офицер¹⁰⁴⁷.

Ведь именно отсутствие у северокавказских народов военной организации европейского типа и не позволяло России закончить войну одним решительным ударом. Рассеивать горцев было совершенно бессмысленно, так как, в случае надобности, они сами легко рассредоточивались, а затем собирались вновь. В то время как для возрождения европейской армии требовались колоссальные организационные усилия, финансовые затраты и продолжительное время. Но теперь, условно говоря, у горцев, с повышением организованности их войска, появлялся центральный пункт, на разгром которого можно было направить свои усилия российским вла-

стям. Но существовал ли такой осязаемый и уязвимый центр на самом деле, можно ли говорить об успехе ориентированной на русскую армию военно-реформаторской активности Шамиля?

Действительно, имам располагал отличным «пушечным мясом». Сам по себе горец был серьезным противником – отважным, привычным к воздержанию в пище и к тяготам похода, предприимчивым, терпеливым, легко поддающимся воодушевлению, быстрым и метким стрелком. Однако основой военной силы горцев была в первую очередь личная боевая подготовка каждого *отдельного* воина, максимум – сравнительно небольшого мужского союза конкретного селения. «Горец преимущественно воевал в одиночку, врассыпную»¹⁰⁴⁸.

Создать действительно крепкую, постоянную и уж тем более регулярную армию из этого великолепного исходного материала не удалось. И причина была та же, что и в армиях других восточных подражателей европейским порядкам. Позаимствовав у западных государств новую организацию, вводя во вновь образованные части европейский строй и обучение, ни один такой реформатор

а) в корне **не** изменил системы комплектования, управления и командования всеми вооруженными силами государства,

б) не смог удержать у себя на долгое время постоянный европейский (и обученный) личный состав для поддержания функционирования новой армии (и обеспечения ее современным оружием),

в) не создал корпус обученных европейски офицеров и унтер-офицеров, только и способных придать новым формированиям стойкость и боеспособность, а в критической ситуации – удержать подчиненных от паники и наладить организованное сопротивление.

Вестернизация армии повсюду на Востоке осуществлялась «снаружи», а не «изнутри», что означало неудачу ее в конечном счете. (Даже в Турции и Иране на этот процесс ушли десятилетия, потребовавшие в итоге определенной перестройки всего государства.) Попытка имама создать войско из восставших горцев Северо-Восточного Кавказа не удалась. Но предпринятые меры позволили горцам на определенном этапе военных действий добиться некоторых успехов.

Тем не менее, выходя из-под прикрытия лесов и гор на плоскость и сталкиваясь с решительным и энергичным военачальником противника, Шамиль или его наибы неизменно терпели поражения, невзирая даже на численное преимущество. Назовем дела под Большими Казанищами 15 декабря 1843 г., у селения Гилли 3 июня 1844 г.¹⁰⁴⁹, под Кутищами 15 октября 1846 г., на Гамашинских высотах 12 июля 1851 г., под Истису 3 октября 1854 г. и т. д.

Нельзя сказать, что горцы не осознавали бесперспективность нападений на русские части на равнине. После очередной такой неудачи (разгром в Акуши 1 июля 1844 г.) Шамиль даже «запретил своим скопищам вступать в бой с нашими войсками на открытой местности»¹⁰⁵⁰. «Ибо там, где возможно для нас соединенное действие трех родов оружия, где возможен порядок – несокрушимая сила регулярных войск, там мы властелины местности, и несметные толпы горцев не могут воспрепятствовать нашим движениям»¹⁰⁵¹. «В открытом бою нашим регулярным войскам нечего было опасаться его [Шамиля] нестройных полчищ», – заметил один из командиров Кабардинского полка¹⁰⁵². Зять Шамиля признавался: «...Наши войска избегали столкновений с пехотой особенно на ровных местах (*сахра*), т. к. выбить русских с позиций очень трудно любому, и это известная истина»¹⁰⁵³. Участник войны в Чечне 1850-х гг. констатировал, что «неприятель никогда в то время на Кавказе не решался нападать на нас в открытом поле. Исключения были весьма редкие. Горцы всегда избегали встречи с нашими штыками и оказывали должное уважение картечным залпам нашей артиллерии»¹⁰⁵⁴.

Англичанин Ч. Дункан, участник турецких кампаний на Кавказе, с разочарованием отмечал полную непригодность воинства Шамиля к операциям на открытых пространствах. По словам Дункана, «одного-единственного русского драгунского полка, поддерживаемого ротой конной артиллерии, было бы достаточно для того, чтобы разогнать любое войско, которое Шамиль смог бы вывести на равнины...»¹⁰⁵⁵. К сожалению, признавался князь М.С. Воронцов, «нигде регулярной кавалерии нельзя с таким успехом действовать в здешнем крае, как на обширной Шамхальской и Кумыкской равнинах»¹⁰⁵⁶. В тактическом отношении горцы не могли устоять перед регулярной армией. Не всегда вырuchали

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Акты, собранные Кавказскою Археографическою Комиссиею. Т. IX. Тифлис, 1884. С. 346 (далее – АКАК); *Маркова О.П.* Восточный кризис 30-х – начала 40-х годов XIX века и движение мюридизма // Исторические записки. 1953. Т. 42. С. 229; *Шульгин С.Н.* Из дагестанских преданий о Шамиле и его сподвижниках. Махачкала, 2008. С. 19; *Янжул М.А.* 80 лет боевой и мирной жизни 20-й артиллерийской бригады, 1806–1886. Исторический очерк войны и владычества русских на Кавказе. Т. 1. Тифлис, 1886. С. 499; *Dunlop J. B.* Russia Confronts Chechnya: Roots of a Separatist Conflict. Cambridge, 1998. P. 26.

² *Дегоев В.В.* Кавказская война: альтернативные подходы к ее изучению // Вопрос истории. 1999. № 7. С. 162.

³ *Фадеев Р.А.* Кавказская война. М., 2003. С. 55.

⁴ «...Военные силы мелких политических образований – сельских общин, их союзов и ханств – формировались по принципу всенародного ополчения... Горское общество каждого такого образования чаще всего называлось «войском» (*джайш*)... Привыкшие думать на родном языке авторы этих текстов так передавали местное понятие, обозначавшее одновременно и «общество», и «ополчение». У аварцев это слово *бо*, у даргинцев – *хуребо*, у разных андийских народов – *игва* [*иха*], у ближайших соседей дагестанских горцев из горной Грузии – *эри*... Смысл этого термина, кажется, в том, что в любую минуту средневековое горское общество, община, могло превратиться в военный отряд, способный сокрушить любого врага» (*Бобровников В.О.* Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие: Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М., 2002. С. 30–31).

⁵ *Gammer M.* The Beginnings of the Naqshbandiyya in Dāghestān and the Russian Conquest of the Caucasus // Die Welt des Islams. 1994. Bd. 34. Hf. 2. S. 208. Anm. 13; *Knysh A.* Sufism as an Explanatory Paradigm: The Issue of the Motivations of Sufi Resistance Movements in Western and Russian Scholarship // Die Welt des Islams. 2002. Bd. 42. Hf. 2. S. 146. Anm. 24.

⁶ *Березин И.* Путешествие по Дагестану и Закавказью. Ч. I. Казань, 1850. С. 91.

⁷ *Волконский Н.А.* Война на восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник. Т. XI. Тифлис, 1887. С. 122–123.

⁸ *Чжун Се Чжин.* Кавказская война и исламский фактор на Северном Кавказе (первая половина XIX века): Дисс. канд. ист. наук. М., 2005 (рукопись). С. 106.

⁹ *Бушуев С.К.* О кавказском мюридизме // Вопросы истории. 1956. № 12. С. 75.

¹⁰ Северный Кавказ в составе российской империи. М., 2007. С. 99.

¹¹ *Kemper M.* Khālidīyya Networks in Daghestan and the Question of Jihād // Die Welt des Islams. 2002. Bd. 42. Hf. 1. S. 42–43.

¹² Цит. по: *Бобровников В.* Историк джихада Хаджи-Али Чохский: опыт критической биографии // Ахульго. 2009. № 9. С. 19.

¹³ *Дубровин Н.Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I. Кн. I. СПб., 1871. С. 545; *Захарьин (Якунин) И.Н.* Кавказ и его герои. Кн. 2. СПб., 1902. С. 364; *Касумов С.* Некоторые подробности из жизни и сословного происхождения второго имама Дагестана Гамзат-бека // Актуальные проблемы Кавказской войны и наследие имама Шамиля. Махачкала, 2012. С. 171; *Окольничий Н.* Перечень последних военных событий в Дагестане. (1843 год) // Военный сборник. 1859. № 2. С. 351.

¹⁴ АКАК. Т. VII. Тифлис, 1878. С. 531.

¹⁵ АКАК. Т. IX. С. 375, 784; *Бестужев-Марлинский А.А.* Полн. собр. соч. Ч. VI. СПб., 1838. С. 204; Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50 гг. XIX века: Сб. док. Махачкала, 1959. С. 331 (далее – ДГСВК); *Загорский Ив.* Восемь месяцев в плену у горцев // Кавказский сборник. Т. XIX. Тифлис, 1898. С. 222; *Захарьин (Якунин) И.Н.* Кавказ и его герои... Кн. 2. С. 361; *Карякин И.* Возражение на статью г. Зиссермана «Осада Бурной и Дербента Кази-Муллою в 1831 г.» // Русский вестник. 1865. Т. 60. № 12. С. 653; *Костенецкий Я.* Записки об аварской экспедиции на Кавказе. СПб., 1851. С. 5; *Лермонтов М.Ю.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 2. М., 2000. С. 162, 329; *Окольничий Н.* Перечень последних военных событий в Дагестане. (1843 год) // Военный сборник. 1859. № 5. С. 334; Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб., 2000. С. 235, 239; Подполковник Бибанов // Кавказцы, или Подвиги и жизнь замечательных лиц, действовавших на Кавказе. Вып. 1–2. СПб., 1857. С. 7; *Покровский Н.И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2009. С. 312; *Потто В.А.* Кавказская война. Т. 5. Ставрополь, 1994. С. 46; Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля. М.; Л., 1941. С. 43, 54; *Юров А.* 1844-й год на Кавказе // Кавказский сборник. Т. VII. Тифлис, 1883. С. 315, 316; *Jaworski H.* Wspomnienia Kaukazu. Cz. III. Poznań,

1877. С. 30 (чалму также носили паломники в Мекку – хаджи).

¹⁶ Захарьин (Якунин) И.Н. Кавказ и его герои... Кн. 2. С. 473.

¹⁷ Доного Х.М., Касумов С. Имам Гамзат. Махачкала, 2012. С. 141, 205, 290.

¹⁸ Гакстгаузен А., фон. Закавказский край. Ч. II. СПб., 1857. С. 203. Мухаммад носил черную головную повязку во время визита к Абу Бакру и при последнем появлении на публике перед смертью (*Stillman Y. K., Stillman N. A. Arab Dress: A Short History. Leiden; Boston, 2003. P. 16*). Хадисы с описаниями тюрбана (*имама*) пророка, как правило, грешат анахронизмами (*Ibid. P. 17*).

¹⁹ Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи... С. 100.

²⁰ Ржевуский А. 1845-й год на Кавказе // Кавказский сборник. Т. VI. Тифлис, 1882. С. 401.

²¹ Дневник полковника Руновского // АКАК. Т. XII. Тифлис, 1904. С. 1433. Еще в 1854 г. чалму носили одни мюриды, а не простые ополченцы (*Вердеревский Е.А. Плен у Шамиля. Ч. 1. СПб., 1856. С. 31*).

²² Зиссерман А.Л. История 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка (1726–1880). Т. 3. СПб., 1881. С. 5–6.

²³ Абдурахман ал-Газикумуки. Краткое изложение подробного описания дел имама Шамиля: Калуга, 1281 г. х. М., 2002. С. 68.

²⁴ Румянцев И.Н. Новые проповедники мюридизма на Кавказе. (Из записок пленного). СПб., 1878. С. 83.

²⁵ Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний. Махачкала, 1997. С. 66, 173.

²⁶ Блюев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994. С. 395; Дневник полковника Руновского... С. 1433; Книга Асари-Дагестан. (Исторические сведения о Дагестане) // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 46. Махачкала, 1929. С. 135; Пржецлавский П. Дагестан, его нравы и обычаи // Вестник Европы. 1867. Т. III. № 3. С. 154; Румянцев И.Н. Новые проповедники мюридизма... С. 27; Чичагова М.Н. Шамиль на Кавказе и в России. М., 1995. С. 50.

²⁷ Мюридизм на Кавказе // Русский художественный листок. 10.12.1859. № 35. С. 128.

²⁸ Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний... С. 52; Султан Адиль-Гирей. Рассказ Аварца. (Из походного дневника) // Сборник газеты Кавказ. Второе полугодие 1847 года. Тифлис, 1848. С. 138; Вердеревский Е.А. Плен у Шамиля. СПб., 1856. Приложения. С. 43; Румянцев И.Н. Новые проповедники мюридизма... С. 22–23; Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи... С. 218; Schamyl at Home; or, Glimpses of the Domestic Life of the Circassian Warrior // Home Friend. 1855. Vol. 2. P. 161. Кебед-Мухаммад, как и сам Шамиль, носил белую чалму с развевающимся концом (*Румянцев И.Н. Новые проповедники мюридизма... С. 97*).

²⁹ Ржевуский А. 1845-й год на Кавказе // Кавказский сборник. Т. VII. Тифлис, 1883. С. 410. Разговорная версия для обозначения потомков пророка (неважно, реальных или, что вероятнее, вымышленных) – *сеиды*.

³⁰ Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний... С. 86; 100 писем Шамиля. Махачкала, 1997. С. 243.

³¹ Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний... С. 88.

³² «Шамиль любил такой цвет» (*Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний... С. 140*).

³³ «На Востоке любимый цвет духовенства» (*Березин И. Путешествие по Дагестану... С. 104*).

³⁴ Крымин А.В. Тарикат // Кавказский сборник. Т. 1 (33). М., 2004. С. 143–144.

³⁵ АКАК. Т. VII. С. 535; Волконский Н.А. Война на восточном Кавказе... // Кавказский сборник. Т. XI. С. 163, 167–169; Дневник полковника Руновского... С. 1496; Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск, 2002. С. 368; Окольников Н. Перечень... // Военный сборник. 1859. № 2. С. 355. Большая цифра, впрочем, маловероятна. По замечанию Волконского, настаивавшего на оценке сил имама в более 6000 чел., «здесь взята самая меньшая и наиболее достоверная цифра... основанная, как видно, на донесениях лазутчиков... По другим же современным известиям, Кази-мулла имел у себя от восьми до девяти тысяч воинов» (*Волконский Н.А. Война на восточном Кавказе... // Кавказский сборник. Т. XI. С. 169. Прим. 31*). Ср.: Алиханов М. В горах Дагестана. Путевые впечатления и рассказы горцев. Махачкала, 2005. С. 161 (8–10 тыс. чел.); Потто В.А. Кавказская война... С. 49 (о 8 или 12-тысячной армии под Хунзахом).

³⁶ Согласно возражению участника военных действий с русской стороны, «там весьма немного находилось и жителей Шамхальского владения, а скопище Кази-Муллы... состояло исключительно из Салатавцев, Ичкеринцев и Чеченцев» (*Карякин И. Возражение на статью г. Зиссермана... С. 663*).

³⁷ Климан Ф., фон. Война на восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник. Т. XV. Тифлис, 1894. С. 565.

³⁸ АКАК. Т. VIII. Тифлис, 1881. С. 530, 534, 676; Волконский Н.А. Война на восточном Кавказе... // Кавказский сборник. Т. XI. С. 153; Он же. Война на восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник. Т. XIII. Тифлис, 1889. С. 223, 225, 228, 235 (всего под Внезапной к концу осады собралось 14 тыс. чел.), 313, 322 («по собранным сведениям, в последние три дня блокады [Дербента] у Кази-муллы было до пятнадцати тысяч человек»); Он же. Война на восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник. Т. XIV. Тифлис, 1890. С. 119–120 (набег Гази-Мухаммада на Кизляр – с 1000 добронных мюридов); ДГСВК. С. 96, 97, 109 («большая часть его [Гази-Мухаммада] скопища по разделу отбитых у каранайцев баранов разошлась»); Зиссерман А.Л. Материалы для истории Кавказской войны // Русский вестник. 1872. Т. 101. № 10. С. 418; Он же. Осада Казы-Муллою Бурной и Дербента в 1831 году // Русский вестник. 1864. Т. 54. № 12. С. 705, 722; Клычников Ю.Ю., Умеренкова Н.А. Осада Дербента Кази-муллой в воспоминаниях А.А. Бестужева-Марлинского // Историче-

ское регионоведение Северного Кавказа – вузу и школе. Ч. I. Армавир, 2001. С. 21; Книга Асари-Дагестан... С. 129; Материалы к истории покорения Восточного Кавказа и борьбы с мюридизмом // Кавказский сборник. Т. XXXII. Ч. I. Тифлис, 1912. С. 109; *Окольничий Н.* Перечень... // Военный сборник. 1859. № 2. С. 360–361 (рейд имама на Кизляр – «с конницей, набранной из Тавлинцев, Чеченцев и Кумыков»); *Ольшевский М.Я.* Кавказ с 1841 по 1866 год. СПб., 2003. С. 80. Участник рейда на Кизляр вспоминал, что «нас было всего 3000 чел., из которых 200 остались за Терек» (*Владыкин М.* Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу. Ч. II. М., 1885. С. 144).

³⁹ АКАК. Т. VIII. С. 531; *Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказская война... С. 289, 290, 296; *Волконский Н.А.* Война на восточном Кавказе... // Кавказский сборник. Т. XIII. С. 184–188, 190, 192, 194, 200, 206, 210, 225, 272, 288–289, 291; ДГСВК. С. 90; Жизнеописание генерала от кавалерии Эммануэля, сочиненное князем Н.Б. Голицыным / Вступ. статья, комм. Г.Г. Лисицыной, В.М. Файбисовича. М., 2004. С. 287, 306, 307, 309, 338; Материалы к истории покорения Восточного Кавказа... С. 1.

⁴⁰ *Окольничий Н.* Перечень... // Военный сборник. 1859. № 2. С. 354; *Р-в Н.* Начало и постепенное развитие мюридизма на Кавказе // Русский художественный листок. 20.12.1859. № 36. С. 129–130.

⁴¹ Цит. по: *Карпов Ю.Ю.* Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. СПб., 2007. С. 389. Мобилизационный потенциал имама значительно завышен Мочульским. Любопытно было бы сравнить его оценки с версией Ксавье Оммера д'Эль, который долгое время провел на Кавказе и общался с представителями российского командования: «К несчастью для него [Гази-Мухаммада], племена не могли прийти к согласию... Кази-Муллы никогда не удавалось собрать свыше 3000–4000 человек» (*Hommage de Hell X.* Situation des Russes dans le Caucase. P., 1844. P. 19).

⁴² ДГСВК. С. 134; *Неверовский.* Истребление аварских ханов в 1834 году. СПб., 1848. С. 17; *Покровский Н.И.* Кавказские войны... С. 318. Прим. 1. Относительно 30 000 горцев: утверждение Аслан-хана Казикумухского в письме генерал-майору Вольховскому; доверять этой оценке не стоит, как и цифре 20 000.

⁴³ АКАК. Т. VIII. С. 569, 572, 581, 587; *Гаджи-Али.* Сказание очевидца о Шамиле. Махачкала, 1990. С. 13; *Зиссерман А.Л.* История 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка. (1726–1880). Т. 2. СПб., 1881. С. 31; *Исалабдулаев М.А.* Участие андалальцев в Кавказской войне 20–50 гг. XIX в.: Дисс. канд. ист. наук. Махачкала, 2005 (рукопись). С. 52; *Клычников Ю.Ю.* Российская политика на Северном Кавказе... С. 392; *Олейников Д.И.* Шамиль // Вопросы истории. 1996. № 5–6. С. 61; *Эсадзе С.* 1859 – 25.VIII – 1909. Штурм Гуниба и пленение Шамиля. Исторический очерк Кавказско-горской войны в Чечне и Дагестане. Тифлис, 1909. С. 71–72.

⁴⁴ *Такстгаузен А., фон.* Закавказский край... С. 203.

⁴⁵ Но, скорее, дезертиры сохранили бы прежние форменные мундиры и ружья. Кроме того, штатная численность пехотной роты 1830-х гг. составляла 295 чинов. Вызывает сомнения подобное количество беглых солдат при втором имама – столько дезертиров одновременно смог собрать только Шамиль и годы спустя, а в 1830-е гг. обращение горцев с беглецами было далеко не дружественное.

⁴⁶ В 1834 г.

⁴⁷ В 1836 г.

⁴⁸ Выписка из путевого журнала Генерального штаба штабс-капитана Прушановского // Кавказский сборник. Т. 23. Тифлис, 1902. С. 22–23. См.: *Асхабалиев Р.Х.* Государство Имамат и роль ислама в его становлении и развитии: Дисс. канд. ист. наук. Махачкала, 2002 (рукопись). С. 118; *Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказская война... С. 318; *Дегоев В.В.* Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М., 2001. С. 80; *Лалин В.В.* Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб., 2008. С. 92; *Магомедов М.Б.* Антифеодальная и антиколониальная борьба горцев Дагестана и Чечни в 20–50-х годах XIX века (по материалам основных сражений): Автореф. дисс. канд. ист. наук. Махачкала, 1998. С. 26; *Он же.* Кавказская война 20–50-х годов XIX века: историко-правовые аспекты: Дисс. д-ра ист. наук. Махачкала, 2004 (рукопись). С. 91, 258–259; *Халилов А.М.* Национально-освободительное движение горцев Северного Кавказа под предводительством Шамиля. Махачкала, 1991. С. 147.

⁴⁹ *Карпов Ю.Ю.* Взгляд на горцев... С. 469.

⁵⁰ Он же Броневский, или Броневич; рядовой 43-го егерского полка 22-й дивизии. Бежал в горы из Горячеводского укрепления 10 июля 1833 г., 20 июля присоединился к имама, на протяжении восьми месяцев сопровождал Гамзата, стал начальником его личной стражи (?), воевал на его стороне (был ранен под Гергебилем) и помогал ему строить укрепления. См. о нем: *Боголюбов А.А.* Поляки на Северном Кавказе в XIX–XX вв. Краснодар, 2008. С. 82–83; *Клычников Ю.Ю.* Российская политика на Северном Кавказе... С. 109; *Маркова О.П.* Восточный кризис... С. 231; *Покровский Н.И.* Кавказские войны... С. 26–27; *Порада А.М.* Поляки на Кавказе // Европа и Северный Кавказ в XIX–XX вв.: опыт межкультурной коммуникации и социокультурной адаптации. Ставрополь, 2005. С. 20–21.

⁵¹ *Покровский Н.И.* Кавказские войны... С. 308. Прим. 2.

⁵² *Bodenstedt F.* Les Peuples de Caucase et leur guerre d'indépendance contre la Russie. P., 1859. P. 496–497.

⁵³ *Baddeley J.* The Russian Conquest of the Caucasus. L., 1908. P. 364 (сравнивает по этому поводу Гамзат-бека и Аббас-Мирзу); *Mackie J. M.* Life of Schamyl; and Narrative of the Circassian war of independence against Russia. Boston, 1856. P. 157; *Schamyl and Circassia.* Chiefly from Materials collected by Dr. Friedrich Wagner. Ed. by K. R. H. Mackenzie. L., 1854. P. 88 = *Wagner Fr.* Schamyl als Feldherr, Sultan und Prophet und der Kaukasus. Lpz, 1854. S. 64 (Вагнер, впрочем, скептически относился к авто-

ритету Боденштедта в целом; он пользовался и другими источниками информации – он даже выучил русский язык, беседовал и с русскими военными, и с пленником Шамиля – польским евреем); Warner. Schamyl, le prophète du Caucase. P., 1854. P. 12–13. Л. Мозер неверно истолковал текст Вагнера как указание на существование корпуса дезертиров под началом Гамзат-бека на службе у Шамиля (Moser L. The Caucasus and its people. L., 1856. P. 181)!

⁵⁴ Боденштедт, очевидно, неправильно перевел / истолковал текст Прушановского.

⁵⁵ Warner. Schamyl... P. 12–13.

⁵⁶ Климан Ф., фон. Война на восточном Кавказе... // Кавказский сборник. Т. XVI. С. 427.

⁵⁷ Бестужев-Марлинский А.А. Полн. собр. соч. Ч. VI. С. 159–160.

⁵⁸ Волконский Н.А. Война на восточном Кавказе... // Кавказский сборник. Т. XIII. С. 323.

⁵⁹ Волконский Н.А. Война на восточном Кавказе... // Кавказский сборник. Т. XIII. С. 220 (1831 г.); Доного Х.М., Касумов С. Имам Гамзат... С. 151; Покровский Н.И. Кавказские войны... С. 312.

⁶⁰ Климан Ф., фон. Война на восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник. Т. XVI. Тифлис, 1895. С. 459, 469–470.

⁶¹ АКАК. Т. VIII. С. 585 (после взятия Хунзаха Гамзат-бек, «по недостатку продовольствия, распустил скопища свои»); Волконский Н.А. Война на восточном Кавказе... // Кавказский сборник. Т. XIII. С. 240, 247 (Гази-Мухаммад после снятия осады с Внезапной по необходимости отпустил жителей Большой Чечни по домам для полевых работ, т. к. иначе бы они сами разбежались для обеспечения своих семейств на зиму); ДГСВК. С. 672; Костенецкий Я. Записки... С. 5; Магомедов М.Б. Кавказская война... С. 85; Фадеев А.В. Возникновение мюридистского движения на Кавказе и его социальные корни // История СССР. 1960. № 5. С. 57, 58; Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи... С. 63.

⁶² АКАК. Т. VIII. С. 554; Гржегоржевский И.А. Генерал-лейтенант Клюки-фон-Клугенау. Очерк военных действий и событий на Кавказе. 1818–1850 // Русская старина. 1874. № 11. С. 512; Климан Ф., фон. Война на восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник. Т. XVII. Тифлис, 1896. С. 373.

⁶³ Кублицкий П. Война на восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник. Т. XVIII. Тифлис, 1897. С. 333–334.

⁶⁴ Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний... С. 36; Доного Х.М. Победит тот, кто владеет Кавказом: Миниатюры Кавказской войны 1817–1864 гг. М., 2005. С. 6; Хайдарбек Геничутлинский. Историко-биографические и исторические очерки. Махачкала, 1992. С. 64; Чичагова М.Н. Шамиль... С. 24.

⁶⁵ АКАК. Т. VIII. С. 559, 561–563; Богуславский Л. История Апшеронского полка. 1700–1892. Т. I. СПб., 1892. С. 422; Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе... С. 390.

⁶⁶ Дроздов И. Начало деятельности Шамиля (1834–1836 г.) // Кавказский сборник. Т. XX. Тифлис, 1899. С. 263–264.

⁶⁷ АКАК. Т. IX. С. 213, 315; Материалы к истории покорения Восточного Кавказа... С. 345; Юров А. Три года на Кавказе. 1837–1839 // Кавказский сборник. Т. VIII. Тифлис, 1884. С. 81.

⁶⁸ АКАК. Т. IX. С. 334; Милютин Д.А. Описание военных действий 1839 года в Северном Дагестане. СПб., 1850. С. 26.

⁶⁹ Материалы к истории покорения Восточного Кавказа... С. 391.

⁷⁰ Дневник полковника Руновского... С. 1513.

⁷¹ Захарьин (Якунин) И.Н. Кавказ и его герои... Кн. 2. С. 475.

⁷² Асхаб (сахаба) – соратники пророка Мухаммада. Здесь: сподвижники имама.

⁷³ Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний... С. 155.

⁷⁴ Вердеревский Е.А. Плен у Шамиля... Приложения. С. 23; ДГСВК. С. 416, 419–420; Чичагова М.Н. Шамиль... С. 49–50.

⁷⁵ Ржевуский А. 1845-й год... // Кавказский сборник. Т. VI. С. 402, 404.

⁷⁶ Покровский Н.И. Кавказские войны... С. 451. Прим. 5. Ср.: Окольничий Н. Перечень... // Военный сборник. 1859. № 2. С. 402.

⁷⁷ ДГСВК. С. 329.

⁷⁸ Генерал Фрейтаг и его боевые товарищи. Три эпизода из истории завоевания Кавказа // Русская старина. 1873. № 6. С. 832.

⁷⁹ Загорский Ив. Восемь месяцев в плену... С. 229.

⁸⁰ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 246; История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988. С. 155; Кусов Г.И. Малоизвестные страницы кавказского путешествия А.С. Пушкина. Орджоникидзе, 1987. С. 201; Тотоев М.С. Из истории дружбы осетинского народа с великим русским народом. Орджоникидзе, 1963. С. 45.

⁸¹ Селение «Русский Мартан» упоминается, например, в 1807 г.

⁸² Вердеревский Е.А. Плен у Шамиля. Ч. 3. СПб., 1856. С. 11–12, 14, 15; Приложения... С. 47; Шамиль, бывший имам Чечни и Дагестана. СПб., 1859. С. 11–12; Шамиль и Чечня // Военный сборник. 1859. № 9. С. 141; [Вердеревский Е.А.] Captivity of two Russian Princesses in the Caucasus. Pt. III. L., 1857. P. 288.

⁸³ Ржевуский А. 1845-й год... // Кавказский сборник. Т. VI. С. 404–405.

⁸⁴ Дневник полковника Руновского... С. 1474; Надеждин П.П. Кавказский край. Природа и люди. Тула, 1895. С. 402; Руновский А. Шамиль. Биографический очерк // Кавказский календарь на 1861 год. Тифлис, 1860. Отд. IV. С. 57; Он же. Кодекс Шамиля // Военный сборник. 1862. Т. 23. № 2. С. 371–372; Он же. Мюридизм и газават по объяснению Шамиля. Тифлис, 1863. С. 12. Прим. 1.

⁸⁵ Выдержки из записок Абдурахмана сына Джемаледдинова, о пребывании Шамиля в Ведене и о прочем. Тифлис, 1862. С. 9, 12, 14, 15–16.

- ⁸⁶ Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний... С. 154–155; Выдержки из записок Абдурахмана... С. 16–17, 19; Gilles F. Lettres sur le Caucase et la Crimée. P., 1859. P. 119.
- ⁸⁷ Покровский Н.И. Мюридизм у власти («Военно-теократическая» держава Шамиля) // Историк-марксист. 1934. Т. 2 (36). С. 63.
- ⁸⁸ Kalinowski K. Pamiętnik Mojej żołnierzki na Kaukazie i niewoli u Szamilia. od roku 1844 do 1854. Warszawa, 1883. S. 211.
- ⁸⁹ Kalinowski K. Pamiętnik... S. 126.
- ⁹⁰ Зиссерман А.Л. Материалы... С. 454; Bodenstedt F. Les Peuples de Caucase... P. 612.
- ⁹¹ ДГСВК. С. 421.
- ⁹² Дубровин Н.Ф. История войны... С. 481.
- ⁹³ Эсадзе С. 1859 – 25.VIII – 1909. Штурм Гуниба... С. 129.
- ⁹⁴ Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи... С. 97. Об этой кампании см.: Gammer M. The Siege of Akhulghoh – A Reconstruction and Reinterpretation // Asian and African Studies. 1991. Vol. 25. № 2. P. 103–118.
- ⁹⁵ Милютин Д.А. Описание... С. 25.
- ⁹⁶ АКАК. Т. IX. С. 328; Записная книжка графа П.Х. Граббе. М., 1888. С. 105; Милютин Д.А. Описание... С. 51, 57; Осада Кавказа... С. 214; Юров А. Три года на Кавказе (1837–1839) // Кавказский сборник. Т. IX. Тифлис, 1885. С. 26, 30; Bodenstedt F. Les Peuples de Caucase... P. 567. Впрочем, из этих 10 или 16 тысяч далеко не все приняли непосредственное участие в бою, многие (преимущественно андийцы) предпочли остаться «бездейственными наблюдателями с высоты гор» (Милютин Д.А. Описание... С. 65; Baddeley J. The Russian Conquest... P. 317–318). Псевдоисторик Б.-Э. Хурш, о «методике» которого см. далее, «уточняет состав и расположение сил Шамиля [при Аргуани/Аргвани], указывая их численность – 2900 человек» (Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М., 1998. С. 445. Прим. 32), но его «подсчеты» не имеют ровным счетом никакого научного значения.
- ⁹⁷ АКАК. Т. IX. С. 287; ДГСВК. С. 195.
- ⁹⁸ Зиссерман А.Л. Материалы... С. 422. Ср.: Эсадзе С. 1859 – 25.VIII – 1909. Штурм Гуниба... С. 104 (не более 1200 мюридов к середине июля).
- ⁹⁹ Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе... С. 414; Милютин Д.А. Описание... С. 75; Юров А. Три года... // Кавказский сборник. Т. IX. С. 42; Baddeley J. The Russian Conquest... P. 323.
- ¹⁰⁰ Милютин Д.А. Описание... С. 104; Юров А. Три года... // Кавказский сборник. Т. IX. С. 51, 66.
- ¹⁰¹ Богуславский Л. История Апшеронского полка... Т. I. С. 498. Высказанное одним журналистом мнение о 10 тыс. обороняющихся в Ахульго (Соболев Б.И. Штурм будет стоить дорого... Кавказская война XIX века в лицах. М., 2001. С. 46), не заслуживает внимания. Отметим также, что в 1837 г., защищая Ашильты, Шамиль посадил в замок этого селения до 200 чел., и еще до 500 лезгин располагались на высотах противоположного берега реки (Гизетти А.Л. Сборник сведений о георгиевских кавалерах и боевых знаках отличий кавказских войск. Ч. I. Тифлис, 1901. С. 53). Оценка участника штурма («тысяч до пяти отчаянных мюридов и жителей») явно завышена (Костенецкий Я. Записки... С. 65).
- ¹⁰² Записная книжка графа П.Х. Граббе... С. 112.
- ¹⁰³ Такстгаузен А., фон. Закавказский край... С. 211; История Дагестана: В 4 т. Т. II. М., 1968. С. 104.
- ¹⁰⁴ Милютин Д.А. Воспоминания. 1843–1856. М., 2000. С. 41.
- ¹⁰⁵ Колюбакин Б.М. Кавказская экспедиция в 1845 году. СПб., 1907. С. 12.
- ¹⁰⁶ Соллогуб В.А. Год военных действий за Кавказом. 1853–1854 // Библиотека для чтения. 1857. Т. 142. Отд. II. С. 15–16.
- ¹⁰⁷ Костенецкий Я. Записки... С. 82.
- ¹⁰⁸ Ольшевский М.Я. Кавказ... С. 75.
- ¹⁰⁹ Зиссерман А.Л. Материалы... С. 446.
- ¹¹⁰ Арсанукаева М.С. Военная организация в имамате Шамиля (30–50-е гг. XIX в.) // Кавказские научные записки. 2011. № 4 (9). С. 179.
- ¹¹¹ Цит. по: Покровский Н.И. Кавказские войны... С. 395.
- ¹¹² Выдержки из записок Абдурахмана... С. 23.
- ¹¹³ Приложения к статье «1844-й год на Кавказе» // Кавказский сборник. Т. VII. Тифлис, 1883. С. 381. Здесь дипломатичный экс-правитель явно чрезмерно польстил соотечественникам. Получивший образование и европеизированный кавказец «осмотрел войска, артиллерию, устройство и порядок [Шамиля] и остался недовольным и все это счел за ничто» (Гаджи-Али. Сказание очевидца... С. 53–54).
- ¹¹⁴ Асхабалиев Р.Х. Государство Имамат... С. 106; Бушуев С.К. Государственная система имамата Шамиля // Историк-марксист. 1937. Кн. 5–6. С. 77 (Э. Тексье); Гаммер М. Шамиль... С. 202; Гагазова Л.С., Исмаил-Заде Д.И., Котов В.И., Некрасов А.М., Трепавлов В.В. Россия и Северный Кавказ: 400 лет войны? // Отечественная история. 1998. № 5. С. 126; Дегоев В.В. Имам Шамиль... С. 124, 197; Закс А.Б. Ташев хаджи // Вопросы истории 1993. № 4. С. 144; Ибрагимбеили Х.М. Кавказ в Крымской войне 1853–1856 гг. и международные отношения. М., 1971. С. 178; История Дагестана... С. 104; Казиев Ш. Имам Шамиль. М., 2003. С. 118; Карпеев И.В. Имамат – государство свободных горцев // Северный Кавказ в истории России. XIX век. М., 2004. С. 75; Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев... С. 402; Магомедов М.Б. Кавказская война... С. 113, 159, 218; Пирова Р.Н. Причины возникновения имамата и правотворческая деятельность Шамиля: Дисс. канд. ист. наук. Махачкала, 2006 (рукопись). С. 109; Садыхов А.Ч. Формы управления у народов Северо-Восточного Кавказа в первой половине XIX века: Дисс. канд. ист. наук. СПб., 2003 (рукопись). С. 82; Соболев Б.И. Штурм будет стоить дорого... С. 42; Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия. М., 1997. С. 71; Gammer M. Muslim Resistance to the Tsar: Shamil and the Conquest of Chechnia and Daghestan. L., 2004. P. 141; и др.

¹¹⁵ Дадаев Ю.У. Государство Шамиля: социально-экономическое положение, политико-правовая и военно-административная система управления: Дисс. д-ра ист. наук. Махачкала, 2006 (рукопись). С. 353, 365.

¹¹⁶ Gammer M. The Ottoman Reforms and Shaykh Shamil // Ottoman Reform and Muslim Regeneration: Studies in Honour of Butrus Abu-Manneb. L., 2005. P. 58.

¹¹⁷ Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа... С. 49; Садыхов А.Ч. Формы управления... С. 155.

¹¹⁸ См. об этом: Матвеев В.А. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX – начало XX в.): Дисс. канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2005 (рукопись). С. 83; Садыхов А.Ч. Формы управления... С. 173; Чжун Се Чжин. Кавказская война... С. 115. Ср.: Бушуев С.К. О кавказском мюридизме... С. 75. По словам Руновского, «звание мудира, вместе с некоторыми другими нововведениями по военной части, учреждено Шамилем по образцу турецкому» (Руновский А. Кодекс Шамиля... С. 361). В реальности, по египетскому, но, с другой стороны, Египет все же являлся вассалом Турции...

¹¹⁹ Kalinowski K. Pamiętnik... S. 214.

¹²⁰ Гаджиев В.Г. Шамиль (Историко-политический портрет) // Российский ежегодник. 1989. Вып. 1. С. 144; История народов Северного Кавказа... С. 153; Bodenstedt F. Les Peuples de Caucase... P. 594.

¹²¹ Gammer M. Muslim Resistance to the Tsar... P. 228. Э. Осли, при всей своей неграмотности, следуя Гаммеру, тоже пишет о постоянной армии имамата (Осли Э. Покорение Кавказа: Геополитическая эпопея и войны за влияние. М., 2008. С. 72).

¹²² Гаммер М. Шамиль... С. 309.

¹²³ Клычников Ю.Ю. Российская политика... С. 397; Он же. Очерки истории прошлого народов Северного Кавказа (материалы к изучению исторического регионоведения). Пятигорск, 2004. С. 82; Покровский Н.И. Кавказские войны... С. 382; Widerszal L. Sprawy kaukaskie w polityce europejskiej w latach 1831–1864. Warszawa, 1934. S. 27. Д.Ш. Кертисс также отмечает отсутствие регулярной армии у Шамиля (Curtiss J. S. The Russian Army under Nicholas I, 1825–1855. Durham, 1965. P. 161).

¹²⁴ О гражданских, военных и духовных постановлениях Шамиля // Военный сборник. 1900. № 3. С. 211, 212. Опубликованная рукопись извлечена «из бумаг бывшего командира 1-й легкой батареи Кавказской Гренадерской артиллерийской бригады полковника Де-Саже [Ф.Х. де Саже], – который почерпнул сведения об этих постановлениях из словесных показаний одного из приближенных Шамиля».

¹²⁵ Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний... С. 64.

¹²⁶ Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний... С. 175–176; Дневник полковника Руновского... С. 1506; Исалабдулаев М.А. Участие андалальцев в Кавказской войне... С. 103.

¹²⁷ Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний... С. 54, 62.

¹²⁸ О наибе Эски: «человек недалекого ума, но храбрый и отважный, а потому бывший в большой милости у Шамиля» (Николай Л.П. Эпизод из Кавказской войны // Военный сборник. 1865. Т. XLIV. № 7. С. 164). Наиб Чамалала Микаил из Гьаквари – «известный храбрец, пользовавшийся уважением у Шамиля. Он имел множество ран, из которых наиболее опасная была рана от штуцера [нарезного ружья], пробившая ему шею на вылет» (Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний... С. 54).

¹²⁹ Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний... С. 75–76; Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война... С. 375; Вердеревский Е.А. Плен у Шамиля... Приложения. С. 31; Дроздов И. Начало деятельности Шамиля... С. 263; Н.В. 1840, 1841 и 1842-й годы на Кавказе // Кавказский сборник. Т. XIII. Тифлис, 1889. С. 335; Ржевуский А. 1845-й год... // Кавказский сборник. Т. VI. С. 402, 403; Стецов В.В. «Солдаты» гор. Войско горцев времен имама Шамиля в 1830–1860 гг. // Воин. 2003. № 13. С. 76.

¹³⁰ Алиханов М. В горах Дагестана... С. 49–50; Владыкин М. Путеводитель... Ч. II. С. 231; Окольников Н. Перечень последних военных событий в Дагестане. (1843 год) // Военный сборник. 1859. № 3. С. 16; Потто В.А. Гаджи-Мурат (Биографический очерк) // Военный сборник. 1870. № 11. С. 167; Чипаивили С.О. Политические лидеры в контексте социокультурных реалий Дагестана первой половины XIX века (Этнопсихологический аспект): Дисс. канд. ист. наук. СПб., 2006 (рукопись). С. 182–184; Шульгин С.Н. Предание о шамилевском наибе Хаджи-Мурате // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 40. Тифлис, 1909. Отд. 1-й. С. 60; Gralewski M. Kaukaz. Wspomnienia z dwunastoletniej niewoli. Lwów, 1877. S. 342.

¹³¹ Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе (1842–1867). Ч. 2. СПб., 1879. С. 197.

¹³² Абдурахман ал-Газикумуки. Краткое изложение... С. 158. Прим. 70.

¹³³ Дубровин Н.Ф. История войны... С. 472.

¹³⁴ Нередко в эту сферу их деятельности вмешивался сам Шамиль. Например, имам в 1844 г., опасаясь, что салатавцы перейдут на сторону русских, удалил их семьи в леса, «обставив пикетами все лесные тропинки», и эти посты Шамиля с точностью исполняли свои обязанности (АКАК. Т. IX. С. 875). В октябре 1845 г. имам распорядился об учреждении постоянных караулов (100 всадников) в Гойтинском лесу и в Белгатое за р. Аргун (Ржевуский А. 1845-й год... // Кавказский сборник. Т. VI. С. 427).

¹³⁵ Низам Шамиля. (Материал для истории Дагестана) // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. III. М., 1992. (Репринт. изд.) Паг. 2-я. С. 8.

¹³⁶ Дубровин Н.Ф. История войны... С. 474–475; Шамиль и Чечня... С. 142; Эсадзе С. 1859 – 25.VIII – 1909. Штурм Гуниба... С. 128.

¹³⁷ См.: Казиев Ш., Карпеев И. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. М., 2003. С. 61;

- Покровский Н.И. Мюридизм у власти... С. 61. Источник 1855 г. именует пятисотенного командира *мезеин* (Вердеревский Е.А. Плен у Шамиля... Приложения. С. 11; [Bünting.] A Visit to Schamyl. L., 1857. P. 6), что похоже на исказженное *мазун*.
- ¹³⁸ Садыхов А.Ч. Формы управления... С. 100–101.
- ¹³⁹ Арабоязычные документы эпохи Шамиля. М., 2001. С. 19.
- ¹⁴⁰ Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний... С. 52; Асхабалиев Р.Х. Государство Имамат... С. 91; Дегоев В.В. Имам Шамиль... С. 200; Дневник полковника Руновского... С. 1443; Козубский Е.И. История Дагестанского конного полка. Петровск, 1909. С. 106–107; Окольный Н. Перечень... // Военный сборник. 1859. № 2. С. 400; Ольшевский М.Я. Кавказ... С. 70; Покровский Н.И. Кавказские войны... С. 424; Руновский А. Кодекс Шамиля... С. 360; Садыхов А.Ч. Формы управления... С. 95; Шамиль и Чечня... С. 141; Bodenstedt F. Les Peuples de Caucase... P. 595.
- ¹⁴¹ ДГСВК. С. 495; Низам Шамиля... С. 8.
- ¹⁴² Арабоязычные документы эпохи Шамиля... С. 29, 54, 55.
- ¹⁴³ АКАК. Т. XII. Тифлис, 1904. С. 1035–1038.
- ¹⁴⁴ Дневник полковника Руновского... С. 1443.
- ¹⁴⁵ О гражданских, военных и духовных постановлениях Шамиля... С. 212.
- ¹⁴⁶ К. Зимняя экспедиция 1852 г. в Чечне. (Воспоминания очевидца) // Кавказский сборник. Т. XIII. Тифлис, 1889. С. 459.
- ¹⁴⁷ Волконский Н.А. 1858 год в Чечне // Кавказский сборник. Т. III. Тифлис, 1879. С. 526; Письма князя М.С. Воронцова к А.П. Ермолову // Русский архив. 1890. № 2. С. 181–182; К. Левый фланг Кавказской линии в 1848 году // Кавказский сборник. Т. XI. Тифлис, 1887. С. 368–369.
- ¹⁴⁸ Юров А. 1840, 1841 и 1842-й годы на Кавказе // Кавказский сборник. Т. X. Тифлис, 1886. С. 319.
- ¹⁴⁹ Юров А. 1844-й год... С. 297.
- ¹⁵⁰ Ржевуский А. 1845-й год... // Кавказский сборник. Т. VI. С. 417.
- ¹⁵¹ Дневник полковника Руновского... С. 1448.
- ¹⁵² Окольный Н. Перечень... // Военный сборник. 1859. № 2. С. 405–406; Bodenstedt F. Les Peuples de Caucase... P. 609.
- ¹⁵³ Ливенцов М. Воспоминания о службе на Кавказе в начале сороковых годов. (Извлечения из дневника) // Русское обозрение. 1894. № 8. С. 722.
- ¹⁵⁴ АКАК. Т. X. Тифлис, 1885. С. 903; Волконский Н.А. 1858 год в Чечне... С. 563–565.
- ¹⁵⁵ Зиссерман А.Л. История 80-го пехотного Кабардинского... полка... Т. 3. С. 195, 249–250; Wl-off G. Souvenirs d'un officier du Caucase. P., 1899. P. 200.
- ¹⁵⁶ Властов Г.К. Война в Большой Чечне. Б. М., 1856. С. 47.
- ¹⁵⁷ Wagner Fr. Schamyl... S. 64 (*eine Nationalgarde oder Miliz*). **Ополчение:** Блиев М.М. Кавказская война. Социальные истоки, сущность // История СССР. 1983. № 2. С. 70; Бушуев С.К. Государственная система имамата... С. 96; Гаммер М. Шамиль... С. 309; Георгиев В.А., Георгиева Г.К. Кавказская война (1829–1864 гг.) // Сборник РИО. Т. 2 (150). М., 2000. С. 164; Дегоев В.В. Имам Шамиль... С. 198–201; Карпеев И.В. Имамат... С. 77; Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне... С. 102; Садыхов А.Ч. Формы управления... С. 155, 157–158; Стецов В.В. «Солдаты» гор... С. 75–76, 77; Халилов А.М. Национально-освободительное движение... С. 92; Baddeley J. The Russian Conquest... P. 362; Gammer M. Muslim Resistance to the Tsar... P. 227–228; Dulaurier E. La Russie dans la Caucase. III // Revue des Deux-Mondes. 1861. Т. 33. P. 315.
- ¹⁵⁸ Казиев Ш. Имам Шамиль... С. 119.
- ¹⁵⁹ Бушуев С.К. К биографии Шамиля // Красный Архив. 1941. № 105. С. 118; Он же. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М.; Л., 1939. С. 123.
- ¹⁶⁰ Гакстгаузен А., фон. Закавказский край... С. 214; История Дагестана... С. 104.
- ¹⁶¹ Романовский Д. Кавказ и Кавказская война: Публ. лекции, прочит. в зале Пассажа в 1860 г. Ген. штаба полковником Романовским. Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны: Ист. очерк Кавказ.-гор. войны в Закубан. крае и Черномор. побережье. М., 2004. С. 193; Gralowski M. Kaukaz... S. 468 (по его мнению, призывной возраст – от 20 до 60 лет). В сфабрикованном Шамилем обращении Ибрагим-паши Египетского к горцам (1843 г.) последним предписывалось вооружаться «с 17 до 40-летнего возраста» (Гордин Я.А. Год 1843 – цена сомнений // Звезда. 1996. № 3. С. 165).
- ¹⁶² Кандур М. Мюридизм. История Кавказских войн 1819–1859 гг. Нальчик, 1996. С. 93; Schamyl and Circassia... P. 88.
- ¹⁶³ Окольный Н. Перечень... // Военный сборник. 1859. № 2. С. 401.
- ¹⁶⁴ Дубровин Н.Ф. История войны... С. 485; Даргинская трагедия. 1845 год. СПб., 2001. С. 320; Низам Шамиля... С. 11–12; Zelkina A. Jihād in the name of God: Shaykh Shamil as the religious leader of the Caucasus // Central Asian Survey. 2002. Vol. 21. № 3. P. 259.
- ¹⁶⁵ ДГСВК. С. 501.
- ¹⁶⁶ Дидимов К. Экспедиция в Чанты-Аргунское ущелье, с 1-го июля по 19-е августа 1858 года // Военный сборник. 1859. № 8. С. 270.
- ¹⁶⁷ Алим – в Дагестане как собственно ученый, знаток права, преподаватель медресе, так и человек с большими познаниями вообще. Муталим (мутааллим) – ученый медресе.
- ¹⁶⁸ Абдурахман Газикумухский. Как наши люди выходили на джихад // Ахульго. 2005. № 7. С. 24. Однако здоровые алимы несли военную службу наравне с прочими. Немало набов также было из алимов.
- ¹⁶⁹ Абдурахман Газикумухский. Как наши люди выходили на джихад... С. 25; Бушуев С.К. Государственная система имамата... С. 98; Гемер М. Государство Шамиля // Восток. 1993. № 2. С. 39; Дневник полковника Руновского... С. 1398, 1399, 1521–1522; Руновский А. Записки о Шамиле. Махачкала, 1989. С. 130; 100 писем Шамиля...

С. 238; *Zelkina A.* In Quest for God and Freedom: The Sufi Response to the Russian Advance in the North Caucasus. L., 2000. P. 209–210. Not. 39.

¹⁷⁰ *Абдурахман Газикумухский.* Как наши люди выходили на джихад... С. 25. Ср.: Выдержки из записок Абдурахмана... С. 23; *Руновский А.* Шамиль... С. 57; *Садыхов А. Ч.* Формы управления... С. 79.

¹⁷¹ ДГСВК. С. 358, 403–404, 416; *Дубровин Н. Ф.* История войны... С. 485, 487; *Иванов И.* Чечня // Москвитянин. 1851. Т. 5. № 19–20. С. 199 («статья Иванова – почти дословное извлечение из... записки начальника левого фланга Кавказской линии ген.-майора Фрейтага (1843 г.) под заглавием “Описание гражданского быта чеченцев»»); История народов Северного Кавказа... С. 155; *Леонтович Ф. И.* Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточно-Кавказа. Вып. II. Одесса, 1883. С. 108; *Окольничий Н.* Перечень... // Военный сборник. 1859. № 2. С. 401; *Покровский Н. И.* Кавказские войны... С. 443–444; Шамиль и Чечня... С. 139; Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия... С. 72; Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. (Сб. документальных материалов). Тбилиси, 1953. С. 218 (далее – *ШССТАК*); *Юров А.* 1843-й год на Кавказе // Кавказский сборник. Т. VI. Тифлис, 1882. С. 45; *Bodenstedt F.* Les Peuples de Caucase... P. 597 (по одному человеку с каждых десяти домов аула – скорее речь идет о принципах набора муртазеков).

¹⁷² ДГСВК. С. 495.

¹⁷³ Низам Шамиля... С. 17–18.

¹⁷⁴ *Волконский Н. А.* Трехлетие на лезгинской кордонной линии (1847–1849) // Кавказский сборник. Т. IX. Тифлис, 1885. С. 264.

¹⁷⁵ *Бобровников В. О.* Мусульмане Северного Кавказа... С. 49.

¹⁷⁶ *Gammer M.* Muslim Resistance to the Tsar... P. 228.

¹⁷⁷ Ср.: Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи... С. 66.

¹⁷⁸ Дневник полковника Руновского... С. 1479.

¹⁷⁹ *Гордін Я. А.* Год 1843... С. 164; *Окольничий Н.* Перечень... // Военный сборник. 1859. № 2. С. 401.

¹⁸⁰ *Зиссерман А. Л.* Двадцать пять лет на Кавказе... Ч. 2. С. 47; *Ланин В. В.* Армия России в Кавказской войне... С. 101.

¹⁸¹ Арабоязычные документы эпохи Шамиля... С. 29.

¹⁸² 100 писем Шамиля... С. 126, 263.

¹⁸³ ДГСВК. С. 507.

¹⁸⁴ *Ольшевский М. Я.* Кавказ... С. 108.

¹⁸⁵ История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв.: Архивные материалы. М., 1958. С. 210, 328.

¹⁸⁶ *Колюбакин Б. М.* Кавказская экспедиция в 1845 году... С. 17; Краткий очерк Кавказского края в военном отношении. Из лекций полковника Милютин. Б. М., 1848 (рукопись). Л. 140.

¹⁸⁷ История, география и этнография Дагестана... С. 309.

¹⁸⁸ *Торнау Ф. Ф.* Воспоминания русского офицера. М., 2002. С. 333.

¹⁸⁹ *Броневский С. М.* Новейшие Известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. Т. 1–2. СПб., 2004. С. 218.

¹⁹⁰ Амалат-Бек, кавказская быль // Русские повести и рассказы. Ч. 5. СПб., 1832. С. 62.

¹⁹¹ История, география и этнография Дагестана... С. 276, 291, 297.

¹⁹² Из записок Н. В. Исакова // Русская старина. 1917. Т. 171. № 7–9. С. 7–8.

¹⁹³ ДГСВК. С. 623.

¹⁹⁴ *Солтан В.* Очерк военных действий в Дагестане в 1854 году // Кавказский сборник. Т. XI. Тифлис, 1887. С. 538.

¹⁹⁵ АКАК. Т. IX. С. 436; *Ольшевский М. Я.* Кавказ... С. 262; *Юров А.* 1840, 1841 и 1842-й годы на Кавказе // Кавказский сборник. Т. XI. Тифлис, 1887. С. 204.

¹⁹⁶ *Н. Ш.* Генерал Вельяминов и его значение для истории Кавказской войны // Кавказский сборник. Т. VII. Тифлис, 1883. С. 82, 83.

¹⁹⁷ *Зиссерман А. Л.* Двадцать пять лет на Кавказе... Ч. 2. С. 253.

¹⁹⁸ *Потто.* Из записок кавказца. (Восемь лет в Куринском укреплении) // Военный сборник. 1871. № 5. С. 150.

¹⁹⁹ *Магомедов М. Б.* Кавказская война... С. 219; *Пирова Р. Н.* Причины возникновения имамата... С. 110; *Покровский Н. И.* Мюридизм у власти... С. 59–60.

²⁰⁰ АКАК. Т. X. С. 510, 528; *Богуславский Л.* История Апшеронского полка. 1700–1892. Т. II. СПб., 1892. С. 210, 213; *Драгун.* По поводу статьи: Воспоминание драгунского офицера о деле 8 апреля 1851 года // Военный сборник. 1860. № 11. С. 84; *Зиссерман А. Л.* Двадцать пять лет на Кавказе... Ч. 2. С. 50; *К.* Обзор событий на Кавказе в 1851 году // Кавказский сборник. Т. XVIII. Тифлис, 1897. С. 156, 172; *Шульгин С. Н.* Предание о шамилевском наибе Хаджи-Мурате... С. 56, 61; *Удовик В. А.* Воронцов. М., 2004. С. 368; *Ясулов Г.* Предания о Хаджи-Мурате // Дагестанский сборник. Т. 3. Махач-Кала, 1927. С. 25.

²⁰¹ ДГСВК. С. 278.

²⁰² *Н. В.* 1840, 1841 и 1842-й годы... // Кавказский сборник. Т. XIII. С. 338.

²⁰³ *Бобровский П. О.* История 13-го Лейб-гренадерского Эриванского Его Величества полка за 250 лет. 1642–1892. Ч. 4. СПб., 1895. С. 381.

²⁰⁴ *Дубровин Н. Ф.* История войны... С. 613–614.

²⁰⁵ *Богуславский Л.* История Апшеронского полка... Т. II. С. 63; *Окольничий Н.* Перечень... // Военный сборник. 1859. № 1. С. 159–160.

²⁰⁶ *А. П. К.* Кавказские войны // Военный энциклопедический лексикон. Т. VI. СПб., 1854. С. 651; ДГСВК. С. 368, 369, 370–371, 373, 416; *Окольничий Н.* Перечень... // Военный сборник. 1859. № 5. С. 312; 100 писем Шамиля... С. 198; *Юров А.* 1843-й год... С. 49, 131.

²⁰⁷ *Волконский Н. А.* Трехлетие в Дагестане. 1847-й год. Осада Гергебиля и взятие Салты // Кавказский сборник. Т. VI. Тифлис, 1882. С. 498.

- ²⁰⁸ ДГСВК. С. 622.
- ²⁰⁹ *Gammer M.* Muslim Resistance... P. 228.
- ²¹⁰ *Гаджиев В.Г.* Военная организация и воинские знаки отличия в государстве Шамиля // Государство и государственные учреждения в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1989. С. 98; *Дубровин Н.Ф.* История войны... С. 487; *Казем-Бек М.А.* Муридизм и Шамиль // Русское слово. 1859. № 12. С. 222.
- ²¹¹ *Зиссерман А.Л.* История 80-го пехотного Кабардинского... полка... Т. 3. С. 4–5.
- ²¹² *Gralewski M.* Kaukaz... S. 467.
- ²¹³ АКАК. Т. X. С. 548; *Богуславский Л.* История Апшеронского полка... Т. II. С. 228; *Волконский Н.А.* Трехлетие на лезгинской кордонной линии... С. 310; *Ибрагим-бейли Х.М.* Кавказ в Крымской войне... С. 173; *Ильин П.А.* Из событий на Кавказе. Набеги Шамиля в 1843 году // Русский вестник. 1872. Т. 100. № 7. С. 216.
- ²¹⁴ *Беляев С.* Дневник русского солдата, бывшего десять месяцев в плену у чеченцев // Библиотека для чтения. 1848. Т. 88. С. 73–74; *Дубровин Н.Ф.* История войны... С. 487–488; *Эсадзе С.* 1859 – 25.VIII – 1909. Штурм Гуниба... С. 129.
- ²¹⁵ *Абдурахман Газикумухский.* Как наши люди выходили на джихад... С. 24.
- ²¹⁶ Выдержки из записок Абдурахмана... С. 18; *Руновский А.* Шамиль... С. 58–59.
- ²¹⁷ *Иванов И.* Чечня... С. 199; *Baddeley J.* The Russian Conquest... P. 362.
- ²¹⁸ *Леонтович Ф.И.* Адагы кавказских горцев... С. 104.
- ²¹⁹ ДГСВК. С. 416.
- ²²⁰ *Юров А.* 1843-й год... С. 155–156.
- ²²¹ *Карпеев И.* Наиб Ахбердилаев // Родина. 2000. № 1–2. С. 91; *Лермонтов М.Ю.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 9. М., 2001. С. 223; *Семенов Л.П.* Лермонтов на Кавказе. Пятигорск, 1939. С. 109; *Gammer M.* The Lone Wolf and the Bear: three centuries of Chechen defiance of Russian rule. L., 2006. P. 51.
- ²²² *Ольшевский М.Я.* Кавказ... С. 30.
- ²²³ *Юров А.* 1844-й год... С. 354. В.И. Мочульский в 1844 г. отмечал, что в случае общего набега анкратльские лезгины могут собрать до 4–5 тыс. хорошо вооруженных пеших воинов (*Карпов Ю.Ю.* Взгляд на горцев... С. 286. Прим. 22).
- ²²⁴ *Волконский Н.А.* Трехлетие в Дагестане. 1848-й год. Взятие Гергебиля и геройская защита укрепления Ахты // Кавказский сборник. Т. VII. Тифлис, 1883. С. 551; Приложение к запискам генерала от артиллерии Э.В. Бриммера: «Служба артиллерийского офицера, воспитывавшегося в 1 кадетском корпусе и выпущенного в 1815 году» // Кавказский сборник. Т. XIX. Тифлис, 1898. С. 376.
- ²²⁵ *К.* Обзор событий на Кавказе в 1846 году // Кавказский сборник. Т. XIV. Тифлис, 1890. С. 512–513.
- ²²⁶ АКАК. Т. X. С. 582.
- ²²⁷ Письма князя М.С. Воронцова к А.П. Ермолову // Русский архив. 1890. № 4. С. 465.
- ²²⁸ Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи... С. 210.
- ²²⁹ Архив князя Воронцова. Кн. 36. М., 1890. С. 393.
- ²³⁰ *Игнатович.* Боевая летопись 82-го пехотного Дагестанского Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Михайловича полка во время Кавказской войны. (1845–1861 гг.). Тифлис, 1897. С. 138.
- ²³¹ *Дубровин Н.Ф.* История войны... С. 551.
- ²³² *Клычников Ю.Ю.* Очерки истории... С. 83. Впрочем, уже в апреле 1839 г. лазутчики из вольных обществ Дагестана доносили, что «даже женщины в горах уже в числе до 800 вооружились косами и другими сельскими орудиями, готовясь сражаться с нами» (Материалы к истории покорения Восточного Кавказа... С. 386).
- ²³³ ДГСВК. С. 495.
- ²³⁴ *Беляев С.* Дневник... С. 74–75.
- ²³⁵ *Kalinowski K.* Pamiętnik... S. 213–214.
- ²³⁶ АКАК. Т. IX. С. 334; *Гаджи-Али.* Сказание очевидца... С. 70; *Лапин В.В.* Армия России в Кавказской войне... С. 94; *Магомедов Р.М.* Шамиль в отечественной истории. Махачкала, 1990. С. 98; *Милютин Д.А.* Описание... С. 104, 117, 118; Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи... С. 100; *Чичагова М.Н.* Шамиль... С. 58; *Эсадзе С.* 1859 – 25.VIII – 1909. Штурм Гуниба... С. 104.
- ²³⁷ *Волконский Н.А.* Война на восточном Кавказе... // Кавказский сборник. Т. XIII. С. 268.
- ²³⁸ Например: *Богуславский Л.* История Апшеронского полка... Т. II. С. 310–311; *Зиссерман А.Л.* История 80-го пехотного Кабардинского... полка... Т. 3. С. 276; *Он же.* Фельдмаршал князь А.И. Барятинский. 1815–1879. Т. 2. М., 1890. С. 289; *Костенецкий Я.* Записки... С. 70; *Осада Кавказа...* С. 250; *Потто В.А.* Боевая хроника полков 21-й пехотной дивизии. Тифлис, 1888. Паг. 1-я. С. 14; *Солтан В.* Очерк военных действий в 1854... С. 533; *Шамиль, бывший имам...* С. 23.
- ²³⁹ *Шульгин С.* Рассказ очевидца о Шамиле и его современниках // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 32. Отд. 1. Тифлис, 1903. Паг. 4-я. С. 20. Зейнаб описывает в своих воспоминаниях о плене Н. Румянцев.
- ²⁴⁰ *Юров А.* 1840, 1841 и 1842-й годы на Кавказе // Кавказский сборник. Т. XI. Тифлис, 1887. С. 228.
- ²⁴¹ *Юров А.* Три года... // Кавказский сборник. Т. IX. С. 82.
- ²⁴² ДГСВК. С. 416.
- ²⁴³ АКАК. Т. IX. С. 884.
- ²⁴⁴ *Gralewski M.* Kaukaz... S. 229.
- ²⁴⁵ *Дадаев Ю.У.* Государство Шамиля... С. 156.
- ²⁴⁶ *Гаджиев К.С.* Геополитика Кавказа. М., 2001. С. 32.
- ²⁴⁷ Письма виконта Г. Кастильона к Гизо (24 апреля 1844 г. – 4 марта 1846 г.) // Историк-марксист. 1936. Кн. 5. С. 118 (письмо от 8 мая 1844 г.).
- ²⁴⁸ АКАК. Т. X. С. 526; *Зиссерман А.Л.* Хаджи-Мурат. Письма о нем кн. М.С. Воронцова и рассказы кавказцев, 1851–1852 гг. // Русская старина. 1881. № 3. С. 670.
- ²⁴⁹ *Покровский Н.И.* Кавказские войны... С. 385–387.
- ²⁵⁰ *Окольничий Н.* Перечень... // Военный сборник. 1859. № 2. С. 402.
- ²⁵¹ *Ольшевский М.Я.* Кавказ... С. 70.
- ²⁵² *Гемер М.* Государство Шамиля... С. 39; *Daragan.* Guerre de la Russie dans la Caucase // Revue de l'Orient. 1860. Т. 12. P. 93–94; *Gammer M.* Muslim Resistance to the Tsar... P. 228.

- ²⁵³ Волконский Н.А. Война на восточном Кавказе... // Кавказский сборник. Т. XIII. С. 247.
- ²⁵⁴ АКАК. Т. VIII. С. 578; ДГСВК. С. 134; Доного Х.М., Касумов С. Имам Гамзат... С. 163; Покровский Н.И. Кавказские войны... С. 317.
- ²⁵⁵ ДГСВК. С. 257.
- ²⁵⁶ Бобровский П.О. История 13-го Лейб-гренадерского Эриванского... полка... Ч. 4. С. 313; Юров А. 1840, 1841 и 1842-й годы... // Кавказский сборник. Т. X. С. 278.
- ²⁵⁷ Материалы к истории покорения Восточного Кавказа... С. 420; Юров А. 1840, 1841 и 1842-й годы... // Кавказский сборник. Т. X. С. 349–350.
- ²⁵⁸ Статистические сведения по Андийскому округу за 1873 и 1874 годы, и сравнительная таблица военных сил края до и после покорения Дагестана // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. IX. Тифлис, 1876. Паг. 4-я. С. 20–29.
- ²⁵⁹ ДГСВК. С. 404.
- ²⁶⁰ К. Левый фланг Кавказской линии в 1848 году // Кавказский сборник. Т. IX. Тифлис, 1885. С. 430, прим.
- ²⁶¹ Исторический обзор Терека, Ставрополя и Кубани. Военно-статистическое обозрение Российской империи, том XVI, часть 1, Ставропольская губерния. Военно-статистическое обозрение Российской империи, том XVI, часть 10, Восточный берег Черного моря. Департамент Генерального Штаба. Справочник по Ставропольской епархии (обзор городов, сел, станиц и хуторов Ставропольской губернии и Кубанской области). Н. Т. Михайлов. М., 2008. С. 137–138.
- ²⁶² Зиссерман А.Л. Осада Казы-Муллоу Бурной и Дербента... С. 719–720.
- ²⁶³ Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев... С. 456–457, 465; Эсадзе С. 1859 – 25.VIII – 1909. Штурм Гуниба... С. 67; Ясулов Г. Предания о Хаджи-Мурате... С. 49.
- ²⁶⁴ Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи... С. 161.
- ²⁶⁵ Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний... С. 34.
- ²⁶⁶ Алиханов М. В горах Дагестана... С. 58; ДГСВК. С. 358; Леонтович Ф.И. Адагы кавказских горцев... С. 109; Солтан В. Очерк военных действий в Дагестане в 1852 и 1853 годах // Кавказский сборник. Т. IX. Тифлис, 1885. С. 497; Шамиль и Чечня... С. 138; Bodenstedt F. Les Peuples de Saucase... P. 600. «За утайку кумса [так выговаривали хумс чеченцы] наказывали» (Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. VI. Тифлис, 1872. Паг. 3-я. С. 62).
- ²⁶⁷ Шульгин С. Рассказ очевидца о Шамиле... С. 11.
- ²⁶⁸ ДГСВК. С. 653.
- ²⁶⁹ Дневник полковника Руновского... С. 1488–1489; Ржевуский А. 1845-й год... // Кавказский сборник. Т. VI. С. 228; Руновский А. Кодекс Шамиля... С. 374–378.
- ²⁷⁰ Ясулов Г. Предания о Хаджи-Мурате... С. 25, 30.
- ²⁷¹ Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев... С. 377.
- ²⁷² Игнатович. Боевая летопись 82-го пехотного Дагестанского... полка... С. 132.
- ²⁷³ Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.). М., 2011. С. 83;
- Записки о Кавказе генерал-лейтенанта кн. А.И. Гагарина // Военный сборник. 1906. № 2. С. 37.
- ²⁷⁴ Юров А. 1840, 1841 и 1842-й годы... // Кавказский сборник. Т. XI. С. 219–220.
- ²⁷⁵ Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи... С. 235.
- ²⁷⁶ АКАК. Т. X. С. 359; ДГСВК. С. 635.
- ²⁷⁷ Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война... С. 514.
- ²⁷⁸ Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи... С. 213.
- ²⁷⁹ Низам Шамиля... С. 9.
- ²⁸⁰ Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний... С. 110, 153.
- ²⁸¹ ДГСВК. С. 383. О летучей почте см.: Дадаев Ю.У. Государство Шамиля... С. 199; Зиссерман А.Л. Материалы... С. 447; Садыхов А.Ч. Формы управления... С. 109 (эта система действовала с 1842 г.); Bodenstedt F. Les Peuples de Saucase... P. 602 (устроена на русский манер); Wagner Fr. Schamyl... S. 65.
- ²⁸² Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи... С. 154.
- ²⁸³ Дубровин Н.Ф. История войны... С. 488; Шамиль и Чечня... С. 140. Фантастическую картину созыва войска (мюрид в кроваво-красной одежде обегает страну и попутно призывает всех способных носить оружие собираться под знаменем Пророка) рисует Л. Мозер (Moser L. The Caucasus... P. 188–189).
- ²⁸⁴ Юров А. 1840, 1841 и 1842-й годы... // Кавказский сборник. Т. XI. С. 201.
- ²⁸⁵ АКАК. Т. IX. С. 808; ДГСВК. С. 449–450; Юров А. 1844-й год... С. 176.
- ²⁸⁶ Исалабдулаев М.А. Участие андалальцев в Кавказской войне... С. 77.
- ²⁸⁷ 100 писем Шамиля... С. 198.
- ²⁸⁸ Арабоязычные документы эпохи Шамиля... С. 139; К. Обзор событий на Кавказе в 1846 году // Кавказский сборник. Т. XV. Тифлис, 1894. С. 457; Он же. Обзор событий на Кавказе в 1846 году // Кавказский сборник. Т. XVI. Тифлис, 1895. С. 313; 100 писем Шамиля... С. 34, 36, 38.
- ²⁸⁹ Беляев С. Дневник... С. 73; ДГСВК. С. 403–404, 654; Дубровин Н.Ф. История войны... С. 488–490; Леонтович Ф.И. Адагы кавказских горцев... С. 108–109; ШССТАК. С. 218.
- ²⁹⁰ Дубровин Н.Ф. История войны... С. 489.
- ²⁹¹ АКАК. Т. X. С. 516, 518; Вайнахи и имперская власть... С. 83; Записки о Кавказе... Гагарина // Военный сборник. 1906. № 2. С. 37.
- ²⁹² Лермонтов М.Ю. Соч.: В 6 т. Т. 2. М.; Л., 1954. С. 169–170.
- ²⁹³ «Таяк значит шест, на кавказском наречии». (Прим. Л.Н. Толстого.)
- ²⁹⁴ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 100 т. Т. 2. М., 2000. С. 20.
- ²⁹⁵ Берже А.П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859. С. 113, 114; Дубровин Н.Ф. История войны... С. 488–489; Иванов И. Чечня... С. 200.
- ²⁹⁶ О гражданских, военных и духовных постановлениях Шамиля... С. 212; Daragan. Guerre de la Russie... P. 93–94.
- ²⁹⁷ Низам Шамиля... С. 9.

- ²⁹⁸ Окольниковичий Н. Перечень последних военных событий в Дагестане. (1843 год) // Военный сборник. 1859. № 1. С. 159.
- ²⁹⁹ К. Обзор событий на Кавказе в 1846 году... // Кавказский сборник. Т. XIV. С. 476.
- ³⁰⁰ Гаджи-Али. Сказание очевидца... С. 40. «По показанию горцев», четверг – «наиболее уважаемый» Шамилем «из всех дней недели» (АКАК. Т. XI. С. 61), «он всегда старается начинать важные свои дела и предприятия в этот день» (Вердеревский Е.А. Плен у Шамиля. Ч. 2. СПб., 1856. С. 74).
- ³⁰¹ Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний... С. 155–156; Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев... С. 402.
- ³⁰² Вердеревский Е.А. Плен у Шамиля... Ч. 2. С. 37.
- ³⁰³ «Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммад – пророк его!»
- ³⁰⁴ Волконский Н. Семь лет в плену на Кавказе (1849–1856). Очерки политического и домашнего быта кавказских горцев // Русский вестник. 1882. Т. 159. № 5. С. 230–231, 242.
- ³⁰⁵ Климан Ф., фон. Война на восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник. Т. XVII. Тифлис, 1896. С. 363.
- ³⁰⁶ Волконский Н.А. Война на восточном Кавказе... // Кавказский сборник. Т. XIII. С. 193. Бежав с позиции в Кабарде (1846 г.), Шамиль оставил в лагере более 1000 чугунных котлов (АКАК. Т. X. С. 580; К. Обзор событий на Кавказе в 1846 году... // Кавказский сборник. Т. XVI. С. 339).
- ³⁰⁷ Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война... С. 386; Гаджиев В.Г. Военная организация... С. 97–98; Гакстаузен А., фон. Закавказский край... Ч. II. С. 214; ДГСВК. С. 416; Дегоев В.В. Имам Шамиль... С. 198–199; Садыхов А.Ч. Формы управления... С. 158–160; Стецов В.В. «Солдаты» гор... С. 76.
- ³⁰⁸ История российского государственного управления на Северном Кавказе в XVIII–XIX вв. Ростов н/Д, 2004. С. 158.
- ³⁰⁹ Ржевуский А. 1845-й год... // Кавказский сборник. Т. VI. С. 409.
- ³¹⁰ Окольниковичий Н. Перечень... // Военный сборник. 1859. № 3. С. 13; Шамиль и Чечня... С. 140.
- ³¹¹ «В 1844 году, Шамиль почти месяц держал в сборе свои скопища в Аварии и Койсубу, но это потому, что эти части Дагестана принадлежали нам, и он, как бы в отмщение им за преданность Русским, грабил их бессовестно» (Прим. автора.)
- ³¹² Окольниковичий Н. Перечень... // Военный сборник. 1859. № 2. С. 402.
- ³¹³ Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи... С. 191.
- ³¹⁴ Гаджи-Али. Сказание очевидца... С. 40.
- ³¹⁵ Удовик В.А. Воронцов... С. 311.
- ³¹⁶ АКАК. Т. X. С. 528.
- ³¹⁷ Волконский Н.А. Трехлетие в Дагестане. 1847-й год... С. 519, 520, 613–614.
- ³¹⁸ Исалабдулаев М.А. Участие андалальцев в Кавказской войне... С. 97.
- ³¹⁹ Руновский А. Кодекс Шамиля... С. 380–382.
- ³²⁰ 100 писем Шамиля... С. 172–173.
- ³²¹ Дневник полковника Руновского... С. 1478–1479.
- ³²² ДГСВК. С. 520.
- ³²³ Практикуемая уже Гази-Мухаммадом (Волконский Н.А. Война на восточном Кавказе... // Кавказский сборник. Т. XIII. С. 248).
- ³²⁴ Зиссерман А.Л. История 80-го пехотного Кабардинского... полка... Т. 3. С. 101.
- ³²⁵ Абдурахман Газикумухский. Как наши люди выходили на джихад... С. 25; Волконский Н.А. Погром Чечни в 1852 году // Кавказский сборник. Т. V. Тифлис, 1880. С. 6, 73, 174; Генерал-лейтенант Роберт Карлович Фрейтаг // Кавказцы, или Подвиги и жизнь замечательных лиц, действовавших на Кавказе. Вып. 5–6. СПб., 1857. С. 11–12; Зиссерман А.Л. Фельдмаршал князь А.И. Барятинский. 1815–1879. Т. 1. М., 1888. С. 141; К. Зимняя экспедиция 1852... С. 530; Юров А. 1840, 1841 и 1842-й годы... // Кавказский сборник. Т. XI. С. 206.
- ³²⁶ Закс А.Б. Ташев хаджи... С. 144.
- ³²⁷ По этой причине англичанин сравнивал горцев с бурами: «...Вся военная система Шамиля во многих отношениях напоминает бурскую...» (Baddeley J. The Russian Conquest... P. 364).
- ³²⁸ АКАК. Т. IX. С. 862. «Только за Шамилем и другими первостепенными лицами возьматься по одному или по два вьюка с необходимыми вещами» (Окольниковичий Н. Перечень... // Военный сборник. 1859. № 2. С. 402). Но см. далее о реальных размерах походного «вьюка» имама.
- ³²⁹ Baddeley J. The Russian Conquest... P. 364.
- ³³⁰ Зиссерман А. Очерк последних военных действий на Восточном Кавказе // Современник. 1860. № 7. С. 22.
- ³³¹ АКАК. Т. IX. С. 419; Волконский Н.А. Война на восточном Кавказе... // Кавказский сборник. Т. XIII. С. 247; ДГСВК. С. 257 (в апреле 1840 г. «Шамиль распустил по домам для хлебопашества бывших с ним в сборе чеченцев в ауховских деревнях»), 294; К. Обзор событий на Кавказе в 1851 году... // Кавказский сборник. Т. XVIII. С. 155; Кавказцы или подвиги и жизнь замечательных лиц, действовавших на Кавказе. Год 3-й. 1859. Вып. 37–60. СПб., [1859]. С. 117; Юров А. 1840, 1841 и 1842-й годы... // Кавказский сборник. Т. XI. С. 217; Он же. 1844-й год... С. 275.
- ³³² Березин И. Путешествие по Дагестану... С. 99.
- ³³³ Gattner M. Muslim Resistance to the Tsar... P. 228.
- ³³⁴ Богуславский Л. История Апшеронского полка... Т. II. С. 203; К. Обзор событий на Кавказе в 1851 году... // Кавказский сборник. Т. XVIII. С. 182.
- ³³⁵ Волконский Н.А. Трехлетие на лезгинской кордонной линии (1847–1849) // Кавказский сборник. Т. IX. Тифлис, 1885. С. 169–170.
- ³³⁶ ДГСВК. С. 602.
- ³³⁷ Николаи А.П. Из истории Кавказской войны 1855–1857 гг. СПб., 1882. С. 24 (из письма Л.П. Николаи брату, от 30 марта 1856 г.).
- ³³⁸ Богуславский Л. История Апшеронского полка... Т. II. С. 228; Дубровин Н.Ф. История войны... С. 476; Покровский Н.И. Кавказские войны... С. 446; Руновский А. Кодекс Шамиля... С. 339–340.

³³⁹ Арсанукаева М.С. Военная организация в имамате Шамиля... С. 176; Блиев М.М. Кавказская война... С. 70; Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война... С. 385; Бушуев С.К. Государственная система имамата... С. 95–96; Гемер М. Государство Шамиля... С. 39; Дегоев В.В. Имам Шамиль... С. 197, 198; Зиссерман А.Л. Материалы... С. 444; Клычников Ю.Ю. Очерки истории... С. 82–83; Олейников Д.И. Шамиль... С. 68 (дружины наибов обычно состояли из 300–500 воинов); Письма виконта Г. Кастильона... С. 118–119; Чжун Се Чжин. Кавказская война... С. 128; Чичагова М.Н. Шамиль... С. 73; *Bodenstedt F. Les Peuples de Caucase...* P. 596, 598; *Dulaurier E. La Russie dans la Caucase...* P. 315; *Saint-Rene Taillander. La Guerre du Caucase: le prince Woronzoff et le prophete Shamyl // Revue des Deux-Mondes. 1853. T. 4. P. 442* (ссылается на публикации Боденштедта и Вагнера).

³⁴⁰ Gilles F. Lettres sur le Caucase... P. 115.

³⁴¹ Покровский Н.И. Мюридизм... С. 62–63.

³⁴² ДГСВК. С. 403.

³⁴³ Иванов И. Чечня... С. 198; Леонтович Ф.И. Адагы кавказских горцев... С. 108.

³⁴⁴ Аставацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. М., 1995. С. 71; История Дагестана... С. 104; История народов Северного Кавказа... С. 153; Садыхов А.Ч. Формы управления... С. 106, 154; *Dulaurier E. La Russie dans la Caucase...* P. 315; *Seely R. Russo-Chechen Conflict, 1800–2000: A Deadly Embrace. L., 2001. P. 45.* Ср.: П. Сили, считая, что в каждом наибстве было по 300 муртазек, полагает, что пять наибств объединялись в одну провинцию, и та выставляла 1200 (!) всадников (*Seely R. Russo-Chechen Conflict...* P. 45). Это слишком упрощенный подход, следующий за боденштедтовской традицией, особенно у Д. Макки.

³⁴⁵ Личную стражу имама тоже именуют то мюридами (Околничий Н. Перечень... // Военный сборник. 1859. № 2. С. 402; Р-в Н. Начало и постепенное развитие мюридизма... С. 129; Шамиль и Чечня... С. 140), то муртазек (Зиссерман А.Л. Материалы... С. 453).

³⁴⁶ *Bodenstedt F. Les Peuples de Caucase...* P. 598. Данные Фр. Боденштедта (который опирался только на русские публикации того времени и рукопись Д.В. Пассека) практически дословно копирует Д.М. Макки: *Mackie J. M. Life of Schamyl...* P. 287 (дружины наибов), 287–289 (муртазеки), 289–290 (знаки различия и награды). Фр.М. Вагнер также приводит очень схожий рассказ: *Schamyl and Circassia...* P. 87–88 = *Wagner Fr. Schamyl...* S. 64 (дружины наибов); *Schamyl and Circassia...* P. 88 = *Wagner Fr. Schamyl...* S. 64–65 (муртазеки); *Schamyl and Circassia...* P. 89 = *Wagner Fr. Schamyl...* S. 65 (награды и знаки различия). То же самое относится и к работе Г. Депенэ: *Warner. Schamyl...* P. 70 (наибские дружины), 70–71 (ополчение), 71–72 (муртазеки), 72–73 (система наград). Самостоятельного значения эти работы не имеют, исключая, отчасти,opus Фр. Боденштедта, который также стал одним из важнейших источников А.Л. Зиссермана в его статье об институтах имамата. Не следует забывать, что общая черта западноевропейских публикаций того времени – необъективность, происте-

кающая из антироссийской политической направленности (тем же страдают почти все польские сочинения о Кавказе) и крайне слабой источниковой базы. Ср. с разбором нелепостей изображения Шамиля в труде К. Коха: Заметки // Сборник газеты Кавказ. Второе полугодие 1847 года. Тифлис, 1848. С. 146–148.

³⁴⁷ Цит. по: Покровский Н.И. Кавказские войны... С. 447.

³⁴⁸ Дневник полковника Руновского... С. 1474.

³⁴⁹ Там же.

³⁵⁰ Шамиль и Чечня... С. 141; *Gammer M. Muslim Resistance to the Tsar...* P. 228.

³⁵¹ Дневник полковника Руновского... С. 1474.

³⁵² Руновский А. Кодекс Шамиля... С. 372; Он же. Муридизм... С. 13.

³⁵³ История российского государственного управления... С. 156–157 (мюридов наиб приближал из числа тех, кого он знал лично, или же тех, кто получил удостоверение от своего общества); История народов Северного Кавказа... С. 141; Руновский А. Муридизм... С. 12–13; Он же. Шамиль... С. 57; Садыхов А.Ч. Формы управления... С. 94–95; Смирнов Н.А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963. С. 113–115; Чжун Се Чжин. Кавказская война... С. 129.

³⁵⁴ ДГСВК. С. 403–404; Иванов И. Чечня... С. 198–199; Леонтович Ф.И. Адагы кавказских горцев... С. 108–109; Gilles F. Lettres sur le Caucase... P. 115.

³⁵⁵ Дегоев В.В. Имам Шамиль... С. 198; Зиссерман А.Л. Материалы... С. 444; *Bodenstedt F. Les Peuples de Caucase...* P. 596, 598; *Dulaurier E. La Russie dans la Caucase...* P. 315.

³⁵⁶ АКАК. Т. X. С. 524; К. Обзор событий на Кавказе в 1851 году // Кавказский сборник. Т. XXI. Тифлис, 1900. Паг. 2-я. С. 43.

³⁵⁷ Арсанукаева М.С. Военная организация в имамате Шамиля... С. 176.

³⁵⁸ Шульгин С.Н. Предание о шамилевском наибе Хаджи-Мурате... С. 56–57.

³⁵⁹ Ясулов Г. Предания о Хаджи-Мурате... С. 39.

³⁶⁰ Карпов Ю.Ю. Джигит и волк: Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб., 1996. С. 123–124.

³⁶¹ Ясулов Г. Предания о Хаджи-Мурате... С. 15.

³⁶² Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа... С. 36.

³⁶³ Ясулов Г. Предания о Хаджи-Мурате... С. 34.

³⁶⁴ Покровский Н.И. Кавказские войны... С. 448.

³⁶⁵ Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний... С. 57; АКАК. Т. X. С. 520, 521.

³⁶⁶ А. Юров пишет, что «этот новый род почетной стражи появился лишь в 1840-м году, когда Шамиль упрочил свою власть и стал бесцеремонно распоряжаться судьбами и имуществом правоверных» (Юров А. 1840, 1841 и 1842-й годы... // Кавказский сборник. Т. XI. С. 232, прим.). Боденштедт также указывает на 1840 г. (*Bodenstedt F. Les Peuples de Caucase...* P. 603), а Зиссерман – на 1841 год (Зиссерман А.Л. Материалы... С. 447). Но см. ниже аргументы в пользу более ранней даты.

³⁶⁷ Bosworth C. E. Rizk // Encyclopaedia of Islam. Vol. VIII. Leiden, 1995. P. 568. Ср.: *Zelkina A.* In Quest for God and Freedom... P. XV.

³⁶⁸ По разным данным, от 600 до 1000 чел. Видимо, имеется в виду размещение этих муртазек в близлежащих от столицы имамата областях, но здесь могла сказаться путаница с личной стражей из мюридов и дезертиров. Так, по словам полковника Н.А. Окольного (чьи характеристики явно относятся к муртазекам), «Шамиль имеет при себе постоянно конную охранную стражу мюридов, нечто вроде гвардии. Она набирается преимущественно из людей, известных преданностью имаму, вполне проникнутых святостью его идей, преимущественно холостых; число их простирается до 600 человек. Мюриды получают от Шамиля, кроме приходившейся им доли из отбитой добычи, иногда особые денежные подарки; каждая деревня, в которую посылаются мюриды, обязана продовольствовать как их, так и их лошадей. Последняя мера придает охранной страже еще более важности и уважения, а вместе с тем в глазах горцев возвышает и самого Шамиля» (*Окольный Н.* Перечень... // Военный сборник. 1859. № 2. С. 402).

³⁶⁹ *Берже А.П.* Чечня и чеченцы... С. 113–114; *Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказская война... С. 386–387; *Гаммер А.* Шамиль... С. 310–311; *Гакстгаузен А., фон.* Закавказский край... С. 214–215; Генерал-майор князь Илья Дмитриевич Орбельян // Кавказцы, или Подвиги и жизнь замечательных лиц, действовавших на Кавказе. Вып. 9–10. СПб., 1857. С. 32; ДГСВК. С. 357–358, 382–383; *Дегоев В.В.* Имам Шамиль... С. 102–105, 197–198; Дневник полковника Руновского... С. 1474; *Доного Х.М.* Победит тот, кто владеет Кавказом... С. 44–47; История народов Северного Кавказа... С. 153; *Зиссерман А.Л.* Материалы... С. 445–446; *Клычников Ю.Ю.* Очерки истории... С. 82; *Лалин В.В.* Армия России в Кавказской войне... С. 102–103; *Магомедов М.Б.* Кавказская война... С. 221–222; *Окольный Н.* Перечень... // Военный сборник. 1859. № 2. С. 402–403 («На войне, они составляют самый надежный резерв, дерутся с отчаянною решимостью, соблюдают отличную подчиненность и в бою носят значки Шамиля: малое число их опаснее целого скопища горцев»); *Олейников Д.И.* Шамиль... С. 76. Прим. 56; *Покровский Н.И.* Кавказские войны... С. 447–448; *Он же.* Мюридизм у власти... С. 61–64; *Ржевуский А.* 1845-й год... // Кавказский сборник. Т. VI. С. 228; *Романовский Д.* Кавказ и Кавказская война... С. 193; *Руновский А.* Кодекс Шамиля... С. 372; *Стецов В.В.* «Солдаты» гор... С. 77; Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия... С. 71; ШССТАК. С. 217–218; *Юров А.* 1843-й год... С. 43–45; *Baddeley J.* The Russian Conquest... P. 361; *Bodenstedt F.* Les Peuples de Caucase... P. 597–599; *Gralewski M.* Kaukaz... S. 468 (муртазек в течение года получал 10 руб., 10 мешков зерна и 10 телег сена); *Knysh A. Shāmil* // The Encyclopaedia of Islam. 1997. Vol. IX. P. 286. Женатые муртазеки были обязаны порвать все отношения с семьей на протяжении своей службы.

³⁷⁰ ДГСВК. С. 357–358.

³⁷¹ Гамзат-бек в поход на Андалал (1834 г.) призвал до 4 тыс. мюридов и «муртазанатов», т. е. муртазек (цит. по: *Блиев М.М., Дегоев В.В.* Кавказская война... С. 338).

³⁷² АКАК. Т. VIII. С. 607; *Богуславский Л.* История Апшеронского полка... Т. I. С. 446; *Покровский Н.И.* Кавказские войны... С. 342, 440 (первая попытка «организовать нечто подобное постоянной армии»). Поэтому некоторые авторы относят существование муртазек уже к 1836–1839 гг. См.: *Гаммер А.* Шамиль... С. 123; С. 439. Прим. 57; *Карнеев И.В.* Имамат... С. 75; *Садыхов А.Ч.* Формы управления... С. 105; *Gammer M.* Muslim Resistance to the Tsar... P. 141, 228 (склонен, однако, полагать, что муртазеки были организованы в начале 1840-х гг.). Постоянные войны, несомненно, способствовали появлению этой особой категории воинов – наемников на постоянном содержании имамата и горских обществ.

³⁷³ Арабоязычные документы эпохи Шамиля... С. 112; *Muhammad Tahir al-Qarakhi.* The Shining of Daghestani Swords in Certain Campaigns of Shamil (Selected Passages). Trans. & comm. by E. Tucker, T. Sanders // Russian-Muslim Confrontation in the Caucasus: Alternative visions of the conflict between Imam Shamil and the Russians, 1830–1859. L., 2004. P. 33; P. 73. Not. 64.

³⁷⁴ Дневник полковника Руновского... С. 1477.

³⁷⁵ *Покровский Н.И.* Кавказские войны... С. 365, 451–452; *Садыхов А.Ч.* Формы управления... С. 106; *Смирнов Н.А.* Мюридизм... С. 113. По словам Юрова, в начале 1841 г. «Ахверды-Магома и Джеват-хан... вздумали устроить и у себя кордоны, для пресечения всяких тайных сношений между русскими и чеченцами». Однако попытка сбора набедами денег с населения на содержание кордонов полностью провалилась (*Юров А.* 1840, 1841 и 1842-й годы... // Кавказский сборник. Т. XI. С. 207–208).

³⁷⁶ ДГСВК. С. 373, 404; Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи... С. 62, 83. Ср.: *Берже А.П.* Чечня и чеченцы... С. 113 (считает, что муртазек в Чечне было до 3000 чел.). «Муртазеки упоминаются при набеде Эски еще в 1854 г. (*Николай Л.П.* Эпизод из Кавказской войны... С. 164).

³⁷⁷ *Арсанукаева М.С.* Военная организация в имамате Шамиля... С. 175–177; *Дубровин Н.Ф.* История войны... С. 616–617; *Карпов Ю.Ю.* Взгляд на горцев... С. 395 (Прушановский); *Покровский Н.И.* Кавказские войны... С. 446 (Д. В. Пассек); *Gralewski M.* Kaukaz... S. 237.

³⁷⁸ *Вилинбахов В.Б.* Артиллерия Шамиля // Ученые записки Дагестанского филиала АН СССР. Т. II. Махачкала, 1963. С. 159–172.

³⁷⁹ АКАК. Т. VIII. С. 689, 691; *Клычников Ю.Ю.* Российская политика на Северном Кавказе... С. 388; *Кублицкий П.* Война на восточном Кавказе... // Кавказский сборник. Т. XVIII. С. 329; *Пауль Н.* Кавказские картины из записок очевидца // Телескоп. 1833. Ч. 16. № 15. С. 343; *Торнау Ф.Ф.* Воспоминания... С. 268; Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи... С. 44.

³⁸⁰ Даргинская трагедия... С. 473; ДГСВК. С. 365, 498; *К. Левый фланг...* // Кавказский сборник. Т. XI. С. 327–328; *Кандур М.* Мюридизм... С. 90; *Покровский Н.И.* Кав-

казские войны... С. 449; Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи... С. 151–152.

³⁸¹ Бушуев С.К. Государственная система имамата... С. 98; Хашапов Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961. С. 62; Чернозубов Ф.Г. Очерки Терской старины (1832–1837). Набеги хищников // Записки Терского Общества Любителей Казачьей Старины. 1914. № 7. С. 10; Dulaurier E. La Russie dans la Caucase... P. 316–317.

³⁸² Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа... С. 71–72, 134–135; Гаджиев В.Г. Военная организация... С. 98–99; ДГСВК. С. 387; Три имама // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 45. Махачкала, 1926. С. 143; Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия... С. 90.

³⁸³ Н.А. Волконский ошибочно называет Джабраила дезертиром-фейерверкером. Джабраил Унцукульский умер от холеры в 1847 г., и Шамиль «крепко сожалел об этой утрате», лишившись «своего начальника артиллерии, который заведовал у него и отливкою орудий» (Волконский Н.А. Трехлетие в Дагестане. 1847-й год... С. 548–549).

³⁸⁴ Гаджи-Али. Сказание очевидца... С. 26; Дневник полковника Руновского... С. 1399; Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи... С. 151–152.

³⁸⁵ Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний... С. 107.

³⁸⁶ ДГСВК. С. 615.

³⁸⁷ По словам Пирогова, «горцы на Кавказе почти всегда стреляли маленькими, медными пулями, весом не более 2 драхм. Если бы Боган и Меклод видели повреждения, наносимые этими пулями, то верно бы не сочли «страшные расщепы костей» как особенность, исключительно принадлежащую действию пуль Минье» (Пирогов Н.И. Начала общей военнополевой хирургии. Ч. 1. Дрезден, 1865. С. 244).

³⁸⁸ ДГСВК. С. 416.

³⁸⁹ АКАК. Т. IX. С. 298, 303, 443; Беляев А.П. Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном 1805–1850. СПб., 1882. С. 461; Эсадзе С. 1859 – 25.VIII – 1909. Штурм Гуниба... С. 126.

³⁹⁰ Богуславский Л. История Апшеронского полка... Т. I. С. 467, 469; ДГСВК. С. 192.

³⁹¹ Записки о Кавказе генерал-лейтенанта кн. А.И. Гагарина // Военный сборник. 1906. № 3. С. 19. Затем были предприняты попытки задержать мастеров из Дарго «или же нанять горца, который бы взялся заклепать шамильские орудия», но тщетно (Янжул М.А. 80 лет боевой и мирной жизни 20-й артиллерийской бригады... С. 464. Прим. 10).

³⁹² Гордин Я.С. Кавказ: земля и кровь. СПб., 2000. С. 229; ДГСВК. С. 387.

³⁹³ Вайнахи и имперская власть... С. 88. Происхождение 4-го орудия – см. выше (Кизляр).

³⁹⁴ Загорский Ив. Восемь месяцев в плену... С. 240; Записки о Кавказе... Гагарина // Военный сборник. 1906. № 3. С. 20; Янжул М.А. 80 лет боевой и мирной жизни 20-й артиллерийской бригады... С. 464. Прим. 10.

³⁹⁵ Беляев А.П. Воспоминания... С. 463.

³⁹⁶ АКАК. Т. IX. С. 777. Ср.: Юров А. 1843-й год... С. 101.

³⁹⁷ Окольничий Н. Перечень... // Военный сборник. 1859. № 3. С. 51–54. В то же время, возможны определенные перемещения или допущенные автором статьи неточности. Так, в Низовом укреплении им показаны 7 чугунных 12-фунтовых пушек (из них 4 без лафетов) и медная 12-фунтовая пушка, но на момент осады там имелось только 5 чугунных крепостных пушек (из них 3 без лафетов).

³⁹⁸ Торнау Ф.Ф. Воспоминания... С. 347. Прим. 1.

³⁹⁹ Взятые при разгроме отряда подполковника Веселицкого (Веселицкого).

⁴⁰⁰ В Унцукуле, Балаханах, Моксохской башне, Цатаныхе. Еще один испорчен («сколько было возможно»; заряды брошены в воду) и оставлен в Гимрах при уходе гарнизона оттуда в ноябре (АКАК. Т. IX. С. 784).

⁴⁰¹ В Унцукуле, Цатыныхе, Ахальчи, Балаханах.

⁴⁰² В Унцукуле и Балаханах.

⁴⁰³ Источники утверждают, что при сдаче Ахальчи Шамилю досталось одно орудие (ДГСВК. С. 468), а в Цатаныхе – только два (т. е. горные единороги отсутствуют) (Юров А. 1843-й год... С. 77–78; ср.: Там же. Приложения. С. 15 – два орудия в Ахальчи в августе). Может быть, именно ахальчинский единорог был отбит под Мусселим-аулом 15 декабря и потому не включен в статистику потерь?

⁴⁰⁴ Юров А. 1843-й год... С. 165.

⁴⁰⁵ Юров А. 1843-й год... С. 151.

⁴⁰⁶ Пассек Д.В. Отступление из Хунзаха. (1843-й год) // Кавказский сборник. Т. I. Тифлис, 1876. С. 232.

⁴⁰⁷ ДГСВК. С. 442. Накануне кампании в Хунзахе состояли 7 орудий гарнизонной артиллерии и две 6-фунтовых пушки. Подполковник Пассек ушел 16 ноября оттуда с шестью горными единорогами (Пассек Д.В. Отступление из Хунзаха... С. 218), но эти орудия доставили туда с батальонами уже в ходе кампании.

⁴⁰⁸ Окольничий Н. Перечень... // Военный сборник. 1859. № 5. С. 380.

⁴⁰⁹ Gralewski M. Kaukaz... S. 468.

⁴¹⁰ АКАК. Т. X. С. 388; Gammer M. Comment se débarasser d'un échec: Une lettre du prince Voroncov au maréchal Marmont (1845) // Cahiers du monde russe. 2005. Vol. 46. № 3. P. 645.

⁴¹¹ Выдержки из записок Абдурахмана... С. 23. Ср.: Шамиль и Чечня... С. 140.

⁴¹² Как писал С.К. Бушуев, из орудий, взятых у русских, были отлиты малые пушки. Особенно был известен искусством литья пушек Муртаза-Али из Гоцатля. Ядра выделялись под руководством мастера из Хидатля. Гранаты употреблялись только захваченные у русской армии, за каждую Шамиль платил по 10 коп. серебром. Пули, как правило, приготавливались из меди с примесью олова (Бушуев С.К. Борьба горцев за независимость... С. 128).

⁴¹³ Руновский А. Записки о Шамиле... С. 72–74.

⁴¹⁴ Там же. С. 74.

- ⁴¹⁵ ДГСВК. С. 496; Дневник полковника Руновского... С. 1400.
- ⁴¹⁶ *Абдурахман из Газикумуха*. Книга воспоминаний... С. 107; Выдержки из записок Абдуррахмана... С. 23; *Гаджиев В.Г.* Военная организация... С. 98; *Руновский А.* Записки о Шамиле... С. 131; *Он же*. Шамиль... С. 58; *Gralewski M.* Kaukaz... S. 468.
- ⁴¹⁷ Дневник полковника Руновского... С. 1400.
- ⁴¹⁸ *Вилинбахов В.Б.* Артиллерия Шамиля... С. 160.
- ⁴¹⁹ ДГСВК. С. 471; *Ржевуский А.* 1845-й год... // Кавказский сборник. Т. VI. С. 404; *Романовский Д.* Кавказ и Кавказская война... С. 193–194; *Садыхов А.Ч.* Формы управления... С. 162.
- ⁴²⁰ *К.* Обзор событий на Кавказе в 1846 году... // Кавказский сборник. Т. XIV. С. 460.
- ⁴²¹ *Абдурахман из Газикумуха*. Книга воспоминаний... С. 158–159; Выдержки из записок Абдуррахмана... С. 28.
- ⁴²² *К.* Левый фланг... // Кавказский сборник. Т. XI. С. 346.
- ⁴²³ АКАК. Т. X. С. 473 («одного из лучших набов Шамиля»); Выдержки из записок Абдуррахмана... С. 9; *Ольшевский М.Я.* Кавказ... С. 195; Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи... С. 200, 210; *Шарафутдинова Р. Ш.* Арабские письма из архива Б.А. Дорна // Письменные памятники Востока. 1970. М., 1974. С. 221; *Gammer M.* The Imam and the Pasha: A Note on Shamil and Muhammad Ali // Middle Eastern Studies. 1996. Vol. 32. № 4. P. 339; *Kalinowski K.* Pamiętnik... S. 130, 154, 160, 205 (Калиновский называет своего начальника «Яхйи Хадзьо»).
- ⁴²⁴ АКАК. Т. X. С. 381; *К.* Обзор событий на Кавказе в 1846 году // Кавказский сборник. Т. XV. С. 493; *Колюбакин Б.М.* Кавказская экспедиция в 1845 году... С. 118; *Gralewski M.* Kaukaz... S. 225.
- ⁴²⁵ *Абдурахман из Газикумуха*. Книга воспоминаний... С. 102, 141; *Румянцев И.Н.* Новые проповедники мюридизма... С. 102, 140; *Kalinowski K.* Pamiętnik... S. 205.
- ⁴²⁶ *Абдурахман из Газикумуха*. Книга воспоминаний... С. 108, 174.
- ⁴²⁷ Дневник полковника Руновского... С. 1420.
- ⁴²⁸ *Абдурахман из Газикумуха*. Книга воспоминаний... С. 103.
- ⁴²⁹ В российской армии каждому рядовому артиллерийской прислуги – до 12 чел., не считая ездовых, – присваивался условный номер, определявший его обязанности и место в бою, а также назначенную ему на огневой позиции артиллерийскую принадлежность.
- ⁴³⁰ *Покровский Н.И.* Кавказские войны... С. 449. Прим. 3.
- ⁴³¹ *К.* Левый фланг... // Кавказский сборник. Т. XI. С. 327. При осаде Зырян «из полевого орудия... стреляя по принуждению один бомбардир резервной № 2-го батареи, взятый в плен неизвестно в каком укреплении... Он воспользовался однажды отсутствием мюридов, понимавших наш язык, и спустясь несколько с хребта, объявил ближайшей цепи, что служба неприятелю поневоле, не хочет наносить вреда своим, а потому предупреждает, что каждый раз, зарядив орудие, он махнет прежде банником и это послужит сигналом к скорому выстрелу. Нижние чины Аварского отряда обращали внимание на условный знак и тем много сохранилось людей, которые сделались бы жертвами без предостережения бомбардира» (*Окольничий Н.* Перечень... // Военный сборник. 1859. № 5. С. 373).
- ⁴³² АКАК. Т. X. С. 527.
- ⁴³³ *Толстой В.С.* Князь М.С. Воронцов... С. 296.
- ⁴³⁴ Из записок Н.В. Исакова // Русская старина. 1917. Т. 171. № 7–9. С. 9.
- ⁴³⁵ *Gammer M.* Vorontsov's 1845 expedition against Shamil: A British report // Central Asian Survey. 1985. Vol. 4. № 4. P. 29.
- ⁴³⁶ Три орудия, стрелявшие с Белгатойских высот. «Действие его артиллерии, хотя и было удачно, но большого вреда нам не нанесло» (*Колюбакин Б.М.* Кавказская экспедиция в 1845 году... С. 113).
- ⁴³⁷ *Wagner M.* Travels in Persia, Georgia and Koordistan. Vol. II. L., 1856. P. 63–64.
- ⁴³⁸ *Берже Ад.П.* Князь М.С. Воронцов. Письма его к князю В.О. Бебутову // Русская старина. 1873. Т. VII. № 1. С. 105.
- ⁴³⁹ *Прозрителев Г.Н.* Из прошлого Северного Кавказа. Воспоминания старого кавказца отставного вахтера Мефодия Степановича Солодуна. Ставрополь, 1914. (Труды СУАК. Вып. VI.) С. 11.
- ⁴⁴⁰ Даргинская трагедия... С. 473.
- ⁴⁴¹ *Румянцев И.Н.* Новые проповедники мюридизма... С. 123.
- ⁴⁴² *Анучин.* Защита укрепления Ахты и Самурского округа в сентябре 1848 года // Кавказцы, или Подвиги и жизнь замечательных лиц, действовавших на Кавказе. Вып. 26–33. СПб., 1858. С. 21; *Curtis J. S.* The Russian Army... P. 291.
- ⁴⁴³ *Волконский Н.А.* 1858 год в Чечне... С. 405, 537; Даргинская трагедия... С. 416; *К.* Зимняя экспедиция 1852... С. 533.
- ⁴⁴⁴ *Шпаковский А.* Записки старого казака // Военный сборник. 1871. № 4. С. 346.
- ⁴⁴⁵ *Пирова Р.Н.* Причины возникновения имамата... С. 115; *Рамазанов А.Х.* Россия и Дагестан в XIX – начале XX веков: государственно-политические, социально-экономические и культурные взаимовлияния. Махачкала, 2003. С. 33.
- ⁴⁴⁶ *Глиноецкий В.* Поездка в Дагестан. (Из путевых заметок, веденных на Кавказе в 1860 году) // Военный сборник. 1862. № 2. С. 420. Также см. ниже о недостатках горских самоделок.
- ⁴⁴⁷ *Окольничий Н.* Перечень... // Военный сборник. 1859. № 1. С. 159.
- ⁴⁴⁸ *Руновский А.* Записки о Шамиле... С. 74.
- ⁴⁴⁹ *Властов Г.К.* Война в Большой Чечне... С. 23.
- ⁴⁵⁰ *П. К.* Из дневника дагестанца // Кавказский сборник. Т. XVIII. Тифлис, 1897. С. 229.
- ⁴⁵¹ Сагрытлоская переправа. (Из дневника очевидца.) // Военный сборник. 1866. Т. XLVIII. С. 355.
- ⁴⁵² *Волконский Н.А.* 1858 год в Чечне... С. 417, 534.
- ⁴⁵³ *Колюбакин Б.М.* Кавказская экспедиция в 1845 году... С. 141.

⁴⁵⁴ К. Левый фланг... // Кавказский сборник. Т. XI. С. 308.

⁴⁵⁵ Волконский Н.А. Лезгинская экспедиция (в Дидойское общество) в 1857 году // Кавказский сборник. Т. II. Тифлис, 1877. С. 318.

⁴⁵⁶ Колюбакин Б.М. Кавказская экспедиция в 1845 году... С. 170; *Wl-off G. Souvenirs...* P. 78. Много вреда наносила шамилевская артиллерия в бою в Гельдигенском лесу 17 февраля 1852 г., когда русские войска шли глубокой колонной по орешнику (*Бобровский П.О.* История 13-го Лейб-гренадерского Эриванского... полка... Ч. 4. С. 400).

⁴⁵⁷ Волконский Н.А. Трехлетие в Дагестане. 1848-й год... С. 502; Из записок Н.В. Исакова // Русская старина. 1917. Т. 171. № 7–9. С. 14.

⁴⁵⁸ Властов Г.К. Война в Большой Чечне... С. 23.

⁴⁵⁹ Перед началом кампании 1843 г. у имама «было орудийных снарядов только около тысячи и порохоу соизмерно снарядам» (*Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи...* С. 153).

⁴⁶⁰ В 1848 г. наместника Ардебилля (Арбил, Иран) обвинили в том, что он продает «порох для дагестанских мятежников», т. е. Шамилю (ДГСВК. С. 563, 569; *Gammer M. Imam Shamil and Shah Mohammed: Two unpublished letters // Central Asian Survey.* 1991. Vol. 10. № 1–2. P. 179. Not. 28).

⁴⁶¹ АКАК. Т. IX. С. 777. Сами горцы «считали», что захватили в Цатаныхе 30 тыс. снарядов (см. ниже).

⁴⁶² «...У меня в руках было несколько таких; они, правда, причиняли нам мало вреда; но потому только, что ими стреляли плохо; я раз видел, однакоже, как каменным ядром размалало лошади спину, а медное ядро пролетевшее выше крестца моей лошади зарылось глубоко в землю, упав в нескольких шагах от меня» (*Пирогов Н.И.* Начала общей военнополевой хирургии... С. 244).

⁴⁶³ *Абдурахман из Газикумуха.* Книга воспоминаний... С. 107; АКАК. Т. X. С. 527; *Дневник полковника Руновского...* С. 1400; *Руновский А.* Записки о Шамиле... С. 130–131; *Солтан В.* На Гунибе в 1859 и 1871 гг. // Русская старина. 1892. № 5. С. 402; *Стецов В.В.* «Солдаты» гор... С. 78; *Толстой В.С.* Князь М.С. Воронцов // Русский архив. 1877. № 11. С. 296; *Kalinowski K.* Pamiętnik... S. 218.

⁴⁶⁴ *Gammer M.* Muslim Resistance... P. 229.

⁴⁶⁵ *Покровский Н.И.* Кавказские войны... С. 438. Прим. 1.

⁴⁶⁶ *Gammer M.* Muslim Resistance... P. 230.

⁴⁶⁷ *Абдурахман из Газикумуха.* Книга воспоминаний... С. 107.

⁴⁶⁸ *Вердеревский Е.А.* Плен у Шамиля... Приложения. С. 47.

⁴⁶⁹ *Вердеревский Е.А.* Плен у Шамиля... Ч. 3. С. 14; *Ольшевский М.Я.* Кавказ... С. 420.

⁴⁷⁰ ДГСВК. С. 484; 100 писем Шамиля... С. 235.

⁴⁷¹ Волконский Н.А. Погром Чечни... С. 6–7.

⁴⁷² *Богуславский Л.* История Апшеронского полка... Т. II. С. 289.

⁴⁷³ Выдержки из записок Абдурахмана... С. 28.

⁴⁷⁴ АКАК. Т. IX. С. 887 (*Уллубий*); Т. XII. С. 1056 (*ша-тоевский наиб*), 1111 (*наиб Гамзат-хаджи*), 1139 (*Осман*), 1166 (*Бакран*); *Волконский Н.А.* 1858 год в Чечне... С. 570, 571 (*орудие – «горского литья»*, из Кубачи – у наиба Батока); *Дидимов К.* Экспедиция в Чанты-Аргунское ущелье... С. 282 (*горное орудие у акинского наиба Гамзата*); *Зиссерман А.Л.* История 80-го пехотного Кабардинского... полка... Т. 3. С. 301 (*Гамзат-хаджи*), 302 (*Батока*); *К. Левый фланг...* // Кавказский сборник. Т. IX. С. 385 (*Дуба*), 387 (*Саадулла*), 409 (*Анзоров, Саадулла*), 412 (*Дуба*); *Он же.* Летучий отряд... С. 470 (*Гайтемир*); *Он же.* Зимняя экспедиция 1852... С. 595 (*Эски*); *Юров А.* 1844-й год... С. 228 (*преемник Шуайб-муллы Мухаммад Музакаев*). У наиба Османа 10 апреля 1859 г. был отбит единорог, взятый при разгроме одного из укреплений в Дагестане в 1843 г. (*Потто В.А.* История 44-го драгунского Нижегородского Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича полка. Т. VIII. СПб., 1895. С. 12). При сборе войск в Акуше (февраль 1844 г.) четыре наиба (включая Кебед-Мухаммада) привели 4000 чел. и 4 орудия (АКАК. Т. IX. С. 814).

⁴⁷⁵ АКАК. Т. X. С. 475 (*Хаджи-Мурат*); *К. Левый фланг Кавказской линии в 1848 году* // Кавказский сборник. Т. X. Тифлис, 1886. С. 493 (*Абакар-Дибир*); *Околыничий Н.* Перечень последних военных событий в Дагестане. (1843 год) // Военный сборник. 1859. № 4. С. 318 (*Кебед-Мухаммад*).

⁴⁷⁶ Воспоминания В.А. Полторацкого // Исторический вестник. 1893. № 5. С. 361.

⁴⁷⁷ *Удовик В.А.* Воронцов... С. 376–377.

⁴⁷⁸ АКАК. Т. X. С. 538; *Властов Г.К.* Война в Большой Чечне... С. 44–45; *Волконский Н.А.* Погром Чечни... С. 165. В июле 1848 г. благодаря удачно заложенной мине одно из орудий Талхика лишилось «всех своих деревянных принадлежностей», но все же осталось у горцев (*К. Левый фланг...* // Кавказский сборник. Т. X. С. 448–449).

⁴⁷⁹ *Ржевуский А.* 1845-й год... // Кавказский сборник. Т. VI. С. 429.

⁴⁸⁰ АКАК. Т. IX. С. 834; *Ржевуский А.* 1845-й год... // Кавказский сборник. Т. VI. С. 448.

⁴⁸¹ К. Обзор событий на Кавказе в 1846 году... // Кавказский сборник. Т. XIV. С. 543–544. Вместе с орудием были отбиты 12 зарядных ящиков.

⁴⁸² *Gilles F.* Lettres sur le Caucase... P. 117.

⁴⁸³ *Богданович М.И.* Восточная война 1853–1856 годов. Т. I. СПб., 1876. С. 220.

⁴⁸⁴ *Ильин П.А.* Из событий на Кавказе... С. 242.

⁴⁸⁵ *Властов Г.К.* Война в Большой Чечне... С. 23; *Магомедов М.Б.* Кавказская война... С. 225–226; *Ольшевский М.Я.* Кавказ... С. 75; *Стецов В.В.* «Солдаты» гор... С. 78; *Удовик В.А.* Воронцов... С. 340; *Gammer M.* Muslim Resistance to the Tsar... P. 230.

⁴⁸⁶ *Властов Г.К.* Война в Большой Чечне... С. 23.

⁴⁸⁷ *Ольшевский М.Я.* Кавказ... С. 190.

⁴⁸⁸ *Горчаков Н.И.* Экспедиция в Дарго... С. 131; *Угринович К.* Краткий обзор военных действий на Кавказе...

- зе в минувшем 1857 году // Русский вестник. 1858. № 1. С. 180.
- ⁴⁸⁹ К. Летучий отряд в 1850 и 1851 годах // Кавказский сборник. Т. XII. Тифлис, 1888. С. 397; *Он же*. Обзор событий на Кавказе в 1846 году // Кавказский сборник. Т. XV. Тифлис, 1894. С. 470.
- ⁴⁹⁰ *Асхабов И.* Чеченское оружие. М., 2001. С. 129; *Олейников Д.И.* Россия в Кавказской войне: поиски понимания // «Россия и Кавказ – сквозь два столетия». Исторические чтения. СПб., 2001. С. 81; ШССТАК. С. 228.
- ⁴⁹¹ *Абдурахман из Газикумуха.* Книга воспоминаний... С. 103; Выдержки из записок Абдурахмана... С. 23.
- ⁴⁹² *Ианатович.* Боевая летопись 82-го пехотного Дагестанского... полка... С. 192. Прим. 321. Металл использовался для изготовления трубки (корпуса ракеты). Трубка начиналась порохом и свинцовой пулей, а прочный корпус позволял выдерживать давление пороховых газов.
- ⁴⁹³ *Чернозубов Ф.Г.* Очерки Терской Старины. I. Побег из непокорным горцам. Жизнь у Шамиля. (1832–1859 гг.) // Русский архив. 1912. № 1. С. 66. Ср.: АКАК. Т. XII. С. 141–142 (не фельдфебель, а пленный солдат «полка гр. Румянцева» [графа Чернышева, т. е. Кабардинского егерского] Пятериков; железо добывали под Ведено после 1847 г., работало 25 чел., добыто было 37 пудов 30 фунтов, «потом все расстроилось»).
- ⁴⁹⁴ *Руновский А.* Шамиль... С. 58.
- ⁴⁹⁵ *В-ий А.* Воспоминания о былом // Военный сборник. 1872. № 2. С. 344; *Вилинбахов В.Б.* Артиллерия Шамиля... С. 168; *Дзержинский В.С.* Из Кавказской войны. По поводу 50-летия осады Месельдегерского укрепления Шамилем в 1853-м году // Военный сборник. 1903. № 10. С. 43; *Руновский А.* Записки о Шамиле... С. 130; *Салманова А.К.* Дагестанское оружие в XIX – начале XX вв.: Дисс. канд. ист. наук. Махачкала, 2000 (рукопись). С. 96–97.
- ⁴⁹⁶ *Дадаев Ю.У.* Государство Шамиля... С. 184.
- ⁴⁹⁷ Цит. по: *Рамазанов А.Х.* Экономическое развитие Дагестана в первой половине XIX века: Дисс. канд. ист. наук. Махачкала, 1983 (рукопись). С. 171.
- ⁴⁹⁸ *Дневник полковника Руновского...* С. 1399; *Руновский А.* Записки о Шамиле... С. 128–129.
- ⁴⁹⁹ *Неверовский.* Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях. СПб., 1847. Паг. 1-я. С. 45–46; *Юров А.* 1840, 1841 и 1842-й годы на Кавказе // Кавказский сборник. Т. XII. Тифлис, 1888. С. 262–263, 331.
- ⁵⁰⁰ АКАК. Т. X. С. 527; Выдержки из записок Абдурахмана... С. 24; *Курбанов Ш.К.* Народно-освободительное движение в 20–50-е годы XIX века на Северо-Восточном Кавказе и накшбандийский тарикат: Дисс. канд. ист. наук. Махачкала, 2004 (рукопись). С. 197.
- ⁵⁰¹ *Абдурахман из Газикумуха.* Книга воспоминаний... С. 108.
- ⁵⁰² *Загорский Ив.* Восемь месяцев в плену... С. 227, 228.
- ⁵⁰³ *Волконский Н.А.* Окончательное покорение восточного Кавказа (1859-й год) // Кавказский сборник. Т. IV. Тифлис, 1879. С. 365; Книга Асари-Дагестан... С. 136; *Руновский А.* Записки о Шамиле... С. 129.
- ⁵⁰⁴ *Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи...* С. 223.
- ⁵⁰⁵ *Абдурахман из Газикумуха.* Книга воспоминаний... С. 109.
- ⁵⁰⁶ *Дневник полковника Руновского...* С. 1399; *Руновский А.* Записки о Шамиле... С. 129–130.
- ⁵⁰⁷ *Руновский А.* Шамиль... С. 57; *Wl-off G.* Souvenirs... P. 122.
- ⁵⁰⁸ *Гемер М.* Государство Шамиля... С. 39.
- ⁵⁰⁹ *Dunn J. P.* Khedive Ismail's Army. Abingdon, 2005. P. 6, 156; *Fahmy Kh.* All the Pasha's Men: Mehmed Ali, his army and the making of Modern Egypt. Cairo; N. Y., 1997. P. 85; *Hurewitz J. C.* The Beginnings of Military Modernization in the Middle East: A Comparative Analysis // Middle East Journal. 1968. Vol. 22. № 2. P. 145; *Uyar M., Erickson E. J.* A Military History of the Ottomans: From Osman to Atatürk. Santa Barbara; Denver; Oxford, 2009. P. 159. Конечно, можно вспомнить турецкий «низам-и джедид» («новая система», «новая армия»), созданный султаном Селимом III. Но эта «новая система» фактически не пережила правление Селима, так что маловероятна связь названия с кавказским институтом, появившимся более чем сорок лет спустя. Еще меньше оснований проводить ассоциации с регулярной армией Туниса, Алжира или Марокко, тоже низамом / низами (*Bennison A. K.* The “New Order” and Islamic Order: The Introduction of the Niḏāmī Army in the Western Maghrib and Its Legitimation, 1830–73 // International Journal of Middle East Studies. 2004. Vol. 36. № 4. P. 591, 595, 598–599; *Moreau O.* La réforme par le haut: experimentation de la réforme de l'armée dans le monde musulman méditerranéen // Oriente Moderno. 2004. T. 23 (84). № 5. P. 123, 131).
- ⁵¹⁰ *Дневник полковника Руновского...* С. 1450.
- ⁵¹¹ *Dulaurier E.* La Russie dans la Caucase... P. 317.
- ⁵¹² *Зиссерман А.Л.* История 80-го пехотного Кабардинского... полка... Т. 3. С. 97; Из записок князя Амилахвари // Кавказский сборник. Т. XXVI. Тифлис, 1907. С. 58; Кавказская старина. Выписки из дневника генерал-адъютанта барона Л.П. Николаи. [Т. 1]. Тифлис, 1872. Паг. 4-я. С. 43.
- ⁵¹³ Следует подчеркнуть это, ввиду необоснованных, но постоянных заявлений в историографии (Гаммер и иже с ним) на «несколько лет», на которые будто бы затянута организация «низамы». См., например: *Gammer M.* Prince Bariatinskii – conqueror of the Eastern Caucasus // Central Asian Survey. 1994. Vol. 13. № 2. P. 238. Особенно разочаровывает сделанное далее заявление – «российские источники почти все не обращают внимания на это событие» (*Ibid.* P. 245. Not. 17). К несчастью, М. Гаммер – повторив все свои очень странные «откровения» на страницах вышедшей в том же году книги – не счел нужным хотя бы озаботить себя поиском этих источников, которых, заметим, немало. Впрочем, чего еще ожидать от «исследователя», который проигнорировал все истории кавказских полков и благополучно не заметил публикации переписки Барятинского и Во-

ронцова, мемуаров Амилахвари, Ольшевского, Николаи и ветеранов-нижегородцев (в пересказе В.А. Потто)? Ср.: *Арсанукаева М.С.* Военная организация в имамате Шамиля... С. 178–179 (редкое исключение, где хотя бы есть ссылка на биографию князя Барятинского, написанную Зиссерманом).

⁵¹⁴ *Gammer M.* Muslim Resistance to the Tsar... P. 397. Not. 29.

⁵¹⁵ *Зиссерман А.Л.* Фельдмаршал князь А.И. Барятинский... Т. 1. С. 106; Кавказская старина. Выписки из дневника... [Т. 1.] Паг. 4-я. С. 43; *Потто В.А.* История 44-го драгунского Нижегородского Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича полка. Т. VI. СПб., 1894. С. 60; *Wl-off G.* Souvenirs... P. 122.

⁵¹⁶ *Gralewski M.* Kaukaz... S. 467.

⁵¹⁷ *Властов Г.К.* Война в Большой Чечне... С. 35; *Зиссерман А.Л.* История 80-го пехотного Кабардинского... полка... Т. 3. С. 97.

⁵¹⁸ *Властов Г.К.* Война в Большой Чечне... С. 35; Выписки из дневника светлейшего князя М.С. Воронцова с 1845 по 1854 г. СПб., 1902. С. 32; *Зиссерман А.Л.* Фельдмаршал князь А.И. Барятинский... Т. 1. С. 106–107; *Он же.* История 80-го пехотного Кабардинского... полка... Т. 3. С. 97; Из записок князя Амилахвари... // Кавказский сборник. Т. XXVI. С. 58; *К. Летуций* отряд в 1850 и 1851 годах // Кавказский сборник. Т. XII. Тифлис, 1888. С. 441; Кавказская старина. Выписки из дневника... [Т. 1.] Паг. 4-я. С. 42, 44–45; *Корганов А.С.* История 45-го драгунского Северского Его Величества Короля Датского полка. Тифлис, 1884. С. 7; *Ольшевский М.Я.* Кавказ... С. 220–221; *Потто В.А.* История 44-го драгунского Нижегородского... полка... Т. VI. С. 60–61, 66; *Gralewski M.* Kaukaz... S. 228; *Wl-off G.* Souvenirs... P. 122–123. Вопреки мнению М. Гаммера, осталось достаточно опубликованных описаний данного боя (а не одно-единственное), который к тому же был решен кавалерийской атакой (без участия пехоты и такого большого числа орудий, как вновь пытается уверить нас Гаммер) (*Gammer M.* Muslim Resistance to the Tsar... P. 212).

⁵¹⁹ Из записок князя Амилахвари... // Кавказский сборник. Т. XXVI. С. 58.

⁵²⁰ Дневник полковника Руновского... С. 1450; *Руновский А.* Шамиль... С. 57.

⁵²¹ *Gammer M.* Muslim Resistance to the Tsar... P. 229.

⁵²² *Gralewski M.* Kaukaz... S. 467.

⁵²³ *Dulaurier E.* La Russie dans la Caucase... P. 317.

⁵²⁴ *К. Зимняя* экспедиция 1852... С. 558.

⁵²⁵ *Спаский И. Г.* Иностранцы и русские орден до 1917 года. М., 2009. С. 188.

⁵²⁶ *Дадаев Ю.У.* Государство Шамиля... С. 362–363; *Зиссерман А.Л.* Материалы... С. 448; *Bodenstedt F.* Les Peuples de Caucase... P. 603–604; *Dulaurier E.* La Russie dans la Caucase... P. 317; *Schamyl and Circassia...* P. 89 = *Wagner Fr.* Schamyl... S. 65.

⁵²⁷ *Дуров В.* Награды в армии Шамиля // Родина. 2000. № 1–2. С. 70; *Спаский И.Г.* Иностранцы и русские орден... С. 193.

⁵²⁸ *Доного Х.М.* Победит тот, кто владеет Кавказом... С. 51; *Зиссерман А.Л.* Материалы... С. 447; *Спаский И.Г.* Иностранцы и русские орден... С. 187, 190; *Шамиль и Чечня...* С. 137.

⁵²⁹ *Абдурахман Газикумухский.* Как наши люди выходили на джихад... С. 24.

⁵³⁰ Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия... С. 79–80 = *Доного Х.М.* Орден Шамиля. Махачкала, 1995. С. 9–13.

⁵³¹ *Вердеревский Е.А.* Плен у Шамиля... Приложение. С. 31; *Леонтович Ф.И.* Адагы кавказских горцев... С. 109. Прим. 1.

⁵³² *Bodenstedt F.* Les Peuples de Caucase... P. 604.

⁵³³ *Гаджиев В.Г.* Военная организация... С. 99–100; *Доного Х.М.* Орден Шамиля... С. 42, 46; *Дубровин Н.Ф.* История войны... С. 487; *Казем-Бек М.А.* Муридизм и Шамиль... С. 222–223; *Стецов В.В.* «Солдаты» гор... С. 76.

⁵³⁴ *Гаджиев В.Г.* Военная организация... С. 101; ДГСВК. С. 341–342, 358–359, 382–383; *Спаский И.Г.* Иностранцы и русские орден... С. 191; ШССТАК. С. 218. Особого отличия для звания «знаменосца», видимо, не существовало, хотя сама должность имела место быть. Так, в деле 25 декабря 1840 г. был убит доверенный мюрид и «значконосец» Шамиля Мулла-Шаман-Магомет-оглы (*Юров А.* 1840, 1841 и 1842-й годы... // Кавказский сборник. Т. XI. С. 200).

⁵³⁵ *Абдурахман из Газикумуха.* Книга воспоминаний... С. 52; *Карпов Ю.Ю.* Взгляд на горцев... С. 182; *Румянцев И.Н.* Новые проповедники мюридизма... С. 22–23.

⁵³⁶ *Доного Х.М.* Орден Шамиля... С. 50, 52, 54–69; *Спаский И.Г.* Иностранцы и русские орден... С. 189–193.

⁵³⁷ Сборник газеты Кавказ. Первое полугодие 1847 года. Т. 47. С. 111–112; Шамиль и Чечня... С. 137.

⁵³⁸ Воспоминания В.А. Полторацкого // Исторический вестник. 1893. № 4. С. 85.

⁵³⁹ *К. Левый фланг...* // Кавказский сборник. Т. XI. С. 316.

⁵⁴⁰ ДГСВК. С. 417.

⁵⁴¹ *Доного Х.М.* Орден Шамиля... С. 48, 50, 62–63, 65–67.

⁵⁴² *Спаский И.Г.* Иностранцы и русские орден... С. 196–197.

⁵⁴³ Вайнахи и имперская власть... С. 82; ДГСВК. С. 417; Записки о Кавказе... Гагарина // Военный сборник. 1906. № 2. С. 37; *Зиссерман А.Л.* Материалы... С. 448.

⁵⁴⁴ *Дзержинский В.С.* Из Кавказской войны... С. 49–50.

⁵⁴⁵ Даргинская трагедия... С. 415.

⁵⁴⁶ *К. Зимняя* экспедиция 1852... С. 457, 460.

⁵⁴⁷ *К. Зимняя* экспедиция 1852... С. 554.

⁵⁴⁸ *Потто В.А.* История 44-го драгунского Нижегородского Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича полка. Т. V. СПб., 1894. С. 88.

⁵⁴⁹ По словам очевидца, «толпы неприятельской пехоты показывались по всем дорогам и садам, вся белыми значками» (*Бестужев-Марлинский А.А.* Полн. собр.

соч. Ч. VI. С. 150). То же явление («с множеством белых значков») отмечали наблюдатели в 3–4-тысячной партии Шамиля в 1839 г. под Бургунаем (Милютин Д.А. Описание... С. 51). О популярности и значении белого цвета в символике армии имамата см. выше.

⁵⁵⁰ **Флаги, 1-й этап:** Гаджиев В.Г. Военная организация... С. 101–102 (описанное здесь знамя Шамиля – табл. II, рис. 2 – принадлежало в реальности Хаджи-Мурату); ДГСВК. С. 192; Доного Х.М. Знамена Кавказской войны. Махачкала, 1997. С. 17–20, 24, 35, 38, 43–44, 47–48, 52, 60, 69, 77, 83, 91–92 (в этой работе даны переводы всех надписей на знаменах, которые здесь не приводятся); Кажлаев Д.Г. Дорогие реликвии. Махачкала, 1988. С. 16–17; Коркмасов М. Знамена горских воинов // Родина. 1994. № 3–4. С. 76–77; Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия... С. 77–79. Ю.У. Дадаев, описывая знамена (Дадаев Ю.У. Государство Шамиля... С. 314–326) и знаки отличия имамата (Там же. С. 327–348), практически дословно переписал текст соответствующих монографий Х.М. Доного (без ссылки на эти работы).

⁵⁵¹ Вердеревский Е.А. Плен у Шамиля... Приложения. С. 36; Загорский Ив. Восемь месяцев в плену... С. 236; Окольников Н. Перечень... // Военный сборник. 1859. № 2. С. 404; Bordenstedt F. Les Peuples de Caucase... P. 605.

⁵⁵² Волконский Н.А. Война на восточном Кавказе... // Кавказский сборник. Т. XIII. С. 222; Жизнеописание генерала от кавалерии Эммануэля... С. 300; Неверовский. О начале беспокойств в Северном и Среднем Дагестане. СПб., 1847. С. 25, прим.

⁵⁵³ Волконский Н.А. Война на восточном Кавказе... // Кавказский сборник. Т. XIII. С. 290. Как гласит легенда, Гази-Мухаммад предсказал, что для пули и сабли он неуязвим (Чипаивили С.О. Политические лидеры... С. 128). Действительно, его прикололи штыками...

⁵⁵⁴ Беляев А.П. Воспоминания... С. 491; Вердеревский Е.А. Плен у Шамиля... Приложения. С. 12, 17–18; Дзержинский В.С. Из Кавказской войны... С. 46; Зиссерман А.Л. Фельдмаршал князь А.И. Барятинский... Т. 1. С. 261; Из записок князя Амилахвари // Кавказский сборник. Т. XXVII. Тифлис, 1908. С. 240, 244, 248; К. Зимняя экспедиция 1852... С. 444, 531; Кавказская старина. Выписки из дневника генерал-адъютанта барона Л.П. Николаи. [Т. 2]. Тифлис, 1872. Паг. 6-я. С. 15; Merlieux E. Les Princesses russes prisonnières au Caucase. Souvenirs d'une française captive de Chamyl. P., 1857. P. 160. Хайдарбек Геничутлинский уже под 1840 г. описывает выступление Шамиля «в поход под зелеными знаменами» (цит. по: Олейников Д.И. Шамиль... С. 65), но это может быть очередным риторическим оборотом мусульманского автора.

⁵⁵⁵ Приложения к запискам генерала от артиллерии Э.В. Бриммера... С. 421.

⁵⁵⁶ **Флаги, 2-й этап:** Беляев С. Дневник... С. 89, прим.; Вердеревский Е.А. Плен у Шамиля... Приложения. С. 13; Доного Х.М. Знамена... С. 57–60, 65, 71–74, 79–81, 87, 90, 94; Дубровин Н.Ф. История войны... С. 489; Из записок князя Амилахвари... // Кавказский сборник. Т. XXVI. С. 55; Из записок князя Амилахвари... // Кавказский

сборник. Т. XXVII. С. 229; К. Левый фланг... // Кавказский сборник. Т. X. С. 493; Он же. Левый фланг... // Кавказский сборник. Т. XI. С. 318, 330; Он же. Зимняя экспедиция 1852... С. 470, 531; Он же. Обзор событий на Кавказе в 1851 году... // Кавказский сборник. Т. XVIII. С. 138–139, 143; Кавказская старина. Выписки из дневника... [Т. 2]. Паг. 6-я. С. 15; Кажлаев Д.Г. Дорогие реликвии... С. 17–18; Коркмасов М. Знамена горских воинов... С. 76–77; Муравьев Н.Н. Война за Кавказом в 1855 году. Т. II. СПб., 1877. С. 372; Николаи А.П. Из истории Кавказской войны... С. 26; Осада Кавказа... С. 558, 561; Потто В.А. История 44-го драгунского Нижегородского... полка... Т. V. С. 42; Т. VIII. С. 9; Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 22; Jaworski H. Wspomnienia... Cz. III. S. 29.

⁵⁵⁷ Зиссерман А.Л. История 80-го пехотного Кабардинского... полка... Т. 3. С. 194.

⁵⁵⁸ Алиханов М. В горах Дагестана... С. 349; Гаджи-Али. Сказание очевидца... С. 26; Дневник полковника Руновского... С. 1424, 1456; Покровский Н.И. Кавказские войны... С. 445; Шульгин С. Рассказ очевидца о Шамиле... С. 17. «Низамом» также называли «светское» законодательство, свод военных и гражданских законов имамата Шамиля (Гемер М. Шамиль – правитель Чечни и Дагестана // Восток. 1993. № 2. С. 64. Прим. 6; Магомедов Р.М. Шамиль в отечественной истории... С. 102).

⁵⁵⁹ Для сравнения: в регулярной армии Абд ал-Кадир пехота делилась на тысячи, сотни и «палатки» (33 чел. с начальником); кавалерия – на тысячи и полусотни; артиллерия – по 12 чел. с начальником на орудие (Bennison A. K. The “New Order” and Islamic Order... P. 595).

⁵⁶⁰ Гаджиев В.Г. Военная организация... С. 99; Доного Х.М. Победит тот, кто владеет Кавказом... С. 44; Дубровин Н.Ф. История войны... С. 487; Казем-Бек М.А. Муридизм и Шамиль... С. 222; Садыхов А.Ч. Формы управления... С. 156. При этом никто из представителей «военной иерархии» имамата особого содержания не получал (Дневник полковника Руновского... С. 1478; Покровский Н.И. Кавказские войны... С. 431).

⁵⁶¹ ДГСВК. С. 416; Исторический обзор Терека, Ставрополя и Кубани... С. 136; Юров А. 1844-й год... С. 216.

⁵⁶² Беляев С. Дневник... С. 73; Gilles F. Lettres sur le Caucase... P. 116; Kalinowski K. Pamiętnik... S. 216.

⁵⁶³ Шамиль и Чечня... С. 143.

⁵⁶⁴ Гакстаузен А., фон. Закавказский край... С. 214; Дадаев Ю.У. Государство Шамиля... С. 366 («высокий нравственный уровень и боеспособность армии Имамата были результатом воспитательной работы в войсках и значимости оборонительного характера борьбы» – замечание анекдотичное!); ДГСВК. С. 384, 404–405; Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев... С. 105; О гражданских, военных и духовных постановлениях Шамиля... С. 212, 213; Окольников Н. Перечень... // Военный сборник. 1859. № 2. С. 404; Удовик В.А. Воронцов... С. 333; Халилов А.М. Национально-освободительное движение... С. 99; Хашамов Х.-М. Общественный строй Дагестана... С. 53; Шамиль и Чечня... С. 156;

ШССТАК. С. 218; Юров А. 1843-й год... С. 45–46; *Bodenstedt F. Les Peuples de Caucase...* P. 597, 605–606. Варианты: *Зиссерман А.Л. Материалы...* С. 448 (ошибочно говорит о клочке золотой, а не зеленой материи на шапке храбреца), 449 (пересказывая Боденштедта, пишет о куске белого войлока на спине или правом рукаве). В английском переводе книги Ф. Вагнера (*Schamyl and Circassia...* P. 89) сообщается о куске байки на рукаве или спине, но это неточность – в оригинале речь идет о войлоке, *Filz (Wagner Fr. Schamyl...* С. 65).

⁵⁶⁵ Горчаков Н.И. Экспедиция в Дарго (1845 г.) (Из дневника офицера Куринского полка) // Кавказский сборник. Т. II. Тифлис, 1877. С. 130.

⁵⁶⁶ Низам Шамиля... С. 12–13.

⁵⁶⁷ Арутюнов Ф. Гомборцы. История 1-го Кавказского Стрелкового Его Императорского Высочества Велико-го Князя Михаила Николаевича батальона. СПб., 1898. С. 27.

⁵⁶⁸ *Зиссерман А.Л. История 80-го пехотного Кабардинского... полка...* Т. 3. С. 190. Прим. 2.

⁵⁶⁹ См., например: *Волконский Н.А. Трехлетие в Дагестане. 1849-й год. Осада укрепления Чох* // Кавказский сборник. Т. VIII. Тифлис, 1884. С. 264, прим.; *Даргинская трагедия...* С. 521, 535; Приложения к запискам генерала от артиллерии Э.В. Бриммера... С. 417, 421.

⁵⁷⁰ *Вердеревский Е.А. Плен у Шамиля...* Ч. 2. С. 84; Ч. 3. С. 44.

⁵⁷¹ *Зиссерман А.Л. История 80-го пехотного Кабардинского... полка...* Т. 3. С. 215; *Baddeley J. The Russian Conquest...* P. 453; *Wl-off G. Souvenirs...* P. 207.

⁵⁷² *Merlieux E. Les Princesses russes prisonnières au Caucase...* P. 164.

⁵⁷³ *Румянцев И.Н. Новые проповедники мюридизма...* С. 25.

⁵⁷⁴ *Волконский Н.А. Трехлетие в Дагестане. 1849-й год...* С. 267. Простые воины довольствовались малым – вместо подушки седло под голову, покрывались войлоком, сено заменяло матрац. «Если останавливались в лесу, устраивали шалаши, покрывали их сверху листьями или другими растениями» (*Абдурахман Газикумухский. Как наши люди выходили на джихад...* С. 24).

⁵⁷⁵ АКАК. Т. XII. С. 1059, 1180; К. Обзор событий на Кавказе в 1846 году // Кавказский сборник. Т. XIV. Тифлис, 1890. С. 542. Интересно, что при штурме Аргуани в 1839 г. была захвачена «булава Шамиля» (Записная книжка графа П.Х. Граббе... С. 107).

⁵⁷⁶ *Арутюнов Ф. Гомборцы...* С. 27; ДГВСК. С. 417; *Окольничий Н. Перечень...* // Военный сборник. 1859. № 2. С. 404; *Kalinowski K. Pamiętnik...* S. 87, 156.

⁵⁷⁷ «Если случится, что обстоятельства сражения заставят сделать нападение, или обратиться в бегство, то этого не следует делать в рассыпную, в беспорядке, и не должны оставлять сзади себя имама, или его повеленного, на произвол судьбы; напротив, должны окружать его и не делать без него ни одного шагу вперед. Виновный наиб смещается и записывается в низам (т. е. в рядовые)» (Низам Шамиля... С. 9).

⁵⁷⁸ *Гаммер М. Шамиль...* С. 209–210; *Дегоев В.В. Имам Шамиль...* С. 199; *Записки о Кавказе...* Гагарина // Военный сборник. 1906. № 2. С. 28, 37; *Милютин Д.А. Описание...* С. 85; О гражданских, военных и духовных постановлениях Шамиля... С. 213; *Стецов В.В. «Солдаты» гор...* С. 76; *Юров А. 1844-й год...* С. 208.

⁵⁷⁹ *Казем-Бек М.А. Муридизм и Шамиль...* С. 224, 238–242.

⁵⁸⁰ Зайн ал-Абидин – Али б. ал-Хусайн б. Али б. Аби Талиб (ок. 658/659 – ок. 712/713), 4-й имам ветви шиитов, верящих в 12 имамов. Приписываемое ему собрание молитв пользовалось большой популярностью.

⁵⁸¹ Мухаммад-Амин и народно-освободительное движение народов Северо-Западного Кавказа в 40–60 гг. XIX века. Махачкала, 1998. С. 66–67. Ср.: *Юров А. Три года...* // Кавказский сборник. Т. IX. С. 16 («По обыкновению, горцы воодушевляли себя громким пением стихов из Корана...»).

⁵⁸² *Владыкин М. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу.* Ч. I. М., 1885. С. 43.

⁵⁸³ *Березин И. Путешествие по Дагестану...* С. 100; *Бобровский П.О. История 13-го Лейб-гренадерского Эриванского... полка...* Ч. 4. С. 202; *Богуславский Л. История Апшеронского полка...* Т. II. С. 76; *Волконский Н.А. Погром Чечни...* С. 130; *Козубский Е.И. История Дагестанского конного полка...* С. 158; *Потто В.А. Боевая хроника полков 21-й пехотной дивизии...* Паг. 5-я. С. 11; *Хайдарбек Геничутлинский. Историко-биографические и исторические очерки...* С. 69; *Jaworski H. Wspomnienia...* Cz. III. S. 30.

⁵⁸⁴ *Богуславский Л. История Апшеронского полка...* Т. II. С. 56.

⁵⁸⁵ *Потто. Из записок кавказца...* С. 141.

⁵⁸⁶ *Gilles F. Lettres sur le Caucase...* P. 132. Not. 1.

⁵⁸⁷ *Чипаивили С.О. Политические лидеры...* С. 117.

⁵⁸⁸ Цит. по: *Ибрагимбеيلي Х.М. Кавказ в Крымской войне...* С. 180.

⁵⁸⁹ *Юров А. 1840, 1841 и 1842-й годы...* // Кавказский сборник. Т. XII. С. 245–246.

⁵⁹⁰ Вайнахи и имперская власть... С. 83; *Записки о Кавказе...* Гагарина // Военный сборник. 1906. № 2. С. 38.

⁵⁹¹ *Березин И. Путешествие по Дагестану...* С. 103.

⁵⁹² *Волконский Н.А. Лезгинская экспедиция...* С. 241.

⁵⁹³ *Султан Адиль-Гирей. Рассказ Аварца...* С. 140.

⁵⁹⁴ *Бобровский П.О. История 13-го Лейб-гренадерского Эриванского... полка...* Ч. 4. С. 336; *Лермонтов М.Ю. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 226.*

⁵⁹⁵ АКАК. Т. X. С. 531; *Арутюнов Ф. Гомборцы...* С. 156; *Зиссерман А.Л. История 80-го пехотного Кабардинского... полка...* Т. 3. С. 104; *Он же. Фельдмаршал князь А.И. Барятинский...* Т. I. С. 144; *К. Зимняя экспедиция 1852...* С. 452–453.

⁵⁹⁶ *Зиссерман А.Л. История 80-го пехотного Кабардинского... полка...* Т. 3. С. 179.

⁵⁹⁷ *Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне...* С. 77.

⁵⁹⁸ *Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи...* С. 135.

⁵⁹⁹ Обзор военных действий на Кавказе в 1845 году. Тифлис, 1846. С. 31.

⁶⁰⁰ Ср.: АКАК. Т. IX. С. 834.

⁶⁰¹ Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи... С. 157, 158, 159–160.

⁶⁰² *Богуславский Л.* История Апшеронского полка... Т. II. С. 97; *Окольничий Н.* Перечень... // Военный сборник. 1859. № 5. С. 379–380; *Янжул М.А.* 80 лет боевой и мирной жизни 20-й артиллерийской бригады... С. 498. Официальная статистика, безусловно, зачастую может не соответствовать реальности. Согласно Отчетам о действиях военного министерства за 1843–1848 и 1851–1852 гг., в плен горцами было взято только 330 чел. (143, 48, 12, 22, 6, 10, 42 и 47 чел. соответственно). Но часть реальных пленников вполне могла числиться в категориях «пропавших без вести» или «убитых» (Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. IV. Комплектование войск в царствование императора Николая I. Исторический очерк. Ч. II. Кн. I. Отд. II. СПб., 1907. С. 108, 111, 114, 116, 120, 124, 147, 151).

⁶⁰³ 17 – считая с предателем Залетовым и пленным офицером из отряда майора Зайцева (штурм аула Хорачи 1 сентября).

⁶⁰⁴ Пленный в бою под Эндери: корнет Адиль-Гирей-Акаев. 19-й пленный: обер-офицер гарнизона Зубутовских башен. Также учтем поручика Ананова (послан из Хунзаха в Темир-Хан-Шуру, схвачен, а потом убит Хаджи-Муратом).

⁶⁰⁵ *Гизетти А.Л.* Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн Кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае. 1801–1885 г. г. Тифлис, 1901. С. 63–66; Сведения о потерях в Кавказской войне 1801–1864 гг. // Россия в Кавказской войне. Вып. 1. СПб., 1996. С. 117–119. Для сравнения: в Даргинской экспедиции в плену у горцев оказались всего 57 нижних чинов и один офицер – видимо, капитан Нелов горной № 4 батареи (*Гизетти А.Л.* Сборник сведений о потерях... С. 74–77). Правда, источник приводит иное количество пропавших без вести с 6 по 21 июля – 177 нижних чинов; но большинство их погибли: «русские солдаты под Дарго не брались горцами в плен, их беспощадно убивали на месте» (*Румянцев И.Н.* Новые проповедники мюридизма... С. 58). Но в другие годы потери пленными были еще меньше. Например, за 1848 год на левом фланге Линии войска потеряли только 3 офицеров и 9 нижних чинов взятыми в плен (К. Левый фланг... // Кавказский сборник. Т. XI. С. 460 [у Гизетти другие данные]). 1843-й год в этом отношении – уникальное исключение. Сами горцы, естественно, считали, что захватили тогда 700 солдат и 10 орудий (*Гаджи-Али.* Сказание очевидца... С. 31), а то и 2000 чел.

⁶⁰⁶ Книга Асари-Дагестан... С. 136.

⁶⁰⁷ Цит. по: *Ибрагимбейли Х.М.* Кавказ в Крымской войне... С. 179.

⁶⁰⁸ АКАК. Т. IX. С. 773; Вайнахи и имперская власть... С. 95; ДГСВК. С. 468; *Зиссерман А.Л.* История 80-го пехотного Кабардинского... полка... Т. 2. С. 277; *Окольничий Н.* Перечень... // Военный сборник. 1859. № 3. С. 41–

42; *Ольшевский М.Я.* Кавказ... С. 113; *Юров А.* 1843-й год... С. 78. Судьба Залетова после 1843 г. неясна. Возможно, его, за ненадобностью, зарезали сами горцы.

⁶⁰⁹ *Гаджи-Али.* Сказание очевидца... С. 29.

⁶¹⁰ *Зиссерман А.Л.* Двадцать пять лет на Кавказе (1842–1867). Ч. 1. СПб., 1879. С. 48–49. Залетов сдавался Хаджи-Мурату.

⁶¹¹ *Curtis J. S.* The Russian Army... P. 291.

⁶¹² АКАК. Т. IX. С. 777; *Владыкин М.* Путеводитель... Ч. I. С. 60; Даргинская трагедия... С. 428; Записки о Кавказе... Гагарина // Военный сборник. 1906. № 3. С. 30; *Ильин П.А.* Из событий на Кавказе... С. 257. По другой версии (К. Левый фланг... // Кавказский сборник. Т. XI. С. 431; *Окольничий Н.* Перечень... // Военный сборник. 1859. № 3. С. 21; *Янжул М.А.* 80 лет боевой и мирной жизни 20-й артиллерийской бригады... С. 491), «Потемкин, когда вся прислуга его была перебита, сам сделал последний картечный выстрел, лег на орудие и был тут же изрублен мюридами». Поскольку труп был найден, «но до того изуродован, что никто его узнать не мог», подвиг также приписывался некому артиллерийскому фейерверкеру (Вайнахи и имперская власть... С. 96).

⁶¹³ *Ильин П.А.* Из событий на Кавказе... С. 236, 243. Если можно верить переводу 1920-х гг. хроники ал-Карахи, в 1843 г. Шамиль «одел своих русских солдат» в одежду, снятую с погибших военнослужащих отряда подполковника Веселицкого (убитых 477 нижних чинов и 11 офицеров), разбитого 29 августа под Унцуклем (*Мухаммед Тахир.* Три Имама. Махачкала, 1990. С. 68). В дальнейшем беглые и пленные в имамате переодевались в азиатские костюмы, брили головы, отращивали бороды и ничем не отличались от туземных жителей (Осада Кавказа... С. 575; *Румянцев И.Н.* Новые проповедники мюридизма... С. 28).

⁶¹⁴ *Гаджи-Али.* Сказание очевидца... С. 31; *Зиссерман А.Л.* История 80-го пехотного Кабардинского... полка... Т. 2. С. 272–273; *Ильин П.А.* Из событий на Кавказе... С. 313; *Окольничий Н.* Перечень... // Военный сборник. 1859. № 3. С. 37–38.

⁶¹⁵ *Богуславский Л.* История Апшеронского полка... Т. II. С. 71; ДГСВК. С. 461; Рассказ бывшего у.-о. Апшеронского полка Самойлы Рябова о своей боевой службе на Кавказе // Кавказский сборник. Т. XVIII. Тифлис, 1897. С. 361–362.

⁶¹⁶ Дневник полковника Руновского... С. 1419–1420; *Колобакин Б.М.* Кавказская экспедиция в 1845 году... С. 119–120. Прим. 2; *Ржевуский А.* 1845-й год... // Кавказский сборник. Т. VI. С. 418; *Румянцев И.Н.* Новые проповедники мюридизма... С. 58–64; [*Вердеревский Е.А.*] Captivity of two Russian Princesses in the Caucasus. Pt. II. L., 1857. P. 145; *Gammer M.* Vorontsov's Campaign of 1845: A Reconstruction and Reinterpretation // Political Thought and Political History: Studies in Memory of Elie Kedourie. L.; Portland, 2003. P. 87. Not. 103. Об отношении Шамиля к пленным см.: *Аларова З.М.* Образ Дагестана и дагестанцев в английской литературе (XVII – нач. XX века): Дисс. канд. филолог. наук. Махачкала, 2005 (рукопись). С. 115 (автор по неизвестной

нам причине решила объявить все описания жестокого обращения с пленными «идеологическими штампами!»); *Пашиева Ш.Ю.* Кавказский мюридизм в Дагестане и Чечне: возникновение, становление, развитие (1821–1838): Дисс. канд. ист. наук. Махачкала, 2002 (рукопись). С. 148; *Чипашвили С.О.* Политические лидеры... С. 161–163 (взвешенный и рациональный подход). Сравним с мнением другого дагестанского автора: «Акты жестокости к пленным, санкционированные Шамилем, – единичны и чаще всего вызваны обстоятельствами войны, но не фанатизмом» (*Магомедов Р.М.* Шамиль в отечественной истории... С. 41). В любом случае, как очень сдержанно отметил даже британец Д. Бэддли, не раз подчеркивавший факт убийств пленных русских офицеров: «...Его [Шамяля] представления о хорошем отношении к военнопленным оставляли во многом желать лучшего» (*Baddeley J.* The Russian Conquest... P. 455).

⁶¹⁷ АКАК. Т. XII. С. 1167.

⁶¹⁸ *Румянцев И.Н.* Новые проповедники мюридизма... С. 138.

⁶¹⁹ *Чернозубов Ф.Г.* Очерки Терской Старины. Побег в горы. (История одной раскольничьей обители у Шамяля). 1848–1859 // Русский архив. 1911. № 10. С. 252. Характеристика может показаться пристрастной, но действительно, освободившись на чужбине от дисциплинарного контроля, русский солдат был склонен пьянствовать permanently. Разврат же усугублялся невозможностью заключать законный брачный союз с точки зрения христианской церкви. Как откровенно заметил зять Шамяля, солдаты на службе имама гнали вино и самогон, а потому «ели, пили, развлекались, особенно по большим праздникам», в чем им никто не препятствовал (*Абдурахман из Газикумуха.* Книга воспоминаний... С. 102).

⁶²⁰ *Петров А.* История 83-го пехотного Самурского Его Императорского Высочества Великого князя Владимира Александровича полка. Петровск, 1892. С. 133.

⁶²¹ *Зиссерман А.Л.* Двадцать пять лет на Кавказе... Ч. 2. С. 97–98.

⁶²² *Curtis J. S.* The Russian Army... P. 292.

⁶²³ Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. IV. Комплектование войск... С. 12, 19, 24, 57, 62, 71, 75, 78, 83, 87, 93, 97, 102, 105, 108, 111, 114, 116, 120, 124, 131, 140, 147, 151, 154, 165.

⁶²⁴ *Дзидзария Г.А.* Декабристы в Абхазии. Сухуми, 1970. С. 14; *Покровский Н.И.* Кавказские войны... С. 450; *Ракович Д.В.* Тенгинский полк на Кавказе. 1819–1846. Тифлис, 1900. С. 107, 389.

⁶²⁵ *Шипов Н.* История моей жизни. 1845 год // В плену у горцев. Вып. 5. Нальчик, 2011. С. 24.

⁶²⁶ *Дегоев В.В.* Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2001. С. 223; *Layton S.* Nineteenth-Century Russian Mythologies of Caucasian Savagery // Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917. Bloomington, 1997. P. 92; *Schamyl and Circassia...* P. 127; *Warner.* Schamyl... P. 12. Ср.: *Ditson G. L.* Circassia; or, A Tour to the Caucasus. N. Y.; L., 1850. P. 416 («В горах, как нам рассказали, находятся тысячи русских и польских рабов, дезертиров из “Кавказской армии”»).

⁶²⁷ *Маркелов Н.В.* «Где рыскает в горах воинственный разбой...». (Кавказские пленники) // Сб. РИО. Т. 2 (150). М., 2000. С. 104.

⁶²⁸ АКАК. Т. IX. С. 834. 14-я дивизия прибыла на Кавказ в 1841 г.; показания относятся к маю 1844 г.

⁶²⁹ *Лапин В.В.* Русская армия в Кавказской войне XVIII–XIX вв.: Автореф. дисс. докт. ист. наук. СПб., 2008. С. 45–46.

⁶³⁰ *Н.В.* 1840, 1841 и 1842-й годы на Кавказе // Кавказский сборник. Т. XIV. Тифлис, 1890. С. 409.

⁶³¹ *Косвен М.О.* Этнография и история Кавказа. М., 1961. С. 257. К сожалению, и статья Косвена, и недавняя монография американского исследователя Майкла Ходарковского посвящены дезертирству именно казачьего офицера (Семена Атарщикова), к тому же не связанного с Шамилем.

⁶³² О штаб-офицерах и речи, разумеется, не было.

⁶³³ *К.* Левый фланг... С. 327–328.

⁶³⁴ *Kalinowski K.* Pamiętnik... S. 138–141, 158–160.

⁶³⁵ Примерно 6 мая – 4-го Полторацкий прибыл в станцию Сунженскую, где днем раньше расположился Воронцов, а 8-го князь пребывал в лагере на Ассе. Русальский оказался у русских, следовательно, в самом конце апреля 1847 г.

⁶³⁶ Воспоминания В.А. Полторацкого // Исторический вестник. 1893. № 1. С. 83–84.

⁶³⁷ *Зиссерман А.Л.* Фельдмаршал князь А.И. Барятинский... Т. 1. С. 72. Воронцов тогда находился в лагере на Турчидаге, после отступления от Гергебиля.

⁶³⁸ АКАК. Т. X. С. 466.

⁶³⁹ *Ditson G. L.* Circassia... P. 433–434. Настоящий Русальский, как мы видим, благополучно сбежал обратно к русским еще до осады Салты.

⁶⁴⁰ *Колубакин Б.М.* Кавказская экспедиция в 1845 году... С. 189. Прим. 1.

⁶⁴¹ Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1980. С. 176, 382.

⁶⁴² *Руновский А.* Записки о Шамиле... С. 62.

⁶⁴³ *Гаджиев В.Г.* Роль России... С. 245; *Дневник полковника Руновского...* С. 1398; *Шульгин С.* Рассказ очевидца о Шамиле... С. 18.

⁶⁴⁴ АКАК. Т. XII. С. 141; *Гаджиев В.Г.* Шамиль... С. 145.

⁶⁴⁵ *Руновский А.* Записки о Шамиле... С. 61–62.

⁶⁴⁶ *Вердеревский Е.А.* Плен у Шамяля... Ч. 2. С. 86.

⁶⁴⁷ *Румянцев И.Н.* Новые проповедники мюридизма... С. 144.

⁶⁴⁸ Выдержки из записок Абдурахмана... С. 7.

⁶⁴⁹ *Абдурахман из Газикумуха.* Книга воспоминаний... С. 106; *Чернозубов Ф.Г.* Очерки Терской Старины. Побег в горы. (История одной раскольничьей обители у Шамяля)... С. 253.

⁶⁵⁰ *Абдурахман из Газикумуха.* Книга воспоминаний... С. 100.

⁶⁵¹ ДГСВК. С. 291–292 (подразумеваются, очевидно, не только – и не столько – русские дезертиры, но и мусульмане-перебежчики).

⁶⁵² *Юров А.* 1840, 1841 и 1842-й годы... // Кавказский сборник. Т. XII. С. 331.

- ⁶⁵³ Боголюбов А.А. Поляки на Северном Кавказе... С. 55 (исследователю не была известна русскоязычная публикация воспоминаний Загорского – Яна Загорского, или Загурского, поэтому он цитирует их польскую версию, не сумев идентифицировать ее подлинного автора); *Загорский Ив.* Восемь месяцев в плену... С. 227–229.
- ⁶⁵⁴ Вайнахи и имперская власть... С. 89; Записки о Кавказе... Гагарина // Военный сборник. 1906. № 3. С. 21.
- ⁶⁵⁵ Интересно, что 17 ноября горцы штурмовали Низовое укрепление с криком «Ура!» «вместо обычного своего гика» (Генерал Фрейтаг и его боевые товарищи... С. 823).
- ⁶⁵⁶ АКАК. Т. IX. С. 834; Вайнахи и имперская власть... С. 109; Записки о Кавказе генерал-лейтенанта кн. А.И. Гагарина // Военный сборник. 1906. № 4. С. 30; *Зиссерман А.Л.* История 80-го пехотного Кабардинского... полка... Т. 2. С. 262, 277, 278; *Окольничий Н.* Перечень... // Военный сборник. 1859. № 5. С. 369; *Юров А.* 1843-й год... С. 176. Присутствие дезертиров также упоминается в записках очевидца: «...Во дворце Шамхала Тарковского пехотные солдаты вынудили из печей только что испеченный нашими беглыми черный хлеб» (Генерал Фрейтаг и его боевые товарищи... С. 832).
- ⁶⁵⁷ ДГСВК. С. 365, 471, 498; Документальная история образования многонационального государства Российского. Кн. 1. Россия и Северный Кавказ в XVI–XX веках. М., 1998. С. 573.
- ⁶⁵⁸ *Абдурахман из Газикумуха.* Книга воспоминаний... С. 102–103.
- ⁶⁵⁹ *Gralewski M.* Kaukaz... S. 292.
- ⁶⁶⁰ *Петров А.* История 83-го пехотного Самурского... полка... С. 162.
- ⁶⁶¹ Даргинская трагедия... С. 147, 473.
- ⁶⁶² *Абдурахман из Газикумуха.* Книга воспоминаний... С. 102; *Волконский Н.А.* Трехлетие в Дагестане. 1847-й год... С. 502; *Гаджиев В.Г.* Шамиль... С. 144; Дневник полковника Руновского... С. 1399; *Руновский А.* Записки о Шамиле... С. 62.
- ⁶⁶³ *Kalinowski K.* Pamiętnik... S. 88, 130–131.
- ⁶⁶⁴ *Чернозубов Ф.Г.* Очерки Терской Старины. I. Побег к непокорным горцам... С. 66.
- ⁶⁶⁵ *Reboul C.* La forteresse de Vnézapné. Scènes de la guerre de Caucase // *Revue des Deux-Mondes.* 1853. Т. 2. P. 367.
- ⁶⁶⁶ *Henze P. B.* Fire and sword in the Caucasus: The 19th century resistance of the north Caucasian mountaineers // *Central Asian Survey.* 1983. Vol. 2. № 1. P. 22; *Our Political Relations with Persia* // *Calcutta Review.* 1849. Vol. XII. № XXIII. P. 55.
- ⁶⁶⁷ *Бушуев С.К.* Государственная система имамата... С. 96; История Дагестана... С. 104; Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия... С. 82; *Warner.* Schamyl... P. 71. Мифический батальон встречаем в «исследованиях» и поныне: *Дадаев Ю.* Об отношении к иноверцам в государстве Шамиля // Актуальные проблемы Кавказской войны и наследие имама Шамиля. Махачкала, 2012. С. 61.
- ⁶⁶⁸ *Халилов А.М.* Национально-освободительное движение... С. 147; *Schamyl and Circassia...* P. 88.
- ⁶⁶⁹ *Barrett T. M.* Lines of Uncertainty: The Frontiers of the Northern Caucasus // *Imperial Russia: New Histories for the Empire.* Bloomington, 1998. P. 166.
- ⁶⁷⁰ *Зиссерман А.Л.* История 80-го пехотного Кабардинского... полка... Т. 3. С. 366; *Marshall A.* The Russian General Staff and Asia, 1800–1917. Abingdon; N. Y., 2006. P. 58–59.
- ⁶⁷¹ *Чернозубов Ф.Г.* Очерки Терской Старины. I. Побег к непокорным горцам... С. 66.
- ⁶⁷² *Ржевуский А.* 1845-й год... // Кавказский сборник. Т. VI. С. 402.
- ⁶⁷³ Даргинская трагедия... С. 369; *Ржевуский А.* 1845-й год... // Кавказский сборник. Т. VI. С. 333; *Эсадзе С.* 1859 – 25.VIII – 1909. Штурм Гуниба... С. 160–161.
- ⁶⁷⁴ *Руновский А.* Записки о Шамиле... С. 63.
- ⁶⁷⁵ Дагестанский историк отмечает: «Среди них редко бывали предатели» (*Дадаев Ю.* Об отношении к иноверцам... С. 63). Это неудивительно, учитывая, что предателями они уже стали, а бегство к своим, с точки зрения Дадаева, определено не является (новым) предательством.
- ⁶⁷⁶ *Дезертиры у Шамиля: Бушуев С.К.* Государственная система имамата... С. 99; *Головлев А.А.* К вопросу о беглых и плененных русских у Шамиля // Истоки и традиции русско-северокавказского боевого содружества в дореволюционном прошлом. Грозный, 1990. С. 38–42 (н. в.); *Даниялов А.Д.* О движении горцев Дагестана и Чечни под руководством Шамиля // Вопросы истории. 1966. № 10. С. 24; *Доного Х.М.* Победит тот, кто владеет Кавказом... С. 244–251; *Дударев С.Л.* О беглых и пленных российских солдатах и казаках у горцев в XIX в. // Истоки и традиции русско-северокавказского боевого содружества в дореволюционном прошлом. Грозный, 1990. С. 42–45 (н. в.); *Лалин В.В.* Армия России в Кавказской войне... С. 252; *Матвеев В.А.* Россия и Северный Кавказ... С. 77–78; *Нечитайлов М.В.* Кавказский «Багадеран»: русские дезертиры на службе у Шамиля // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: VII «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа: Тезисы докладов межрегиональной научной конференции, посвященной 75-летию Ставропольского государственного университета (28–29 октября 2005 г.). Ставрополь, 2005. С. 179–183; *Руновский А.* Записки о Шамиле... С. 61–63; *Садыхов А.Ч.* Формы управления... С. 111–113, 116–117; *Curtis J. S.* The Russian Army... P. 290–292; *Gammer M.* Muslim Resistance to the Tsar... P. 252–254 (самое меньшее, несколько сот дезертиров у Шамиля).
- ⁶⁷⁷ Михаил (Михей) Карчагин (Корчагин; он же Гуляев) из станицы Червленной, один из убийц есаула своей станицы Т.М. Палашкина, у чеченцев принял ислам. В 1854 г. Корчагин был пойман и в начале 1857 г. «повешен за станицей» (*Ткачев Г.А.* Станица Червленная. Исторический очерк. Вып. 1. Владикавказ, 1912. С. 169, 172; *Чернозубов Ф.Г.* Очерки Терской Старины. I. Побег к непокорным горцам... С. 79).

- ⁶⁷⁸ *Ржевуский А.* 1845-й год... // Кавказский сборник. Т. VI. С. 424.
- ⁶⁷⁹ Даргинская трагедия... С. 147–148, 303.
- ⁶⁸⁰ *Румянцев И.Н.* Новые проповедники юридиказма... С. 60.
- ⁶⁸¹ *Гаджиев В.Г.* Роль России... С. 246; *Осада Кавказа...* С. 438. Прим. 1; *Зиссерман А.Л.* Фельдмаршал князь А.И. Барятинский... Т. 1. С. 127–128; *Прозрителев Г.Н.* Из прошлого Северного Кавказа... С. 12; *Твалчредидзе А.* Ставропольская губерния в статистическом, географическом, историческом и сельско-хозяйственном отношениях. Ставрополь, 1897. С. 277; *Чернозубов Ф.Г.* Очерки Терской Старины. I. Побег к непокорным горцам... С. 71–78; *Barrett T. M.* Lines of Uncertainty: The Frontiers of the North Caucasus // *Slavic Review*. 1995. Vol. 54. № 3. P. 593–594.
- ⁶⁸² *Гаджиев В.Г.* Роль России... С. 246; [*Каченовский В.М.*] Из походных записок. Кавказ // Военный сборник. 1866. Т. L. № 7. С. 141–142; *Потто В.А.* История 44-го драгунского Нижегородского... полка... Т. VI. С. 120–129. Ранее в Чир-Юрте поймали «чеченца, оказавшегося беглым русским артиллеристом», соратником Радомцева.
- ⁶⁸³ *Абдурахман из Газикумуха.* Книга воспоминаний... С. 103.
- ⁶⁸⁴ *Ткачев Г.А.* Станица Червленая... С. 169, 174–175; *Чернозубов Ф.Г.* Очерки Терской Старины. I. Побег к непокорным горцам... С. 67.
- ⁶⁸⁵ Из записок князя Амилахвари... // Кавказский сборник. Т. XXVI. С. 56; К. Левый фланг... // Кавказский сборник. Т. XI. С. 328–329.
- ⁶⁸⁶ *Зиссерман А.Л.* История 80-го пехотного Кабардинского... полка... Т. 2. С. 277–278; *Юров А.* 1843-й год... С. 78.
- ⁶⁸⁷ *Богуславский Л.* История Апшеронского полка... Т. II. С. 245–246.
- ⁶⁸⁸ *Берже Ад. П.* Князь М.С. Воронцов. Письма его к кн. В.О. Бебутову... С. 106. Курьезное обстоятельство: в том самом бою *русские* войска потеряли пленными двух нижних чинов!
- ⁶⁸⁹ *Загорский Ив.* Восемь месяцев в плену... С. 227–229.
- ⁶⁹⁰ Известно об одном приказании в кампанию 1845 г., написанном по-немецки, «чтобы, в случае захвата лазутчика неприятелем, находившиеся при Шамиле дезертиры не могли разобрать написанного» (Автобиографические воспоминания В.А. Бельгарда // Русская старина. 1899. Т. 97. № 2. С. 436. Прим. 1).
- ⁶⁹¹ *Вердеревский Е.А.* Плен у Шамиля... Ч. 2. С. 6, 16; *Олейников Д.И.* Шамиль... С. 68. Идрис, родом из «солдатских еврейских детей», будучи горнистом, украл несколько музыкальных инструментов и бежал к Шамилю, «чтобы составить оркестр для увеселения имама», но тот идею не оценил. Идрис принял ислам, выучил язык и стал переводчиком Шамиля (*Румянцев И.Н.* Новые проповедники юридиказма... С. 59–60).
- ⁶⁹² Даргинская трагедия... С. 424; Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи... С. 188.
- ⁶⁹³ Документальная история образования многонационального государства Российского... С. 573; *Ильин П.А.* Из событий на Кавказе... С. 227, 228.
- ⁶⁹⁴ *Абдурахман из Газикумуха.* Книга воспоминаний... С. 107.
- ⁶⁹⁵ *Горюнов [Гагарин].* Воспоминание из Кавказской военной жизни. Рассказ 2-й // Историческая библиотека. 1879. № 9. С. 44.
- ⁶⁹⁶ Из записок Н.В. Исакова // Русская старина. 1917. Т. 169. № 4–6. С. 54.
- ⁶⁹⁷ *Gralewski M.* Kaukaz... S. 278.
- ⁶⁹⁸ *Волконский Н.А.* Трехлетие в Дагестане. 1849-й год... С. 264, прим.; *Петров А.* История 83-го пехотного Самурского... полка... С. 150.
- ⁶⁹⁹ *Дзержинский В. С.* Из Кавказской войны... С. 45.
- ⁷⁰⁰ *Вердеревский Е.А.* Плен у Шамиля... Ч. 1. С. 55. Горцы вообще «очень хорошо знали значение почти всех русских сигналов, и в густых лесах Чечни умели так этим пользоваться, что приводили иногда наши боевые части в большое замешательство» (*Аноев А.А.* Из кавказской старины // Русский архив. 1914. № 1. С. 122).
- ⁷⁰¹ *Абдурахман из Газикумуха.* Книга воспоминаний... С. 102.
- ⁷⁰² *Шульгин С.* Рассказ очевидца о Шамиле... С. 18.
- ⁷⁰³ *Чернозубов Ф.Г.* Очерки Терской Старины. I. Побег к непокорным горцам... С. 65–66.
- ⁷⁰⁴ Или «волонтеров», а то и «русских повстанцев», как их окрестил кто-то из дагестанских авторов. Ни в коем случае речи нет о повстанцах, сравнивать их надлежит именно с наемниками, причем в худших традициях XX – начала XXI вв.
- ⁷⁰⁵ *Клычников Ю.Ю.* Проблема присоединения Кавказа и так называемой Кавказской войны через призму человеческих судеб в трудах исследователей школы В.Б. Виноградова // Кавказоведческая школа В.Б. Виноградова: становление, современность, перспективы. Армавир, 2002. С. 40. Ср.: *Виноградов Б.С.* Л.Н. Толстой на Северном Кавказе // Русские писатели в нашем крае: Сб. ст. Грозный, 1958. С. 92.
- ⁷⁰⁶ Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. XII. Главное Военно-судное управление. Исторический очерк. Ч. II. Кн. I. СПб., 1914. С. 122, 176; *Ульянов И.Э.* Регулярная пехота 1801–1855. М., 1996. С. 201, 204, 205.
- ⁷⁰⁷ *Gammer M.* Shamil's Most Successful Offensive: Daghestan 1843 // *Journal of the Institute of Muslim Minority Affairs*. 1991. Vol. 12. № 1. P. 51.
- ⁷⁰⁸ Автобиографические воспоминания В.А. Бельгарда... С. 414; *Идрисов М.М.* Влияние движения горцев Дагестана и Чечни в 20–50-х годах XIX века на развитие антиколониальной и антифеодальной борьбы на Кавказе: Автореф. дисс. канд. ист. наук. Махачкала, 1993. С. 23–24.
- ⁷⁰⁹ *Шишов А.В.* Схватка за Кавказ. XVI–XX века. М., 2005. С. 313.
- ⁷¹⁰ *Колубакин Б.М.* Кавказская экспедиция в 1845 году... С. 21; *Петров А.* История 83-го пехотного Самурского... полка... С. 133.

⁷¹¹ Толстой В.С. Князь М.С. Воронцов... С. 296; *Curtis J. S. The Russian Army...* P. 291.

⁷¹² Захарова О.Ю. Генерал-фельдмаршал светлейший князь М.С. Воронцов. Рыцарь Российской империи. М., 2001. С. 332.

⁷¹³ АКАК. Т. XII. С. 1167.

⁷¹⁴ Игнатович. Боевая летопись 82-го пехотного Дагестанского... полка... С. 318.

⁷¹⁵ ДГСВК. С. 330.

⁷¹⁶ К. Обзор событий на Кавказе в 1846 году... // Кавказский сборник. Т. XIV. С. 542. Видимо, это первоначальная оценка количества пленных, ее встречаем в письме Воронцова от 30 октября 1846 г. Но уже 9 ноября в письме Бебутову наместник признается: «Вы пишете, что их числом 8...».

⁷¹⁷ Берже Ад.П. Князь М.С. Воронцов. Письма его к кн. В.О. Бебутову... С. 104–106.

⁷¹⁸ ДГСВК. С. 329–330; Даргинская трагедия... С. 473.

⁷¹⁹ Даев Р. А. Кавказская война... С. 99.

⁷²⁰ «Между беглыми солдатами на Гунибе явились некоторые, убеждавшие бежать в лагерь и тем заслужить помилование; но двое изменили товарищам и выдали их Шамилю, который, казнив одного, принял меры к пресечению малейшей возможности кому-нибудь из гарнизона бежать к нам» (*Зиссерман А.* Очерк последних военных действий... С. 37, прим.).

⁷²¹ Алиханов М. В горах Дагестана... С. 311–313, 316.

⁷²² Зиссерман А.Л. Фельдмаршал князь А.И. Барятинский... Т. 2. С. 290.

⁷²³ Покровский Н.И. Кавказские войны... С. 540.

⁷²⁴ Осада Кавказа... С. 587.

⁷²⁵ Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний... С. 96.

⁷²⁶ Kemper M. The Daghestani legal discourse on the Imamate // *Central Asian Survey*. 2002. Vol. 21. № 3. P. 271.

⁷²⁷ Торханов Д. О мухаджирах в Зандаковском наибстве // Терские ведомости. 1868. № 15.

⁷²⁸ Приложения к статье «1844-й год на Кавказе»... С. 380

⁷²⁹ 100 писем Шамиля... С. 255. Переселенческую политику Шамиля западные исследователи окрестили «демографической войной» (*Gammer M.* Vorontsov's Campaign of 1845... P. 82. Not. 14). Сам Шамиль называл «абреками» бежавших к нему из-под контроля России «мирных горцев» (*Дневник полковника Руновского...* С. 1423).

⁷³⁰ Цит. по: *Клычников Ю.Ю.* Военно-политическая обстановка на Северо-Восточном Кавказе в 1840 г. // *Былые годы*. 2010. № 1 (15). С. 25.

⁷³¹ Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний... С. 97.

⁷³² Какое-то время в 1847 г. одним из наибов Чечни (в Аухе) был мухаджир Идрис-эфенди – «кумык, бежавший в 1843 году из Андреевой деревни». «Он был красноречив, но несмел, неповоротлив, нераспорядителен в делах». Его сменил другой мухаджир, Раджаб из Цубутля, до того бывший «старшиной в страже прежнего наива» (*Абдурахман ал-Газикумуки*. Краткое изложение... С. 74; *К. Левый фланг...* // *Кавказский сбор-*

ник. Т. XI. С. 317). Одним из убитых в деле 19 декабря 1848 г. (рейд полковника Веревкина на ауховские аулы) был «абрек» Сулейман-мулла, бежавший «мирный» кумык (*К. Левый фланг...* // *Кавказский сборник*. Т. XI. С. 459).

⁷³³ АКАК. Т. IX. С. 427; Т. X. С. 554.

⁷³⁴ В Рисьоре наибом имам назначил мухаджира Шахумилава из Шаку Газикумухского округа (*Абдурахман из Газикумуха*. Книга воспоминаний... С. 64–65).

⁷³⁵ Наибом Гергебиля был мухаджир Абакар-хаджи из Акуши. «Это был справедливый, богобоязненный и храбрый», но не удачливый на войне человек. Шамиль выбрал Абакара, «так как по происхождению он был родовит и пользовался авторитетом» (*Абдурахман ал-Газикумуки*. Краткое изложение... С. 62).

⁷³⁶ Дадаев Ю.У. Государство Шамиля... С. 158.

⁷³⁷ Абдурахман ал-Газикумуки. Краткое изложение... С. 47.

⁷³⁸ Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев... С. 384.

⁷³⁹ Казем-Бек М.А. Муридизм и Шамиль... С. 217.

⁷⁴⁰ Абдурахман ал-Газикумуки. Краткое изложение... С. 146–147; *Дадаев Ю.У.* Государство Шамиля... С. 157–158; *Магомедов М.Б.* Кавказская война... С. 271; *Шарафутдинова Р.Ш.* Арабские письма... С. 208, 212; *Gammer M.* Muslim Resistance to the Tsar... P. 251–252. Ср.: *Spencer E.* Turkey, Russia, the Black sea, and Circassia. L., 1855. P. 354.

⁷⁴¹ Идрисов М.М. Влияние движения горцев Дагестана и Чечни в 20–50-х годах XIX века... С. 20.

⁷⁴² Мемуары генерала Муса-паши Кундухова (1837–1865) // *Звезда*. 2001. № 8. С. 109.

⁷⁴³ Думанов З.Б. Из истории кабардинского абречества в имамате Шамиля во второй четверти XIX века // *Архивы и общество*. 2007. № 3. С. 87–88.

⁷⁴⁴ АКАК. Т. X. С. 514–515; *Покровский Н.И.* Кавказские войны... С. 476. Прим. 3; *Шарафутдинова Р.Ш.* Арабские письма... С. 220–221; *Gammer M.* Muslim Resistance... P. 251.

⁷⁴⁵ Арабоязычные документы эпохи Шамиля... С. 35.

⁷⁴⁶ «Он был и искренним богомольцем, и умелым организатором в боях, искренне преданным имаму человеком. Он всегда был доброжелателен к народу. Жители Газикумухского округа его боялись. Он неоднократно совершал на них набеги, предавал эти селения огню. Его имя гремело в этом округе. Его считали одним из лучших наибов и любимцев Шамиля» (*Абдурахман из Газикумуха*. Книга воспоминаний... С. 65).

⁷⁴⁷ Абдурахман ал-Газикумуки. Краткое изложение... С. 60; АКАК. Т. X. С. 533; *Богуславский Л.* История Апшеронского полка... Т. II. С. 218; *Зиссерман А.Л.* Фельдмаршал князь А.И. Барятинский... Т. 1. С. 171–172; *Петров А.* История 83-го пехотного Самурского... полка... С. 205–216; *Потто В.А.* Боевая хроника полков 21-й пехотной дивизии... Паг. 3-я. С. 8–9; Паг. 4-я. С. 21; *Солтан В.* Очерк военных действий в Дагестане в 1852... С. 478–479; *Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи...* С. 228; *Шульгин С.Н.* Предание о шамилевском наиве Хаджи-Мурате... С. 60–61; *Gralewski M.* Kaukaz... S. 126.

- ⁷⁴⁸ Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе... Ч. 1. С. 289–291; 100 писем Шамиля... С. 240.
- ⁷⁴⁹ АКАК. Т. IX. С. 734, 740; Юров А. 1844-й год... С. 326. У мятежников было отбито «семь значков с текстами из Корана» (Там же. С. 332).
- ⁷⁵⁰ Бобровский П.О. История 13-го Лейб-гренадерского Эриванского... полка... Ч. 4. С. 413; Волконский Н.А. Трехлетие в Дагестане. 1847-й год... С. 505, 506, 507, 509, 511, 512.
- ⁷⁵¹ «Очень плохо: зерна его неровны, весьма неодинакового цвета и, притом же, чрезвычайно мягки и легко, при малейшем трении, обращаются в мякоть» (*Глиноецкий В.* Поездка в Дагестан... С. 394).
- ⁷⁵² Волконский Н.А. Трехлетие на лезгинской кордонной линии... С. 162, 193, 287, 311; Приложения к статье «1845-й год на Кавказе» // Кавказский сборник. Т. VI. Тифлис, 1882. С. 6; Ржевуский А. 1845-й год... // Кавказский сборник. Т. VII. С. 385.
- ⁷⁵³ Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний... С. 96.
- ⁷⁵⁴ Гаджи-Али. Сказание очевидца... С. 79.
- ⁷⁵⁵ Думанов З. Б. Из истории кабардинского абречества... С. 86.
- ⁷⁵⁶ *Vadem C.* The Ottoman Crimean War (1853–1856). Leiden; Boston, 2010. P. 149–150; *Boratav P.* La Russie dans les Archives ottomanes: un dossier ottoman sur l'imâm Chamil // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1969. Т. 10. № 3–4. P. 524–535; *Köremezli İ.* The Place of the Ottoman Empire in the Russo-Circassian War (1830–1864). M.A. Thesis, Bilkent University, Ankara, 2004. P. 49. Not. 127.
- ⁷⁵⁷ *Köremezli İ.* The Place of the Ottoman Empire... P. 49. Not. 129.
- ⁷⁵⁸ *Gammer M.* Muslim Resistance... P. 251.
- ⁷⁵⁹ АКАК. Т. XI. С. 504.
- ⁷⁶⁰ Гаджи-Али. Сказание очевидца... С. 77.
- ⁷⁶¹ *Gralewski M.* Kaukaz... S. 468.
- ⁷⁶² Вердеревский Е.А. Плен у Шамиля... Ч. 3. С. 15.
- ⁷⁶³ Цит. по: *Асхабалиев Р.Х.* Государство Имамат... С. 122.
- ⁷⁶⁴ *Пашаева Ш.Ю.* Кавказский юридикализм... С. 149.
- ⁷⁶⁵ *Матвеев О.В.* Новые книги о поляках Северного Кавказа // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 5. Краснодар, 2009. С. 282.
- ⁷⁶⁶ *Боголюбов А.А.* Поляки на Северном Кавказе... С. 54.
- ⁷⁶⁷ *Гаджиев Б.И.* Поляки в Дагестане. Махачкала, 2005. С. 28–29.
- ⁷⁶⁸ *Kalinowski K.* Pamiętnik... S. 227. Второе исключение – офицер Русальский.
- ⁷⁶⁹ *Widerszal L.* Sprawy kaukaskie... S. 34, 239.
- ⁷⁷⁰ *Ibid.* S. 35.
- ⁷⁷¹ *Wl-off G.* Souvenirs... P. 174–175. Медали и прокламации Шамиль, вероятно, получал от своих агентов в Черкесии (Зиссерман А.Л. История 80-го пехотного Кабардинского... полка... Т. 3. С. 13).
- ⁷⁷² *Дегоев В.В.* Кавказский вопрос в международных отношениях: 30–60-е гг. XIX века. Владикавказ, 1992. С. 93.
- ⁷⁷³ *Lesure M.* La France et le Caucase à l'époque de Chamil, à la lumière des dépêches des consuls français // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1978. Vol. XIX. № 1–2. P. 28, 40.
- ⁷⁷⁴ Остается загадкой, где дагестанские исследователи нашли сведения о венграх и финнах, дезертировавших из русской армии к Шамилю? Если еще можно хотя бы в теории допустить наличие финнов (причем непременно волонтеров и, значит, офицеров; ведь рекрутские наборы в Финляндии не проводились) в рядах кавказских войск (хотя, как и ливонцы, «вся эта смесь только портила русскую пехоту»), то откуда было там взяться венграм? Последние, в отличие от поляков, подданными России не являлись, а наемниками на русском жалованье в армии императора тогда выступали только сами горцы.
- ⁷⁷⁵ *Зиссерман А.Л.* История 80-го пехотного Кабардинского... полка... Т. 3. С. 327.
- ⁷⁷⁶ *The Hungarian Emigration into Turkey* // Beacon. 1853–1854. P. 10.
- ⁷⁷⁷ *Kirk J. F.* A Supplement to Allibone's Critical Dictionary of English Literature and British and American Authors. Vol. II. Philadelphia, 1892. P. 808; *The New American Cyclopædia.* Vol. IX. N. Y., 1860. P. 79.
- ⁷⁷⁸ *The Evening Star.* Thursday, June 14, 1877.
- ⁷⁷⁹ *Henningsen C. F.* Revelations of Russia. Vol. II. L., 1844. P. 279. При всей фантастичности и откровенной русофобской направленности данного сочинения, определенную (хотя и относительную) ценность имеет раздел, посвященный российской армии.
- ⁷⁸⁰ Только в третьем издании книги встречаем наполненное ошибками изложение карьеры Шамиля (*Henningsen C. F.* Revelations of Russia in 1846. Vol. II. L., 1846. P. 308–310), о существовании которого автор, очевидно, узнал уже после выхода первого издания.
- ⁷⁸¹ *Гаммер М.* Шамиль... С. 355; ДГСВК. С. 529; *Дегоев В.В.* Кавказский вопрос... С. 70; *Widerszal L.* Sprawy kaukaskie... S. 92–96, 108–109.
- ⁷⁸² *Шпаковский А.* Записки старого казака // Военный сборник. 1871. № 11. С. 155–157.
- ⁷⁸³ Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. Нальчик, 2004. С. 372.
- ⁷⁸⁴ *Порада А.М.* Поляки на Кавказе... С. 20.
- ⁷⁸⁵ *Gralewski M.* Kaukaz... S. 555.
- ⁷⁸⁶ Поход 1859 года. Из кавказских воспоминаний В.А. Инсарского. М., 1868. С. 98.
- ⁷⁸⁷ Изложенный в данном разделе материал совершенно не претендует на всесторонний охват темы и предназначен дать лишь общее представление о попытках эмиссаров Шамиля подражать военным институтам имамата в ходе выполнения порученного им эксперимента – создания собственного военно-теократического «государства» на территории Северо-Западного Кавказа.
- ⁷⁸⁸ *Прозрителев Г.Н.* Посольство от Шамиля к Абд-зехам // Дагестанский сборник. Т. 3. Махач-Кала, 1927. С. 125.

⁷⁸⁹ Однако объединение его войск с силами его набоев в Черкесии хотя и неоднократно планировалось, но так и не осуществилось.

⁷⁹⁰ Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война... С. 491; Соколов Д. Хаджи Магомет (Сподвижник Шамиля. Историческая справка) // Кубанский сборник. Т. 11. Екатеринодар, 1904. С. 55, 57; Чирг А.Ю. Общественно-политический строй адыгов Северо-Западного Кавказа (конец XVIII – 60-е гг. XIX в.): Дисс. д-ра ист. наук. Майкоп, 2003. С. 251; Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. II. Екатеринодар, 1913. С. 539.

⁷⁹¹ АКАК. Т. X. С. 415; Лапинский Т. (Тэффик-бей). Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995. С. 212; Прозрителев Г.Н. Посольство от Шамиля... С. 126–129; Ржевуский А. 1845-й год... // Кавказский сборник. Т. VII. С. 433–434, 439–440, 446–447, 459–460, 463–465; Чирг А.Ю. Общественно-политический строй адыгов... С. 255; Щербина Ф.А. История... С. 449, 451, 540.

⁷⁹² Ржевуский А. 1845-й год... // Кавказский сборник. Т. VII. С. 465; Фонвиль А. Последний год войны Черкесии за независимость 1863–1864 гг. Из записок участника-иностранца. Нальчик, 1991. С. 21.

⁷⁹³ Сапетка – мера хлеба, 15 око (одно око равно трем русским фунтам). В 1850 г. для «муртезек» собирали с каждого двора по пять ок пшена и два круга сыра (АКАК. Т. X. С. 682).

⁷⁹⁴ АКАК. Т. X. С. 598, 638, 641 (в 1853 г. «муртезек» выставляли в соотношении: по два со 100 дворов – аулы ближайšie к границе; по пяти – аулы дальние; по десяти – живущие в горах), 684, 686; Аутлев Д.М. Социокультурные особенности военной организации адыгских племен при набе Шамиля Магомета Амине (1848–1859 годы) // Культурная жизнь Юга России. 2008. № 3 (28). С. 138–139; Дроздов И. Обзор военных действий на западном Кавказе с 1848 по 1856 год // Кавказский сборник. Т. X. Тифлис, 1886. С. 550; Лапинский Т. (Тэффик-бей). Горцы Кавказа... С. 95, 217, 218; Мухаммад-Амин и народно-освободительное движение... С. 17, 57, 83, 100; Панеш А.Д. Адыги Северо-Западного Кавказа в системе взаимодействия России с Турцией, Англией и имаматом Шамиля в XIX в. (до 1864): Дисс. д-ра ист. наук. Майкоп, 2007. С. 219–220; Щербина Ф.А. История... С. 542–543.

⁷⁹⁵ Дроздов И. Обзор военных действий... С. 521; Чирг А. Ю. Общественно-политический строй адыгов... С. 284, 289.

⁷⁹⁶ Дроздов И. Обзор военных действий... С. 519, 521; Лапинский Т. (Тэффик-бей). Горцы Кавказа... С. 147–148; Мухаммад-Амин и народно-освободительное движение... С. 83; Фонвиль А. Последний год войны... С. 22; Чирг А.Ю. Общественно-политический строй адыгов... С. 289–290. Деятельность польских наемников в Черкесии 1850-х гг. здесь рассматриваться не будет.

⁷⁹⁷ К. Левый фланг... // Кавказский сборник. Т. IX. С. 426, прим.; Покровский Н.И. Кавказские войны... С. 58. Прим. 1.

⁷⁹⁸ К. Зимняя экспедиция 1852... С. 473; Он же. Обзор событий на Кавказе в 1851 году... // Кавказский сборник. Т. XVIII. С. 142.

⁷⁹⁹ Волконский Н.А. Трехлетие в Дагестане. 1847-й год... С. 542; Двадцать пять лет на Кавказе. Воспоминания А.Л. Зиссермана // Русский архив. 1885. № 4. С. 603–604. Да и «верных лазутчиков иметь весьма трудно» (АКАК. Т. IX. С. 780). «Неточные, а подчас даже ложные сведения много принесли нам вреда в борьбе с Шамилем» (Петров А. История 83-го пехотного Самурского... полка... С. 41). Радовала российские власти при сборе информации только алчность горцев, способствовавшая активному поступлению потока разведанных, хотя и вставал вопрос об их качестве...

⁸⁰⁰ Семенов Н. Туземцы северо-восточного Кавказа. СПб., 1895. С. 78.

⁸⁰¹ Клычников Ю.Ю. Военно-политическая обстановка на Северо-Восточном Кавказе... С. 21.

⁸⁰² И завышать (до полного неверия) потери и численность противника (Чипашвили С.О. Политические лидеры... С. 137–138). В этом отношении горцы демонстрировали полное отсутствие здравого смысла, логики и критического восприятия чисел. Впрочем, вымыслы дагестанских авторов со временем стали восприниматься на Кавказе как непреложный факт. С другой стороны, в нескольких случаях шамилевские историки преувеличивали численность именно собственных войск (в сравнении с российскими данными).

⁸⁰³ Вейденбаум Е. Г. Кавказские этюды. Исследования и заметки. Тифлис, 1901. С. 297; Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе... С. 346; Муханов В.М. Покоритель Кавказа князь А.И. Барятинский. М., 2007. С. 86. Примем во внимание и скрытность имама в отношении состава и численности его армий и подсчета боевых потерь. Так, после одного набега он запретил его участникам говорить о понесенном уроне в людях, угрожая зашить рот такому «рассказчику» (Игнатович. Боевая летопись 82-го пехотного Дагестанского... полка... С. 191).

⁸⁰⁴ Зиссерман А.Л. История 80-го пехотного Кабардинского... полка... Т. 3. С. 58.

⁸⁰⁵ Крачковский И.Ю., Генко А.Н. Арабские письма Шамиля в Северо-Осетии // Советское востоковедение. Т. 3. М.; Л., 1945. С. 51. См. также: Письма виконта Г. Кастильона... С. 106.

⁸⁰⁶ «Точная численность туземных ополченцев редко (а то и вовсе никогда) была достоверно известна, и обычно преувеличивалась» (Baddeley J. The Russian Conquest... P. 417. Not. 2; ср. с переводом: Баддели Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720–1860. М., 2007. С. 298. Прим. 2). Например, в феврале 1844 г. Шамиль послал Омар-бека Башлинского в южный Дагестан «со значительными силами, простирающимися, по словам некоторых лазутчиков, до 7-ми т. чел., при 4-х орудиях, а по словам других – только до 3-х т. чел., при 2-х орудиях» (АКАК. Т. IX. С. 812). Разброс чисел, как видим, внушительный!

⁸⁰⁷ ДГСВК. С. 87–88.

⁸⁰⁸ «Я спросил Шамиля, до какой цифры доходило число его войск в самое счастливое время? Он, немного подумав и рассчитав со своим сыном, отвечал: до шестидесяти тысяч в разных пунктах его владений... Артиллерия у него доходила до ста орудий» (*Казем-Бек М.А. Муридизм и Шамиль...* С. 221–222). Даже в комментарии к новейшему изданию данной статьи отмечено: «Цифра эта несколько преувеличена» (*Казем-Бек М. Муридизм и Шамиль. Махачкала, 1990. Прим. 89*). Тем не менее, ссылка на эти данные встречалась нередко, см.: *Бартольд В.В. Шамиль // Бартольд В.В. Соч. Т. II. Ч. 1. М., 1963. С. 873* («Вооруженные силы Шамиля состояли из 60 тыс. воинов»); *Гаджиев В.Г. Военная организация...* С. 97; *Дадаев Ю.У. Государство Шамиля...* С. 349; *Надеждин П.П. Кавказский край...* С. 402; *Рамазанов А.Х. Россия и Дагестан...* С. 29; и т. д.

⁸⁰⁹ См. подборку цитат из работ различных авторов, приведенную в работе: *Магомедов М.Б. Кавказская война...* С. 220–221. Р.М. Магомедов заметил, что «людей, пригодных воевать, у Шамиля было не много» (*Магомедов Р.М. Шамиль в отечественной истории...* С. 95).

⁸¹⁰ «Группа зарегистрированных лиц на жалованье (войска) составляла, приблизительно, до 60 000 человек, а при народном ополчении, когда нужно было присутствие остальных членов обществ, вменено было обществам в обязанность выходить на войну, сколько бы в каждом доме ни было» (*Книга Асари-Дагестан...* С. 135–136).

⁸¹¹ *Шипов Н. История моей жизни...* С. 18.

⁸¹² *Анчабадзе Г. З. Вайнахи (чеченцы и ингуши). Тбилиси, 2001.*

⁸¹³ *Беляев С. Дневник...* С. 73.

⁸¹⁴ Согласно записке М.Б. Лобанова-Ростовского, «в 1841 г. сделана по Чечне и в горах народная перепись» (*Вайнахи и имперская власть...* С. 82; *Записки о Кавказе...* Гагарина // *Военный сборник. 1906. № 2. С. 37*).

⁸¹⁵ Ф.Ф. Торнау писал: «По понятиям горцев считать людей было не только совершенно бесполезно, но и даже грешно...» (цит. по: *Дзидзария Г.А. Ф.Ф. Торнау и его кавказские материалы. М., 1976. С. 77*).

⁸¹⁶ *Дневник полковника Руновского...* С. 1472.

⁸¹⁷ *Олейников Д.И. Шамиль...* С. 67; *Рамазанов Х.Х., Рамазанов А.Х. Шамиль. Исторический портрет. Махачкала, 1990. С. 9.*

⁸¹⁸ АКАК. Т. IX. С. 335.

⁸¹⁹ *Материалы к истории покорения Восточного Кавказа...* С. 396.

⁸²⁰ *Гржегоржевский И., Ореус И.И. Очерк военных действий и событий на Кавказе. Ф.К. Ключи-фон-Клугенау. 1818–1850 // Русская старина. 1876. Т. 16. № 6. С. 354.*

⁸²¹ *Гржегоржевский И., Ореус И.И. Очерк военных действий и событий на Кавказе...* С. 355; ДГСВК. С. 292–293, 298; *Материалы к истории покорения Восточного Кавказа...* С. 411, 419. Ср.: АКАК. Т. IX. С. 338 (силы Шамиля под Ишкартами 9 июня 1840 г., где имам отступил перед шестью русскими ротами, оценивались

в 8000 чел.); *Юров А. 1840, 1841 и 1842-й годы...* // *Кавказский сборник. Т. X. С. 337, 359.*

⁸²² *Юров А. 1840, 1841 и 1842-й годы...* // *Кавказский сборник. Т. XII. С. 232.*

⁸²³ АКАК. Т. IX. С. 270; *Зиссерман А.Л. История 80-го пехотного Кабардинского... полка...* Т. 2. С. 181; *Юров А. 1840, 1841 и 1842-й годы...* // *Кавказский сборник. Т. XI. С. 213–214.*

⁸²⁴ АКАК. Т. IX. С. 362 (3000 чел. в «шайке» Шамиля); *А.К. Казикумухские и Кюринские ханы // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. II. Тифлис, 1869. Паг. 4-я. С. 35.*

⁸²⁵ АКАК. Т. IX. С. 388; *Бобровский П.О. История 13-го Лейб-гренадерского Эриванского... полка...* Ч. 4. С. 336; *Окольников Н. Перечень...* // *Военный сборник. 1859. № 2. С. 394–395.*

⁸²⁶ *Головин Е.А. Очерк положения военных дел на Кавказе с начала 1838 до конца 1842 года // Кавказский сборник. Т. II. Тифлис, 1877. С. 63; Эсадзе С. 1859 – 25.VIII – 1909. Штурм Гуниба...* С. 124.

⁸²⁷ АКАК. Т. IX. С. 303; *Вайнахи и имперская власть...* С. 85; *Записки о Кавказе...* Гагарина // *Военный сборник. 1906. № 3. С. 16–17.*

⁸²⁸ ДГСВК. С. 416.

⁸²⁹ Очень условная оценка, учитывая в особенности колебания размеров населения наибств.

⁸³⁰ ДГСВК. С. 358.

⁸³¹ АКАК. Т. IX. С. 757–758; *Окольников Н. Перечень...* // *Военный сборник. 1859. № 3. С. 21.*

⁸³² Видимо, оценки занижены: Хаджи-Мурату «начислено» только 1000 чел., тогда как сам он потом считал, что его партия в 1843 г. состояла из 3 тыс. всадников и пехотинцев (*Зиссерман А.Л. Хаджи-Мурат...* С. 671; *Потто В.А. Гаджи-Мурат...* С. 164). *Окольников Н. Перечень...* // *Военный сборник. 1859. № 4. С. 320.*

⁸³³ 28 октября Кебед-Мухаммад возглавлял 5000 чел. (*Окольников Н. Перечень...* // *Военный сборник. 1859. № 5. С. 319*).

⁸³⁴ Известно, что под Гергебиль и Цатаных Шамиль приводил 124 магала (горских общества), каждое со значком (АКАК. Т. IX. С. 787; ДГСВК. С. 465; *Окольников Н. Перечень...* // *Военный сборник. 1859. № 5. С. 330*; *Рассказ бывшего у.-о. Апшеронского полка Самойлы Рябова...* С. 357).

⁸³⁵ *Кампания 1843 г.: АКАК. Т. IX. С. 758, 763, 771, 772, 774, 795; Гаджи-Али. Сказание очевидца...* С. 27, 31 (у Шамиля 11 тыс. воинов под Гергебилем); *Гржегоржевский И., Ореус И.И. Очерк военных действий и событий на Кавказе...* С. 366, 367, 370; ДГСВК. С. 465; *Записки о Кавказе...* Гагарина // *Военный сборник. 1906. № 3. С. 26; Зиссерман А.Л. История 80-го пехотного Кабардинского... полка...* Т. 2. С. 279–280; *Ильин П.А. Из событий на Кавказе...* С. 217, 255, 270; *Окольников Н. Перечень...* // *Военный сборник. 1859. № 3. С. 13, 16–17, 42–43; Он же. Перечень...* // *Военный сборник. 1859. № 4. С. 322; Он же. Перечень...* // *Военный сборник.*

1859. № 5. С. 321; Торнау Ф.Ф. Воспоминания... С. 324, 336; Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи... С. 158, 161–162; Юров А. 1843-й год... С. 55, 61, 64, 71, 75, 81, 95, 144.

⁸³⁶ В квадратных скобках – оригинальные цифры Хурша, которые Гаммер не смог сложить правильно.

⁸³⁷ *Gammer M. Muslim Resistance to the Tsar... P. 142, 143.* См. также его исследование об этой кампании: *Gammer M. Shamil's Most Successful Offensive... P. 45–54.* Примечательно, что в этой, более ранней, статье Гаммер (хотя он уже использовал публикацию Хурша) предлагает более вменяемые оценки для армии имама – в начале кампании 8–10 тыс. чел. и три орудия, включая два трофейных, взятых при разгроме отряда «Василевского», т. е. Веселицкого; под Танусом – столько же людей и пять орудий (*Ibid.* P. 46, 47).

⁸³⁸ Например: *Магомедов М.Б. Кавказская война... С. 161.*

⁸³⁹ *Покровский Н.И. Кавказские войны... С. 95.*

⁸⁴⁰ *Хурш Б. Военная операция в Дагестане в 1843 году // Дугричилов М.М. Сказания о Дагестане. Махачкала, 2000. С. 156–157, 159–162, 164–166, 168, 174–178.* «Многие иностранные авторы, преимущественно русские, ошибочно пишут о муртазехах, как о регулярной армии. Регулярную армию имама составляли мюриды; муртазеки же представляли из себя жандармерию и инструкторский кадр для народных ополчений. Подчинялись они непосредственно Иمامу» (Там же. С. 159). Хурш ссылается на записки гергебильского наиба Идриса-хаджи (убит в 1847 г.) – очередной апокриф. Невзирая на попытки автора продекларировать свое стремление к «правдивому» освещению событий кампании 1843 г., объективностью и сколько-нибудь серьезной достоверностью его статья, к сожалению, не наделена.

⁸⁴¹ *Гаджи-Али. Сказание очевидца... С. 31, 32.*

⁸⁴² *Юров А. 1843-й год... С. 207.*

⁸⁴³ Вайнахи и имперская власть... С. 74, 966. Например, по мнению автора, в октябре–ноябре 1843 г. Шамиль, «вознамерившись нанести нашим войскам решительный удар в Северном и Нагорном Дагестане, собрал три партии в Меските до 19 тыс. пеших и до 6 тыс. конных чеченцев, в Дыбыме [Дылыме] 8 тыс. пеших и в Беной более 30 тыс. тавлинцев (горцев)» (Там же. С. 101).

⁸⁴⁴ *Гаджи-Али. Сказание очевидца... С. 33.*

⁸⁴⁵ АКАК. Т. IX. С. 822–823, 882; *Юров А. 1844-й год... С. 225–226.*

⁸⁴⁶ АКАК. Т. IX. С. 826, 841, 843, 850, 854; *Алиханов М. В горах Дагестана... С. 127–128; Богуславский Л. История Апшеронского полка... Т. II. С. 114; Юров А. 1844-й год... С. 249, 256–257.*

⁸⁴⁷ АКАК. Т. IX. С. 829.

⁸⁴⁸ АКАК. Т. X. С. 371; *Зиссерман А.Л. История 80-го пехотного Кабардинского... полка... Т. 2. С. 412; Обзор военных действий на Кавказе в 1845 году... С. 31; Ржевуский А. 1845-й год... // Кавказский сборник. Т. VI. С. 311.*

⁸⁴⁹ *Осада Кавказа... С. 388.*

⁸⁵⁰ *Ржевуский А. 1845-й год... // Кавказский сборник. Т. VI. С. 457, 476.*

⁸⁵¹ *К. Обзор событий на Кавказе в 1846 году // Кавказский сборник. Т. XV. С. 493, 498, 499.*

⁸⁵² *Гаджи-Али. Сказание очевидца... С. 40; Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи... С. 198 («с семью большими пушками»).*

⁸⁵³ *Baddeley J. The Russian Conquest... P. 417. Not. 2.*

⁸⁵⁴ АКАК. Т. X. С. 528; Выписки из дневника светлейшего князя М.С. Воронцова... С. 6; *Зиссерман А.Л. Хаджи-Мурат... С. 672; К. Обзор событий на Кавказе в 1846 году... // Кавказский сборник. Т. XVI. С. 319; Карякин И. Возражение на статью г. Зиссермана... С. 669 (10 тыс. кавалерии и 8 орудий); Лавров А.Н. Краткое описание боевой жизни и деятельности 77-го пехотного Тенгинского Его Императорского Высочества Великого Князя Алексея Александровича полка. 1700–1900. Тифлис, 1900. С. 89; Мемуары генерала Муса-паши Кундухова... С. 109; *Ольшевский М.Я. Кавказ... С. 143 («с ополчением конных, преимущественно чеченцев, и с шестью орудиями»).* А.Д. Панеш приводит версии о 20-тысячной армии или о 12 тыс. чел. – 4000 конницы и 8000 пеших (*Панеш А.Д. Мюридизм и борьба адыгов Северо-Западного Кавказа за независимость (1829–1864 гг.). Майкоп, 2006. С. 71.*)*

⁸⁵⁵ *К. Обзор событий на Кавказе в 1846 году... // Кавказский сборник. Т. XVI. С. 323.*

⁸⁵⁶ ДГСВК. С. 507.

⁸⁵⁷ Полезное предостережение тем, кто поверит в рассказ Шамиля (две переметных сумы на лошади – «все мое походное имущество») спустя восемь лет (*Вердеревский Е.А. Плен у Шамиля... Ч. 3. С. 12.*) 30 августа 1858 г., после разгрома под Назранью, у Шамиля была отбита палатка «с походною его кроватью и кухонною посудой» (*Дидимов К. Экспедиция в Чанты-Аргунское ущелье... С. 276.*)

⁸⁵⁸ *К. Обзор событий на Кавказе в 1846 году // Кавказский сборник. Т. XVII. Тифлис, 1896. С. 178–179.*

⁸⁵⁹ АКАК. Т. X. С. 426–427; *Арутюнов Ф. Гомборцы... С. 60.*

⁸⁶⁰ АКАК. Т. X. С. 432, 433, 436, 438, 439; *Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе... Ч. 2. С. 137.* Ср. с мнением участника боя при Кутешах: 7000 у Шамиля и 3000 кавалерии у Хаджи-Мурата, спешившего на помощь имаму (*Каченовский В. М. Былое. (Очерки из кавказской жизни.) // Военный сборник. 1862. Т. XXVIII. С. 470.*)

⁸⁶¹ АКАК. Т. X. С. 452.

⁸⁶² *Игнатович. Боевая летопись 82-го пехотного Дагестанского... полка... С. 67; Волконский Н.А. Трехлетие в Дагестане. 1847-й год... С. 517–518, 528; Гаммер М. Шамиль... С. 256.*

⁸⁶³ АКАК. Т. X. С. 455, 461, 466, 467; *Алиханов М. В горах Дагестана... С. 85; Волконский Н.А. Трехлетие в Дагестане. 1847-й год... С. 558–559, 567, 571, 620; Овладение укрепленным аулом Салты в Дагестане в 1847 году. Б.М., 1847. С. 4, 11–12, 45, 47; *Gralewski M. Kaukaz... S. 270–271.**

⁸⁶⁴ Волконский Н.А. Трехлетие в Дагестане. 1847-й год... С. 669, 672.

⁸⁶⁵ АКАК. Т. X. С. 475; Волконский Н.А. Трехлетие в Дагестане. 1848-й год... С. 495; Удовик В.А. Воронцов... С. 339.

⁸⁶⁶ Ахмедов М. Т. Южный Дагестан в первой половине XIX века: исследование процесса присоединения к России и борьбы его народов против колонизаторской политики царизма: Автореф. дисс. канд. ист. наук. Махачкала, 2000. С. 25; Волконский Н.А. Трехлетие в Дагестане. 1848-й год... С. 545, 550, 597; Гаджи-Али. Сказание очевидца... С. 42; ДГСВК. С. 578, 580; Осада Кавказа... С. 535; Приложения к запискам генерала от артиллерии Э.В. Бриммера... С. 375; Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи... С. 180–181.

⁸⁶⁷ АКАК. Т. X. С. 495; Волконский Н.А. Трехлетие в Дагестане. 1849-й год... С. 263, 294; Гаджи-Али. Сказание очевидца... С. 43; Ислабдулаев М.А. Участие андалальцев в Кавказской войне... С. 105, 113.

⁸⁶⁸ Игнатович. Боевая летопись 82-го пехотного Дагестанского... полка... С. 112; Ольшевский М.Я. Кавказ... С. 189.

⁸⁶⁹ Гаджи-Али. Сказание очевидца... С. 45.

⁸⁷⁰ Арутюнов Ф. Гомборцы... С. 130, 133; Из записок князя Амилахвари... // Кавказский сборник. Т. XXVI. С. 49, 50, 53; Ольшевский М.Я. Кавказ... С. 221; Письма князя М.С. Воронцова к А.П. Ермолову // Русский архив. 1890. № 4. С. 442.

⁸⁷¹ АКАК. Т. X. С. 517; Алиханов М. В горах Дагестана... С. 135; Арутюнов Ф. Гомборцы... С. 145; Бозулавский Л. История Апшеронского полка... Т. II. С. 212, 216; К. Обзор событий на Кавказе в 1851 году... // Кавказский сборник. Т. XVIII. С. 151, 154, 166; Петров А. История 83-го пехотного Самурского... полка... С. 196.

⁸⁷² Волконский Н.А. Погром Чечни... С. 125; Зиссерман А.Л. История 80-го пехотного Кабардинского... полка... Т. 3. С. 120; ДГСВК. С. 608. По сведениям лазутчиков, Шамиль привел до 25 тыс. чел. (Бакланов Я.П. Моя боевая жизнь. (Записки Войска Донского генерал-лейтенанта Якова Петрова Бакланова, написанные собственною его рукою) // Русская старина. 1871. Т. 3. № 1. С. 10). Именно в этом сражении «неприятель подбил ядром колесо орудия, которым командовал фейерверкер граф Л.Н. Толстой. «Если бы дуло пушки, из которой вылетело ядро, на 1/1000 линии было отклонено в ту или другую сторону, я был бы убит, и меня бы не было», – вспоминал в 1906 г. сам Толстой (Попов П.С. Формулярный список Л.Н. Толстого // Л.Н. Толстой: К 120-летию со дня рождения. (1828–1948). Т. II. М., 1948. С. 188. Прим. 5). Не повезло...

⁸⁷³ Ольшевский М.Я. Кавказ... С. 258.

⁸⁷⁴ Гаджи-Али. Сказание очевидца... С. 53; Егоров М. Действия наших войск в Чечне с конца 1852 года по 1854 год // Кавказский сборник. Т. XVI. Тифлис, 1895. С. 394, 398; Зайончковский А.М. Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. II. Ч. 1. СПб., 1913. С. 226. Согласно Зиссерману, на Мичике Шамиль собрал всего до 10 тыс. гор-

цев с пятью орудиями (Зиссерман А.Л. Фельдмаршал князь А.И. Барятинский... Т. 1. С. 260; Он же. История 80-го пехотного Кабардинского... полка... Т. 3. С. 152–153, 158).

⁸⁷⁵ АКАК. Т. XI. Тифлис, 1888. С. 951.

⁸⁷⁶ Зиссерман А.Л. История 80-го пехотного Кабардинского... полка... Т. 3. С. 162. Действительно, «религиозный фанатизм в 50-х годах потерял уже отчасти свой острый характер». «Увлечение проходило понемногу».

⁸⁷⁷ Богуславский Л. История Апшеронского полка... Т. II. С. 223; Дзерожинский В.С. Из Кавказской войны... С. 31, 34, 44; Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе... Ч. 2. С. 192; Казбек Г. Военная история Грузинского гренадерского Его Императорского Высочества Великого Князя Константина Николаевича полка, в связи с историей Кавказской войны. Тифлис, 1865. С. 177; Порембский С. Вторжение Шамиля в жаро-белаканский округ в 1853 году // Кавказский сборник. Т. XI. Тифлис, 1887. С. 501, 510; Солтан В. Очерк военных действий в Дагестане в 1852... С. 508.

⁸⁷⁸ Дневник полковника Руновского... С. 1444; Казем-Бек М.А. Муридизм и Шамиль... С. 222.

⁸⁷⁹ Баратов Н.Н. Описание нашествия скопищ Шамиля на Кахетию в 1854 году // Кавказский сборник. Т. I. Тифлис, 1876. С. 262; *Badem C. The Ottoman Crimean War...* P. 202–203. Not. 281.

⁸⁸⁰ Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи... С. 233.

⁸⁸¹ Вердеревский Е.А. Плен у Шамиля... Ч. 1. С. 13; Солтан В. Очерк военных действий в 1854... С. 568.

⁸⁸² Властов Г.К. Война в Большой Чечне... С. 6, 55.

⁸⁸³ Николаи Л.П. Эпизод из Кавказской войны... С. 176, 178.

⁸⁸⁴ Зиссерман А.Л. История 80-го пехотного Кабардинского... полка... Т. 3. С. 180, 186; Кавказская старина. Выписки из дневника... [Т. 1.] Паг. 4-я. С. 46; *Wl-off G. Souvenirs...* P. 191–192.

⁸⁸⁵ АКАК. Т. XII. С. 1100; Зиссерман А.Л. История 80-го пехотного Кабардинского... полка... Т. 3. С. 300; К. Д. Дело под Ачхоем и Акиюртом // Военный сборник. 1865. Т. XLI. С. 126; *Baddeley J. The Russian Conquest...* P. 469.

⁸⁸⁶ Волконский Н.А. 1858 год в Чечне... С. 498, 513; Дидимов К. Экспедиция в Чанты-Аргунское ущелье... С. 266.

⁸⁸⁷ АКАК. Т. XII. С. 1123–1124; Зиссерман А.Л. История 80-го пехотного Кабардинского... полка... Т. 3. С. 317.

⁸⁸⁸ АКАК. Т. XII. С. 1128; Ведень // Военный сборник. 1859. № 4. С. 549.

⁸⁸⁹ Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний... С. 157; АКАК. Т. XII. С. 1136, 1137; Выдержки из записок Абдурахмана... С. 27; Милютин Д.А. Воспоминания. 1856–1860. М., 2004. С. 315; Муханов В.М. Покоритель Кавказа... С. 90.

⁸⁹⁰ Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний... С. 164, 166; Алиханов М. В горах Дагестана... С. 316; Дюного Х.М. Победит тот, кто владеет Кавказом... С. 230; Зиссерман А.Л. История 80-го пехотного Кабардинского... полка... Т. 3. С. 356, 361, 366; Милютин Д.А. Вос-

поминания. 1856–1860... С. 380; Осада Кавказа... С. 576; *Покровский Н.И.* Кавказские войны... С. 540; *Филиппов В.* Несколько слов о взятии Гуниба и пленении Шамиля. (Составлено по запискам и со слов генерала Лазарева) // Военный сборник. 1866. Т. XLIX. С. 131 (численность мюридов и гунибцев значительно завышена); *Шульгин С.* Рассказ очевидца о Шамиле... С. 20; *Эсадзе С.* 1859 – 25.VIII – 1909. Штурм Гуниба... С. 192 (400 мюридов). Даниял-султан «уговорил 27-го июля всех беглых жителей (абреков) из Закатал, Нухи и других мест, в числе до 500 человек, не переселяться на Гуниб... лишив этим Шамиля возможности усилить гарнизон Гуниба» (*Филиппов В.* Несколько слов... С. 124).

⁸⁹¹ *Бушуев С.К.* Борьба горцев за независимость... С. 124; Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия... С. 71.

⁸⁹² *Дроздов И.* Обзор военных действий... С. 564, прим. ⁸⁹³ *Gralewski M.* Kaukaz... S. 468.

⁸⁹⁴ Ср.: История народов Северного Кавказа... С. 155; *Dodd G.* Pictorial History of the Russian War 1854–5–6. Edinburgh; L., 1856. P. 125.

⁸⁹⁵ *Линевиц И.П.* Карта горских народов, подвластных Шамилю // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. VI. Тифлис, 1872. Паг. 2-я. С. 3–4; *Садыхов А.Ч.* Формы управления... С. 208–209.

⁸⁹⁶ *Бушуев С.К.* Государственная система имамата... С. 96; *Он же.* К биографии Шамиля... С. 119; *Гаджиев В.Г.* Военная организация... С. 95; *Дадаев Ю.У.* Государство Шамиля... С. 349.

⁸⁹⁷ *Бобровский П.О.* История 13-го Лейб-гренадерского Эриванского Его Величества полка за 250 лет. 1642–1892. Ч. 5. СПб., 1898. С. 54; *Зиссерман А.Л.* История 80-го пехотного Кабардинского... полка... Т. 3. С. 244; *Крачковский И.Ю., Генко А.Н.* Арабские письма Шамиля... С. 45–46; *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1856–1860... С. 72.

⁸⁹⁸ *Кныш А.* *Shāmīl*... P. 286.

⁸⁹⁹ *Крачковский И. Ю., Генко А. Н.* Арабские письма Шамиля... С. 46.

⁹⁰⁰ АКАК. Т. XII. С. 1089, 1093, 1099. Ср.: когда войска Слепцова проникли вглубь Малой Чечни, в верховья рек Валерик и Шалаж, местный наиб Алхан обратился за помощью к Шамилю, и тот прислал в декабре 1851 г. 300 человек пеших и 150 конных шубутовцев, под начальством наиба Батока (*К.* Обзор событий на Кавказе в 1851 году // Кавказский сборник. Т. XIX. Тифлис, 1898. С. 38).

⁹⁰¹ Материалы к истории покорения Восточного Кавказа... С. 392.

⁹⁰² История, география и этнография Дагестана... С. 290–291.

⁹⁰³ *Абдурахман Газикумухский.* Как наши люди выходили на джихад... С. 25; *Богуславский Л.* История Апшеронского полка... Т. II. С. 208. Прим. 2; *Дневник полковника Руновского...* С. 1452; *К.* Обзор событий на Кавказе в 1846 году... // Кавказский сборник. Т. XIV. С. 499.

⁹⁰⁴ АКАК. Т. IX. С. 270; Вайнахи и имперская власть... С. 82; Записки о Кавказе... Гагарина // Военный сборник. 1906. № 2. С. 37; № 3. С. 18; *Н.В.* 1840, 1841 и 1842-

й годы... // Кавказский сборник. Т. XIII. С. 345, 348; *Юров А.* 1840, 1841 и 1842-й годы... // Кавказский сборник. Т. X. С. 280, 288, 312; *Он же.* 1840, 1841 и 1842-й годы... // Кавказский сборник. Т. XI. С. 201, 204, 208, 217; *Янжул М.А.* 80 лет боевой и мирной жизни 20-й артиллерийской бригады... С. 440.

⁹⁰⁵ *Колюбакин Б.М.* Кавказская экспедиция в 1845 году... С. 22; *Ржевуский А.* 1845-й год... // Кавказский сборник. Т. VI. С. 417.

⁹⁰⁶ ДГСВК. С. 514; *Зиссерман А.Л.* История 80-го пехотного Кабардинского... полка... Т. 3. С. 7; *К.* Обзор событий на Кавказе в 1846 году // Кавказский сборник. Т. XV. С. 464–465. Столько же всадников (300 чел., с 3 или 4 знаками) привел ауховский наиб в 1852 г. (*Зиссерман А.Л.* История 80-го пехотного Кабардинского... полка... Т. 3. С. 139, 143).

⁹⁰⁷ *К.* Левый фланг... // Кавказский сборник. Т. IX. С. 426.

⁹⁰⁸ *Игнатович.* Боевая летопись 82-го пехотного Дагестанского... полка... С. 64. Прим. 79.

⁹⁰⁹ АКАК. Т. IX. С. 813.

⁹¹⁰ *Волконский Н.А.* Трехлетие на лезгинской кордонной линии... С. 174.

⁹¹¹ АКАК. Т. X. С. 475; *Волконский Н.А.* Трехлетие в Дагестане. 1848-й год... С. 496, 500; *Игнатович.* Боевая летопись 82-го пехотного Дагестанского... полка... С. 89.

⁹¹² Статистические сведения по Андийскому округу за 1873 и 1874 годы, и сравнительная таблица военных сил края до и после покорения Дагестана... С. 20–29.

⁹¹³ *Крачковский И.Ю., Генко А.Н.* Арабские письма Шамиля... С. 46–47.

⁹¹⁴ *Gralewski M.* Kaukaz... S. 222.

⁹¹⁵ *Дадаев Ю.У.* Государство Шамиля... С. 370–371; *Магомедов М.Б.* Кавказская война... С. 227; *Рамазанов А.Х.* Россия и Дагестан... С. 33; Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия... С. 80. См.: *Чипашвили С.О.* Политические лидеры... С. 184, 226. Но если заменить в панегириках «Европу» на «Южную Америку», а «Наполеона Бонапарта» на какого-нибудь мексиканского генерала времен Аламо, в сравнении появится определенный и даже глубокий смысл...

⁹¹⁶ *Бушуев С.К.* Борьба горцев за независимость... С. 123; *Надеждин П.П.* Кавказский край... С. 403 («Шамиль вел партизанскую войну, но с удивительной ловкостью»); *Шульгин С.* Рассказ очевидца о Шамиле... С. 18; *Baddeley J.* The Russian Conquest... P. 365.

⁹¹⁷ АКАК. Т. XII. С. 1286.

⁹¹⁸ Осада Кавказа... С. 209. Горская тактика являлась частью их воинской культуры, так горцы воевали веками.

⁹¹⁹ При штурме неприступного аула Гимры (1832 г.) «горцы смеялись над русскими и глядя на них говорили, что только дождевые потоки могут их занести в Гимры» (*Смирнов А.* История 65-го пехотного Московского Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича полка. 1642–1700–1890. Варшава, 1890. С. 370).

- ⁹²⁰ АКАК. Т. VIII. С. 590; Т. IX. С. 862.
- ⁹²¹ Лавров А.Н. Краткое описание боевой жизни и деятельности 77-го пехотного Тенгинского... полка... С. 91.
- ⁹²² Вайнахи и имперская власть... С. 83; Записки о Кавказе... Тагарина // Военный сборник. 1906. № 2. С. 37.
- ⁹²³ Вердеревский Е.А. Плен у Шамиля... Ч. 3. С. 16–17.
- ⁹²⁴ Казбек Г. Военная история Грузинского гренадерского... полка... С. 171.
- ⁹²⁵ К. Левый фланг... // Кавказский сборник. Т. X. С. 493–494.
- ⁹²⁶ Герштейн Э.Г. Судьба Лермонтова. М., 1986. С. 181; Лермонтов М.Ю. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 219; Мануйлов В.А. Новые материалы об участии М.Ю. Лермонтова в войне на Кавказе в 1840 году. (По воспоминаниям К.Х. Мамацева) // Труды Ленинградского библиотечного института. Т. II. Л., 1957. С. 243, 244; Семенов Л.П. Лермонтов на Кавказе... С. 108; Юров А. 1840, 1841 и 1842-й годы... // Кавказский сборник. Т. X. С. 304.
- ⁹²⁷ Дзержинский В. С. Из Кавказской войны... С. 42–43.
- ⁹²⁸ Осада Кавказа... С. 542.
- ⁹²⁹ Ливенцов М. Воспоминания о службе на Кавказе в начале сороковых годов. (Извлечения из дневника) // Русское обозрение. 1894. № 6. С. 600.
- ⁹³⁰ «Чеченцы отличались ростом, статностью, красотой, богатством одежды и вооружения; лезгинцы же были приземисты, широкоплечи, некрасивы, бедно одеты, но вооружены хорошо, чрезвычайно грубы, даже свирепы на вид» (Вердеревский Е.А. Плен у Шамиля... Ч. 1. С. 51).
- ⁹³¹ «Чеченец в лесах, тавлинцы в горах соответственно храбр. Тавлинцы больше действуют массами пешими и конными, особенно при обороне или нападении на укрепление; чеченец действует больше в одиночку с соколиной стремительностью...» (Kalinowski K. Pamiętnik... S. 216–217).
- ⁹³² Казбек Г. Военная история Грузинского гренадерского... полка... С. 171 (записка Д.В. Пассека).
- ⁹³³ Дондуков-Корсаков А.М. Мои воспоминания. 1845–1846 гг. // Старина и Новизна. 1903. Кн. 6. С. 120.
- ⁹³⁴ Лермонтов М.Ю. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 224.
- ⁹³⁵ История, география и этнография Дагестана... С. 282.
- ⁹³⁶ А. О. Рубка леса // Военный сборник. 1860. № 11. С. 103–105; Дидимов К. Экспедиция в Аргунское ущелье с 15-го января по 18-е апреля 1858 года // Военный сборник. 1859. № 7. С. 91; Юров А. 1840, 1841 и 1842-й годы... // Кавказский сборник. Т. X. С. 306.
- ⁹³⁷ Угринович К. Краткий обзор... С. 171–172.
- ⁹³⁸ Казбек Г. Военная история Грузинского гренадерского... полка... С. 171; Краткий очерк Кавказского края в военном отношении... Л. 138; Романовский Д. Кавказ и Кавказская война... С. 208–212.
- ⁹³⁹ Костенецкий Я. Записки... С. 79.
- ⁹⁴⁰ Ольшевский М.Я. Кавказ... С. 108–109.
- ⁹⁴¹ Милютин Д.А. Описание... С. 62.
- ⁹⁴² Бобровский П.О. История 13-го Лейб-гренадерского Эриванского Его Величества полка за 250 лет. 1642–1892. Ч. 3. СПб., 1893. С. 61; Гизетти А.Л. Сборник сведений о георгиевских кавалерах... С. 69; Дубровин Н.Ф. История войны... С. 614–618; Жизнеописание генерала от кавалерии Эммануэля... С. 340; Казбек Г. Военная история Грузинского гренадерского... полка... С. 171–172.
- ⁹⁴³ Гемер М. Государство Шамиля... С. 40. О горской тактике также см.: Дегоев В.В. Имам Шамиль... С. 188–189; Клычников Ю.Ю. Даргинская экспедиция 1845 г. // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 2. Армавир, 2003. С. 186, 187; Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия... С. 80–82 (очерк не лишен ошибок и больше напоминает панегирик Шамилю).
- ⁹⁴⁴ АКАК. Т. X. С. 438; Игнатович. Боевая летопись 82-го пехотного Дагестанского... полка... С. 58; Богуславский Л. История Апшеронского полка... Т. II. С. 162–163; Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи... С. 201; Эсадзе С. 1859 – 25.VIII – 1909. Штурм Гуниба... С. 177.
- ⁹⁴⁵ Волконский Н.А. Трехлетие в Дагестане. 1847-й год... С. 563; Овладение укрепленным аулом Салты... С. 13; Удовик В.А. Воронцов... С. 333.
- ⁹⁴⁶ Генерал Фрейтаг и его боевые товарищи... С. 820.
- ⁹⁴⁷ ДГСВК. С. 364–366, 368, 461, 466; Зиссерман А.Л. История 80-го пехотного Кабардинского... полка... Т. 2. С. 262, 314; Краткий очерк Кавказского края в военном отношении... Л. 140; Окольничий Н. Перечень... // Военный сборник. 1859. № 3. С. 22–23; Рассказ бывшего у.-о. Апшеронского полка Самойлы Рябова... С. 357–359.
- ⁹⁴⁸ Волконский Н.А. Война на восточном Кавказе... // Кавказский сборник. Т. XIII. С. 228, 322; Жизнеописание генерала от кавалерии Эммануэля... С. 310, 338. Аршин – 71,12 см. Сажень – 213 см.
- ⁹⁴⁹ АКАК. Т. IX. С. 786; ДГСВК. С. 463; Зиссерман А.Л. История 80-го пехотного Кабардинского... полка... Т. 2. С. 254–255; Юров А. 1843-й год... С. 139.
- ⁹⁵⁰ Служба ширванца. 1726–1909 г. Б. М., б. г. С. 84.
- ⁹⁵¹ Дзержинский В.С. Из Кавказской войны... С. 55.
- ⁹⁵² Мортира была единственным орудием у Шамиля – только его он смог «через горы перевезти к Ахтам». Орудие это делало не более 20-ти выстрелов, взорвав пороховой погреб, и было подбито 17-го августа (Приложения к запискам генерала от артиллерии Э.В. Бриммера... С. 414).
- ⁹⁵³ Волконский Н.А. Трехлетие в Дагестане. 1848-й год... С. 586–591; Осада Кавказа... С. 549–550; Приложения к запискам генерала от артиллерии Э.В. Бриммера... С. 378–382, 387–388, 420–421.
- ⁹⁵⁴ Дзержинский В.С. Из Кавказской войны... С. 43–45.
- ⁹⁵⁵ Окольничий Н. Перечень... // Военный сборник. 1859. № 5. С. 321–322; Торнау Ф.Ф. Воспоминания... С. 338–339.
- ⁹⁵⁶ Климан Ф., фон. Война на восточном Кавказе... // Кавказский сборник. Т. XVII. С. 363, 371.
- ⁹⁵⁷ АКАК. Т. VIII. С. 553; ДГСВК. С. 112–113; Материалы к истории покорения Восточного Кавказа... С. 125–126.

⁹⁵⁸ Ржевуский А. 1845-й год... // Кавказский сборник. Т. VI. С. 449.

⁹⁵⁹ Казбек Г. Военная история Грузинского гренадерского... полка... С. 171. Пересказ «Записки» Пассека полкомья см.: Генерал-майор князь Илья Дмитриевич Орбельян // Кавказцы, или Подвиги и жизнь замечательных лиц, действовавших на Кавказе. Вып. 13–14. СПб., 1858. С. 36–41.

⁹⁶⁰ Приложения к статье «Три года на Кавказе» // Кавказский сборник. Т. IX. Тифлис, 1885. С. 22.

⁹⁶¹ Петров А. История 83-го пехотного Самурского... полка... С. 210.

⁹⁶² См., например: Юров А. Три года... // Кавказский сборник. Т. VIII. С. 68.

⁹⁶³ Капонир – оборонительное сооружение, обычно на дне рва, для ведения продольного флангового огня.

⁹⁶⁴ На котором тот стоял – правый берег Андийско-го-койсу.

⁹⁶⁵ Гизетти А.Л. Сборник сведений о георгиевских кавалерах... С. 53. В замке находились три фальконета (Богуславский Л. История Апшеронского полка... Т. I. С. 467).

⁹⁶⁶ Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе... С. 404; Костенецкий Я. Записки... С. 90.

⁹⁶⁷ Костенецкий Я. Записки... С. 73.

⁹⁶⁸ Дюма А. Кавказ. Тбилиси, 1988. С. 59; *Bodenstedt F. Les Peuples de Caucase...* P. 563–564; *Hommaire de Hell X. Situation des Russes dans le Caucase...* P. 29.

⁹⁶⁹ См. о ней: *Gammer M. A Switzer in the Caucasus: Faesy's Campaigns in Chechnia and Daghestan* // *Middle Eastern Studies*. 1994. Vol. 30. № 3. P. 671–676. Генерал-майор К.К. Фези получил следующий чин в апреле 1838 г.

⁹⁷⁰ АКАК. Т. IX. С. 335; Богуславский Л. История Апшеронского полка... Т. I. С. 498; ДГСВК. С. 197, 209; Милютин Д.А. Описание... С. 73–74; Олейников Д.И. Шамиль... С. 64; Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи... С. 92; Юров А. Три года... // Кавказский сборник. Т. IX. С. 41–42.

⁹⁷¹ АКАК. Т. X. С. 451–452, 466; Волконский Н.А. Трехлетие в Дагестане. 1847-й год... С. 519–521, 526, 533–534; Из записок Н.В. Исакова. Кавказские воспоминания // *Русская старина*. 1917. Т. 169. № 3. С. 329, 332; Овладение укрепленным аулом Салты... С. 3; Петров А. История 83-го пехотного Самурского... полка... С. 33–34.

⁹⁷² Волконский Н.А. Трехлетие в Дагестане. 1848-й год... С. 494–495.

⁹⁷³ Гаджи-Али. Сказание очевидца... С. 43; Исалабдулаев М.А. Участие андалальцев в Кавказской войне... С. 108–109.

⁹⁷⁴ Богуславский Л. История Апшеронского полка... Т. II. С. 204; Петров А. История 83-го пехотного Самурского... полка... С. 176–177.

⁹⁷⁵ К. Левый фланг... // Кавказский сборник. Т. IX. С. 436–437.

⁹⁷⁶ К. Зимняя экспедиция 1852... С. 490–491.

⁹⁷⁷ АКАК. Т. XII. С. 1136; Бобровский П.О. История 13-го Лейб-гренадерского Эриванского... полка... Ч. 5.

С. 80–81; Зиссерман А.Л. История 80-го пехотного Кабардинского... полка... Т. 3. С. 326–327.

⁹⁷⁸ АКАК. Т. X. С. 506–507; Зиссерман А.Л. История 80-го пехотного Кабардинского... полка... Т. 3. С. 94; Он же. Фельдмаршал князь А.И. Барятинский... Т. 1. С. 102–103; К. Легучий отряд... С. 388–389; Ольшевский М.Я. Кавказ... С. 195.

⁹⁷⁹ Берже Ад.П. Князь М.С. Воронцов. Письма его к князю В.О. Бебутову // *Русская старина*. 1873. Т. VII. № 5. С. 692.

⁹⁸⁰ К. Обзор событий на Кавказе в 1851 году... // Кавказский сборник. Т. XXI. С. 43.

⁹⁸¹ Низам Шамиля... С. 10; О гражданских, военных и духовных постановлениях Шамиля... С. 213.

⁹⁸² Руновский А. Шамиль... С. 57.

⁹⁸³ О гражданских, военных и духовных постановлениях Шамиля... С. 213.

⁹⁸⁴ Волконский Н.А. Трехлетие в Дагестане. 1849-й год... С. 279; Дневник полковника Руновского... С. 1478.

⁹⁸⁵ 100 писем Шамиля... С. 138.

⁹⁸⁶ Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи... С. 219 (оборона Чоха).

⁹⁸⁷ Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи... С. 242–244.

⁹⁸⁸ Стреллок Н.Н. Из дневника старого кавказца // *Военный сборник*. 1870. № 11. С. 193.

⁹⁸⁹ Арутюнов Ф. Гомборцы... С. 77; Волконский Н.А. Трехлетие в Дагестане. 1847-й год... С. 578; Овладение укрепленным аулом Салты... С. 22.

⁹⁹⁰ АКАК. Т. IX. С. 843 (Нейдгардт оценивал эту позицию как одну «из самых крепчайших»).

⁹⁹¹ Ольшевский М.Я. Кавказ... С. 95.

⁹⁹² АКАК. Т. IX. С. 862.

⁹⁹³ Юров А. 1844-й год... С. 248–250.

⁹⁹⁴ Арутюнов Ф. Гомборцы... С. 124. «Особенно Чох он укрепил весьма искусно...» (Зиссерман А.Л. История 80-го пехотного Кабардинского... полка... Т. 2. С. 255).

⁹⁹⁵ Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний... С. 149.

⁹⁹⁶ Зиссерман А.Л. История 80-го пехотного Кабардинского... полка... Т. 3. С. 244.

⁹⁹⁷ Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний... С. 115, 160.

⁹⁹⁸ *Kramers J. H. Mudir* // *Encyclopaedia of Islam*. Vol. VII. Leiden; N. Y., 1993. P. 290.

⁹⁹⁹ Абдурахман ал-Газикумуки. Краткое изложение... С. 147, 156; АКАК. Т. X. С. 503; Алиханов М. В горах Дагестана... С. 346–351, 410; Выдержки из записок Абдурахмана... С. 24; Гаджи-Али. Сказание очевидца... С. 26–27; ДГСВК. С. 408, 483; Дневник полковника Руновского... С. 1424, 1456; Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе... С. 94; Книга Асари-Дагестан... С. 141; Линевиц И.П. Карта горских народов... С. 1–2; Маркова О.П. Восточный кризис... С. 230; Милютин Д.А. Воспоминания. 1856–1860... С. 72; Низам Шамиля... С. 2; Олейников Д. «Возьми, если можешь...» // *Родина*. 1994. № 3–4. С. 28; Покровский Н.И. Мюридизм

у власти... С. 72–73; Садыхов А.Ч. Формы управления... С. 120–121; Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи... С. 147–151; *Bodenstedt F.* Les Peuples de Caucase... P. 563–564; *Dulaurier E.* La Russie dans la Caucase... P. 316; *Gammer M.* The Imam and the Pasha... P. 340.

¹⁰⁰⁰ Абдурахман Газикумухский. Как наши люди выходили на джихад... С. 24.

¹⁰⁰¹ *Kalinowski K.* Pamiętnik... S. 214.

¹⁰⁰² АКАК. Т. X. С. 495; Богуславский Л. История Апшеронского полка... Т. II. С. 200–201; Волконский Н.А. Трехлетие в Дагестане. 1849-й год... С. 295, прим.; Зиссерман А.Л. История 80-го пехотного Кабардинского... полка... Т. 3. С. 58; Петров А. История 83-го пехотного Самурского... полка... С. 163.

¹⁰⁰³ Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе... Ч. 1. С. 336.

¹⁰⁰⁴ Дадаев Ю.У. Государство Шамиля... С. 370; *Gilles F.* Lettres sur le Caucase... P. 134.

¹⁰⁰⁵ Торнау Ф.Ф. Воспоминания... С. 284.

¹⁰⁰⁶ Из записок Н.В. Исакова // Русская старина. 1917. Т. 171. № 7–9. С. 5; *Wagner M.* Travels in Persia, Georgia and Koordistan. Vol. I. L., 1856. P. 205.

¹⁰⁰⁷ АКАК. Т. X. С. 526.

¹⁰⁰⁸ Зиссерман А.Л. Фельдмаршал князь А.И. Барятинский... Т. 1. С. 348; ШССТАК. С. 381. По уверениям Даниял-султана, к 1853 г., вопреки мнению европейцев, «50-ти тысяч войска» имам не имел, «а казны его не хватало на сформирование и третьей части этой силы» (Приложения к статье «1845-й год на Кавказе»... С. 9).

¹⁰⁰⁹ *Merlieux E.* Les Princesses russes prisonnières au Caucase... P. 85.

¹⁰¹⁰ Лапинский Т. (Тэффик-бей). Горцы Кавказа... С. 251. Прим. 1.

¹⁰¹¹ *Badem C.* The Ottoman Crimean War... P. 152.

¹⁰¹² *Lesure M.* La France et le Caucase à l'époque de Schamil... P. 26.

¹⁰¹³ Соллогуб В.А. Год военных действий за Кавказом... С. 32.

¹⁰¹⁴ АКАК. Т. XI. С. 955–956.

¹⁰¹⁵ АКАК. Т. X. С. 526, 527; Зиссерман А.Л. Хаджи-Мурат... С. 670–671.

¹⁰¹⁶ Вердеревский Е.А. Плен у Шамиля... Приложения. С. 16; [Bünting.] A Visit to Schamyl... P. 16. Любопытно сравнить эту зарисовку из жизни с необоснованными высказываниями, как то: «В армии имамата отсутствовали применяемые в царской армии грубость и рукоприкладство» (Рамазанова Б.Ш. Социально-педагогическая значимость социальной политики в имамате Шамиля: Дисс. канд. пед. наук. Махачкала, 2006 (рукопись). С. 103).

¹⁰¹⁷ Костенецкий Я. Записки... С. 95–96.

¹⁰¹⁸ В английском переводе с немецкого оригинала – «серебряными звездами или медалями...».

¹⁰¹⁹ В английском переводе с немецкого оригинала добавлено – «черные или коричневые».

¹⁰²⁰ Вердеревский Е.А. Плен у Шамиля... Приложения. С. 14, 16; [Bünting.] A Visit to Schamyl... P. 12, 17–18.

¹⁰²¹ Около 5000 всадников (Вердеревский Е.А. Плен у Шамиля... Ч. 3. С. 44).

¹⁰²² Вердеревский Е.А. Плен у Шамиля... Приложения. С. 19; [Bünting.] A Visit to Schamyl... P. 23. Примечательно (часто цитируемое) утверждение о порядке в строю горцев. Но не стоит заблуждаться: не будучи регулярной армией, войска Шамиля не могли (да и не имели необходимости) поддерживать этот порядок в строю на марше и тем более в бою.

¹⁰²³ Вердеревский Е.А. Плен у Шамиля... Приложения. С. 14.

¹⁰²⁴ *Merlieux E.* Les Princesses russes prisonnières au Caucase... P. 163.

¹⁰²⁵ АКАК. Т. XI. С. 61.

¹⁰²⁶ Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний... С. 68.

¹⁰²⁷ АКАК. Т. XII. С. 1051.

¹⁰²⁸ Волконский Н.А. Лезгинская экспедиция... С. 298. Серые и белые лошади – фактически одно и то же.

¹⁰²⁹ Из записок князя Амилахвари... // Кавказский сборник. Т. XXVII. С. 229, 260.

¹⁰³⁰ Абдурахман Газикумухский. Как наши люди выходили на джихад... С. 25.

¹⁰³¹ Однако встречалась нередко и упряжка в 8 лошадей (см. выше), например, в 1846 г. (АКАК. Т. X. С. 583; К. Обзор событий на Кавказе в 1846 году // Кавказский сборник. Т. XVII. С. 179), и даже всего в четыре лошади (Волконский Н.А. 1858 год в Чечне... С. 537).

¹⁰³² В-ий А. Воспоминания... С. 341–342.

¹⁰³³ ДГСВК. С. 342. По словам К.И. Прушановского, горцы «беспрекословно... собираются и идут, куда значат; дают лошадей, ишаков, чуреки по первому требованию, и неисполнение приказаний имама считают естественным грехом» (цит. по: Халилов А.М. Национально-освободительное движение... С. 119).

¹⁰³⁴ Schamyl and Circassia... P. 87 = *Wagner Fr.* Schamyl... S. 64 (цит. по: Кандур М. Мюридизм... С. 92).

¹⁰³⁵ «...Когда 10-го числа прошел наш отряд, то, праздную победу, весь вечер и ночь горцы с криком и песнями доканчивали и мучили наших раненых» (Осада Кавказа... С. 476).

¹⁰³⁶ Волконский Н.А. Лезгинская экспедиция... С. 328; Петров А. История 83-го пехотного Самурского... полка... С. 117. «Горцы для поругания выставляли кости наших. Они вообще нашего похороненного выбрасывали из могилы и по кустам развешивали на деревьях, чтоб клевала птица» (Прозрителев Г.Н. Из прошлого Северного Кавказа... С. 14). «...Трупы наших убитых... они всегда откапывали и предавали поруганию, а отрезанные руки представляли наibaм, за что получали награды» (Шабанов Д.Ф. История лейб-гренадерского Эриванского Его Величества Александра Николаевича полка. Ч. II. Тифлис, 1871. С. 209).

¹⁰³⁷ Этого просто не замечают многие нынешние авторы, например: «...Военное строительство в имамате так и осталось уникальной попыткой создать полноценные вооруженные силы» (Рамазанов А.Х. Россия и Дагестан... С. 36).

¹⁰³⁸ Сравнение «государств джихада» Шамиля и Абд ал-Кадира: *Kemper M. The Changing Images of Jihad Leaders: Shamil and Abd al-Qadir in Daghestani and Algerian // Nova Religio: The Journal of Alternative and Emergent Religions. 2007. Vol. 11. № 2. P. 35–36.*

¹⁰³⁹ Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. СПб., 2005. С. 394.

¹⁰⁴⁰ Об употреблении этого титула см.: *Gammer M. Imam Shamil and Shah Mohammed... P. 176.*

¹⁰⁴¹ *Ракович Д.В. Тенгинский полк на Кавказе... С. 290.*

¹⁰⁴² Ср.: *Латин В.В. Армия России в Кавказской войне... С. 103.*

¹⁰⁴³ *Руновский А. Записки о Шамиле... С. 130.*

¹⁰⁴⁴ «Шамиль был в высшей степени деятелен; сильный, здравый и хитрый ум его работал неустанно; каждое слово его производило громадный успех и вполне достигало цели среди подвластных ему племен», пока «звезда его блестела ярко» (*Волконский Н.А. Трехлетие в Дагестане. 1847-й год... С. 490*). «...Нельзя не признать, – писал историк Кавказской войны, – что Шамиль действовал в высшей степени умно и расчетливо; он извлек из недоступности гор и приверженности горцев все средства для упорной обороны и так искусно ими пользовался» (*Эсадзе С. 1859 – 25.VIII – 1909. Штурм Гуниба... С. 108*).

¹⁰⁴⁵ *Николай I. Записка. 1844–1845 гг. // Россия в Кавказской войне. Вып. 3. СПб., 1997. С. 96.*

¹⁰⁴⁶ *Фадеев Р. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860. С. 57.*

¹⁰⁴⁷ *К. Левый фланг... // Кавказский сборник. Т. XI. С. 309; Кавказская старина. Выписки из дневника... [Т. 1.] Паг. 4-я. С. 43–44; Краткий очерк Кавказского края в военном отношении... Л. 110.*

¹⁰⁴⁸ *Волконский Н.А. Лезгинская экспедиция... С. 220.*

¹⁰⁴⁹ В этом деле, как утверждает рапорт генерал-майора Д.В. Пассека, были девять набобов: «Кибит-Магома Тилитинский, Мамед-кадий Акушинский, Аслан-кадий Цудахарский, Тедро Аймякинский, Муса-Балаканский, Али-Магома Гимринский, Гоцатинский, Карахский и Андалальский, с скопичем из своих племен от Кайтага до Андийского Койсу, всего 27 500, с 2-мя полевыми орудиями». Но генерал (с типичным для не-

го красноречием) зависил численность неприятеля раза в три. Впрочем, даже с учетом приписок, горцы представляли серьезную силу: генерал от инфантерии А.Н. Лидерс, начальник Пассека, оценивал войска противника в 10 тыс. чел., с 50 значками и одним орудием (АКАК. Т. IX. С. 837, 838; *Вранкен А. Дело при Гилли, 3-го Июля 1844 года. Одно из дел Генерал-Майора Пассека // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. 1846. Т. 59. № 235. С. 280; Генерал-майор Диомид Васильевич Пассек // Кавказцы, или Подвиги и жизнь замечательных лиц, действовавших на Кавказе. Вып. 3–4. СПб., 1857. С. 16; ДГСВК. С. 477–478; Эсадзе С. 1859 – 25.VIII – 1909. Штурм Гуниба... С. 148*). Из захваченных значков семь были подарены ротам Апшеронского пехотного полка, «и с этими значками, как рассказывают старожилы полка, роты, даже в последние годы военных действий на Кавказе, постоянно ходили в походы» (*Потто В.А. Боевая хроника полков 21-й пехотной дивизии... Паг. 1-я. С. 21*).

¹⁰⁵⁰ *Юров А. 1844-й год... С. 269.*

¹⁰⁵¹ *Властов Г.К. Война в Большой Чечне... С. 5–6.*

¹⁰⁵² *Николай Л.П. Эпизод из Кавказской войны... С. 168.*

¹⁰⁵³ *Абдурахман Газикумухский. Как наши люди выходили на джихад... С. 25–26.*

¹⁰⁵⁴ А.А. Баженов. (Из Кавказских воспоминаний А.А. Черткова) // *Русский архив. 1881. № 3–4. С. 219.*

¹⁰⁵⁵ *Dodd G. Pictorial History... P. 125; Duncan C. A Campaign with the Turks in Asia. Vol. I. L., 1855. P. 217.* Например, в деле 6 ноября 1857 г. горцы не могли устоять на открытой местности перед атаками даже Дагестанского конно-иррегулярного полка (*Козубский Е.И. История Дагестанского конного полка... С. 183–185*).

¹⁰⁵⁶ АКАК. Т. X. С. 439.

¹⁰⁵⁷ *Егоров М. Действия наших войск в Чечне... С. 399.*

¹⁰⁵⁸ *Товсултанов Р.А. Чечня в годы Кавказской войны // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 6. С. 69.*

¹⁰⁵⁹ *Дневник полковника Руновского... С. 1450; Ильин П.А. Из событий на Кавказе... С. 242; Латин В.В. Армия России в Кавказской войне... С. 84–85; Gilles F. Lettres sur le Caucase... P. 117.*

Серия: «Ратное дело»

*Алексей Кругов
Максим Нечитайлов*

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ ИМАМАТА
ГОРЦЕВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (1829–1859 гг.)

Научный редактор серии: *А.В. Малов*

Макет и обложка: *В.А. Передерий*

Художник: *Ю.М. Юров*

Верстка: *М.Е. Кузнецова*

Корректор: *Ю.В. Хамзина*

Фонд «Русские Витязи»

Россия, 125009, Москва,

Нижний Кисловский переулок, д. 6, стр. 1.

Тел.: +7 (495) 690-27-98; тел./факс: +7 (495) 690-32-81

fsark@yandex.ru; fsa12@yandex.ru

aerospaceproject.ru; русские-витязи.рф

Исполнительный директор: *Ю.М. Желтоногин*

Главный редактор: *О.Г. Леонов*

Руководитель издательских и медиа-проектов: *С.А. Попов*

Тираж 1000 экз.

Формат 84 × 108/16

11 печ. листов

*Имам Шамиль на коне. Портрет кисти Н.Е. Сверчкова.
(Дагестанский музей изобразительных искусств имени П.С. Гамзатовой)*

Книги серии «Ратное дело» посвящены войнам, сражениям, походам и осадам в первую очередь в истории России. Особое внимание уделяется слабоизученным или вовсе неизвестным военным событиям. Серия обращена прежде всего к широкому кругу читателей — любителей военной истории и истории Отечества, но будет интересна и профессионалам. Подобная универсальность достигнута благодаря привлечению к работе над серией ведущих специалистов-историков. С одной стороны, это позволило гарантировать оригинальность и качество содержания книг. С другой — авторы серии взяли на себя труд рассказать об описываемых событиях доступным повествовательным языком

Нечитайлов Максим Владимирович, родился в г. Невинномыске (1979). Окончил исторический факультет Ставропольского государственного университета, защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме: «Военно-бытовая повседневность солдат и офицеров Кавказского корпуса (1817–1864 гг.): материальный аспект» (2005). Работает в Северо-Кавказском федеральном университете, г. Ставрополь (старший научный сотрудник Управления организации научных исследований). Область научных интересов: военно-политическая история античности, Средневековья и Нового времени, в том числе — история Российской армии и ее восточных противников в XVIII–XIX вв. Автор более 130 статей и изданий по истории, униформологии, военной истории, краеведению, вышедших в России и за рубежом, а также монографий «Ставрополь глазами иностранцев» (в соавторстве с А.И. Круговым; 2011), «Наемники в английской армии: Столетняя война» (в соавторстве с А.Н. Купченко-Гринчуком; 2013) и «Мусульманское завоевание Испании» (в соавторстве с С.В. Крыловым; 2015).

Кругов Алексей Иванович (1959, Пермь). Историк, выпускник Ставропольского государственного педагогического института, кандидат исторических наук. Работает в Северо-Кавказском федеральном университете, г. Ставрополь (доцент кафедры истории России). Автор свыше 100 статей по истории, краеведению, военной истории, опубликованных в российских и зарубежных изданиях, а также монографий «Ставропольский край в истории России (конец XVIII – XX век)» (2001) и «Крестьянское хозяйство России в конце XIX – первой четверти XX в. (на материалах Ставрополья, Кубани, Дона)» (2008). Сфера научных интересов – история Юга России в XIX–XX вв.

РУССКИЕ КНИЖКИ